

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

—•—
ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМедиа»
2010

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О времени, о Норильске, о себе... Книга 11 /
О-33 Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,
2010. — 640 с.: ил.

ISBN 978-5-89180-073-1

ББК 84-4

*Любое использование материалов издания
«О времени, о Норильске, о себе...», полностью
или частично, без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-89180-073-1

© Составление. Касабова Г.И., 2010

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2010

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Книга одиннадцатая издания «О времени, о Норильске, о себе...» вышла в свет в год 75-летия Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Завенягина — ныне Заполярного филиала горно-металлургической компании «Норильский никель». Воспоминания норильчан — это коллективно написанная история градообразующего предприятия, которое уже в 40-х годах занимало центральное место в никелевой промышленности, а перед ликвидацией Норильлага (1956 год) комбинат произвел 15 950 тонн никеля, то есть почти треть от общесоюзного производства (РГАЭ, ф. 9022, оп. 1, д. 1703, л. 1, об. 112).

Эта книга продолжает общую для всех книг тему: жизнь человека в Заполярье в самые трудные годы Советской страны. С 1935 года все в Норильском промышленном районе было подчинено одному — строительству горно-металлургического комбината. Все участники этого жестокого исторического процесса стали невольны, по Р. Киплингу, людьми одной крови. «Норильчанин» — это слово звучит как пароль, значит «свой», знаком с ним или нет. Об этом подумала, вспомнив удививший меня телефонный звонок с вопросом: почему стала собирать и издавать воспоминания норильчан? Для Йохана Хельбека Москва оказалась промежуточным пунктом на его пути в США, где он живет. Он не сразу догадался позвонить в издательство «ПолиМЕдиа», чей телефон был в каждой книге издания, и потому начал с места в карьер:

— Скоро за мной придет машина, я уже должен ехать в аэропорт. Начал читать вашу книгу, мучаюсь вопросом: почему вы издаете эти книги, как у вас это все началось?

И хотя Йохан Хельбек очень торопился, я все же спросила, в чем же его интерес? Предположила, что он тоже пишет книгу...

— Да, — тут же ответил Хельбек. — Моя первая книга вышла на английском языке под названием «Революция в моем сознании»...

— Хорошая тема!

— Я вас прошу, ответьте: почему Норильск, почему воспоминания?

Я сказала, что журналистка, что на Крайний Север приехала в конце 1976 года, а покинула Норильск под Новый год через 20 лет. Всерьез историей заинтересовалась в Москве в клубе норильчан «69 параллель», когда встретилась с первостроителями города. Их рассказы — это интересные исторические хроники не только развития Норильского промышленного района. Ведь каждый пишет свою родословную. У многих она оборвалась в 1917 году, они начинают ее как бы с чистого листа... Так коллективно мы пишем историю Норильска...

— Как жаль, что мне неправильно продиктовали ваш телефон... А машина за мной уже пришла.

Йохан Хельбек извинился, поблагодарил за разговор и простился. Я про него узнать ничего не успела. Но в Интернете нашла его фамилию и выяснила, что он немец по происхождению, доктор исторических наук, профессор государственного университета штата Нью-Джерси. Судя по тому, как Хельбек владеет русским, и по названию его книги, он бывший наш соотечественник. Позже снова из Интернета узнала, что он собирает материал для книги о Сталинградской битве, для чего в мае 2009 года побывал в Волгограде.

Революция в сознании человека... Были ли такие примеры в поселении-лагере? Это французское слово означает «коренной и быстрый переворот в государственном и общественном строе страны, обыкновенно сопровождаемый вооруженной борьбой» (см.: Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона). Применительно к сознанию главными остаются слова

«коренной и быстрый переворот». Пожалуй, к большинству тех, чьи воспоминания опубликованы, больше подходит понятие «эволюция», а не революция сознания, несмотря на экстремальные обстоятельства их жизни. Впрочем, ответ на вопрос «революция или эволюция» может быть только индивидуальным...

А теперь примеры из далекого прошлого. В город-лагерь Норильск в послесталинское время прибыли двести молодых специалистов Московского института цветных металлов и золота имени М.И. Калинина (позже институт стали и сплавов). Из них 70 % — девчонки. Дипломированных специалистов сразу назначили на инженерные должности. Как рассказала Людмила Петровна Алексеева-Берденникова, одна из этих двухсот, она начала работать в очень сложное время: предстояло привести в порядок нормы труда и оплату рабочего времени в соответствии с кодексом о труде и заработной плате. До сих пор заключенные работали не сколько положено, а сколько надо. Иногда к здравому смыслу бесправных людей приближала только туфта — приписывали столько, сколько требуется для получения пайки, сохраняющей жизнь.

Людмила Петровна три смены вела хронометраж рабочих часов, издала методическое пособие, чтобы стимулировать учебу рабочих.

Время было нервное, конфликтное. Однажды в день зарплаты к Л.П. Берденниковой ворвался очень возбужденный мужчина — не получил ни копейки! Все знали, что он в Норильске на вечном поселении, у него семья, недавно ребенок родился. Он сказал ей: «Мне терять нечего, за плечами два убийства, я пришел вас, нормировщика, убить». При этом он плотно закрыл за собой дверь. Людмила Петровна так рассказала о том, что было дальше:

«Я перебила его и от страха стала объяснять ситуацию, посмотрела его табель. Он начал прислушиваться ко мне, и тогда я говорю: «Идите за мной!» Быстро побежала по лестнице к начальнику цеха и

торопливо объяснила ему, что, пока кассир на месте, надо дать человеку деньги, потом все уладим. Он согласился, я выбежала к рабочему, сказала, что это машиносчетная станция ошиблась (она только начала работать!), и пригласила его в кассу... Мужчина успокоился, ушел домой с деньгами.

Спустя месяц я увидела его у выхода. Меня, девочку, назвал Петровной, поблагодарил и сказал: «Можешь гулять в Норильске в любое время суток, никто тебя не тронет». И начальник цеха меня похвалил: «Ты не только мудрая, но и смелая». А настоящий страх ко мне пришел только потом, когда мысленно стала перебирать случившееся. Вообще-то бойцовские качества и педантизм в делах — это мое. Жизнь заставила. Люблю порядок во всем. Я потом учила рабочих соблюдать свою финансовую выгоду. Выдала им книжечки, где были указаны разряд, проработанные часы. Качество работы напрямую должно было влиять на их зарплату. Помню, что в 1955 году цех электролиза никеля выполнял план всего на 50 % — было от чего взбунтоваться рабочим. Однажды они взяли меня в разъяренное кольцо.

— Минутку, мужики! — потребовала я. — Я не лагерный нормировщик! Я руководствуюсь Кодексом законов о труде. При невыполнении плана вам оплачивается 75 % тарифа. Давайте в следующем месяце компенсируем неполученное, — и рассказала, как и что надо сделать, разложила перед ними документы... Убедила! С тех пор и другие рабочие стали звать меня Петровной. Позже, к слову, производительность труда выросла, в том числе и за счет того, что наконец-то увеличили расценки на обслуживание одной ванны... Это было приближение к здравому смыслу.

Почувствовала, что в своем коллективе кое-чего добилась, и как-то расслабилась... И зря! Вскоре пришла пора профвзносы сдавать. Выскочила на улицу — пуржит. Пробираюсь вдоль снегозащитных щитов и слышу: «Поберегись!» Охрана ведет колонну заключенных. Человек с ружьем, замыкающий ее,

спросил: «Не тронули?» — «Что вы, даже не посмотрел никто!» — «Это же мои — 58-я, интеллигенты». И он очень строго приказал мне: «Одна больше никогда не ходи! Да еще в пургу!» Прибежала в местком, увидели меня, побледнели: «Одна пришла?» И я окончательно поняла, что в Норильске нельзя расслабляться. Это было через два года после восстания заключенных».

Эту запись я сделала по телефону. Позже об этом подробнее Людмила Петровна рассказала студентам института стали и сплавов на презентации очередной книги нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...». Тогда я еще раз убедилась, что норильские годы кардинально влияют на жизнь человека, но чаще это эволюция, а не революция его сознания... Решила проверить это суждение, сверив его с жизнью Людмилы Петровны Берденниковой. И не ошиблась...

В свой первый рабочий день в цехе электролиза никеля она обратила внимание на голый склон горы Шмидтихи и на ряды одноэтажных домов. Ей сказали, что это лагеря. «Как же тут детей не любят, — возмутилась она, — ведь роза ветров гонит туда все вредные выбросы ЦЭНа». Спутник на эти слова удивился так же, как и она его ответу: «Это лагеря заключенных». Так она впервые столкнулась с концлагерями в своей стране.

Главное зло и горе для ее семьи заключалось в войне с фашистами. Погибли ее отец, бабушкины братья. Ее мать осталась с тремя детьми в коммуналке на тринадцати квадратных метрах. С 14 лет Людмила работала, училась в ремесленном училище, одновременно с 7-го по 10-й класс в вечерней школе. Поступила в институт и сразу решила, что попросит направление на север: мечтала вытащить семью из нищеты. У нее ни на что не было времени — ни на общение со сверстниками, ни на отдых хотя бы во дворе. Единственное, в чем она себе не отказывала, — в пении в художественной самодеятельности в училище, школе, институте.

Впервые увидев лагеря, потом столкнувшись в работе с заключенными в Норильске, она поняла, насколько они бесправны, и кинулась защищать их интересы из-за сострадания к ним и чувства справедливости. Как специалист, не ограничилась помощью одному человеку, а постаралась как бы примирить интересы заключенных с администрацией, ведь все на производстве было подчинено выполнению плана в первую очередь, остальное — потом.

«Бойцовский характер спасал меня в сложных ситуациях, — считает Людмила Петровна. — Однажды ко мне подошел литовец, скромный пожилой человек. Он работал в ремонтно-строительной конторе при цехе, получил только аванс, окончательный расчет за месяц ему не произвели. Оказалось, что он (мастер — золотые руки!) по заказу начальника другого цеха делал детскую кроватку. Это было привычное и частое для него дело, ведь тогда в Норильске никакую мебель нигде нельзя было купить — все делали сами. Пошла узнавать и выяснила, что якобы случайно его как работающего в цехе не оформили. А ведь он не сам принимал заказ. На партхозактиве я выступила против такой практики. Зачем химичить? Мы имеем право на подобные заказы, надо на законных основаниях оказывать услуги сторонним организациям. Не все меня поддержали. А потом я узнала, что у меня и противники нашлись: мол, пора приструнить ее, говорить стала много... Но Александр Иванович Аристов, директор никелевого завода, вступился за меня и даже назвал меня «наша совесть». И я приободрилась от его поддержки, а то бы точно приструнили... Это у нас умеют!»

К счастью, репрессии не коснулись семьи Алексеевых, о них Людмила Петровна узнала, когда началась массовая реабилитация репрессированных. Оказалось, их столько вокруг! Она не подозревала, что это и главный инженер проекта рудно-термических печей Николай Андреевич Комнатный. Его

осудили по 58-й статье за связь с иностранкой — со своей женой! Она чешка. А начальник нормативной станции при ОТиЗе получил срок за обновление портрета Сталина, когда он увидел, что старый снимок стоил всего-то 30 копеек: «Как дешево он стоил!» Он тогда был председателем колхоза, а о том, что эта фраза написана в доносе, узнал только при пересмотре своего дела...

Жизнь Людмилы Петровны Берденниковой отражает защитный житейский практицизм многих людей. Она сама считает, что это от бабушки, придерживавшейся старой веры. «Главное — сама будь чистой!» — учила она внучку. А мама, большевичка ленинского призыва, когда умер Сталин, отнеслась к этому более чем спокойно. На похороны дочь не отпустила и однокурсникам не посоветовала идти. Отговорила Людмилу и от вступления в партию. И тоже, как бабушка, сказала, что главное — самому быть честным и праведным человеком. В семье не принято было много говорить, все трудно и много работали, чтобы выжить... Когда дочка Люся, вынужденная спать на окне маленькой комнатки, слышала, как по ночам воронок забирал из их дома в Замоскворечье людей, она понимала, что нельзя задавать об этом вопросы.

Невольно вспоминается четверостишие замечательного поэта Валентина Берестова:

День настал. И вдруг
 стемнело.
Свет зажгли. Глядим в окно.
Снег ложится белый-белый...
Отчего же так темно?

В этих четырех строках настроение нескольких поколений советских людей. У многих почти одинаково начиналась трудовая жизнь в военные и послевоенные годы. Александра Исаевна Михайлина

ушла на фронт с третьего курса института. Всю войну до Победы была радисткой. Зачетную книжку все эти годы носила в планшете. В 1948 году по распределению приехала на Норильский комбинат. Десять молодых специалистов дружно ходили до воронка, чтобы доехать до ремзавода. Восемь раз они выходили на мороз показывать документы на восьми вахтах, когда, бывало, ветер сбивал с ног. Эта дорога всем запомнилась больше всего. Поначалу молодежь обещала в ДИТРе. Потом сдали два дома, и Александра Исаевна въехала в комнату в коммуналке.

В последние годы XX века мы не раз бывали на улице Новаторов в московской однокомнатной квартире Александры Исаевны. Мы гоняли чай и слушали ее рассказы. Она уже ходила с палочкой, плоховато видела, но когда вспоминала норильские годы, молодела и веселела на наших глазах.

«Мы вот так же собирались за столом — ели, пили, было весело! Я тогда попробовала калмыцкий чай. Его заваривают кипящим молоком с солью, салом или маслом. В нашей компании никто пить его так и не научился, кроме нас с Магомедом Мурсаловичем Куреевым (он наполовину чеченец, наполовину ингуш). Лук, картошка, капуста — все сухое в форме больших кругов. Готовили с американской тушенкой. Китайская свинина пахла рыбой, мы ее не любили. На зиму нам выдавали по 6 килограммов корюшки, она огурцами пахла. Черную, красную икру, крабы (спасибо ленд-лизу!) мы не считали деликатесами, даже кошки крабов не ели...

Нас всему (и житейским делам) учили репрессированные специалисты, очень деликатно они нас опекали. В Норильске во всем своя специфика, а уж в производстве приходилось приноравливаться не только к климату, ведь чуть ли не все в Норильске начинали с нуля...

Потом я замуж вышла. Николая посадили на 5 лет после убийства Кирова, когда ему было двад-

цать. Родом он из Коломны, вернуться туда не разрешили, остался в Норильске — на 28 лет. Очень рано умер, в 50 лет. Я в 44 года осталась вдовой с двумя детьми. Вспоминаю, как первенец мой родился. Тогда ведь мать могла сидеть дома с ребенком совсем немного — мне довелось шесть недель. Дальше — как хочешь выкручивайся. Я летом пять месяцев (а в Норильске шутят, что 12 месяцев зима, остальное лето) с грудным ребенком на руках ездила в переполненной воронке на работу — сейчас представить такое невозможно. В техотделе дочь разворачивала и шла на совещание, например, или еще куда. Мои сотрудницы сидели с ребенком. Я к тому времени уже начальником БРИЗа (бюро рационализации и изобретательства) была. Не боги горшки обжигают, сказали мне при назначении.

Сейчас спрашиваю себя: как это мы при очень тяжелой жизни еще находили силы для веселья и радости? После пурги вырезали кубы снега и на санях вывозили их в тундру. И все это женщины делали. Мужчинам другие трудности на производстве доставались... Часто заключенные и вольнонаемные работали рядом, да и условия их жизни иногда ничем не отличались... Мы не считали политэков преступниками — все трудились на износ! И все равно я благодарна Норильску за свою судьбу. Наверное, это понять невозможно — это надо пережить! Ведь что главное? Плохо, трудно жили, но люди **не саморазрушались** от этого, они сопротивлялись плохому и преодолевали трудное. Понимали, что лагерная система не может быть приспособлена для блага людей. **Здесь все хорошее — «вопреки».** Да что лагерная система! Я на войне в бронепоезде радисткой сидела на корточках, иногда аккумулятор (а это 90 кг) приходилось поднимать. Сама не знаю как».

Александра Исаевна Михайлина считала, что без опыта житья в коммунальной квартире (11 семей!) она не стала бы человеком, а без норильской школы —

профессионалом. Сорок лет несколько поколений ее семьи жили в коммуналке. Когда мама пекла, она ставила на окно тазик с пирожками. Поскольку они жили в полуподвале, прохожие иногда соблазнялись пирожком, мама всегда говорила в таких случаях: «Угощайтесь, не стесняйтесь!» Александра Исаевна привычно жила в коммуналке и в Норильске, и даже когда получила долгожданную двухкомнатную квартиру, одну комнату уступила друзьям-молодоженам.

Мне кажется, в Норильске у людей быстрее очищались мозги от пропагандистской шелухи, здесь скорее возвращались к здравому смыслу и человечности. Были, конечно, и те, кто внутренне остался верным всему советскому, и даже тоскующие по новому Сталину... Тут уж ни убавить, ни прибавить...

Книга одиннадцатая издания «О времени, о Норильске, о себе...», как и предыдущие, дает читателю большие возможности для размышлений о прошлом Норильска. Его невозможно представить без двух историографов — Т.Я. Гармаша и А.Л. Львова. О Трофиме Яковлевиче мы подробно расскажем в книге двенадцатой нашего издания и опубликуем часть его первой книжки, которая до сих пор не переиздавалась, а в 1973 году выдавалась под роспись только немногим благонадежным норильчанам под номером на обложке.

Второй историограф А.Л. Львов — журналист, работал в газете, на телевидении, потом стал официальным летописцем комбината. Он собирал все, что свидетельствовало о непростой судьбе Норильска и комбината. Его книги без преувеличения есть почти в каждой норильской семье, по его книгам узнают историю предприятий комбината и Норильска.

Он знакомит читателей с людьми, которые являются олицетворением заполярного города. Это Людмила Буре, пение которой на Таймыре могло сравниться по популярности с пением разве что мо-

лодой А. Пугачевой. Фамилия Буре и сегодня на слуху: теперь уже не благодаря ее мужу Валерию Буре, чемпиону по плаванию, но и их внукам, известным хоккеистам. Это академик А.А. Баев, организатор исследований по генной инженерии, биотехнологии и геному человека — он попал в норильские лагеря после Соловков. Он признался А.Л. Львову: «Помню глаза «Я хочу есть»».

Третьим героем Анатолия Львовича стал В.Н. Лебединский. Он прислал ему краткий автоочерк, который с небольшим комментарием Львова публикуется впервые.

Завершает четверку героев Иван Макарович Перфилов. Он помнил революцию, смерть Ленина, когда полчаса читал стихи о революции в театре. В 15 лет Иван пошел на завод, по путевке ЦК ВЛКСМ приехал в Москву, окончил военно-инженерную академию, после чего в числе 30 выпускников из 300 отправился строить Норильск с напутствием: «Вы нужны НКВД». Он строил его 11 труднейших лет.

Еще один автор этой книги — Б.П. Дубицкий. Он уже рассказал в книге седьмой нашего издания, как Красная Армия в октябре 1941 года покинула Харьков, как в город вошли немцы, как он попал в облаву и был отправлен в Германию, в концлагерь при химзаводе. Он подробно описал лагерные порядки немцев, от которых его избавили соотечественники. Он встретился со СМЕРШем и от вопроса, признает ли он свою вину перед Родиной, и от подкрепившего его удара потерял сознание. Так он попал на 10 лет в норильские лагеря.

В этой книге Б.П. Дубицкий продолжает свои воспоминания уже о советском концлагере и тем самым предлагает читателям сравнить немецкие и свои лагеря. Он рассказал о восстании заключенных летом 1953 года. Из города Запорожье Борис Петрович прислал и свои воспоминания о знаменитом геологе Михаиле Годлевском, с кем судьба свела его в лаге-

рях. Это его дополнение к рассказу о мужественном человеке его жены Нины Икорниковой.

Со всеми своими плюсами и неизбежными минусами Норильский горно-металлургический комбинат имени А.П. Завенягина является крупным объектом сталинской индустриализации. Но есть еще один, пожалуй, состоящий только из минусов, — это Мертвая дорога. Так называли в народе стройки № 501, 502 и 503 ГУЛЖДС МВД. О ней с детства был слышан Станислав Стрючков, норильчанин, ныне художественный редактор норильского издательства «Апекс». Он побывал на одном из ее многочисленных участков, в Игарском музее вечной мерзлоты, ознакомился с экспозицией 503-й стройки, воспоминаниями ее строителей и написал об этом. Норильские снабовцы не один год возили оттуда пригодные для работы материалы.

Дополняют картину прошлого, описанную в книге одиннадцатой, интересные рассказы о школьной жизни норильских детей (А.М. Бузакова-Лукина, Н. Колесник), о литературном объединении при газете «Заполярная правда» (С.Л. Щеглов), о местном телевидении (Н.М. Дроздова) и городском транспорте (Н.В. Андрухов).

Особый интерес представляют воспоминания А.Г. Колчака. Биография его семьи — это бурный роман, написанный самой жизнью. Анатолий Герасимович составил родословную своей турецкой фамилии, написал поэму в стихах, посвященную брату, уже несколько лет он пишет картины акварелью, тушью, маслом (и даже защитил диплом в художественном училище города Троицка, где живет) и рассказал о строителях Норильска, об освоении Талнахских месторождений и студенческих отрядах МВТУ.

Вы подробнее ознакомитесь и с В.А. Чанчиковым, чьи фотовклейки, посвященные юбилею А.П. Завенягина, 50-летию норильского восстания заключенных, московским встречам в клубе «69 па-

раллель», уже опубликованы в нашем издании. В книге одиннадцатой напечатаны его снимки из истории его семьи и фотографии Людмилы Ермовны Буре (в этой книге в материале А.Л. Львова). Валерий Александрович Чанчиков ведет своеобразную фото-летопись клуба.

Последние годы норильчане с московской и подмосковной пропиской собираются в школе имени Достоевского. Это очень гостеприимное и душевно теплое место: в фойе нас встречают хлебом-солью (какой пышный и душистый каравай здесь пекут!), народными песнями. Преподаватели и дети не раз устраивали для нас концерты, а в школьной столовой за крепким чаем с пирожками и сладостями мы отводим душу в воспоминаниях и житейских разговорах. Бывало, и запоем, и запляшем. Так мы как бы возвращаемся в свою молодость.

На одну из таких встреч принес мне ученическую тетрадку и конверт с пожелтевшими фотографиями Василий Михайлович Шестаков. Он приехал в Норильск в 1938 году, когда закончился срок заключения отца. Здесь он пошел в 6-й класс, окончил школу. Работал на ТЭЦ-1, в 1944-м поступил в техникум, потом заочно учился в институте (вся учеба — в Норильске) и снова пришел трудиться на ТЭЦ-1 — до самой пенсии, до 1990 года. Его норильский стаж (52 года!) включает так много... А Василий Михайлович написал так мало... Это фрагменты из его жизни, размышления о пережитом. Приведу некоторые из них.

«Как нам прививали любовь к Сталину. В 1936 году приняли новую Конституцию. Сталин сделал о ней доклад, об этом выпустили кинофильм. Я тогда учился в 4-м классе в Томске. Нас, школьников, водили его смотреть. Каждый класс сидел со своей учительницей. Когда на экране появлялся Сталин, дети должны были ему аплодировать. Сначала аплодисментов было мало, потом мы поняли, когда надо хлопать, и тогда уже получался взрыв аплодисментов.

После войны один фронтовик написал анонимное письмо. Он обвинил Сталина во всех грехах. НКВД по почерку нашел автора. Его судили и дали максимальный срок — 10 лет, хотя он не сознался. Прошло какое-то время, он подал в суд письмо, где сознался, что это он написал письмо и раскаивается в этом. К тому времени максимальный срок увеличили до 25 лет. Его он и получил вместо прежних десяти.

В 1943–1944 годах я часто встречался на никелевом заводе со старшим электриком Буденным. Только в 60-х годах я узнал, что он родственник известного маршала и был осужден по 58-й статье. Срок отбывал в Норильлаге.

После смерти Сталина количество аварий на ТЭЦ резко снизилось. А ведь раньше крупные поломки случались ежегодно. После 1953 года их не было около 10 лет. Это можно объяснить тем, что опытные специалисты из бывших з/к очень много сделали для повышения надежности станции. Вспоминаю замечательных инженеров М.Д. Михельмана и И.М. Махновецкого, электрика Ф.Н. Карамана.

Многие политзаключенные писали всесоюзному старосте Калинину. Когда он умер, надзиратель собрал лагерников и сказал:

— Ваш лучший друг умер. Кому теперь будете писать?»

Сколько самых разных фрагментов из самых разных областей норильской жизни описали северяне в книге одиннадцатой! Их воспоминания продолжают поступать в фонд «Норильский» — хватит на двенадцатую и тринадцатую книги. Напомню, что все рассказы о прошлом Таймыра публикуются по мере их поступления, поэтому не стоит ждать выпусков, посвященных конкретным темам, годам, профессиям.

С книгами издания «О времени, о Норильске, о себе...» можно ознакомиться на сайте Красноярского

общества «Мемориал». Информацию о приобретении книг, о размещении воспоминаний можно получить по запросу на электронную почту fondnorilsk@rambler.ru и по телефону 8(495) 474-23-59.

*Галина Касабова,
генеральный директор
некоммерческого издательского
фонда «Норильский»*

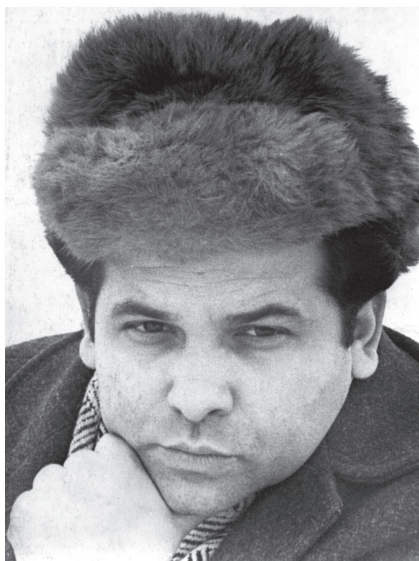
Анатолий Львович Львов

*На строительстве ТЭЦ.
В центре — И. М. Перфилов, слева — А. А. Панюков*

Анатолий Львов:

«Судьбы Буре, Баева, Лебединского, Перфилова — это одна миллионная доля норильской истории» .

Анатолий Львович Львов

ПРЕДИСЛОВИЕ ОБ А.Л. ЛЬВОВЕ

Анатолий Львович о себе:

«37 лет в Норильске. Приехал в 22 с половиной,
уехал накануне шестидесятилетия».

Признаюсь, давно уговаривала Анатолия Львовича Львова сесть за подробную автобиографию, еще не разобранные архивы. Безуспешно! Он отвечал: «Не время... Нет времени...» Второе — правда. За последние годы вышел большой труд А.Л. Львова «Завенягин» (недаром его называют завенягиноведом, хотя после выхода этой книги он признался мне, что у него еще осталась информация на полкниги — такой, какая вышла). Он заканчивал очередную работу из серии «Личность и время» «Пик Металловеда (Академик Бочвар)» вместе с другом и коллегой Тамарой Александровой. К этому можно добавить немало статей в норильских газетах «Заполярная правда» и «Заполярный вестник». Нельзя не назвать и наше издание «О времени, о Норильске, о себе...». В книгах второй, четвертой, пятой опубликованы подготовленные Анатолием Львовичем секретное донесение «наверх» и комментарий к нему об экспедиции П.С. Аллилуева на Таймыр в 1925–1926 годах. Они дают нам представление о том, какие нешуточные дебаты шли в ведомстве Ф.Э. Дзержинского перед отправкой команды Аллилуева—Урванцева в Заполярье, какое неоднозначное представление существовало тогда о разведке недр на Таймыре. Анатолий Львович предложил нам свой материал из книги об А.П. Завенягине, которая так и не вышла, о Б.И. Колесникове, чей стаж директора комбината был 15 лет и на ком закончилась история самого комбината, преобразованного в акционерное общество, — началась перестройка...

А.Л. Львов прокомментировал дружеские шаржи Е.А. Климова, который «не слишком серьезно относился к себе по части изобразительного искусства... Другое дело — медицина и все, что ее касалось». А между тем во многих семейных архивах норильчан хранятся его акварели, портретные рисунки по случаю юбилеев, каких-то других событий, дружеские шаржи... Анатолий Львович рассказал об удивительной норильчанке Зое Ивановне Туманишвили, отметившей в феврале 2010 года 105 лет. Это она, первый председатель Норильского поссовета, отправилась в Москву на свой страх и риск в отпуск, но не отдыхать, а пробивать статус города — вот когда бы горсовет развернулся в полную силу... Зоя Ивановна чуть не стала крестной Норильска. Успешно прошла все московские инстанции, но в последнем, самом важном кабинете Л.З. Мехлис закричал на нее: «Мотаете государственные деньги!..» От неожиданности Зоя Ивановна потеряла сознание... Подробнее об этом в книгах четвертой и пятой нашего издания. Впрочем, об удивительных людях и историях норильской жизни можно прочитать в каждой книге...

В общем, понятно, что слова А.Л. Львова «Нет времени писать о себе» — не отговорка. А еще Анатолий Львович отметил 70-летие. Сам он считает, что это сугубо паспортный факт, ибо не настроен отдыхать... Каково же было мое изумление, когда я получила из Севеоложска бандероль. Раскрываю ее и читаю:

«Письмо от А.Л. Львова Галине Ивановне Кабаковой.

Веселого тебе високосного!

Ты поручила мне самому представить себя в очередной книге. Я попробовал, но из этой затеи ничего не получилось. И не только потому, что по-прежнему мало времени. Ведь ты имела в виду не просто биографические данные, читаемых писателей, предпочитаемое обеденное блюдо (кстати, плов), цвет (черный!)...

37 лет в Норильске. Приехал в 22 с половиной, уехал накануне шестидесятилетия. Если вычесть время отпусков и командировок, все равно останется лет тридцать (два полновесных «срока»). В первые годы

от случая к случаю, а потом ежевечерне вел дневник. Накопились десятки заполненных ежегодников. Вряд ли хватит сил что-то из них сделать или хотя бы извлечь, но не жалею этих минут, украденных у сна. Память не сохранила бы и десятой части. Жаль другого: сколько там сюжетов, которые просились на газетную полосу, но никогда не имели на это ни шанса. Причем официальная цензура отличалась разве что глупостью, но не излишней введливостью. Например, Н.С. Хрущев сообщил с трибуны (в Норвегии) проценты содержания металлов в талнахской руде. Естественно, речь напечатала «Правда». Но не норильские газеты.

— Это закрытые цифры, придет инструкция — откроем.

А первого моего «цензора», Николая Александровича, пожилого (но помоложе, чем я сегодня), умницу, интеллигента, помню и храню его образ; мы с ним вели очень доверительные беседы на скользкие темы, несмотря на его должность уполномоченного Агентства по охране государственных тайн в печати.

Так вот... К официальной цензуре, включая местное отделение КГБ, у меня не так уж много претензий. Ну не подписывал Первый отдел комбината рукопись «Большого Норильска». Так ведь и промышленный отдел горкома партии предложил вычеркнуть мало-мальски ценную информацию. А директор издательства «Металлургия» требовал заменить цитату из Брежнева («Он уже умер!») на Андропова в предисловии за подписью первого секретаря крайкома П.С. Федирко. Зато Б.И. Колесников сам предложил:

— Если надо будет, пойду в Госкомитет по печати отстаивать текст. Нам эта книжка нужна.

Но неофициальная... Допустим, большой начальник, гений (почти без преувеличения) своего дела, у которого в мозгу укладывалось все пространство реконструируемого цеха, вплоть до закоулков, плюс еще не привезенное новое оборудование... Лобачевский! Я его узнал, когда он был восьмиклассником ШРМ № 2 (здание давно снесли во дворе будущего Норильск-проекта). И вот он уже стал великим, председа-

тельствует в госкомиссии на защите дипломных работ, созрел и хочет, чтобы я написал о нем, о его восхождении. Но с одним условием: без истории о том, как он попал в Норильск.

— Как?! Неужели вы считаете, что очерк угробит ваш авторитет? Наоборот!

Ни в какую. Никто не должен знать, что он был карманником. В 13 лет. В войну. И его судили. Отправили на Север.

— А ты напиши: «Окончил ФЗУ, комсомолец».

— Не напишу.

...В художественной вещи чем больше вранья, тем занимательнее. В.П. Катаева я понимаю, когда он, встретив еврейского пацана-сироту, назвал его Ваней Солнцевым и написал повесть «Сын полка». Но, читая в «Известиях» красноярского собкора, талантливого литератора, о молодом солдате, отслужившем в армии, по комсомольской путевке приехавшем в Норильск, здесь выросшем в крупного руководителя, понять автора я не мог. Он сохранил имя героя — Михаил Степанович Кравец, но «подправил» ему биографию.

Не был Миша комсомольцем и даже дослужить в армии ему не дали, отправив с фельдпочтой в дальний гарнизон. По дороге он заночевал в незнакомой хате. С пакетом ничего не случилось. Однако, добравшись до цели и вручив документы, посыльный был арестован. Вместо плана операции против «лесных братьев» он принес на груди под гимнастеркой... старую газету.

Расстрел ему заменили норильским лагерем и сроком, а строительная профессия и характер помогли встать на ноги. Бригадир — прораб-начальник участка — главный инженер Талнахрудшахт-строя — начальник стройуправления — начальник управления строительства — замдиректора комбината. Через много лет после того военного трибунала пришлось побывать на суде. Свидетелем по делу негодяя-штабиста, который вручил солдатику пакет и наказал беречь как зеницу ока.

Рано ушел от нас Михаил Степанович, но заслужил улицу своего имени в Талнахе. Как и Леонид

Иванович Анисимов, не сидевший (повезло) ни на Таймыре, ни на Колыме, вернувшийся из Магадана в Норильск, опять надолго... Любимый ученик академика Владимира Николаевича Образцова (отца народного артиста СССР, кукольника Сергея Владимировича) строил на Земле пятьдесят лет.

Кравца и Анисимова помню, не заглядывая в дневники, как и еще сотню-другую судеб. Но и заглядывая, клянeshь себя, когда встречаешь имена, за которыми не возникают ни черты лица, ни детали события... Ясно: понадеялся на память, а по горячим следам не расшифровал, в связи с чем записал фамилию. Бывает наоборот, монолог есть, язык народный, красноречивый (или книжный — до интересности), а чье произведение — хоть убей. Безымянный автор.

Зато — издавна собираю — ошибки, обмолвки, непонятки, примеры умничанья (определенно, глупец), доказательства невежества, как минимум, необразованности... Из последнего, считаю, разряда: только что назначенный зампред горисполкома отчетливо произносит «ла-бо-ла-то-рия»; другой руководитель характеризует подчиненного: «закусил удíла» (еще не хватало «удíлами»); известный радиоведущий о коллегах: «перемалывают кости» (надо — перемывают)...

Кто-то из читателей скажет: «Много на себя берет. Мало ли, в каких условиях рос человек!»

Мало. Так можно оправдывать себя до старости. Конечно, все мы небезгрешны. Я просто старался извлекать уроки и по крайней мере не повторять ошибок, осознав их. Мои одноклассники, уже изучавшие дома английский, засмеялись, услышав из моих уст «крессворд»: «Эх ты! Это же означает «через слово», то есть «крест-накрест». До сих пор помню этих моих учителей — Эрик и Юра. И благодарен каждому, кто подарил мне, как они когда-то, какое-то слово.

...Но я увлекся поучениями.

Обращаюсь к старым ежегодникам: они хранят не только ошибки, мои и чужие, но и тайны (чужие),

секреты (самого разного калибра). Судя по некоторым страницам и сталкивая мнения, прихожу к выводу, что среди директоров комбината по-настоящему яркой личностью был... один (кроме Завенягина). Из всех первых секретарей горкома КПСС истинно благородным человеком был тоже один. Блестящих инженеров — десятки. Около десяти крупных экономистов. Столько же очень сильных медиков... Порядочных людей — множество. Непорядочных — примерно столько же.

Эти мнения я не более чем разделяю, сугубо личные не решился бы объявить. Как и чужие, если они откровенно враждебные и обстоятельства тому способствовали. Допустим, война, эвакуация. Двое в одинаковом положении: возможно, придется взрывать цеха. Что важнее, чтобы предприятие не досталось врагу или остаться чистеньким: «А вдруг потом выяснится, что поторопились со взрывом, придется отвечать... не только партибилетом».

Оба оказались в Норильске. Встречались на планерках и в ДИТРе. Не протягивали руки один другому. (Не написать же «друг другу».)

Люди помоложе, тоже заслуженные, даже Герои. Здоровались! На дух не переносили... Жизнь развела за тысячи километров, страсти утихомирились, прошли годы. Оба в верхних эшелонах — в Норильске и далеко от него. Тот, что издалека, — летит в гости. Помощник норильчанина: «Его встречать?» — «Конечно. Но я об этом не знаю».

Другой начальник. Встречаемся в лифте. Я: «Ко мне приходила бывшая электросварщица с никелевого. Теряет зрение. Не может пробить себе энную сумму на операцию. Можно помочь?»

Он: «Пусть обращается в суд! Если мне укажут, что это законно, — нет вопросов». (Голливудская улыбка. Уверен в своей правоте.)

Официантка жалуется: «Как не стыдно! Уважаемый человек! Наменял полтинников и по одному оставляет после обеда...» — «На чай?» — «За обед! Видимо, так посчитал его себестоимость... Или что — ему все можно?»

...На первый раз тебе хватит такой подборки из дневников? А еще у меня собралось несколько сотен писем от знакомых и незнакомых, которые жаль выбрасывать. Что касается выбранных тобой материалов — не имею ничего против. Судьбы Буре, Баева, Лебединского, Перфилова — это одна миллионная доля норильской истории».

...Сколько раз я предлагала Анатолию Львовичу выпустить отдельную, только Львова, книгу с рассказами о времени, о Норильске, о себе — ему было все недосуг... И потому с горечью и большим сожалением приходится осознавать, что опубликованные в этой книге письмо и его материал о четверых незаурядных норильчанах трудной судьбы — это последнее, что он отдал для печати. 5 января 2010 года Анатолий Львович скончался. Болезнь погубила его за считанные месяцы... На его столе остались дневники, рукописи, нужные бумаги. «Он начал работать над мемуарами», — сказала жена Галина Степановна, известная всем норильчанам как замечательный диктор Норильского телевидения.

Открываю последнюю книгу А.Л. Львова «Пик Металловеда (Академик Бочвар)» и в главе об авторах читаю за подписью президента МИСиСа Ю.С. Карабасова: «Если кто и заслужил право написать о судьбах северян, то это, безусловно, Анатолий Львов. Редактор, главный редактор Норильской студии телевидения, редактор (можно сказать, родитель) «Огней Талнаха», газеты, появившейся на свет вместе с рудником, поселком, потом городом Талнахом. В первый же год своего существования она была признана лучшей многотиражкой страны, и Львов стал одним из первых лауреатов премии Союза журналистов СССР. А.Л. Львов — лауреат ордена МИСиСа «За заслуги в науке о металлах».

Мое предложение остается в силе. Очень хочется надеяться, что в издании «О времени, о Норильске, о себе...» будет книга не многих, как всегда, авторов, а одного — Анатолия Львовича Львова.

Галина Касабова

* * *

Анатолий Львович Львов был (как трудно это про-износить) настоящим журналистом, с его неподдельным интересом ко всему, что происходило за 69 параллелью.

Передомной стопа книг — от самых небольших, первых, из далеких 60-х, и весомых, прекрасно изданных, послед-них — 2007–2009 гг. Автор их — Анатолий Львов. Все они — об истории, жизни города Норильска и его людей — от простых рабочих до людей государственных, как говорят, первых лиц. В Норильске он прожил почти всю свою жизнь и знал о нем буквально все. Вы хотите получить информацию о городе? Загляните в книги А. Львова. Он очень любил свой «снежный город», хотя приехал сюда из жаркого Ташкента.

Открытие Талнаха. И вот уже Львов не на Норильском телевидении, а редактор самой северной газеты «Огни Талнаха». Именно на Талнахе в 60-х «творилась» настоящая жизнь — с ее буднями, радостями по поводу бесчисленных пусков, с ее романтикой, за которой он и приехал сюда, в заполярный Норильск. Вместе нам довелось поработать не-много, но дружба связала на всю жизнь. Он первый дал мне характеристику в Союз журналистов, критиковал, обижался и

радовался моим успе-хам и рождению моих детей, любил сопоставлять, сравнивать, проводить аналогии. Сидим как-то на от-дыхе, и вдруг Толя говорит: «Авы знаете, что сегодня прожито 2/3 столетия, оста-лась 1/3?» Ну кому бы пришло в голову? Его информацию об этом напечатал, ка-жется, французский «Пари-матч», отме-тив, что А. Львов ока-зался единственным в мире, кто обратил на событие внимание.

*Анатолий Львов и Наталья Дроздова.
Норильск, ноябрь 1978 г.*

Его скрупулезность была абсолютной. Касалось ли это редакторской правки, уточнения деталей, он, словно нитку с катушки, разматывал историю того или иного события, жизни своего героя, извлекая все новые подробности и факты.

Круг его общения был настолько велик, что перечень просто имен составил бы книгу. Последние семь лет он посвятил двум знаковым фигурам — А.П. Завенягину и А.А. Бочвару. Книги вышли в серии «Личность и время». А. Львов как бы и сам встал в этот ряд. Он не совершал открытий, не заявлял о себе в науке, но он был Журналистом с большой буквы. Сегодня такие — большая редкость. В книге об А.П. Завенягине он приводит слова писателя Бориса Васильева:

«Историю нашего столетия выстроил Человек. Со всеми трагедиями, победами, поражениями, войнами, революциями, голодовками, несправедливостями и парадоксами. Он выступал под разными именами, но всегда оставался Человеком — великим или ничтожным, добрым или злым, милосердным или жестоким, умным или не очень. И грядущее поколение будет нас рассматривать через деяния этого Человека...»

И, словно перекликаясь с писателем, А. Львов в книжечке «Норильск. От А до Я» дает характеристику норильчанам:

«Морозоустойчивое, ветронепродуваемое племя энтузиастов, в состав которого входят почетные металлурги, горняки и железнодорожники, заслуженные строители, изобретатели и рационализаторы, заслуженные врачи и учителя, заслуженные мастера спорта и тренеры, полный кавалер ордена Славы и народный артист, доктора технических и биологических наук, заслуженный работник культуры, члены Союза художников и кинематографистов...»

В этом перечне — люди, которых А.Львов не просто знал, он о них писал. И сам он тоже из этого племени энтузиастов. Анатолий Львов. Личность. Журналист. Норильчанин. Навсегда.

*Член СЖ России
Наталья Дроздова
(норильчанка с 1963 по 1972 г.)*

Супруги Людмила и Валерий Буре. Это фрагмент стены в квартире Людмилы Ермовны (фотография В. Чанчикова)

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА А. ЛЬВОВА О НОРИЛЬЧАНАХ

ГЛАВА 1. СЛАВНАЯ ФАМИЛИЯ

Мы стояли в вестибюле станции метро, прислонившись к колонне. Я — прислонившись, она, пожалуй, нет — легкая, стройная, без видимых признаков усталости. Мы уже выходили на морозец, ходили по заснеженному бульвару, пытались беседовать на скамейке, но было все же прохладно, да и прохожие поглядывали с некоторым недоумением — мол, ну и место для разговоров выбрали...

Поглядывают, а не узнают. Кого должны узнавать? Не меня же! И не должны — это мне кажется, что должны. Во всяком случае, стоило спутнице моей сказать одно-единственное слово, люди тут же стали бы оборачиваться, улыбаться ей, а то и выстроились бы в очередь за автографом.

Вот я ее узнал сразу, хотя раньше никогда не видел. Правда, она предупредила, что будет в норковой шубке и выйдет из предпоследнего вагона. Но шубка, согласитесь, могла появиться не одна, да и ожидал я увидеть женщину постарше, а сомнений не было. Она! Признаюсь, я даже приобнял ее, что вряд ли полагается при первой встрече, но тут был случай особый.

Связывал нас, представьте себе, Город. Именно такой, с большой буквы, потому что он главный в нашей жизни, в ее и моей. И я (может, не все это поймут) с первого взгляда ощутил ее родным человеком. Полагаю, что и она почувствовала нечто схожее.

На этом я заканчиваю вступление. Но, разрешите уж, позволю себе еще какое-то время не называть героиню. Впрочем, ничто не мешает мне произнести ее имя: Людмила. А ждут читателя не совсем ожидаемые подробности. Ну, допустим... В каком возрасте вы представили себе мою спутницу-собеседницу? Верно, смотря, на сколько она выглядит...

Очень молодо. На шестьдесят. То есть на свидание (согласилась не сразу) я приглашал бабушку и хорошо это знал. А теперь услышал, что еще чуть-чуть — и ее нарекли бы Митрадорой (от греческих слов, означающих мать и дар). Во всяком случае, так полагалось, исходя из времени появления на свет и староверческих требований. Но, оказывается, для девочек и старая вера допускает на этот счет отклонения, некоторую свободу выбора: не нравится по какой-то причине имя — поищите рекомендуемые в соседние дни. Так Людмила не стала Митрадорой.

Для мальчиков никаких альтернатив не позволялось. Родился в день Ерма — Ермам тебе и жить. Так и прожил Людмилин отец (думаете, Ерма — в честь Ермака? Нет, Ермак — от Ермолая. Копайте глубже: Ерма — из античной мифологии, от самого Гермеса. Специально заглядывал в умный словарь).

Вот теперь разрешите представить: Людмила Ермавна Попова. Родилась в тайге, совсем молоденькой оказалась в тундре, далеко за Северным полярным кругом... Нет-нет, не то, что вы подумали. Просто,

Людмила Ермавна Буре. Москва, 2008 г.

по слухам, там, почти в устье великой реки — сто верст в сторону, — жизнь была сытнее, чем в истоках и среднем течении: секретно строились заводы. Без спецпропусков не проехать, везде ВОХРа (военизированная охрана). Конечно, лагеря — основная рабочая сила и т.д. Неприятных моментов хватает (те же колонны заключенных, почти в любую погоду ведомых к стройплощадкам и работающим цехам, тот же климат, те же три месяца без солнца на небе).

Но только издалека и по неточным пересказам чужих судеб может показаться, что в подобных местах жизнь окрашена только в темные тона, а на сердце постоянная тяжесть и в душе мрак хуже полярной ночи. Вы бы убедились, начни я перечислять ныне известных выпускников тамошней средней школы (попадание в вузы было почти гарантированным, закон имел в виду такую льготу для коренных тундровиков из семей оленеводов и охотников, да им чаще всего было не до институтов). Доботно, а то и талантливо играла местная труппа, великолепен был уютный театр, построенный из привозного леса. Этаким терем со сценой, ложами и резьбой по дереву где надо и где не надо (бесплатные руки мастеров, заинтересованных в улучшенном питании).

Я хочу сказать, что жизнь поселка, практически закрытого города, из тех, которые долго не попадали на карты, внешне была мало связана с жизнью лагерных поселений, окружавших, так сказать, вольное пространство и лепившихся к предприятиям. Обе жизни шли вроде бы и неподалеку одна от другой, совсем рядом, но на параллельных курсах, очень редко соприкасаясь. Ну да, если кто-то бежал, по городскому радио об этом сообщалось: будьте осторожны, преступник опасен, приметы... Но даже лагерную многотиражку выносить из зоны запрещалось, тем более расспрашивать о лагерных новостях или быть соседа по цеху (вольнонаемные и невольники нередко работали вместе).

Нет правил без исключений. А то, о чем я хочу сказать, даже не исключение, хотя и правило, точ-

нее, традиция. Такая, видимо, существовала только в самых отдаленных точках ГУЛАГа, где не столь частыми случались проверки и более, чем всюду, неподконтрольными и могущественными были полковники и генералы МВД. Дело вот в чем. Полковники и генералы не хотели себя ущемлять даже в малом. И, услышав (а докладывали быстро), что в каком-то лагере обнаружился — вскоре после размещения очередного этапа — новый талант, художественный или спортивный, по части шитья папах, изготовления дамской модельной обуви или... (тут можете проставить любое искусство, вплоть до кулинарного и парикмахерского), они приказывали его привлечь, в смысле приблизить.

Так оказывались на вольной половине лучшие из лучших, которые, скажем, выступали уже не только в соседнем лаготделении или в дальнем, в таком же, как собственный, лагере, но и перед очами высшего начальства. Рядом с вольнонаемными. А то и получали разрешение на расконвоирование —

Валерий Буре. Норильск, предположительно 1953–1955 гг.

шутка ли, передвигаться самостоятельно, ходить без охраны, иногда даже в гости или на службу в городской театр, о чем еще недавно нельзя было и мечтать, если тебе черт знает сколько (могут ведь и добавить!) до конца срока.

Предел же мечтаний — с высочайшего соизволения не возвращаться в барак, пусть даже спецбарак, итээрровский (инженеров и техников, руководите-

лей производства), а ночевать в собственном углу при театре, лаборатории или спортзале. Вне зоны. Вот я худо-бедно нарисовал фон документального романа, в котором герои однажды в солнечный день знакомятся, понимают — одновременно, — идут на любые запреты, преодолевают невероятной высоты барьеры, становятся мужем и женой... Сегодня даже страшно подумать, к каким бедам и бедствиям могла привести эта любовь, чем они рисковали. Он — жизнью, она за связь с заключенным — длительным лагерным кроком.

С другой стороны, хотел бы посмотреть на человека, который не пошел бы на маленькое должностное преступление и не позволил бы им соединить судьбы. Тоже риск! И достаточно серьезный, когда речь идет о любимцах цехового города. Нашелся бы не один желающий привести в исполнение... За справедливость.

...Мне было бы неловко подробно знакомить читателя с конкретной историей красивой и страстной любви Людмилы и Валерия, вольнонаемной и заключенного. Очень разных, с несравнимым жизненным опытом, но очень похожих людей. Безоглядных. Искренних до дна. Талантливых беспредельно.

Я таких не знал. С Ним знаком по рассказам друзей и врагов и по документам. Подарком судьбы стала для меня встреча с Ней. Не потому даже, что кое-что уточнил. О Нем не спрашивал. Тут другое, куда важнее: я ее увидел (она не поверит) совсем юной — по духу в ее семьдесят пять.

...Тогда ей было двадцать, а ему за тридцать. Она пела так, что все невольно открывали рот, — это одно из свидетельств лагерного музыканта, в прошлом шахтера, присланное мне через десятилетия после тех концертов. Другие говорят: нет, сильным ее лирическое сопрано назвать нельзя, хотя голос, безусловно... Но еще больше — душа, глаза, свет, радость.

Это посреди лагерей. Чего уж тут удивляться тому, что в залах не хватало мест! Добавьте репертуар: новые песни о главном в 41-м, 42-м, 43-м... О любви,

о встречах после войны. Услышанные в наушниках шлягеры из фильмов, снятых в Алма-Ате и еще не привезенных, были переложены для ээк-оркестра. Надо ли напоминать (молодым), что до ТВ на Крайнем Севере было еще очень далеко, а значит, слава и популярность Людмилы (Людочки!) в нашем закрытом городе превосходила и будущее поклонение перед теледикторами.

Теперь вы представляете, кому были отданы сердца мужского населения, часть которого тем не менее роптало по поводу безрассудного поступка — столь опрометчивого замужества. Хотя, конечно, мужик он видный, но... террорист!

«Террористов» (статьи 16 и 58, п. 8) среди 46 тысяч ээков 1945 года было достаточно — для разговоров. Кто-то подслушал шутку офицера из управления лагеря, сказанную по ходу спектакля, в котором некто неудачно стрелял: «Неправильно распределили роли. Никаноров бы не промахнулся». Великий актер Константин Никаноров (Георгий Жженев мог бы подтвердить) тоже отбывал наказание за якобы терроризм.

Валерий в свои 24 года был обвинен в том же: хотел убить самого важного вождя. К 27 годам, судя по дате, 16 августа 1939 года, скорее всего из Соловков был доставлен по Северному морскому пути в наш населенный пункт, только-только объявленный рабочим поселком. Через год он уже был отмечен в приказе по лагерю как активный участник художественной самодеятельности — за чтецкие способности и конферанс.

Оставляю пока в стороне его производственные показатели, но общее место, что в искусстве мелочей не бывает, особенно в искусстве выживания. А Валерия сцена тянула всегда. После семилетки он даже поступил в театральную школу. Пришлось бросить. Родился он в семье банковского служащего, надо полагать, человека обеспеченного (да и мама зарабатывала в шляпной мастерской), но это год 1912, еще перед войной. НЭП, скончавшись, заставил сына искать надежный источник существования, а не учиться на актера.

Лагерь, наоборот, заставил обратиться к заложенному природой и «раскрутиться» как можно быстрее, чтобы не пропасть навсегда. Да и тянуло на сцену по настоящему, безо всяких задних мыслей. Талант развивался. «Читал, как Яхонтов. И Маяковского, и Пушкина — прекрасно. Естественно, без крика, слово чувствовал, юмор чувствовал, органичен, культурен... А двигался! Находка!» — так говорил великий Михаил Годенко, вольнонаемный танцовщик, потом балетмейстер, но под этими словами подписался бы любой режиссер.

Людмила и Валерий не могли не встретиться...

Когда параллельно городскому организовали театр КВО (не Киевский, понятно, военный округ, а культурно-воспитальный отдел), среди первых пригласили... Не тот глагол. Назначили? Приказали? Короче, уговаривать Валерия не пришлось. Думаю, был рад повороту дела — без сожаления расстался со всем, что отвлекало от искусства.

Вот передо мной старая афиша — замечательный экспонат к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина: «Бахчисарайский фонтан». Действующие лица — известные исполнители, но не настолько. Впрочем, либреттист Михаил Дорошин, автор первой поэмы о Павлике Морозове (посадили не за нее, а за компанию с группой сталинградских литераторов).

Но я не отвлекаюсь. Меня сейчас больше интересует роль ведущего.

«Ведущий — Валерий Буре».

Слышу голоса читателей:

— А не имеет ли какого-то отношения?..

— Самое прямое!

— Который...

— Внук!

— А Людмила Ермовна?..

— Бабушка.

— А Валерий, брат Павла?..

— В честь деда.

— Что же вы сразу не сказали!

Потому и не сказал: не хотел, чтобы деда братьев Буре, а он ушел в мир иной в 1974-м, помянули только как деда. Все меньше тех, кто его помнит, еще меньше знающих о том, как сложилась его судьба. Боюсь, что и внуки не слишком хорошо представляют, какой яркой личностью был Валерий Владимирович Буре. Что ж, посвящаю им этот очерк.

Актерская профессия, а о ней можно говорить с полным основанием, ибо некоторые годы лагерного заключения Буре был постоянно приписан к театральной труппе и получал деньги за актерский труд, была для него одной из... Помните, как он бросил театральную школу и с головой ушел... верно, в спорт. «Имея большие способности, — позже писал в автобиографии, — становлюсь мастером спорта». Начинал он с плавания. В 16 лет стал учить других держаться на воде, осваивать стиль. Сам выступал с постоянным успехом, на работе проявлял себя не просто дисциплинированным, серьезным юношей, но и творческим человеком. Мне уже трудно говорить о том, сколько времени Валерий проводил в воде, а сколько в кабинете, но ясно, что кабинет у него появился. Организаторская жилка была замечена, и через два года инструктор по плаванию Московского городского совета профсоюзов стал подниматься по административной лестнице: начальник школы пловцов-мастеров, заместитель директора бассейна областного совета профсоюзов.

Не исключаю, что ему помогали не засиживаться в кабинетах. Еще семнадцатилетним Валерий появился в воротах сборной Москвы по ватерполо. Осенью 1932 года команда неплохо себя проявила в поездке по Германии (Берлин, Лейпциг, Халле, Кенигсберг). Вот она, полагаю, тема на будущих допросах, тем более что позже Буре побывал уже в качестве вратаря сборной СССР и в скандинавских столицах. Легко предположить, какая слава его ждала, если бы не арест 14 октября 1936 года и не приговор 17 мая 1937-го: десять лет плюс четыре года лишения избирательных прав.

Когда Валерия освободят от охраны (задолго до окончания лагерного срока — как любимца публики), он станет очень быстро кумиром болельщиков. У меня нет сведений, что он научился гонять мяч или шайбу по льду озера под руководством американского негра. (Не поверите, но последнее — это факт.) Точно, что Буре быстро прогрессировал на теннисных кортах (тут отличались эстонцы), не говоря уж о роли голкипера — звезды лагерного футбола.

Когда в Норильске старшим тренером местного «Динамо» оказался не кто иной, как Андрей Петрович Старостин (и надолго, читайте его книги), ему сразу подсказали кандидата на место в воротах. Это 1945 год — год рождения Алексея Буре, старшего сына. Через пять лет Людмила родит второго. Владимир, будущий отец Павла и Валерия, станет главным человеком в квартире 51 по Севастопольской, 11, во все еще закрытом Норильске.

Бассейн откроется там в 1959 году. Директором пригласят из Москвы пловца-марафонца Искандера Газизовича Файзуллина. Семья Буре к тому времени

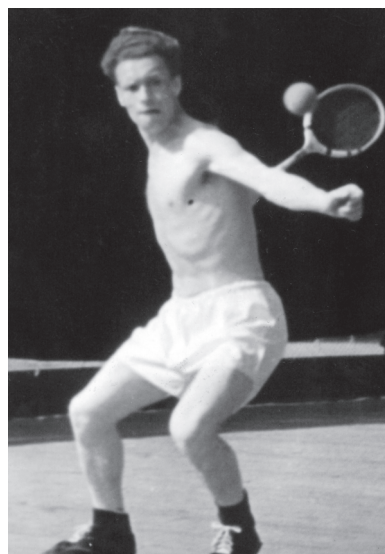

Футбольная команда Норильска. В первом ряду второй слева — Валерий Буре (копия старой фотографии В. Чанчикова)

станет московской, Алексей и Владимир будут стремительно набирать скорость передвижения на водных дорожках в столице под тренерским оком отца. За успехи младшего отца присвоили звание заслуженного тренера СССР. Ушел отец — тренером Владимира стал старший брат.

Как не добавить, что среди отцов — основателей синхронного плавания также не следует забывать Валерия Владимировича Буре.

И опять вернемся в молодость Валерия Буре-старшего. Поводов хватает, но мы воспользуемся очень примечательной справкой из личного дела. «Военный трибунал МВО. (Тут уж никакой не воспитательный отдел, а самый настоящий столичный военный округ. — А.Л.) 9 июня 1956 год (позади XX съезд), г. Москва, Арбат, 37. Из материалов уголовного дела в отношении Буре В.В., 1912 г.р., прекращенного за отсутствием состава преступления, известно... работал в должности старшего тренера по водному поло ДСО «Медик»... на предмет получения зарплаты по работе, исполняемой... до ареста».

Валерий Буре в молодости

Врио председателя трибунала полковник юстиции Ф. Титов знал то, что большинство читателей прочтут впервые. Наш герой был не только артистом и спортсменом. То ли чувствовал, что для полноты ощущения жизни ему тренерского дела не хватит, то ли задумывался о будущем, но в условиях еще полного благополучия, в 1934 году, он поступил в мединститут, в Первый московский. За второй

курс экзамены еще не сдавал, что-то помешало вовремя выучить тысячу анатомических терминов, но даже три семестра сыграли — да что там сыграли! — возможно, спасли жизнь.

Проявить свои актерские или спортивные возможности можно было, только выбравшись из котлована. Обращение на этот счет к вохровцу или даже к прорабу («Я еще не то умею, я способный!») могло не найти поддержки и не закончиться ухмылкой.

На общестроительных работах — псевдоним котлована — Буре заметил и своей властью немедленно освободил от них медик Сухоруков. (Его давно нет, в памяти болельщиков тоже, потому что плохо закончил — в прямой связи с наркотиками. А личность была колоритная: спортивный врач, победитель европейских состязаний по прыжкам в воду, судья международной категории. Встреча с ним в Норильске стала для Буре спасительной в период лагерной акклиматизации.)

Николай Николаевич Сухоруков, назвавший себя отоларингологом без достаточных оснований, что быстро заметили коллеги, но не лагерное начальство, был расконвоирован одним из первых. Его слова оказалось достаточно, чтобы студента-медика оформили на работу в качестве фельдшера. Легко предположить, что избавлять посетителей кабинета от серных пробок в ушах и закапывать в ноздри что бы то ни было не представляло особой сложности. Фельдшер особенно проявил себя перед открытием новой больницы: он расписал красками стены — в соавторстве со своим непосредственным шефом и терапевтом Баевым из соседнего кабинета. (Александр Александрович — будущий член президиума Академии наук СССР, основатель генной инженерии в нашей стране и т.д. Вспоминая Валерия Буре как коллегу, он говорил мне: «Мы, медики, были в Норильске людьми привилегированными».)

Как надо было любить сцену, чтобы отказаться от тихого и почти безбедного существования под флагом Красного Креста! Буре не мог не уйти...

Как надо было любить жену и детей, чтобы уйти со сцены!.. Ушел, потому что считал: не имеет права обречь на полуголодное существование семью. Искусство требует жертв, но не таких же...

«На тех условиях, которые имею сейчас, жить не могу», — написал он в заявлении самому начальнику комбината в мае 1946 года. Числиться заключенным ему еще оставалось семь месяцев, и вообще такие афронты не были приняты, но Буре знал, как относится к нему инженер-полковник Зверев. Так он стал начальником группы технического снабжения отдела главного энергетика. Начальником, не удивляйтесь. Зэки, в Норильске это случалось, руководили и стройками, и цехами. У них никто не спрашивал дипломов, верили на слово. Через несколько дней все тайное становилось явным: инженер или нет, авторитетен или нет, поведет за собой коллектив или спасует перед толпой... (С врачами сложнее. Одного гинеколога вывели на чистую воду через три года. Никому не навредил!)

Буре стал маленьким начальником. Природной сметки, общительности (про вспыльчивость, неуравновешенность здесь опускаю), тысячи знакомств во всех комбинатских службах должно было хватить на долгие годы вполне обеспеченной жизни и на спортивные увлечения, особенно при таком болельщике, как Владимир Степанович Зверев, который останавливал совещания объявлением: «Через десять минут обогатители играют с энергетиками...» Это была команда, куда двигаться всей управленческой кавалькаде.

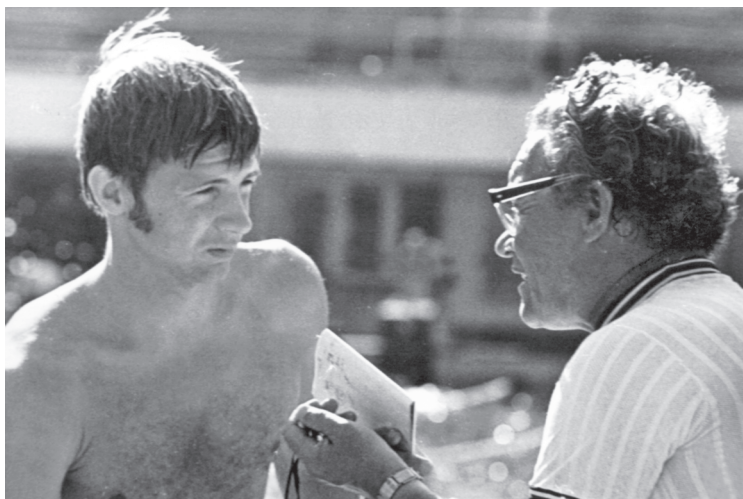
Думаете, Буре удержал себя на месте снабженца? Уже не думаете? И все же, согласитесь, трудно ожидать от актера, спортсмена и фельдшера, чтобы он стремился в цех, на производство, чтобы он стал к сорока годам бригадиром на электролизе меди, а к сорока пяти — уважаемым мастером матричного передела гидрометаллургического цеха и заслуженным рационализатором... Да, он выбрался собственными усилиями из финансовой ямы. Цель подогревала устремления, семью уже отправил на материк, в Но-

вый Афон, на солнце, на фрукты, в 1955 году. Сам попрощался с Норильском в 1957-м.

Вот когда он снова бросился в воду с новой жаждой, — думается, доказать друзьям и врагам, что его не сломали, что он еще на многое способен, хоть и почти пенсионер (по северным меркам).

Ему удалось немало. Оба сына продолжили его дело. Младший, Владимир, стал звездой — и надолго, двадцать лет в сборной СССР: в восемнадцать лет — чемпион страны, в двадцать два — призер Олимпийских игр, первый среди наших спринтеров, в двадцать пять — рекордсмен Европы, вице-чемпион мира, даже в двадцать восемь — второй в стране. Уникальный спортсмен хотя бы потому, что побеждал и на стометровке, и на дистанции в пятнадцать раз длиннее.

Кстати будет упомянуть рядом с Владимиром Буре его дважды земляка — норильчанина и москвича, старшего товарища по сборной страны, который почти постоянно опережал Володю на двухсотметровке. Это Леонид Ильичев, еще один ученик Валерия Буре, многократный чемпион СССР и Европы.

Валерий Буре тренирует сына Владимира

Половина лучшей европейской команды в эстафете 4×100 метров вольным стилем родилась в Норильске и была подготовлена еще недавно мастером из цеха электролиза меди.

Олимпиада 1972 года — последняя в жизни Валерия Владимировича. Сын — третий среди спортсменов мира — выиграл серебро в составе эстафетной команды 4×100 и еще одну бронзовую медаль (4×200).

Отца уже пятнадцать лет не было на этом свете, когда — гласность пришла — заслуженный мастер спорта Владимир Буре признался в газете, что спортсмен у нас остается бесправным существом, игрушкой в руках чиновников, и рассказал на собственном примере, это был 1989 год, как в 1979-м его отлучали от сборной, нарушив накануне Московской олимпиады элементарные принципы спортивного отбора: мол, ты стар и вообще неправильно плывешь. «Я сдался. Честно скажу, не хватило сил бороться за справедливость».

То давнее интервью заканчивалось так: «Двое моих сыновей занимаются хоккеем. Старший уже входит в основной состав ЦСКА, выступал за различные сборные. Мне, отцу, хочется, чтобы ребята нашли в спорте радость самовыражения...»

Прошло еще десять лет. Когда видишь на льду Павла Буре, да и Валерия, пусть не столь яркую, но все же заметную звездочку, перед глазами возникает витрина на Невском проспекте: «Павел Буре». Магазин времени, проще говоря, часов, вернувшийся в родной город благодаря стараниям и мысли потомка и тезки, Мастера. В Пашиных жилах течет та самая кровь — от дедов, прославившихся филигранным мастерством и талантом. Впрочем, утверждение не очевидное, можно автора и обвинить в обыкновенной игре словами: не исключено, что от чудодея-часовщика в правнуках мало что сохранилось. Да и починят ли хронометр своими руками? Такое скорее всего и в голову не придет.

Другое дело — прямая линия от деда Валерия. Вот они, гены, вот он, сгусток энергии, взрыв, именуемый стартовой скоростью, позволяющий за секунду-полторы пролететь полплощадки и оказаться

там, где тебя никак не ждали. За ту же секунду, проявив цирковую ловкость, дьявольскую хитрость, бильярдную точность и еще мало ли чего — от почти невероятной координации и устойчивости на гладком льду до умения вмиг оценить расстановку своих и чужих — с выгодами и недостатками местоположения, а также личных качеств каждого...

И это в условиях растущего противостояния, охоты на тебя... Впрочем, кажется, чем дальше, тем больше костоломы тушуются, когда перед ними Буре: прославиться легко, но мир не простит неджентльменского отношения к искуснику, дарящему радость. (Принимаю желаемое за правду.)

Мы знаем Павла с детства — с его детства. И прекрасно понимаем, что человек сам делает себя. Но в чем-то ему везет или не везет с самого начала. Паша еще не осознал себя в этом мире, бабушка Люда состригала его первые ноготки, а этим ножкам уже стоило застраховаться, как полотнам Гойи.

Но вот он вырос. Вот-вот достигнет возраста, в котором его отец покинул не по своей воле дорожку для скоростного плавания. Павлу не грозит чье-то вмешательство в собственную судьбу. Он свободен и независим. Его непохожести ни на кого аплодируют. Он может позволить себе пятимесячную забастовку и добиться своего, но, к сожалению, в Америке.

Однако не по привычке ли мы «жалеем» о чем-то успехе? Спасибо Кафельникову: услышав его прозвище «Калашников», добреют лица людей даже с автоматами в руках. Спасибо Буре-внуку: благодаря ему слова «русская ракета» стали произносить нежно, с восторгом и юмором.

Буре-дед был бы доволен внуками. Валерий Владимирович Буре покоится на Востряковском кладбище Москвы.

Хорошо, что он выбрался из котлована осенью 1939-го и его не расстреляли. А то бы прервалась династия: не появились бы на свет ни Леша, ни Володя, ни внуки, ни американские правнучки, дочери Валерия-младшего.

*Слева — врач А.А. Баяв, в центре — Елена Воронцова (родилась в Норильске в 1932 году), справа — ее отец А.Е. Воронцов. 1943 г.
(фотография В.Н. Лебединского)*

ГЛАВА 2. ЧЕРЕЗ ГУЛАГ — В ХХІ ВЕК

Мой собеседник мог и не стать норильчанином. Еще проще было не дожить до повсеместного распространения термина, обозначающего «совокупность генов», хотя в научный оборот термин «геном» ввели ровно 70 лет назад. Александру Баеву было шестнадцать, и законы наследственности его не интересовали.

Давно хотел встретиться с Александром Александровичем. Двадцать с лишним лет назад узнал о его «норильском» происхождении от А.Е. Воронцова, норильчанина с 1930-го, главного инженера Норильскстроя с 1935 года (это он справа с дочкой Леной на фотографии, сделанной В.Н. Лебединским в 1943 году, рядом с доктором Баевым; напротив бывшего управления комбината видна ограда стадиона, на месте которого вырос цех металлоконструкций). Я не раз пытался застать бывшего норильского доктора в Москве — бесполезно: то в Пущине, то в Женеве. А если даже на месте, то на заседании президиума академии, или на заседании ученого совета, или на защите диссертации, или на приеме иностранцев...

Я-то, безусловно, не отличился настойчивостью, не был достаточно предприимчив. Могу объяснить почему. Впрочем, загляните в Большую Советскую Энциклопедию, и вы убедитесь: не довелось Баеву работать в Норильске, не говоря уж о Соловецком лагере особого назначения. В Казани — да, что было, то было: окончил мединститут, там же — на кафедре биохимии... А потом переехал в столицу, где и не прерывал трудов праведных в Институте биохимии им. А.Н. Баха АН СССР ровно четверть века (1935–1959 гг.).

Не о том речь, что врет БСЭ напропалую (том 2-й вышел в 1970 году, и Норильлагу до возникновения из не-

бытия оставалось долгих 17 лет). Речь — о другом: пойдет ли на беседу о столь горьких годах академик, чье прошлое «укрыто» умниками, считающими, что огласка повредит репутации. (Может быть, их репутации? Каким-то боком замарались лично, семейно, еще как-то?)

Так или иначе, но я возобновил свои попытки встретиться с Баевым, только прочитав об изменении его статуса: член президиума АН СССР, академик — секретарь Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений, ушел в советники...

Тут легко было представить себе старичка в шезлонге, подстриженный газон дачи, еще какие-то соответствующие детали. Иногда, очень редко, прибывают какие-то люди, которым старичок дает советы, а люди стоя записывают про то, как сделать активные соединения еще более активными, и на другие темы...

Простит ли меня Александр Александрович, которому банальность в мышлении совершенно чужда, за эту картинку?

Каждое утро академик, безукоризненно одетый и выбритый, сидит за рабочим столом в кабинете на четвертом этаже здания Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта, что на улице Вавилова. Вавилова, полагаю, не того, который умер в Саратовской тюрьме, а жаль. Еще и потому, что Николай Иванович был куда ближе к молекулярной биологии, нежели Сергей Иванович... А Владимир Александрович Энгельгардт для Баева не просто имя и не только ученый, а живой человек, учитель, старший друг... Пора, однако, перейти к блокнотной записи, слегка упорядочив ее в соответствии с ходом времени (а не беседы).

— Я родился в 1904 году, 10 января, в городе Чите, а детство прошло в Казани и в деревне на Волге, верст восемьдесят выше Казани. Старая Волга, затон, хвойные леса, песок... «Корабельную рощу» Шишкина помните? Это и есть образы моего сознательного детства. Отец — адвокат, брат стал физиком, жив, сестра, бухгалтер, умерла.

После окончания медицинского факультета Казанского университета год работал в клинике профессора Горяева и три — в деревне, в 120 километрах от Казани. Там, в городе Буинске, был диспансер РОККА, Российского общества Красного Креста, где я заведовал туботделением, одним из трех... До революции, да и после нее, в этих местах приходилось бороться с массовыми социальными заболеваниями — бытовым сифилисом, трахомой, туберкулезом. Подвержены им были и русские, и татары, но наиболее пораженными среди этнических групп считались, и не без основания, чуваша. Тут дело в какой-то степени в традициях: у татар никогда не позволялось входить в жилище в грязной обуви, сказывались, видимо, и ритуальные омовения...

Из Красного Креста перешел на кафедру биохимии, в аспирантуру, но с медициной расстался не сразу. После «года великого перелома» есть было нечего, и приходилось думать о хлебе насущном. Кумысолечебница на Каме, напротив Набережных Челнов, не дала пропасть — одно лето провел там даже в качестве главврача... Ну а после аспирантуры, в 1932 году, у профессора Энгельгардта начал работать на той же кафедре ассистентом. В декабре 1934-го переехал в Москву, в энгельгардтовскую лабораторию биохимии животной клетки, в академический институт.

Меня тогда занимало (в плане научных интересов), если не вдаваться в детали, клеточное дыхание. Биохимику я бы сказал так: вопросы превращения АТФ в клетке в связи с процессами дыхания. Руководил работой Энгельгардт, я продолжал его тему. По существу, в 1936 году уже в институте биохимии была готова кандидатская диссертация. У директора — основателя нашего института приближался юбилей: Алексею Николаевичу Баху, академику и, между прочим, народовольцу, революционеру, эми-

гранту до 1917 года, в марте 1937-го исполнилось восемьдесят лет. Так как я стал ученым секретарем института, юбилей заставил на время отложить все остальные дела. Как оказалось, надолго...

Путь в Норильск начался в ночь на 1 мая в Москве. Арестованного отправили в дорогу его сердцу Казань, а там «выяснилось», что он террорист со стажем — с 1930 года.

Мне, конечно, повезло, потому что в Казань после ареста я попал к шапочному разбору. Роли руководителей «нашей» террористической организации распределили, слава богу, без моего участия. А если бы мне досталось по их сценарию нечто более существенное?.. Дальше — Лефортово. По декабрьскому закону 1934 года, как я теперь вычитал, на семерых расстрелянных приходился один оставшийся в живых. Это я и есть. Третья ступень — Соловки. Повального произвола при мне там не было. Жестокости — да. Но если вы к режиму приспособились, то уже могли существовать. Наконец, Норильлаг. Здесь я попал в привилегированное положение как медик. На общих работах вряд ли бы...

Тогда моим руководителем был Василий Николаевич Слепков, биолог и философ. Через его семинар прошли все аспиранты-биологи из университета, меди пединститута начала 30-х годов. И всех записали в террористы.

Не ищите причины ареста: здесь все ясно. Шла подготовка к процессу Бухарина. Надо было доказать, что всю страну покрыла сеть заговора. Вообще-то к Николаю Ивановичу ближе был старший Слепков, Александр Николаевич, но, конечно, и Василия Николаевича Бухарин знал. Помнится, как-то Бухарин делал доклад о Дарвине, естественно, привлек младшего Слепкова — биолог все же. Короче говоря, никогда ничего крамольного от него я не слышал, от политики я был далек, в партии не состоял, не подписал

ни одного протокола — ни на следствии, ни на военной коллегии. Это ничего не меняло. Кто-то показал на себя, ему легче было показать и на других. Я оказался в списке — вполне достаточно: 10 лет... Первые из них пришлось на Соловки. После середины 1939 года, когда большинство соловецких обитателей отправили в Норильск, на наше место в Соловки, судя по всему, прибыли соратники Ежова... Мы успели разорить монастырское кладбище (буквально на костях ставился детсад), вывели под крышу тюрьму, на песчаной косе острова строили военный аэродром — приближались финские события.

Мы прибыли в Дудинку августовским караваном. С чего начался для меня Норильск?

Опять долбил грунт, теперь уже вечномерзлый... Какую-то канаву проходили, точнее, не знаю... Похоже, что где-то прочли мою карточку или анкету, решили использовать по специальности. Вероятно, около месяца принимал в амбулатории 3-го лаготделения. И тут вдруг: «С вещами!» «Медвежий ручей», комната в деревянном доме, потом отдельная палатка. Я один на всю шахту. Травмы, дизентерия, но дистрофиков не было: на шахту отбирали тех, кто покрепче.

Отсюда перевели во Второй Норильск.

Весной 40-го массовые расстрелы уже прекратились — я застал только следы. Пустые бараки были предназначены для дистрофиков. Пришлось белить стены с нацарапанными, начерченными именами, фамилиями, подписями типа: такого-то числа начинали выводить во столько-то. Вокруг бараков валялось множество котелков, кружек, мешков, бытовой мелочи...

Со мной находился фельдшер Шавский, а домик в отдалении занимал начальник лагпункта, довольно молодой или очень моложавый украинец, которому тоже следовало поправиться, — худоба его бросалась

в глаза. Режим был почти санаторный — мои пациенты не работали, дышали чистым воздухом, никакие чины не донимали, статей не спрашивали: люди оживали за неделю-другую. Посещал нас инспектор САНО Аграновский, и ему явно не хотелось от нас уходить, тем более что питание тоже полагалось усиленным. А мне начальник позволял даже рыбалить... Нет, не удочкой, а на шнур. Метровые щуки срывались и уходили, а поменьше — добывал. До озер приходилось шлепать по тундре, по болотам, далековато...

Так это еще не все! Начальником больницы для вольнонаемных оказался мой однокурсник Владимир Родионов. Ему ли я обязан был очередным переводом, не ведаю до сих пор. Он нигде и никогда ни словом не обмолвился на этот счет. Так что скорее всего мой перевод — дело случая. Владимир Евстафьевич, очень работоспособный человек, очень толковый и удачливый хирург с жестким характером, отличный хозяин, сумел поставить себя и организовать больницу нужным образом. Питание, белье, инструментарий, медикаменты — даже трудно представить этот уровень в такой дали, да еще во время войны. В палатах всегда тепло, библиотека, врачебные справочники — образцовое медицинское учреждение! А если добавить подготовленность персонала, прежде всего врачей... Надо сказать, вольнонаемный доктор Самойлова, чувствовалось, испытывала некоторый дискомфорт: она, член партии, была единственным среди нас «другом народа», ей не позавидуешь. Хотя не исключено, что она хорошо понимала, кто ее окружает. Заподозрить в злых намерениях, скажем, Алексея Георгиевича Гейнца, думаю, было сложно: беспредельно добродушен, контактен, улыбчив, оптимистичен — никакой даже мимолетной мрачности. Видимо, таким и должен быть невропатолог. Но вы представляете обстановку тех лет? Культивирование недоверия, постоянные напоминания о бдительности...

Вы спрашиваете, не приходили ли в голову светлые мысли... о дыхании клеток? Какие-то научные идеи?

Что вы! Установка не та! Не нужно было ничего лишнего — ни почестей, ни слов похвалы, ни иной компенсации... Только выжить и чтобы выздоравливали мои больные (среди них — начальство, начальственные жены, так что благополучие мое в любой день могло оказаться призрачным).

Главное — не допустить ошибки, предотвратить возможные последствия... Жил я в больнице (и за это спасибо). Свободного времени практически не было, а если появилось — всегда есть чем заняться.

К примеру, электрокардиограф, самая первая модель Эйнтховена, еще далекая от электроники... Вытянул кварцевую нить, докрыл осмием... Или — пропаганда медицинских знаний... Как без этого? Вот и выступаешь по телеви... тьфу... по радио поселковому: «Радиационные ресурсы Норильска...» Но это уже после освобождения.

Или вот, посмотрите, сохранилась... «Инструкция о медицинском отборе кадров для работы на предприятиях Норильского комбината МВД СССР. Март 47-го. Составители А.А. Баев и З.И. Розенблум. Утверждаю: генерал-майор Панюков... Как правило, на Север должны отбираться здоровые люди. Есть три группы болезней, наличие которых препятствует пребыванию на Севере...» Для музея жалко отдать. Но отдам. У меня еще есть отчет о работе больницы в 1942 году. Вот... Всем пришлось заниматься. Пожалуйста — «Борьба с летними детскими поносами». Начинал с туберкулезных детей, а потом в Норильске, когда стал заведовать отделением, появились и другие задачи... Помню, с ухода за новорожденными (вводная лекция) заявил о себе мой «Университет матери по радио». А про сон и сновидения слушали, как детектив. Большой успех!

Вот еще документ — к вопросу о болезнях крови на Крайнем Севере. Январь 1944 года. Я считал, что авитаминозы (в частности, нехватка витаминов группы «В») стимулируют некоторые... неприятности.

Но я вам другое скажу. Меня должны были выпустить в 1947 году, а выпустили в 1944-м. В два приема уменьшили срок — и столь значительно. За годы пребывания в Норильске я даже защитил кандидатскую диссертацию. Получаю письмо от Энгельгардта: так, мол, и так, ваша работа цела, я ее сохранил, экспериментальную часть, понятно, надо бы подновить, а в целом никак не устарела. Ну, коли так, думаю, нельзя, чтобы рукопись пропала еще раз. В 1945-м НКВД дал разрешение на поездку в Москву. В общем, вернулся в науку.

В 1947 году мне было разрешено уехать из Норильска без права проживания в крупных городах. В 1947 году Киргизский филиал меня не взял, а Сыктывкар не отказал, в Коми-филиале много было таких, как я. Так что простились мы с Норильском... (Екатерина Владимировна, жена, по профессии геолог, заведовала машинописным бюро в управлении комбината; и не сказал я вам, что в Норильске родились у нас дочь и сын, Татьяна и Алексей). В Сыктывкаре работал до весны 49-го. Тут меня снова арестовали и постановлением Особого Сопения определили в ссылку «навечно», в случае побега — каторга. Я расписался...

И оказался на Енисее, мне уже родном. Если вы мне зададите вопрос о любимых мной пейзажах (а чувствую, мы к этому придем), то запишите сразу: среднерусские и Енисей во все времена года. Семья приехала ко мне в ссылку: Красноярский край, Ярцевский район, село Нижнее Шадрино в устье реки Кас. Когда-то здесь проходил чайный путь из Китая, сохранилась система шлюзов для переправы на Обь и дальше... Село небольшое, домов тридцать, колхоз «Победа» — из коренных, чалдонов, и потом-

ков кулаков, присланных... По Касу шла заготовка леса, занятие сугубо ссыльно-поселенческое. Много здесь было литовцев. Встречал и сына Якира... Там я заведовал больницей. После смерти Сталина подал первое и единственное свое заявление: прошу, мол, пересмотреть дело и по крайней мере освободить от ссылки, что и разрешили в 1954 году.

Вас интересует защита диссертации? Приятный вопрос. Защищался у Леона Абгаровича Орбели, в Ленинграде, в Институте физиологии АН СССР, а оппонентами были два будущих академика: профессор Евгений Михайлович Крепс и профессор Сергей Евгеньевич Северин (ныне здравствующий). Мне оставалось одно — читать, читать, обдумывать прочитанное, заниматься кое-чем из того, что не успел сделать до 1 мая 1937-го, а чтобы стремиться к званиям, карьере — ни в коем случае, и на докторскую не хотел тратить время...

Сделал то, что наметил, и вплотную занялся изучением обмена нуклеотидов и нуклеиновых кислот. Это уже 1959 год...

Из статьи к 80-летию А.А. Баева в «Журнале Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева»:

— В 1959 г. в связи с организацией В.А. Энгельгардтом Института молекулярной биологии АН СССР (в те годы Институт радиационной и физико-химической биологии) А.А. Баев перешел в новый институт. Он принимал самое активное участие в организации работы института. Именно в это время, в начале 60-х годов, А.А. Баев приступает к расшифровке первичной структуры транспортных нуклеиновых кислот — задача, возможность решения которой многими исследователями ставилась под сомнение. В отечественной науке не было precedентов...

Что интересовало? Жизнь как таковая... Через три года отдельные работы вылились в направление... В нашей группе были Татьяна Владимировна Венкстерн, Андрей Дарьевич Мирзабеков, мой аспирант, ныне академик, директор института им. Энгельгардта, а также Аксельрод, Татарская и другие аспиранты или стажеры. В 1967 году мы расшифровали первичную структуру одной из РНК вторыми или третьими в мире. От американца Роберта Холли так или иначе мы немножко отстали, он с Ниренбергом и Кораной получил Нобелевскую премию 1968 года, а мы — Государственную 1969 года (первую вообще по молекулярной биологии). Это была эпоха изучения химического строения транспортных РНК.

...Постепенно отошел от РНК и занялся ДНК. Первое совещание по генетической инженерии я провел в мае 1972 года — это и было началом генной инженерии в СССР. А развитие биотехнологии пришлось на 1980-е годы.

Из характеристики: «Академик А.А. Баев, обладая удивительным свойством научного предвидения... поставил перед советскими молекулярными биологами задачу создания в СССР научной базы для работ по генетической инженерии... которая в свою очередь создала базу для новой биотехнологической промышленности в нашей стране... Более 400 трудов экспериментальной, общественной и философской направленности... Герой Социалистического Труда... Член шести иностранных академий, почетный член Американского биохимического общества, в 1970-х годах — президент Международного биохимического союза».

Генная инженерия стала универсальным методом. Без нее не обходится ни одно направление генетики и

молекулярной биологии... Из моей лаборатории вышли крупные ученые... Некоторых я не могу назвать учениками в полном смысле, но какой-то импульс они получили, можно предположить, и от меня.

Корр.: Главным вашим делом с недавних пор стала программа «Геном человека». Удастся нам познакомить читателя хотя бы с основными ее положениями и задачами?

А.А.Б.: Это зависит все же от подготовленности читателей, но, думаю, нет ничего сверхсложного вот здесь, в брошюре, подготовленной, в частности, для ознакомления депутатов Верховного Совета СССР... Что такое наследственность, известно каждому. Человеческое дитя воспринимает от родителей своиственные им черты. То же происходит с животными, растениями, бактериями, вирусами. Но наследственность существует и в менее очевидных формах, на молекулярном уровне. Если воспользоваться терминами информатики... Это чуть сложнее...

Все знают, что информация передается буквами, радиоволнами, звуками различной тональности и силы (по телефону), азбукой Морзе... Природа избрала иной путь: наследственная информация передается химическими символами: ее носителем у человека является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК). Молекула ДНК образована двумя нитями, скрученными в двойную спираль...

ДНК — уникальное явление. Именно она реализует непрерывность и преемственность, стабильность и изменчивость жизни. Лишь она обладает свойствами самовоспроизведения — и воссоздает все формы жизни. Безжизненная, не способная к самостоятельному существованию, эта молекула в клеточном окружении создает свое окружение, наделенное свойствами жизни и обеспечивающее ее собственное существование.

Не подумайте, что ДНК передает из поколения в поколение знакомые всем признаки, вроде цвета

волос и глаз или черт характера. Наследственная информация содержит лишь программы синтеза белков организма и ничего более... Белки, сами по себе не способные передаваться по наследству и порождать себе подобных, создают индивидуальный организм. Вопрос о том, как запрограммирован в ДНК синтез белков, имеет ключевое значение для понимания основ жизнедеятельности.

...Далее можно объяснить, как записана программа жизни, как пришли к мысли о необходимости изучения молекулярного строения генома человека. И речь здесь идет не только о фундаментальных проблемах биологии, но и о молекулярных основах наследственных болезней, их диагностики и профилактики; о генотерапии; об аллергиях, нарушениях иммунитета, предрасположениях к сердечно-сосудистым, психическим, эндокринным болезням; о таком недуге, как рак (болезнь генома!). Иными словами, практический аспект программы очень широкий.

Наше предложение на общем собрании АН СССР в феврале 1988 года было поддержано правительством. В 1989 году «Геном человека» вошел в число 14 государственных научно-технических программ. Пока мы даже общего числа генов человека не знаем: 30? 60? 100 тысяч?.. С каждым днем крепнут надежды на интернационализацию исследований генома. По существу программа является международной, и с этим согласились делегаты конференции в Валенсии, двух консультативных встреч в Москве (в июне 1989 года ее провел Ф. Майор, генеральный секретарь ЮНЕСКО).

Вспоминаю ли я Норильск? Какая там чистота воздуха! По весне краски — ярче любой палитры... Но с пуском Большого металлургического завода деревья стали чахнуть. Когда появилась возможность ходить на лыжах, это бросилось в глаза. Когда-то у меня был период еженощных лыжных хождений.

Потом — экскурсий и пеших прогулок. А теперь веду образ жизни, близкий к неподвижности... Одну книжку я не умею читать. Так что лежит целая стопка, штук пятнадцать. Последние дни отдаю должное «Другим берегам» Набокова и повествованию Станислава Рассадина о Сухово-Жобылине. Одно время увлекся прототипами героев «Тихого Дона». Вы знаете, что они еще недавно были живы? Павел Кудинов, хорунжий из Вешек, глава казацкого восстания, его жена, княгиня; десять лет он провел на лесоповале в Сибири... Я мечтал встретиться с Шолоховым, но так и не удалось...

Честно говоря, плохо представляю сегодняшних жителей Норильска. Я же знал совсем других людей... Не забыть прибалтов, которые очень трудно привыкали к новому месту, — стали вымирать. Дискриминации не было, но сочетание сурового клима-

А.А. Баев (в центре первого ряда) с сотрудниками лаборатории Энгельгардта института биохимии имени А.Н. Баха за полгода до ареста. 1936 г.

та, физической работы и невысокой калорийности пищи на них отражалось буквально пагубным образом. Меня, между прочим, ввели в комиссию по расследованию причин их переутомляемости и вымирания. Помню глаза — «Я хочу есть». Помню моего рентгенотехника, бывшего офицера, несчастного Чакстыньша.

Мало общего у тех и современных жителей Норильска. Хотя, возможно, больше, чем кажется. И тех поддерживала мысль о полезности их труда, и эти живут в условиях необычных и трудных...

P.S. Интервью с академиком Александром Александровичем Баевым было опубликовано в «Заполярной правде» в 1990 году. Накануне он прислал мне это письмо:

Хорошо, уважаемый
Виктор Иванович!

Несколько дней тому назад я отправил Вам в Норильск первую посылку статьи (с поправками). Теперь направил Вам вторую часть.

К Студину я имел самое непосредственное отношение. Именно там в институте биологии и физиологии микроорганизмов АН СССР (директор, был и моим наставником академик Георгий Константинович Сербин) я организовал лабораторию генетической инженерии, первую в СССР. Теперь там работают мои ученики. Статьи Вы написали хорошо. Спасибо.

Ваш Абрам

20.01.90

Прошло 20 лет...

Давно пересчитано число человеческих генов. Давно город Норильск вошел в «десятку ужасов мира», в которую лучше бы не входил (хотя я долго доказывал вслед за другими «патриотами», что сера в организме не накапливается и в тысячах тонн выбросов ничего страшного нет; так не хотелось признавать очевидное). Про комбинат постепенно забывают, сочетание слов «Норильский никель» и последние сводки с Лондонской биржи металлов отодвинули в прошлое отслужившие понятия, среди которых, естественно, и Норильлаг. Но, если мы не хотим, чтобы он воскрес, имеем ли право не возвращаться памятью к судьбам наших предшественников?

Конечно, жизнь Баева рядовой не назовешь, как и ее результаты. Подумайте, однако, сколько потеряли все мы (и наши внуки), когда злая сила, отключив этот могучий мозг от великих дел, на долгие годы, возможно, отдалила прорыв человечества к свету... Сколько учеников лишили Баева лагерь и ссылка! Сколько, не исключено, Нобелевских премий недоисчиталась Россия? Сколько детей и стариков еще умрет от до сих пор смертельных болезней?

Пафос, правда, приходится умерить, когда вспоминаешь, что те же самые открытия Баева и его коллег (как достижения физиков-атомщиков) могут быть использованы и во зло...

Только при чем тут Александр Александрович, великий норильский доктор, мечтавший избавить землян от самых ужасных недугов! Он не художник, но веселыми красками расписал коридор больницы на улице Заводской...

*Любовь Лукинична и Владимир Николаевич Лебединские.
Январь 1952 г.*

Владимир Николаевич Лебединский. 14 ноября 1973 г.

ГЛАВА 3. В.Н. ЛЕБЕДИНСКИЙ: КРАТКИЙ АВТООЧЕРК

— Родился я 17 марта 1912 года в Костромской области в семье доктора сельскохозяйственных наук Н.И. Лебединского. Моя мать работала гувернанткой у Н.И. Лебединского и после смерти его первой жены стала второй женой.

В начале 20-х годов, когда отец работал продкомиссаром Каширской ГРЭС (заведовал совхозами), я часто бывал в совхозе Лёдово, где жил Г.М. Кржижановский, дважды видел и говорил с В.И. Лениным и даже его и А.Д. Цюрупу однажды вез в пролетке.

Начиная с 7-го класса я жил у дяди в Ростове-на-Дону, а потом, с 1927 года, у другого дяди — профессора Лесотехнической академии в Ленинграде. Учился я хорошо и избирался председателем школьного ученического совета. На подшефном заводе научился токарному делу, а в воинской части научился стрелять. В годы учебы в Ленинграде участвовал в качестве статиста в съемках трех кинокартин и в любительских спектаклях. В Институте по изучению мозга и психической деятельности им. Бехтерева я проходил вместе с другими исследование мозга. По числу набранных баллов я занял второе место в Петроградском районе. Кстати, первое место заняла ученица из нашего же класса. В 1929 году — первом году первой пятилетки — окончил среднюю школу-девятилетку. Хотел пойти на завод токарем, но в ту пору свирепствовала безработица и без наряда биржи труда никуда не принимали. Четверо суток непрерывно простоял я в очереди, чтобы стать на учет биржи, — проверки очереди шли днем и ночью. Но, когда моя очередь подошла, я с ужасом узнал, что стоял

зря... Мне еще было 17 лет, я считался подростком, и стоять мне надо было в другой очереди. Отстоял еще день на бирже для подростков, меня взяли на учет, выдали «Книжку безработного» и выплачивали 18 рублей в месяц пособия. Ребята, уже давно взятые на учет, сказали, что дело безнадежное — подростков на работу почти не берут. Инспектор, увидев мой рост (185 см), сказала:

— Ты иди к врачам и попроси справку, что по своему развитию можешь работать 8 часов, и иди вставай на учет ко взрослым!

Получить такую справку оказалось очень сложно. После мытарств я попал в Ленинградский институт охраны материнства и младенчества, где меня три дня изучали с головы до ног и пришли к заключению, что работать 8 часов я могу. Но для биржи труда этого заключения оказалось мало, пришлось обращаться в Ленсовет, где по моему ходатайству было принято специальное постановление, и меня приняли на учет биржи для взрослых. Ходил я на биржу ежедневно: кто ростом побольше, тех брали грузчиками на поденную работу, и я не раз грузил уголь, дрова, картошку и т.д.

В октябре 1929 года я получил долгожданную повестку, и биржа направила меня письмоношцем 3-го почтового отделения. Труд письмоносца оказался тяжелым. На выделенном мне участке стояли многоэтажные дома и фабрика «Красное знамя». Две развозки почты я еле успевал выполнить, работая с 7 утра до 7 вечера, и дома валился как сноп в постель.

В то время не член профсоюза не имел права на постоянную работу: по истечении двух месяцев его должны были уволить. В декабре уволили и меня. Однако безработица сокращалась, и биржа довольно скоро направила меня в качестве бойца военизированной охраны на завод «Марксист». Но мой возраст у коменданта вызвал сомнение, и мне предложили экзамен. Из штутцера я должен был застрелить бешеную собаку. Экзамен сдал...

Бойцы были вооружены винтовками и наганами — завод располагался на окраине острова Декабристов, вырабатывал самые дорогие сорта кожи, и кражи с перестрелками бывали не раз. Мне особенно «повезло»: в первую же мою смену, вечером, на территорию завода проник человек, но я его заметил и, действуя по уставу, свистел ему, кричал: «Ложись! Стрелять буду!» — потом выстрелил вверх, а когда он уже перемахнул через забор, выстрелил в его сторону. Начальник караула долго сокрушался:

— Надо было сначала по нему...

Как-то в феврале, в метель, двое грабителей стреляли по мне из браунингов. Войдя в фанерную будку, я случайно наклонился, и пули прошли будку выше меня. Мне удалось, зарываясь в снег, проползти метров 50 до сарая, откуда выстрелом из винтовки я ранил одного налетчика, а второй убежал. Через два месяца я снова был уволен, и хотя комендант сам ездил на биржу и просил направить меня снова к ним, биржа направила меня на нарвскую фабрику-кухню грузчиком — меня звали там «кухонный мужик». Я таскал бочки с соленой треской, туши мяса, овощи и т.д. За три дня я испортил демисезонное пальто: оно пропиталось гнилью, и я его бросил.

К счастью, биржа «забыла», что уже меня направила на работу, и я получил новую повестку. Я не стал возражать и был направлен чернорабочим на фабрику музыкальных инструментов им. Луначарского. Фабрика находилась в 15 минутах ходьбы от места моего жительства, а на фабрику-кухню я ездил на двух трамваях более часа. Работа здесь была чистая и нетяжелая: я таскал ящики, стружку, музыкальные инструменты двум упаковщикам, которые с изумительной быстротой, ловкостью и мастерством укладывали балалайки, домры и гитары в ящики. Я их заколачивал, надписывал и грузил на подводы. Мне предложили учиться искусству упаковщика. Дело оказалось непростым, но я его освоил. Когда меня должны были уже увольнять

как не члена профсоюза, я сдал экзамен на упаковщика — упаковал ящик, и его... сбросили на мостовую. Потом раскрыли — инструменты все целы! В тот же день состоялось общее собрание фабрики, и через полтора часа «допроса» я стал членом профсоюза и постоянным рабочим 3-го разряда.

В конце июля 1930 года к ленинградской молодежи обратились с призывом помочь Торговому порту, так как из-за нехватки людей порт платит штрафы золотом за простой судов. Призывали добровольцев. Я откликнулся и стал «кátалем берегов» в «Сквозной комсомольско-молодежной артели». Нас насчитывалось 57 человек самых разных профессий: повар, парикмахер, токари, чернорабочие, был даже клоун. Были и студенты. Многие искренне хотели помочь, другие думали о заработке, некоторых мобилизовали по линии ВЛКСМ. Нам назначили старосту — хитрого мужичка. В первую же получку он отсчитал себе пять долей денег. Ребята его схватили, но ему удалось убежать. Начальник района предложил нам выбрать старосту из нашей среды. Выбрали меня, хотя я отбивался. Я считал, что староста должен показывать пример в работе. Силы у меня были, работать я любил. У нас повысилась производительность труда, а следовательно, увеличились и заработки.

По окончании навигации я должен был вернуться на фабрику, где числился в командировке. Но тут объявили о наборе в Ленинградский институт труда — ЛИТ, где за полгода можно было получить хорошую рабочую профессию. Великолепно организованная учеба — практика и теория, — и в мае 1931 года я слесарем-инструментальщиком 4-го разряда был направлен на электромеханический завод им. Кулакова.

Еще в ЛИТе меня избрали членом культурной секции Ленинградского Совета.

В круг моих обязанностей входило наблюдение за кинотеатрами, театрами, клубами, музеями, До-

мом писателей и т.п., помощь им и контроль. В марте 1931 года я поступил на платные курсы художников-карикатуристов при журнале «Ревизор», но окончить их не удалось, так как курсы закрылись (журнал «закрыли»).

На заводе я изготовлял точные измерительные инструменты. Вскоре меня командировали на один из заводов, где мастер-немец обучал 10 рабочих, имеющих среднее образование, работе на очень сложном координатно-расточном станке «СИП». Здесь требовалось знание тригонометрии, логарифмов. После окончания учебы нам устроили «чашку чая», и немец, доселе разговаривавший с нами только через переводчика, сильно «хлебнув», заговорил на русском языке. На заводе им. Кулакова для меня приспособили один из прецизионных фрезерных станков, и я на нем выполнял сложнейшие разметочно-расточные операции, используя методику «СИПа». Так удалось выполнить ряд деталей для изобретения А.Ф. Шорина — звукового кино. Шорин работал здесь же.

В трамвае я прочитал объявление о вечерних курсах мастеров авиамодельного дела. Конечно же, такое я не мог пропустить и поступил на эти курсы. Учили нас капитально — такие курсы организованы были впервые в СССР. Теорию авиации, например, нам читал профессор, а историю авиации читали легендарные зачинатели воздухоплавания и авиации. В октябре я окончил курсы и был назначен районным инструктором авиамоделизма. Вечерами я вел в детской технической станции и в школах кружки авиамоделлистов. В декабре был назначен начальником авиамодельного сектора Осоавиахима Ленинградской области, и мне пришлось оставить завод. Я окончил планерную школу, летал на воздушном шаре, а на самолете «Авро» меня «окрестила» в воздухе инструктор Полина Осипенко. Мне присвоили звание среднего состава Осоавиахима. Я бы пошел и дальше, но оказалось, что здоровье у меня небезупречное: я был близорук, а таких в авиацию не брали.

Жизнь у меня была интересная. Я стал корреспондентом «Рабочей радиогазеты», познакомился со всеми музеями Ленинграда, включая запасники. Три дня жил в Пулковке, знакомясь с этим интереснейшим учреждением. Познакомился с некоторыми писателями, в том числе с М. Зощенко и Н. Тихоновым.

20 апреля 1932 года я получил неожиданное письмо, изменившее мою жизнь. Руководство завода «Большевик» (Б. Обуховский) приглашало меня на должность техника-организатора. Я терялся в догадках: откуда на этом старейшем военном заводе узнали о моем существовании?! Почему решили, что способен стать организатором производства, о котором я ничего не знал?

Поехал. Меня предупредили, что обо мне им все известно и ничего о себе я рассказывать не должен. Потом сказали, что я буду делать. И я согласился. Осоавиахим пришлось оставить. Мое рабочее место находилось в какой-то странной круглой комнате. Позже я узнал, что работали мы в жилых апартаментах А.В. Колчака, а круглая комната была его личной домашней церковью. Через полгода я стал конструктором, а еще через полгода был включен в состав особого конструкторско-технологического бюро № 10, где нам поручили разработку новой системы оружия. Перед нами выступил К.Е. Ворошилов, призывавший к скорейшему выполнению задания в связи с угрозой грядущей войны.

Меня призвали на допризывную военную подготовку. Группа человек 50 вечерами готовилась стать танкистами, и нам выделили старый танк, который предстояло отремонтировать. Танк «МС-1», один из первых в СССР, был совсем разбит, и, по существу, мы его заново изготовили, работая вечерами по 4 часа ежедневно. Потом нас на месяц увезли в лагерь, где учили вождению и стрельбам. Меня назначили старшиной танковой роты. Я освоил танковое дело отлично, но когда закончилась учеба, оказалось, что я не мог служить танкистом — рост танкиста не должен

превышать 165 см. Так, имея справку об окончании обучения на танкиста, я оказался «за бортом».

Работали мы в ОКТВ-10 с 9 часов до 23 без выходных и осенью 1933 года завершили работу. Система была испытана и принята. Нас стали распределять по разным направлениям. Когда подошла моя очередь, мне предложили продолжить учебу: «Вы хорошо работаете, и вам нужно образование!» В феврале 1934 года я поступил на 2-й курс Ленинградского машиностроительного техникума.

За год до этого я познакомился с Любовью Лукиничной Стриженов, которая работала директором техбиблиотеки на военном заводе и была секретарем комитета ВЛКСМ крупного цеха. Через год мы поженились.

Учился я на отлично, и мне назначили Кировскую стипендию. Вместо 45 рублей обычной стипендии я получал 125 рублей, бесплатный завтрак и два билета в театр раз в два месяца. Мне не везло на выборах: едва начинали кого-то куда-то выбирать, сразу называли меня. Так и в техникуме — я бессменно все годы избирался старостой группы. Каждое лето я работал в осоавиахимовских лагерях старшим инструктором авиагородка, там хорошо платили и кормили. Вечерами зимой я вел в трех школах кружки авиамоделлистов и даже на последнем курсе преподавал в своем техникуме курс «Допуски и посадки».

В июне—июле 1937 года я руководил специальным авиамоделльным лагерем на Кировских островах, где готовились к Всесоюзным авиамоделльным соревнованиям в Крыму.

В июле я окончил техникум по специальности обработка металлов резанием и решил поехать в Рыбинск, где был принят конструктором. У нас с женой были плохие жилищные условия: мы жили на разных квартирах. В октябре у нас появилась надежда на улучшение жилья, и я вернулся и поступил на завод им. Макса Гельца конструктором. Работал здесь я хо-

рошо, и мне четыре раза за год прибавляли зарплату: поступил я на оклад 400 рублей, а в октябре 1938 года получал уже 500 рублей.

В ноябре 1937 года у нас родилась дочь Алла. С квартирой, как мы ожидали, у нас так ничего и не получилось — по-прежнему мы жили в разных местах города. Мой начальник отдела на заводе был избран председателем Петроградского райисполкома. Он принял меня и сказал, что практически у него нет никаких шансов помочь мне с квартирой. Мы с женой решили покинуть Ленинград.

8 октября 1938 года были запущены первые плазильные агрегаты комбината «Североникель» в Мончегорске. Комбинат лихорадило из-за нехватки кадров.

Нас почему-то манило Заполярье своей романтикой и новизной производства: я много слышал еще на «Большевики» о чудесном металле — никеле и относился к нему с благоговением. Прочитав объявление с призывом к ленинградцам поехать в Мончегорск, я решил (и жена поддержала меня) ехать. 23 октября 1938 года по приглашению Североникеля я выехал туда.

Поезд «Полярная стрела» рано утром прибыл на станцию Оленья Мурманской железной дороги. Отсюда в Мончегорск вела ветка протяженностью 31 км. Конечная станция ветки так и называлась: «31-й километр», а не Мончегорск.

Нас встретили редкий сосновый лесок, осенняя слякоть и отсутствие каких-либо дорог, автобусов или машин. Пассажиры пошли по тропинкам, протоптанным вдоль осушительных канав. Я нес небольшой чемодан, а мой сосед по вагону повесил на плечи связанные ремнями два тяжелых чемодана и пытался нести еще три места в двух руках, но это у него не получалось. Я решил помочь ему, а он обещал помочь мне в розысках человека, к которому я имел письмо. История моего спутника меня взволновала: он, ленинградский бухгалтер, жил в очень плохих жилищных условиях и решил поехать в Мончу, чтобы

заработать на дом. Проработал 2,6 года и в отпуск поехал к семье — у него жена и двое детей. Оказалось, что жена за это время нашла себе другого, а ему достались кое-какие вещи и алименты на детей. Вот он и тащил эти вещи, решив вернуться в Мончегорск одиноким.

Адрес Павла Титовича Кондратовича, к которому я имел письмо, звучал так: «В поселке Монча, повыше столовой, дом из горелых бревен». Мой спутник объяснил, что Мончегорск состоит из трех поселений: поселок Монча — наиболее древний, начатый еще геологами, поселок «Банно-прачечный» и сам город, еще только строящийся по проекту ленинградского архитектора В.С. Непокойчицкого. Мончегорск — буквально детище Ленинграда. Город и комбинат проектировали в Ленинграде, и почти весь средний и старший техперсонал состоял из ленинградцев.

Мы вошли в город. Улицы частью замощенные, дома в четыре и три этажа, каменные. Тут мой спутник оставил вещи и повел меня дальше. Грунтовая дорога из города вела вниз к озеру. Слева располагался «Банно-прачечный» поселок — четыре деревянных двухэтажных дома и баня. Вышли на дамбу и, перейдя ее, вошли в Мончу — поселок из разнокалиберных домишек, разбросанных по склону горы на берегу озера. Слово «монча» переводится с саамского как «красивая», и действительно, местность была по-своему красива.

Я приехал в воскресенье. Кондратовича нашел быстро, дверь мне открыл он сам — коренастый, плотный, немолодой уже мужчина. Он извинился за вид, который мне открылся: на трех койках небольшой комнаты лежали трое мужчин в одежде и в сапогах. Четвертая койка была аккуратно заправлена. На столе, под столом и на полу — всюду валялись бутылки, а также банки от консервов. Павел Титович развел руками и сказал:

— Вот, так и приходится жить...

Он повел меня по поселку к гостинице, где мне с трудом выделили койку. Гостиница представляла собой примитивный барак в два этажа. На другой день я стал конструктором комбината «Североникель» с окладом 700 рублей. Наше конструкторское бюро размещалось вместе с отделами главного механика и главного энергетика на втором этаже строящейся подстанции ГПП. В КБ работало человек девять, никаких элементарных удобств, даже туалета, и близко не было. Зато в столовой, что находилась в километре, кормили не хуже ленинградского ресторана: в меню 60–70 блюд, в том числе такие, как уха из печени налима, жареная кумжа и т.д.

В Ленинграде я работал с точными приборами и машинами. Здесь оборудование совсем незнакомое — крупное металлургическое, горное, транспортное. Вид огнедышащего ватержакета или конвертера пугал снопами искр и жаром. Технологию никеля и меди я освоил при помощи Кондратовича. Скоро на самые трудные дела стали посылать главным образом меня, и тут произошло событие, сыгравшее положительную роль в моей жизни. Было это в январе 1939 года.

Из рафинировочного цеха позвонили, чтобы прислали меня на аварию. Я побежал. Металлурги показали на 50-тонный мостовой кран — вот, мол, авария на нем. Кран стоял над конвертером, механик, слесарь и я полезли на подкрановый путь и прошли по нему до крана (перил здесь нет, а есть лишь полка на высоте 19 метров). Когда меня подвели к крановой тележке, конвертер наклонили и бросили в горловищу флюсы. Конвертер загудел и стал выбрасывать на меня снопы искр и газ. Механик и слесарь побежали и велели мне тоже бежать. В общем, когда при помощи механика и слесаря меня спустили вниз, я был почти без сознания. Меня обступили металлурги и наперебой предлагали папиросу. (Это было бы для меня отравление.) В этот момент ко мне подбежал черный в очках человек, схватил меня и потащил на улицу. Это

оказался новый начальник смены Володя Терпегосов. Оказалось, что меня «крестили». Никакой аварии не было, все было подстроено. Весь день я страдал, но у меня в душе ютилось и какое-то чувство удовлетворения: мне сказали, что «крестят» далеко не всех, только тех, кого посчитают достойными. Меня как бы приняли в семью металлургов.

Вскоре после «крещения» Павел Титович пригласил меня на небольшое торжество — он запускал в работу электропечи РНБ для выплавки анодов никеля. Он являлся крупным специалистом по этим печам, и их впервые стали применять в никелевом производстве. Когда выплавляли первые аноды, пришли Береснев — главный инженер комбината и еще несколько руководителей. А 23 февраля 1939 года выплавленные аноды опустили в ванны электролиза и получили мончегорский чистый никель.

В гостинице, в 10-метровой комнате, жили кроме меня трое. В ноябре один из соседей выехал, и я занял его койку. Отдел кадров оформил вызов моей жене, и она приехала. К тому времени она училась в Ленинградской Коммунистической академии им. Крупской на библиотечном факультете на 4-м курсе. Ей предложили временно должность секретаря главного энергетика комбината А.А. Фрумкина. Позже она стала директором техбиблиотеки города Мончегорска. Жили мы вчетвером в большой тесноте, кроме того, один из соседей был алкоголик. Весной 1939 года он уснул на морозе и, став полным инвалидом, вскоре уехал, третий товарищ сам ушел, уступив нам всю комнату. Весной 1939 года я сдал экзамены и поступил в институт цветной металлургии на заочное отделение. Одновременно мне предложили преподавать на курсах для мастеров социалистического труда, где я читал лекции по технологии металлов, допускам и посадкам, черчению, математике и физике. Вскоре нашего начальника конструкторского бюро уволили, а меня назначили на его место. Бюро расширилось,

приезжали новые конструкторы, а потом я принял на работу двух слушателей этих курсов, и они оказались талантливыми конструкторами. В завершение этих событий в июне 1939 года в мае родился сын Игорь. Вот в таком водовороте событий шла наша жизнь — интересная, насыщенная, и мы были довольны, что приехали сюда.

Однажды летом один из механиков предложил мне пойти на рыбалку. Условия этого похода, как он предупредил, будут очень трудными, но я пошел. Шли мы долго. Обогнули горы Ниттис и Кумужье, где располагались рудники, и зашли в такую чащобу, что, кроме кусочка неба, ничего не было видно. Потом мы наткнулись на ручей, и мой товарищ стал вытаскивать одну форель за другой. Ловили рыбу до утра, поймали много. Когда я вошел в город и мне повстречался один хороший знакомый, то он повел себя более чем странно: равнодушно посмотрел в мою сторону и пошел, даже не поздоровался. Когда я вошел в гостиницу, на меня смотрели тоже как-то странно. Все выяснилось дома, когда жена предложила мне посмотреть на себя в зеркало. На меня смотрел совершенно незнакомый человек с красным носом картошкой и синим лицом — так изуродовали меня гнус и комары.

О работе я не буду рассказывать, хотя было много разного. Упомяну только самое интересное: я участвовал в работах по получению кобальта, а во время войны зимой 1940 года мне поручили разобрать привезенные из Петсамо образцы горного оборудования и дать заключение.

Нам выделили большую комнату в «Банно-прачечном» поселке, и наша семья из пяти человек жила хорошо, но вскоре началась война.

Меня назначили начальником штаба по эвакуации оборудования. До того как немцы разбомбили железную дорогу, мы успели вывезти все основное оборудование. Многие руководители отправили свои семьи в первые дни войны. Мы с женой решили: если

уж будем погибать, то вместе. Когда уже никого в городе, кроме истребительного батальона, не осталось, предложили и нам выехать. Плыли мы по озеру Имандра на катере, потом ехали по железной дороге до Кандалакши, плыли по Белому морю до Архангельска, а оттуда по Северной Двине на Котлас и эшелоном до Красноярска. Я имел направление в Норильск, но еще по дороге туда меня переадресовали на строительство Джидинского вольфрамового комбината в Забайкалье. В пути у нас сбежал начальник эшелона с документами на право въезда в запретную зону. Меня выбрали начальником эшелона, и мне удалось добиться получения новых документов.

Заместителю директора комбината «Североникель» В.Е. Росману поручили организовать добычу каменного угля у Гусиного озера, южнее Улан-Удэ, и дали право мобилизовать на работу любых мончегорцев. Я был назначен начальником проектно-сметного отдела строительства угольных шахт.

Такое назначение было конечно же возможно лишь в условиях войны. В самом деле, технолог-механик — и вдруг начальник отдела по проектированию угольных шахт! Я же совсем не разбирался в таких делах. Но тогда и не спрашивали: можешь ты или не можешь, хочешь или не хочешь. Отказ от работы считали саботажем. К великому моему удивлению, и отдела-то не существовало. Мне сказали: набирай себе работников сколько хочешь, но в течение ближайших месяцев должны быть генсмета и деньги, причем сразу потребовали достать 6 миллионов рублей. Было от чего растеряться. Не буду описывать подробности, хотя они и интересны, а только скажу, что не очень успешно, но дела пошли и я стал даже добывать авансы в промбанке, удалось набрать немного людей, и работа наладилась.

Уголь пошел на-гора. Но оказалось, что гусиноозерский уголь «длинно-пламенный» и не годился для паровозов и топок электростанций, спроектированных

для черемховских углей. Кроме того, этот уголь самовозгорался при хранении более двух месяцев. Сначала никто этого не знал и надежды на гусиноозерский уголь были огромны. А.П. Завенягин распорядился даже прислать из Норильска в Гусиноозерск главным инженером К.А. Коровина и еще человек 20 инженеров. Один из них — А.И. Гертнер (в прошлом он работал главным инженером Московского метростроя и был крупнейшим горным специалистом) ехал моим главным консультантом. К февралю 1942 года, когда стало совершенно ясно, что шахты надо не строить, а закрывать, В.Е. Росман этого не понимал и все разговоры на эту тему считал саботажем. Мы с К.А. Коровиным решили в обход Росмана информировать Завенягина о ситуации. Шахты закрыли. Меня откомандировали в Норильск.

25 апреля 1942 года меня назначили начальником конструкторского бюро Норильского комбината.

Мне было приказано механизировать порт комбината в Красноярске, чем я и занялся. Кроме того, как я узнал, перевалочные базы в Красноярске страдали без воды, так что пришлось искать водоносные слои, проектировать насосы, бурить скважины. Вода пошла. В середине июня я прибыл в Норильск. Нам выделили огромную комнату в бывшем общежитии на Заводской улице. Дали койки и матрасы, табуретки и стол. Но жить в этой комнате оказалось выше наших сил: клопов было больше, чем звезд на небе. Так что мы большую часть ночи проводили на крыльце.

5 июля 1942 года строители сдали первый подъезд первого многоквартирного жилого дома в будущем городе Норильске. Я и моя семья стали первыми жителями этого дома, получившего название «дом со всеми неудобствами». В доме не было воды, канализации, отопления, электричества, телефона, радио. Полы были не крашены, окна не замазаны. Подъехать к дому нельзя — кругом тундра, состоящая из болот и озерков, в которых плавали дикие утки. Наш адрес

был такой: Горстрой, дом № 9, в настоящее время это дом № 5 на улице Севастопольской. В 11 часов утра подвода подвезла наши вещи к большой арке Горстроя, здесь грунтовая дорога заканчивалась, и мы по мосткам из двух досок вещи носили в дом. Подъехал А.А. Панюков, поздоровался и, как бы извиняясь, проговорил, что вот нет труб, электропроводки, шнура и т.д. Восемь с половиной лет мы прожили в этом доме с неудобствами. Конечно, мы не сидели сложа руки, и нам неофициально провели свет, поставили электрические печи. Все это обошлось нам в 15 пачек папирос — «валюта», которая ценилась выше всего в Норильске.

Работа в Норильске, несомненно, была сложнее, чем в Мончегорске, но опыта у меня тоже прибавилось. Самым трудным было проектирование совершенно мне неизвестных машин и агрегатов. Вот характерный пример. Вызывает меня начальство и говорит: надо спроектировать путепередвигатель и спредер. А что это такое? Дают фотографию из какого-то издания. Ни размеров, ни подробностей — загадочная картинка! Чего только мы не проектировали! Как-то пришел зубной врач и говорит: тысячи людей мучаются без зубов, нет коронок, помогите! Спроектировали мы прокатный стан, штамповочный пресс и начали катать нержавеющей полосу и штамповать коронки. Нет гвоздей — спроектировали гвоздильный автомат. Да вообще-то все трудно перечислить...

16 июня 1943 года состоялось собрание парторганизации металлургов — самой большой организации в Норильске, куда входило и управление комбината. Собралось человек 200. Повестка дня: отчет главного инженера БМЗ А.Р. Белова о работе металлургов и прием в партию машиниста 50-тонного крана П.Г. Алексеева и начальника КБ В.Н. Лебединского. Приняли нас обоих.

На следующий день — срочнейшее задание: спроектировать плуги, бороны, а главное — капу-

стосажалку-автомат. Ну, плуги и бороны еще как-то спроектировали, а вот капустосажалку-автомат пришлось изобретать. Сделали все. По партийной линии мне поручили вести два кружка текущей политики: один — на механическом заводе для группы рабочих, готовившихся в партию, а другой — в Доме политпросвещения, который располагался на первом этаже дома со всеми неудобствами, то есть как раз под нашей квартирой. С конструктором П.И. Абрамовым мы изготовили огромную карту СССР. Ее повесили в вестибюле ДИТРа. Начальник Центральной химлаборатории В.К. Гусаковский каждое утро отмечал положение на фронте, и в вестибюль стекались буквально сотни людей — всех конечно же интересовало положение на фронте.

Вместе с другим талантливым конструктором — С.П. Кузьминым мы взялись за издание стенгазеты «Колючка». Я собирал материал и делал эскиз будущей газеты, а Сергей Петрович рисовал цветными карандашами и делал надписи. Обычно мы помещали в каждом номере не более двух-трех фактов, а иногда и один, но зато газета выходила через считанные часы после события и пользовалась огромной популярностью. Вывешивали мы газету в механосборочном цехе механического завода, и сюда приходили люди со всего комбината. В декабре 1944 года в вестибюле ДИТРа был вывешен щит «Пропаганда», на котором укрепили фотографии лучших лекторов и пропагандистов. Под моим портретом сделали надпись: «Лучший пропагандист п. Норильска». Меня наградили медалью «За трудовое отличие», потом медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Такую же медаль получила моя жена, она со дня приезда работала заведующей техническим архивом проектного отдела (позже — проектная контора). Меня назначили заместителем главного механика комбината и избрали заместителем секретаря парткома парторганизации металлистов.

15 июня 1947 года в Норильске произошло чрезвычайное событие: директора Центрального ремонтно-механического завода (ЦРМЗ) забаллотировали в члены парткома металлистов. Подобного в Норильске еще не бывало.

Взволнованный директор позвонил главному механику комбината, где в это время находился и я. Он сказал, что слагает с себя обязанности директора, так как ему объявлен вотум недоверия. Всю ночь руководство комбината — Панюков, Зверев и Ботвинов с участием начальника политотдела В.И. Козловского обсуждали чрезвычайное положение и искали решения. Утром меня уведомили, что я назначен директором завода.

Работа, конечно, оказалась очень трудной. На заводе работало 3200 человек круглосуточно, а программу производства можно охарактеризовать одним словом — хаос. Заказы самого неожиданного и разного характера сыпались на завод сотнями, и все срочно! Загрузка заказами превышала возможности завода в 5–10 раз, а по сложности некоторые казались фантастичными. И нередко завод вставал в тупик. Вот пример. У импортной турбины мощностью 25 мегаватт были повреждены два ряда лопаток. Все заводы СССР отказались изготовить новые. Тогда эту работу приказали выполнить нам. Лопатки сделали. Шеф-инженеры Ленинградского и Харьковского турбостроительных заводов ахнули и назвали работу чудом.

Бывали и другие случаи: поручили изготовить кастрюли. Никто, конечно, и не думал, что орешек-то окажется крепким. В Норильске не нашлось ни знающих людей, ни литературы о том, как делать кастрюли. Помучились здорово, пока открыли метод изготовления кастрюль.

Были трудности и другого рода. На заводе раскрыли «подпольный завод», на котором делали ложки из алюминия, очень дефицитные в Норильске.

Были и работы, получившие высокую оценку. Например, научились отливать радиаторы для отопления и детали из специальных марок чугуна для кобальтового производства. За этот чугун нас даже премировал главк крупной суммой денег. А еще на заводе процветало производство оружия. У меня в сейфе лежало более полусотни кинжалов и кастетов, отобранных при осмотрах. Некоторые кинжалы представляли собой произведения искусства: они были инкрустированы, воронены и изготовлены из высших сортов стали. Через год работы директором я сильно износился — ведь, по сути, не было выходных и по ночам спать не давали. Стал просить о переводе на другое место. Мою просьбу решили удовлетворить, но тут же избрали секретарем парткома металлистов. В 1946 году началась подготовка к пуску Большой обогатительной фабрики.

Она строилась самой большой в стране и второй по величине в мире. Оборудование устанавливали в основном американское. По неопытности закупщиков его приобретали разных фирм и конструкций. Позже выяснилось, что фирмы, поставляя агрегаты одного типоразмера, присылали машины с деталями разных размеров. Для каждой машины, как они писали в сопроводительных бумагах, запчасти надо заказывать разные. Вот как было тут закручено!

23 сентября 1948 года меня назначили заместителем главного механика Управления обогатительных предприятий по планово-предупредительному ремонту (ППР). Фабрика могла работать только при хорошо отлаженной системе ППР. Нарушение графиков ППР грозило остановкой фабрики и комбината. Работа по организации ППР представляла трудную инженерную задачу из-за отсутствия чертежей и сроков службы деталей. Трудность усиливалась тем, что в США приняты отличные от СССР допуски и посадки, материалы, технология производства деталей, коэффициенты коррекции,

а главное — машины, закупленные в США, были рассчитаны на работу в мягком климате и с более мягкими горными породами. Работа потребовала больших усилий нашего коллектива, пуск фабрики начался 5 ноября 1948 года.

С пуском начались аварии и поломки, потребовавшие больших физических и моральных издержек. Много ночей провел я на фабрике. Меня наградили медалью «За трудовую доблесть», а в 1950 году назначили главным механиком управления. Мне присвоили звание «Горный директор 3 ранга» и наградили орденом Трудового Красного Знамени. Между прочим, я один выпускал нерегулярно газету «Колючка». И не только бичевал всяких бездельников. Был такой случай. На складе руды случилась технологическая авария — руда склеивалась, смерзалась и зависала сводами, не шла по транспортерам. Дробильщики мучились, шуровками ковыряя своды, и все время находились под угрозой обвала (бывало, люди погибали).

Начальство ругало, комбинат лихорадило, и дошло до того, что люди просто валились с ног. Оставались рудники, металлургические заводы... Кошмар! Я нарисовал «Колючку» в виде директора дробильной фабрики с шуровкой и написал: «Держитесь! Будет и на вашей улице праздник!»

Мне рассказывал диспетчер, что когда П.Ф. Казакову доложили, что в «Колючке» изображен он (Петра Фомича я нарисовал очень похоже!), то директор дробильной фабрики буквально взвыл от ярости и помчался к месту, где вывешивали «Колючку». Я выпустил около сотни «Колючек», но это был первый случай, когда персонаж этой в общем-то бичующей газеты меня чуть ли не обнимал! И действительно, вот такая нехитрая фраза сильно подняла дух у дробильщиков. Фраза «Будет и на нашей улице праздник!» произносилась всеми и повсюду. Мне удалось добиться того, что работа механослужбы фабрики была признана лучшей не только в Норильске, но и

в масштабе министерства. Например, коэффициент движения шаровых мельниц достиг самого высокого уровня в стране. Не следует, конечно, думать, что это моя заслуга: в нашем коллективе собрались великолепные, думающие и творческие работники, и многие достижения механослужбы являлись всесоюзными достижениями.

Графики ППР выполнялись, но все с большим и большим трудом. Дело в том, что к графикам требовались запасные материалы и запчасти высокого качества. Механический завод не обеспечивал и малой доли потребности. Управление снабжения «выбивало» тоже далеко не все, что требовалось, и наши заказы, особенно на импортные детали, продвигались с большим трудом и опозданием.

В 1949 году я был делегатом Всесоюзной конференции механиков. Узнал, что «голод» на запчасти — явление общегосударственное, страна все еще залечивала раны войны. Главный механик министерства в беседе сказал, что надо завязывать связи с заводами-поставщиками, надо ездить самому. С тех пор я стал ездить по заводам по три-пять раз в году, делал доклады о работе нашего оборудования, о самом комбинате и распекивал руководителей. Но, к сожалению, дефицит кое в чем нарастал.

К декабрю 1953 года у нас из 13 короткоконусных дробилок остановилось девять! У них вышли из строя конические шестерни, эти шестерни крупного модуля могли делать только три завода в СССР. Нам делали их на Уралмаше, а если точнее, то... не делали. Нам нужно было сегодня 9 штук, а заказ был принят на 5 штук, и к декабрю ни одной не сделали. 5 декабря в кабинете директора комбината В.С. Зверева собрались десять руководителей комбината. После бурных речей, когда все собравшиеся требовали, чтобы сам Зверев поехал на Уралмаш и в Москву, Зверев послал на Уралмаш меня. Мне сильно повезло: в заводской газете Уралмаша напечатали фельетон, «героем» которого был я.

Меня приняли главный инженер и директор завода и сказали, что разработано предложение, ускоряющее выпуск шестерен в два раза, и 10 шестерен были доставлены в Норильск самолетом. Когда я вернулся в Норильск, то узнал, что 24 декабря 1953 года назначен заместителем главного механика комбината. С.И. Ботвинов болел, и ему искали преемника.

Здесь я немного вернусь назад. Осенью 1943 года ко мне подошел А.Н. Гарри (писатель, соратник М. Кольцова). Он работал консультантом технической библиотеки комбината. Гарри сообщил, что создается «История Норильска». Приказом Панюкова он получил право привлекать к работе любого. Мне он и поручил написать «Историю норильского машиностроения». Я написал и с тех пор увлекся сбором материалов по истории Норильска, вел записи событий.

В 1954 году нас передали в Министерство цветной металлургии, и по поручению директора комбината я подготовил доклад о Норильском комбинате, с которым меня и послали в Москву. Этот доклад вскоре стал моей лекцией о Норильске. К ней проявили исключительный интерес и меня буквально терзали. Читал я ранним утром, когда люди шли с ночной смены, вечером и днем, на участках и в больших залах, на семинарах и в школах. В 1956 году мою лекцию официально утвердили, и общество «Знание» пожелало ее издать. Рукопись размножили в 20 экземплярах, раздали рецензентам и более года обсуждали. За это время двое моих рецензентов договорились в Красноярске, книга о Норильске вышла, но под фамилиями этих рецензентов.

В 1963 году по предложению Норильского телевидения я подготовил «Историю Норильска» под названием «Норильск и норильчане» и в 12 передачах с показом примерно 1000 фотографий рассказал о Норильске. В 1965 году меня наградили орденом «Знак Почета». Я написал много очерков для «Заполярной правды» и Норильского телевидения. Печатали мои очерки и во всесоюзных изданиях. Всего опубликовано моих работ более 200. В 1966 году меня приняли

в Союз журналистов СССР, избрали председателем правления общества «Знание» и присвоили почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В 1968 году я ушел на пенсию. В том же году познакомился с московским писателем П.И. Мельниковым, который согласился быть соавтором книги о Норильске и норильчанах. В 1971 году вышла «Звезда Заполярья» — наша книга о норильчанах. Мне удалось собрать большой архив по истории Норильска: только фотографий насчитывается около 20 тысяч и разных документов более 10 тысяч. Материалы я продолжаю собирать.

Кроме исторических очерков я попробовал себя в жанре повестей и рассказов. Некоторые из них напечатаны.

Вернусь к производственной работе. В 1955 году на Уралмаше создали первый в стране шестикубовый экскаватор, эту уникальную машину поручили смонтировать на руднике «Медвежий ручей». Трудную, но очень интересную работу мы выполнили. В 1957 году был создан конструкторский отдел комбината, который поручили возглавить мне. Одновременно я исполнял обязанности главного механика комбината. Затем, работая заместителем главного механика, я возглавлял работу по проблеме морозостойкости металлов — важнейшей в условиях Заполярья, принимал участие в конференциях по этой проблеме. Ее удалось решить, и с нашим участием был создан ряд машин в северном исполнении.

В 1943 году в Норильске у нас родилась дочь Вера. Таким образом, у нас ленинградская дочь, мончегорский сын и норильская дочь. Все дети работают в Норильске вместе со своими мужьями и женами, скоро начнут работать внуки и тоже — в Норильске. Это наш родной город! Общий стаж работы мой, жены и детей только в Норильске уже превысил 110 лет.

Р.С. Этот автоочерк Владимира Николаевича Лебединского публикуется впервые и почти без правки. Датируется он 1981 годом.

Краткий автоочерк как заголовок принадлежит Владимиру Николаевичу, и я не стал его трогать. Автор столь подробных записей не шутил, и ведь в самом деле его жизнь тянула на «автороман».

Почему не напечатал Владимира Николаевича раньше? Показалось, что добрая сотня «я» в тексте, да и стиль, местами как бы пародирующий М.М. Зощенко, не предоставляют такой возможности. Теперь думаю, что ошибся, хотя тридцать лет назад, безусловно, избавил автора от критических стрел. Кстати, за то же время редактор стал куда либеральнее и гораздо спокойнее воспринимает подряд шел, вошел, пошел и другие повторы слов и оборотов. Даже не хочется вычеркивать ненужное в фразе: «В завершение этих событий в июне 1939 года в мае родился сын Игорь». Пусть читатель улыбнется — Владимир Николаевич против бы не был, — зато найдет столько интересного...

Документ эпохи. А. Львов

Иван Макарович Перфилов

ГЛАВА 4. ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ПЕРФИЛОВ

Комсомольскую организацию «Норильскстрой» 1937 года часто называют Перфиловской. Что это за человек, какого роду-племени, какие пути-дороги привели его в Норильск, какое место этот город занял в его жизни, как она сложилась в посленорильский период? На эти и другие вопросы отвечает сам Иван Макарович в своей московской квартире, неподалеку от Красной Пресни, накануне своего 75-летия (январь 1986 года). Рассказ И.М. Перфилова записал А.Л. Львов, публикуется в сокращении.

— Прадед Авраамий прожил на земле 108 лет, дед Харлампий — 90, отец — 86... Пожалуй, придется мне пожить, приблизительно говоря, лет 80. Хотя в детстве ничего не предвещало столь долгого пребывания на белом свете, да и позже...

Мне было года три, когда я заболел водянкой. Лежал весь распухший, мать испугалась: столько лет не рожала — и потерять Ивана... Повезли меня из деревни Шарапово в уездный центр Егорьевск, а там как-то вылечили.

На трибуне — И.М. Перфилов, начальник строительства ТЭЦ. В первом ряду (слева направо): строитель С.И. Енин, директор Норильского комбината А.А. Панюков, начальник политотдела В.И. Козловский, геолог А.Е. Воронцов, замнаркома А.П. Завенягин. ДИТР (вероятно, 1943 г.)

Прошел год или два. Мы с ребятами бегали по полю, и я разрезал — распорол ногу (думали, потеряю) о разбитую четвертную бутылку из-под самогона. Опять Егорьевск, и долго ходил на костылях.

Только сложил костыли... Играем «в птички». Взрослые ушли на лесозаготовки, а мы, трое парней (мне — пять с половиной), в сарае «свили гнездо», которое и подожгли... От сарая ничего не осталось. Вся деревня прибежала тушить, чтобы огонь дальше не распространился... А мы знать ничего не знаем, не выдали друг друга.

Это уже девятьсот шестнадцатый год. А семнадцатый запомнился так: толпа шла со знаменами (мой образ революции). Что было на знаменах, не знаю — еще не читал. В школу пошел восьми лет, значит, в девятнадцатом. Еще преподавали Закон Божий. Он меня подводил. Поп ставил коленями на горох и бил по голове линейкой: я никак не хотел учить «Отче наш...». Почему — неизвестно. Не понимал, видимо, что атеист должен знать предмет разногласий...

Ворово — так называлась деревня, где была школа. Отец родом из Ворово, мать — из Шарাপова, что в четырех километрах. Отец вернулся с фронта — и мы переехали в Шарапovo, того же Егорьевского уезда Рязанской губернии, жили у деда Ивана Антоновича, отца мамы. Он был столяр, музыкант и гуляка. Дело разумел, руки золотые. Домик имел небольшой, но на загляденье — и сени, и за сенями помещения для коровы, для птицы. А в Ворове, у деда Харлампия Авраамиевича, изба большущая, легко поместились и сыновья Макар и Степан, у обоих по двое детей и по жене. Все мужики — плотники.

Стол, помнится, огромный — с трудом дотягивался до середины, где миска одна на всех. Дед стукнет ложкой по столу — сигнал к еде. Если заметит, что мясо норовишь схватить в ущерб остальным, — достанется той же ложкой по лбу. Случалось...

Плотники — ум в руках, а место для флигеля есть: «Давай, Макар?» Срубили, и стал у нас свой

дом. Маленький, но свой: итальянское окно, зал, кухня, сени.

Отец ездил в Москву на заработки, мать учительствовала. Школа стояла за деревней. Красивая! (Потом, когда много лет спустя взглянул на нее, оказалось, лачуга лачугой). Бывало, с матерью концерты устраивали: сядем на завалинку — возле нас народ собирается, концерт по заявкам: «Вниз по матушке по Волге», «Вечерний звон»... У меня дискант, всегда запевал, у нее — голос, берет ниже, меццо-сопрано...

Маму звали Акилиной. У нее было две сестры. Одна — в деревне Гора, в Горе — так у нас говорили, с погостом, где похоронили прадеда Авраамия (до самой смерти в огороде работал, и я ему помогал). А вторая мамина сестра вышла за москвича — культурного, грамотного. Он был специалист по железнодорожному движению, она много читала, детей бог не дал, меня брали к себе года на полтора. Перед самой школой я вернулся домой.

А может, им трудно стало держать лишний рот — началась голодуха и в Москве, и вокруг. Отец организовал городских плотников в артель, нашли подряд на станции Безенчук, близ Самары (там вели ветку). Погрузились — и туда. Но наголодаться успели. Мать молола картофельную шелуху, что-то добавляла, получалась какая-то черная масса, ею и пробавлялись.

Под Самарой разместили нас по баракам, рядом бахчи, арбузов полно, хлеба тоже вдоволь, но только белый. Пять пудов белой муки надо отдать за один пуд черной... Купили козу, я ее пас, молочко было... А через год голод нас догнал: засуха. Страшно вспоминать... Были случаи каннибализма.

Плотницкая артель отправила разведчика дальше на восток и вскоре перебралась за своим посыльным в Томскую губернию, где тоже строили ветку. Опять бараки. Вместо моей подшефной козы — корова (мне уже двенадцатый год, справляюсь). Гражданская война закончилась не так давно, находим с друзьями заправленные пулеметные ленты, бросаем патроны

в огонь — ох и стрельба! Удивляюсь, как это никого не убило.

В школу не ходил — тайга, но грамоте учила мама. В конце 1923 года получаем письмо из Осташкова Тверской губернии — от деда Ивана: «Приезжайте сюда». Отец сумел достать «телячий» вагон, перегородил его (место для коровы и сена), соорудил нары... Цепляли-перцепляли вагон к разным поездам, пока не добрались до нового места. Берег Селигера — чудо! Озеро омывает весь город — по тем временам достаточно культурный: летом здесь отдыхали приезжие из Питера, театр был в бархате, гастролировала оперетта с премьером Болотовым, по дорожкам трех городских садов прогуливались пары, манил рекламой большой синемаграф... Где сейчас турбаза «Ельцы», в дубовой роще, в имении графа Толстого (одного из Толстых, не Льва Николаевича), когда-то останавливался царь Александр Первый, посещал, говорят, кожевенный завод Савиных (при мне он стал Первым государственным имени красного директора Юзефовича).

Я пошел было во второй класс, но меня тут же перевели в третий, а в четвертом — как сейчас помню 1924 год, смерть Владимира Ильича Ленина — ровно полчаса в театре читал под рояль, мелодекламировал. Грустные и торжественные слова, стихи о революции, Шопен — все это, видимо, доходило до глубины сердца, люди плакали, и мой аккомпаниатор тоже:

— Ты говори, Ваня, говори, на меня внимания не обращай!

Год 1925-й по логике вещей должен был стать последним в моей жизни... После Троицы, на Духов день, шестеро ребят и четверо наших подружек набились в рыбацкую лодку и отправились километров за пять по озеру на Гладкий луг — там любители играли в лапту. Мать с отцом, надо сказать, не разрешали мне лодочных прогулок, будто предчувствовали... Но разве отстанешь от компании?! Ушел без спросу — в нарядном костюме а-ля Гарри Пиль (модный

был киноактер) и в хромовых сапогах (особый шик!). Три пары гребцов на чужой лодке, плохо или неумело управляемой... До берега оставалось километра полтора, когда нас накрыла черная туча и разыгрался шторм. Короче, захлестнуло, перевернуло... Страх! Одной из последних мыслей была такая: «Сейчас все утонут — что я буду делать, что говорить?» Между тем волна подбросила лодку к ребятам, девочки оказались в стороне, одни...

Как я добрался до суши, не помню. Знаю, что из сил выбился, мысленно попрощался с мамой, со всеми, в последний раз взглянул на небо — все... И оказался я в царстве рыб, как в «Садко», ведут меня к царю... И вдруг неведомая сила выбрасывает меня вверх (видимо, оттолкнул ногами дно), пробкой вылетел, сознание на минуту вернулось, опять небо увидел... и лодку. Показалось? Нет, приближается... Опять потерял сознание и скрылся под водой.

Какая-то пара отдыхающих, он и она, рыбачили. Увидев, что кто-то тонет, побросали свои сети или удочки — и ко мне. Успели вытащить, хотя меня уже было не поднять — столько наглотался воды. Откачали, развели костер. Пришел в себя: голый лежу у огня. Застеснялся, а женщина успокаивает: не обращай, мол, внимания, у меня у самой есть сын...

Тут является четверка мокрых «орлов», которые, держась за перевернутую лодку, прибились к берегу. Еще пятеро так и не появились... В ближней деревне старики нас обогрели, положили на печку (а в окна любопытствующие заглядывают, прослышали).

Что было дома — опускаю. Назавтра отправились в милицию. Следователь положил наган на стол (подозрение хуже некуда: на пятерых погибших четверото — девочки!). Когда достали трупы, всем городом хоронили... Трудно вспоминать... Братская могила на мысу... Бываю в Осташкове...

К 1926 году семья выросла значительно: семеро детей. Мне пятнадцать с половиной, окончил пятый класс и пошел на завод. Плотником — кем же еще!

Все умел с детства, в течение года сдал на «верхний», девятый разряд — пробу сработал такую, что залюбуешься, не хуже, чем у бородачей. Только платить решили по восьмому, чтобы нос не задрал (или для экономии фонда зарплаты).

Проба, между прочим, была такая. Как известно, рама оконная вставляется в коробку. Требовалась коробка на три рамы, тысяча на восемьсот миллиметров (если не ошибаюсь). Часов шесть у меня ушло, не торопясь, — инструмент отцовский, дедовский, высшего класса. Не работа, а удовольствие... Другим давали, к примеру, голландский зуб (два бруса соединить специальными вырезами и потайными шипами) или угол срубить в «чашку». Мало ли за верстаком работ!

А еще через полгода меня назначили десятником: семнадцать лет исполнилось. Сейчас бы сказали — мастер. И до 1930 года мы реконструировали цехи конезавода, строили электростанцию... Так получал я первый строительный опыт, а по вечерам ходил в школу. Шестой, седьмой, восьмой — вошел во вкус, записался на годовичные курсы по подготовке в техникум, а там через месяц говорят: «Тебе, парень, надо во втузовскую группу. Дерзай!»

Стал дерзать. Старался, чтобы не прийти к финишу последним — этого я никогда не любил. И оказался отличником.

...В стройотделе завода была комсомольская ячейка. Видят, я парень вроде бы ничего, вызвали: «Как ты смотришь, если?..» — «Положительно».

Отец, очень набожный, был против категорически: «Никакого комсомолу! Будешь с бабушкой ходить в церковь!»

Мать сказала: «Вступай, а отцу не говори».

Иду, бывало, с бабушкой в церковь, узнаю, кто сегодня служит, и ухожу на завод. Бабушка брала грех на душу.

Помню, делал «доклад» о докладе Куйбышева. Учились военному делу... Как-то решили провести учебный бой. Один полк наступает, другой обороня-

ется. Я попал в первый. Где второй — неизвестно. Взвод разведки, вперед! Дали нам винтовки, холостые патроны. Ушли километров за двадцать, пока нашли противника. Завязался бой... Это 1928 год.

На заводе при клубе — всевозможные кружки. Записался в оркестр русских народных инструментов. Почему? Сосед научил на балалайке, дед купил хорошую... Легко запоминались мелодии, которые играл оркестр в городском саду, — слух, значит, есть. Пришел, на проверке сыграл несколько вальсов (нот не знал, но кое-что соображал: пользовался собственными «иероглифами», чтобы не забыть тонкости). Нотную систему освоил — перевели в основную группу оркестра, через год переплюнул оркестровых балалаечников... Смотрите сюда: «Сад клуба «Красный кожевник». Вторник, 5 августа 1930 г. Концерт при участии Ольги Федоровны Семеновой, артистки Ленинградской филармонии, В.П. Ильинского (баритон)... И.М. Перфилова (соло-балалайка)... Велико-русский оркестр под управлением Б.Ф. Семенова...» И здесь читайте: заголовок...

«Хороший почин. Нам хочется остановиться на одном важном моменте, это на росте рабочего музыканта. Выступление Перфилова, исполнившего соло-балалайки, говорит об огромном культурном сдвиге, происшедшем в среде рабочего класса...»

Но в оркестре ведущей является домра. Ноты для домры я стал брать домой, понемногу овладевал. И вдруг домрист заболел. «Васи Чиркина нет!» — переполох. «Разрешите, я сыграю!» — «Смеешься, что ли?» А я этот «Светит месяц» давно разучил. Сыграл — все удивились: когда? как? Не пропали репетиции. Так я стал вторым домристом, а когда Вася уехал в Ашхабад, то основным солистом оркестра... В Москве, в академии, мы с одним парнем из Новосибирска организовали оркестр, вдвоем руководили. Переписали ноты, играли и дирижировали по очереди. Ездили по фабрикам, заводам — концерты давали, и наши сольные номера пользовались успехом.

Дома всегда играл, в Норильске — особенно часто. Жена Мария Александровна (позже она директорствовала в ДИТРе) говорит: «Надо тебе в самодеятельности участвовать». И вот 31 декабря 1940 года я впервые выступил в Норильске... Есть документ: «Клуб рабочих и служащих Норильского комбината... Новогодний бал-маскарад. Большой концерт. Участвует весь коллектив художественной самодеятельности. Художественный руководитель А.В. Пахомов. Конферансье: И.Л. Гонтарь, С.А. Антонов. Начало в 9 часов вечера». У меня было два сольных номера: на балалайке исполнял «Мазурку» Венявского, на домре — «Чардаш», музыка Монти... Выступал и 23 февраля 1943 года уже в Норильском Доме инженерно-технических работников...

Вернемся, однако, в год 1930-й, когда я, девятнадцатилетний, приехал с путевкой ЦК ВЛКСМ из Осташкова в Москву, на Покровский бульвар, 5, где помещалось Высшее инженерно-строительное училище. Общежитие предоставили — но какое и черт знает где! — на окраине города, далеко за Крестьянской заставой, ехать 15-м номером трамвая «до бойни» (где брали кости по дешевке и варили бульон). В подвале шестьдесят коек, сырость, клопы, крысы... На следующий год, правда, переместили нас на второй этаж, в комнаты на четверых.

Окончил два курса ВИСУ, отпочковавшегося от МВТУ, а на третий всех перевели в Хамовнические казармы: Военно-инженерная академия, и снова второй курс; предстояло сдать тридцать военных предметов и стать комвзвода... Подогнали военные дисциплины и продолжили нормальную академическую программу.

Еще до академии им. В.В. Куйбышева, в ВИСУ, принимали меня в ноябре 1931 года в партию. Как раз после чистки... Вступать было трудно. К тому же вышла брошюра Иосифа Виссарионовича Сталина о некоторых ошибках Парвуса и Розы Люксембург... Гоняли по истории партии очень сильно, ночи не

спал — штудировал. И где принимали! В Бауманском районе столицы! Но ответы, что называется, чеканил. Приняли. Рекомендации кроме комсомола (я был секретарем на конструкторском отделении военно-промышленного факультета) давали Минорский, бывший начальник милиции города Москвы, и Сальников — пришел к нам с двумя ромбами, оба парттысячники (а я назывался пятитысячником, как все с комсомольскими путевками).

...Летний период 1933 года курсанты провели под Москвой, в Нахабине, где нас для начала обстреляли с дистанции семь километров, чтобы посмотреть, кто как себя поведет в условиях, приближенных к боевым (под артобстрелом). Потом стали мы сдавать нормы ГТО, и, представьте себе, в беге на километр я пришел первым из большой группы. Физруки сразу взяли меня на особый учет, под особый контроль... И кто оказался чемпионом академии на дистанциях 800, 1000 и 1500 метров? Перфилов! Отправили чемпиона на первенство МВО — он и там не подкачал, занял два первых места. Так я попал в команду ЦДКА... В 1935 году на Всесоюзных легкоатлетических соревнованиях с участием армейцев, динамовцев, спартаковцев и «Буревестника» в эстафете 10×1000 м мне пришлось бежать на этапе Серафима Знаменского, рекордсмена страны на полутора километрах, двух, трех, пяти и десяти, который только что вернулся из Парижа, где выиграл кросс «Юманите». Знаменитый спартаковец и у меня выиграл, но я держался за ним как мог, установил свой личный рекорд — 2 минуты 49 секунд — и упал на руки ребят совершенно без сил.

Конечно, сейчас это считается слабым результатом, но тогда... Кстати, потом я «сбросил» с него еще 13 секунд. Возможно, сказались зимние тренировки (на лыжах я тоже входил в тройку лучших среди личного состава академии).

...Душа моя лежала ко всем конструкциям: и деревянным, и металлическим, и железобетонным.

Профессора Дубяга, Карлсен, Келдыш (отец будущего президента АН СССР), Рабинович и другие были мною довольны, а я — ими. Надо отдать должное нашей академии: преподавательский состав был редкого уровня. Вспоминаются в связи с этим эпизоды... Ухаживал я за одной девушкой. Она оказалась племянницей начальника геодезического факультета. Дело ничем серьезным не кончилось — я уехал... В Магадане попадаю в геодезическую партию, далекую, чуть нас там комары не заели — на берегу Алдана. Как-то собрались на ужин и за трапезой обсуждаем вопрос: кто самый сильный в стране геодезист? Я называю фамилию своего несостоявшегося родственника, и вдруг вскакивает один из присутствующих:

- Гражданин начальник! Перед вами такой-то...
- А почему — «гражданин»?
- По привычке!

...В Норильске повстречался начальник военного факультета и начальник штаба академии... Исай Маркович Цалькович имел три ромба... и протез вместо ноги. На протезе маршировал по Красной площади, в кровь стирая кожу, но многие и не знали о его муках. До Вальтца и Эпштейна он был начальником ПТО управления строительства (а в свое время «драил» нас за мятый подворотничок, неизменно заканчивая внушение словами: «Пять суток ареста!»). На проекты организации работ, между прочим, Завенягин посадил прибывшего одновременно с Цальковичем Сапрыкина, который был на Магнитострое главным инженером. Оба впоследствии были реабилитированы, один жил в Ленинграде, другой — в Москве. Говоришь, бывало, Цальковичу: «Присядьте, Исай Маркович!» — «Гражданин начальник! Не имею права! Я всегда учил: начальству докладывать стоя!»

...Почему-то наш выпуск в Кремле не принимали. Даже обидно. Привыкли по газетам: «Прием в Кремле выпускников военных академий... На приеме выступил...» Год, что правда, то правда, был необыч-

ный: 1937-й. Но вечер устраивали, бал удался, танцы-манцы... Все триста выпускников умели танцевать. Дело в том, что за год до этого Климента Ефремовича Ворошилова пригласили в Турцию с официальным визитом. И там произошел маленький конфуз: дама предлагает ему руку, ведет на белый танец, а он, советский нарком, красный комиссар, увы...

Уже через год выпускники и курсанты всех академий прекрасно танцевали венские вальсы и вальс-бостон, конечно, танго, знали толк в фокстроте и были готовы достойно представить Красную Армию в любом обществе, не исключая дамское.

А первым спецкурсом — 100-часовым русского языка — началось наше высшее образование. Его ввели немедленно после вступительного экзамена, когда Валерия Морозова написала диктант на тройку, а все остальные — на двойки и единицы...

Зато дипломный проект я защитил на отлично. «Подземный ангар на эскадрилью гидросамолетов в бухте Святых Владимира и Ольги». Вода — и гора. Надо было с моря заходить в ангар — интересно!

И диплом получил с отличием.

Тридцать из трехсот выпускников пригласили в ЦК ВКП (б). Там сказали:

— Вы нужны НКВД. НКВД нужны инженерные кадры.

...Начальник главка Плинер вызывал нас по одному. Мне он сказал:

— Вас мы направляем в Норильск. Посмотрите карту: Красноярск, Енисей, Дудинка, Норильск...

— Что-то не вижу.

— Для того и посылаем вас, чтобы он был. Строить его надо! Вам повезло: здесь, в Москве, как раз находится Матвеев, начальник Норильстроя. Адрес его...

Матвеев жил где-то в районе Таганки. Застал его дома одного (жену увидел уже в Норильске). Квартира почти голая, обстановка бедная. Хозяин рассказал, что из себя представляет Норильск, его задачи в том-то и том-то. «Отправляю людей, материалы, чтобы использовать навигацию по Енисею».

— Кем я у вас буду?

— Приедете — подробнее поговорим и решим. Надо вам посоветоваться с Воронцовым, главным инженером.

— Как проехать-то?

— До Красноярска поездом — четверо суток. Еще семь — на «Спартаке» до Дудинки. Я уже буду там — прилечу из Красноярска гидросамолетом — и заберу вас.

...Потом с ним на аэросанях (он сам правил) мы всю тундру объездили. Говорил: полжизни потерял в навигации 1935 и 1936 годов. Поверить в это было нетрудно и в 1937-м.

Дудинка... Первые впечатления... Нас с женой поселили в овощник: комнатка для охранника или складского служащего, железные кровати. Мы поужинали, не стали убирать со стола — улеглись отдыхать.

Когда посреди ночи я зажег свет, со стола врассыпную — крысы! Большущие! Но заснул... Спал, пока жена ногтем нечаянно не дотронулась до моей груди. Тут уж я вскочил!

Утром вызывает Матвеев — сдержал слово.

— Я обещал доставить вас до места... Железную дорогу мы укладывали на снег. Она провалилась в деятельный слой тундры... Грузы возим на Валек по воздуху, а по тундре — только тракторами.

Владимир Зосимыч (неправильно произносят «Зосимович» с ударением на первом слоге: есть имя «Зосима», греческое, означает — сильный жизнью, жизненный) запомнился деловым, неизменно бодрым. Черная гимнастерка под широким ремнем... Старый чекист, стаж — лет пятнадцать к тому времени, жизненный опыт — богатейший. Наверно, человек не без недостатков, но судьба обошлась с ним, как он того никак не заслуживал. Не по-человечески.

Прилетаем на Валек. Там отбирает грузы на узкоколейку мужичок в кепчонке.

— Воронцов.

Вот те на! Я-то при параде, со шпалой в петлицах (за время работы в Норильске стал подполковником, а в Дальстрое быстро присвоили полковника, ибо должность была для генерал-лейтенанта, рядом работали три полковника и семь генералов; Круглов меня вызвал, и я вернулся из Москвы в папахе). Воронцов рассказал о Пясинской водной системе, навигациях («Матвееву достается!»), как — что — где... «Жилья нет. Есть одна восьмиквартирка двухэтажная, но без крыши».

Поселили нас в доме без крыши, в одну квартиру с Шаройко. (Еще один Александр Емельянович, как и Воронцов... Для меня, конечно, Саша... Он проектировал ООФ, а я ее строил. Так что планерки проходили дома.) В первый же день, только жена разложила-развесила платья, прошел дождь, сильно мы пострадали. У Шаройко то же самое.

О жене, кажется, ничего не рассказывал... Она ошастковская, Маша Веригина. Познакомились в оркестре, где оба играли. В 1929 году наша делегация, пять человек, ездила на сорокалетие оркестра народных инструментов, организатором которого был Василий Васильевич Андреев. В дороге мы сблизились, дружили, полюбили друг друга и договорились, что поженимся, когда я окончу институт. В каникулы виделись: на пятом курсе я вызвал невесту в Москву. На станции Правда, в общежитии, мне выделили большую комнату — 16 метров. Оттуда и в Норильск поехали. По специальности она бухгалтер, но поначалу как член партии получила поручение наладить работу столовой (назначили заведующей). Наладила и ушла в Металлургстрой. Оттуда перевел ее к себе секретарем Абрам Палыч, но это позже.

А пока Петя Якушин из СНОПа докладывает предложения по генплану. Матвеев и Воронцов обрушиваются на проектантов с критикой. (Действительно, масштаба разворачивающегося строительства издалека, видимо, не почувствовать.) Стахановский полумесечник к празднику Октября — двадцатая го-

довщина! Прибыли комсомольцы Костя Ярцев, Костя Васин, Аня Никонова, Зараб (он же Коля) Зарапетян, пора создавать комитет, здесь уже есть хорошие ребята, прибывшие до меня. В горе Рудной заложен шурф для опробования залежи. На трассу железной дороги заброшены столбы для телефонной линии. Меня перемещают с должности начальника проектно-сметного бюро на строительство ООФ и тут же... освобождают от «занимаемой» должности помначальника стройки: избран председателем участковой избирательной комиссии.

А так как я еще и комсомольский лидер, то ясно, что является главной задачей комсомольцев: избирательная кампания, участок вдоль трассы железной дороги (движение восстановили, но регулярным называть его было бы явным преувеличением).

...Завенягин вызвал нас — меня и Шаройко — на второй или третий день после своего появления. В кабинет Матвеева (дом рядом с урванцевским 1921 года). Первое впечатление: лысый, старый (ему было 37 лет, а мне 27), крепкий, с характером и знаниями, язык богатый... Солидное впечатление!

— Я приехал начальником комбината. Матвеева отозвали в Москву. Мы даже не успели оформить приемосдаточный акт. Прошу вас его составить. Что здесь есть на сегодня?..

Сделали. Снова вызывает, но уже по очереди:

— Хочу назначить вас начальником планового отдела строительства. Мне нужен там строитель. Гуштюк останется первым замом, Кавенкин будет вторым... Советую соглашаться, познать плановые, финансовые, бухгалтерские дела — это необходимо строителю, еще будете меня благодарить... А через год я вас направлю на строительство основных объектов — как раз начнем их. (Ровно через год позвонил и без лишних слов: «Назначаетесь начальником строительства ремонтных цехов», то есть механического завода.)

Следующая беседа проходила в присутствии моих заместителей:

— Я назначаю Перфилова... Вы, товарищ Гуш-
тюк, опытный человек, должны помочь молодым.
Под вашу личную ответственность...

И так далее. А закончил Завенягин совершенно
неожиданно для меня:

— Вас, Иван Макарович, надо сделать редактором
бюллетеня, в котором ежедневно отражался бы ход
стройки. Вы по должности будете в курсе всех дел,
а значит...

Месяца через два или три у меня от этой работы
организм истощился настолько, что пришлось мыш-
яком поддерживать силы. Я же понятия не имел, что
такое стройфинплан! Объемы, объекты, материалы,
оборудование — столько всевозможных форм, что
голова шла кругом и у меня, и у каждого из двух
десятков людей, отданных под мое начало. Сроки
Абрам Палыч устанавливал такие, что приходилось
считать не только каждый день, но и каждую ночь.
Но вот мы наконец составили наш план (по контроль-
ным цифрам наркомата).

— Это не пойдет, — оценил Завенягин. — Так мы
будем строить до второго пришествия... Здесь надо
увеличить, здесь тоже, в два раза. Производитель-
ность труда не годится — как можно закладывать
такую?!

Другой был бы доволен: пожелания наркомата
учтены, план, безусловно, выполнимый — чего еще!
Другой, но не Завенягин.

— Вот вам новый срок — пять дней...

— Как?! Мы работали месяц, а если все пересчи-
тывать...

— Надо сделать.

Ничего не оставалось, как перейти на круглосу-
точную работу в три смены. За 15 смен успели!

Подписал, отправил в Москву, там утвердили
увеличенные объемы (коль сами просят!). Ох и тяжело
пришлось в 1939-м... Это был, по существу, первый
год развернутого строительства: жилье, больница,
клуб, школа, детсад, магазин, стройбаза (кирпзавод

№ 2, известковый, гипсовый, деревообделочный, лесопильный, бетонный, железобетонный — плиты перекрытий)... Автодороги, железнодорожные площадочные пути, склады — на месте сегодняшнего Норильснаба, причалы... Опытная обогатительная фабрика, Малый металлургический завод... Предстояло испытать норильские руды, в первую очередь богатые — из бывшей Сотниковской штольни. В наркомате зрело недовольство: «Сами набрали объемы, а теперь не знают, что с ними делать». Они плохо знали Завенягина. Выполнили все!

Кстати, не в цехах РМЗ изготавливали оборудование для ММЗ, а на открытых площадках.

Я работал начальником планового отдела до апреля 1939 года. Помнится, вырезали мне гланды (задышался) — и вдруг звонок:

— Как себя чувствуешь?

— Питаюсь мороженым, глотать еще не могу.

— Выходи... Я тебе обещал стройку — время пришло... Надо строить БМЗ, без ремцеха и ЦМК, цеха металлоконструкций, ничего не сделаем. В конце 1940 года их надо иметь.

Так и было. Построили. (В 40-м Завенягин показал себя в полном блеске как руководитель строительства. Непостижимо, как везде и во всем поспевал.)

РМЗ... Конструкции — сборные железобетонные. Колонны, прогоны, подкрановые балки. Сверху — металлические фермы, а на них железобетонные плиты. Фундаменты — со стаканом: колонка клиньями защемляется, заливается...

В условиях вечной мерзлоты можно стараться сохранить ее, можно, наоборот, идти на деградацию, а третий вариант — приспособление к просадкам. Потому избрали сборный железобетон: всегда можно подправить (как и случилось, когда угол здания сел на полметра). Мать честная, сборный железобетон — где его делать? Заводов-то нет!.. Вычитал, что можно при морозе бетонировать в паровых рубашках. Сделали стеллажи — консоль, закрываешь бока — это

опалубка. В нее вставляешь арматуру, пускаешь пар из шуховских котлов... Бетон в тепле — на открытой площадке!

...РМЦ и ЦМК позволили готовить металлоконструкции для ТЭЦ и БМЗ, оборудование, включая ватержакеты и конвертер.

В ноябре 1940 года я услышал от Завенягина:

— Одно дело закончил — начинай другое. Энергии-то нет. Идешь начальником ТЭЦстроя.

Через два года ТЭЦ дала промышленный ток. Через два с половиной для меня начался БОФстрой...

Однако сугубо строительные дела давно описаны, а интересны не каждому. Зато некоторые эпизоды драматического содержания, касающиеся человеческих взаимоотношений, психологии, деталей эпохи, видимо, следует обнародовать.

Весной 1940 года некто Илюшенко, руководитель одного из отделов управления комбината, подчинявшийся не столько Завенягину, сколько соответствующему отделу наркомата, доложил в Москву (возможно, не впервые) о «прегрешениях» начальника строительства и комбината в кадровой политике (ориентация на контингент, не заслуживающий доверия; игнорирование молодых специалистов), а также о превышении им полномочий по части разработки и утверждения проектов.

Завенягин и Илюшенко телеграммой были вызваны в Москву вместе с тремя «молодыми»: Соколовым (проектировщик), Хромченко (горняк), Перфиловым (строитель). В курсе событий был только Илюшенко.

— Абрам Палыч, зачем нас вызывают?

— Понятия не имею, но неспроста. Летим дружно... Прилетим, думаю, кое-что выясню у своих друзей, Петра Фадеевича* и Ивана Федоровича**. Пойду к ним...

* П.Ф. Ломако, в то время уже нарком цветной металлургии СССР.

** И.Ф. Тевосян, только что назначенный наркомом черной металлургии СССР.

Я поселился, как граф, в трехкомнатном номере гостиницы «Савой» (ныне «Берлин», окна в окна с конторой Норильского комбината) с кем-то из норильчан. Приглашал знакомых москвичей — пускал пыль в глаза и видел, что мое жилище производит впечатление.

При встрече Завенягин говорит:

— Кляуза. Илюшенко — автор. Тебе придется выступить... по моей кадровой политике.

Больше — ни слова. Мол, никакого влияния, а тем более давления не будет. Сам соображай, рисуй объективную картину.

Я набросал планчик.

Совещание проводил первый заместитель нарком-а Василий Васильевич Чернышов.

— Вот что, товарищи, — сказал он. — Мы хотим послушать начальника Норильского комбината: как идут дела, как работают молодые специалисты?..

Завенягин говорил четверть часа, не больше, очень необстоятельно — я даже удивился.

— Теперь предоставим слово товарищу Илюшенко...

— ...Начальнику планового отдела наркомата...

— ...Начальнику финансового отдела наркомата...

Заклевали... Я попросил слово. О проектах-сметах не говорил: не чувствовал должной подкованности по всем этим лимитам, положениям и так далее. Зато по кадрам... Да и было что сказать по каждому из приехавших в 37-м. «Игнорирование» никак не вытекало...

После меня кто-то еще выступил. Затем заключительное слово получил Завенягин... Час! Как он говорил! Оказывается, произвел разведку (кто что скажет), а в конце выдал всем недоброжелателям по первое число, раскрыл перед слушателями всю панораму стройки, весь спектр проблем, не оставил от обвинений (приди-рок, претензий) камня на камне... Вынул портмоне, из него бумагу, зачитал вслух примерно так: «Разрешается тов. А.П. Завенягину до утверждения технического проекта объектов подготовительного периода разрабатывать проекты и сметы независимо от их сметной стоимости. Председатель СНК СССР Молотов».

А вот эпизод совсем из другой «оперы»: как меня проиграли в карты... Было время, когда в Норильске распоясались бандиты. Я уже заместитель начальника комбината по строительству. Нахожусь дома. В кухню, в форточку, кто-то лезет. И неизвестно же, сколько у него сообщников... Я к телефону — молчит (провод перерезан), я к другому — прямая связь с диспетчером. Гарфункель отвечает. «Полтава где?» — «Здесь». — «Бегите сюда, ко мне бандюги лезут».

Прибежали. Снег под окном утопан, лестница (приставная) брошена, никого нет.

А до этого — за час, за два — было, рассказывают домашние, несколько звонков: «Тебя спрашивали: «Иван Макарович дома?.. Еще не пришел?»

Звоню на коммутатор: «Откуда звонили? — «Из гаража Панюкова». Уже что-то... Посылают двух оперативных работников. Открывают дверь — тут же на идущего впереди кто-то бросается с ножом. Хорошо еще, что осечки не случилось, получил свою пулю... Но ведь должен быть второй! Точно, спрятался в глубине гаража. «Руки вверх!» Все рассказал, как дело было...

А первая встреча с уголовным элементом (которую я поначалу не заметил) произошла в Норильске еще до приезда Завенягина. Ходил я в гимнастерке с накладными карманами. Получил зарплату — положил в карман, застегнул пуговицу. В другом кармане — страшно вспомнить — сразу три документа: партбилет, комсомольский и профсоюзный... Короче, пришел домой без единого документа, а деньги на месте. Промахнулись!

Я — к Близнецову. Константин обещал найти вора, но не нашел. Наполучал я выговоры по всем линиям — за ротозейство и недостаточную бдительность. Через полгода, оценив мою общественную активность, безупречную дисциплину и так далее, выговоры сняли и выписали дубликаты.

...С Макаренко, секретарем парторганизации, едем на санях в Дудинку. За нами — конструктор Иорданский с напарником. Из-за пурги потеряли друг друга из виду. На станции Балки был селекторный аппарат и

рельс висел, по которому били в непогоду для ориентировки путников. Добрались до Балков, спрашиваем:

— Где вторая подвода?

— Не видели...

— Бейте!

Никого. По селектору — нигде нет. Всю ночь искали... Дуло дня два или три. Затихло. Никаких следов!

Когда снег растаял, нашли — на Пясине! — обглоданную лошадь и два трупа в таком же состоянии...

После бюро райкома комсомола надо было ехать домой из Дудинки. Со мной ехал член бюро, ответственный за пионерский сектор. Кажется, Полежаев его фамилия, лет восемнадцати... Научен, казалось бы, горьким опытом предыдущих поездок, я должен был стать осмотрительнее, но — погода прекрасная, море по колено! Только плитку шоколада и взял...

Пурга. Возчику говорю: «Не теряй из виду железную дорогу». Полотно было метрах в ста справа. Куда там — ни зги. Да... «Вот что, голубчик, распрягай лошадей, переворачивай сани, овес есть, а мы пойдем по шпалам».

Восемь часов не могли выйти к железной дороге. «Пионер» мой щеки отморозил, у меня пальцы онемели, шоколад съеден, голодно, как бы не погибнуть по дурости.

Однако в рубашке родился. «Смотри, что-то чернеет!» Пошли на черное пятно, а это вход в туннель (какие сооружались на самых заносимых участках дороги). Там двое путевых рабочих, костер, ужин — жизнь! Через сутки, когда пурга поутихла, проводили нас на станцию.

Возчика нашли под снежным бугром — спит себе. И лошадь спокойно жует сено.

...Одно из самых дорогих воспоминаний связано со всеобучем (военным) в Норильске. Я, конечно, был горд своим назначением: комиссар полка. Первого командира я плохо помню: он быстро ушел на фронт! Морозов, участник Гражданской войны, был старше меня лет на пятнадцать, что не мешало полному

контакту между нами. Он уважал мои академические познания в баллистике, я же в глубине души надеялся, что их не придется применять на практике. Требовательность была нашей общей чертой, чему способствовало общее настроение: учиться военному делу без всяких скидок на тыл и Крайний Север. И ведь действительно могло дойти до обезвреживания и ликвидации вражеского десанта. Не говоря уж о том, что наша первоначальная подготовка не одному норильчанину сослужила службу на фронте...

Понедельник и пятница — обязательные дни занятий: изучение винтовки, пулемета, гранаты, уставов (привез из окрвоенкомата), по двое суток на казарменном положении (койки, походное питание), атака с ходу, окапывание, штыковой рукопашный бой, боевые листки, военная дисциплина для всех... Сугубо штатский Гирбасов, знаменитый своим баритоном, тянется, отдает честь, как настоящий служака. Что и говорить о ротных и батальонных командирах и комиссарах (руководителях подразделений комбината)... Бюро окружкома ВКП (б), заслушав доклад начальника политотдела комбината Опаленко, отмечало, что «такие товарищи, как комиссар Перфилов, несмотря на перегруженность основной работой, добились хороших результатов». И я рассказал в газете «Советский Таймыр» накануне Октябрьского праздника 1941 года, с чего мы начали...

Будем заканчивать, иначе получится целая книжка. В Норильске я проработал 12 лет. Затем четыре года в Дальстрое (замначальника главка) и Кировскстрое (главный инженер управления), а с 1953 года до выхода на персональную пенсию (октябрь 1979-го) — в Подмоскowie и в Москве (управляющий треста, директор проектного института).

Избирался: секретарем комитета комсомола, членом бюро Таймырского окружкома ВЛКСМ (1937 г.), секретарем парторганизации управления строительства (1939 г.); с 1940 по 1949 год — член парткомиссии при политотделе, член партбюро; с 1943-го — член Таймырского окружного комитета партии, с 1939-го — депутат окрсвета (позже — член исполкома), с 1944-го — зам-

И.М. Перфилов

председателя окрсовета общества «Динамо».

После Норильска — член Магаданского и Люберецкого горкомов партии, депутат Магаданского городского (член исполкома) и Ухтомского районного Совета народных депутатов; с 1961 года — депутат Московского областного Совета. Председатель совета наставников института «Мосгражданпроект»*. Член бюро

областной секции по градостроительству Союза архитекторов СССР (в столичной области 70 городов).

Почетный гражданин Норильска. Заслуженный строитель РСФСР. Награжден орденами и медалями.

Авторский комментарий

У меня есть что добавить к этому рассказу: мы были знакомы с 1963 года, когда Иван Макарович впервые прилетел в Норильск в качестве гостя и участника Всероссийского совещания строителей-северян. Он сидел в президиуме, привлекая общее внимание: его имя уже тогда было полулегендарным (для норильчан): соратник Матвеева, Завенягина, Зверева...

Но сегодня я берусь расшифровать только одну строку рассказа Ивана Перфилова (комсорга, комиссара, полковника, инженера и плотника, крупного организатора и хозяйственника, а также спортсмена, музыканта и прочее), у которого были ораторский дар и другие таланты, любовь к людям, отечественной истории, книгам, театру, коллекционированию, путешествиям, дружескому застолью.

«Награжден орденами и медалями».

* Санаторий на Белом озере тоже начинал Иван Перфилов — еще директором института. (Примеч. А.Л.)

Первый орден, ему врученный, был орденом Ленина. Получил — вместе с Байдиным, Воронцовым, Ениным и Панюковым — «за успешное выполнение заданий Правительства» из рук Завенягина в 1943-м. Потом еще семь раз его награждали орденами: Октябрьской Революции, Красного Знамени, трижды — Трудового Красного Знамени, дважды — «Знаком Почета». Медалей на внушительной наградной колодке можно насчитать десять (еще две — от ВДНХ — там не представлены).

Судьба наградила Перфилова долгой жизнью и славой, чувством исполненного долга и внуками. Тучи над головой тоже были, как и потери. Пришлось вдовствовать — пережил Марию Александровну. И все же, видимо, заслужил он жизнью своей, может быть, самую большую награду на склоне лет, встретив еще одну замечательную женщину, Юлию Владимировну Панину, тонкую и мудрую, созвучную ему натуру (архитектор, из старой московской фамилии интеллигентов от музыки), хлебосольную хозяйку с золотыми руками (сама переложила изразцовую печь-голландку), а главное — с добрым и преданным сердцем.

Перфиловы были почетными гостями 50-летнего юбилея Норильского комбината. Как и следовало ожидать, в лице Юлии Владимировны Норильск навсегда заполучил свою ревностную болельщицу.

Увы, нельзя не добавить: Иван Макарович ушел от нас в 1991 году. Как и предсказывал.

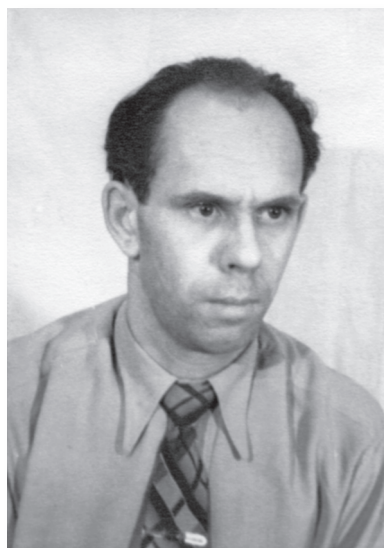
Несколько слов из XXI века

Читатель, особенно молодой или очень пожилой, но которому не повезло на встречи с Перфиловым (ни в лагерные времена, ни много позже), может спросить: «А как все же этот начальник проявлял себя в отношениях с заключенными?»

Хотите — верьте: почти за полвека не встретил никого, кто сказал бы о Макарыче хоть одно худое слово. Невероятно, но факт.

Анатолий Львов

Борис Петрович Дубицкий. Норильск, февраль 1959 г.

*Норильск, 29 квартал, середина 60-х годов.
Фотография С. Агафонова*

Борис Дубицкий:

*«Я знаю, что на моем след-
ственном деле, хранящемся в
архивах КТБ, имеется на-
пись «Хранить вечно» .*

Борис Петрович Дубицкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Откровенно говоря, я никогда прежде не намеревался писать какие-либо воспоминания о пережитом мною в немецких и сталинских лагерях.

Никакого литературного образования у меня нет, и написать лучше или хотя бы подобно тому, что уже написано в этой области литераторами, тем более теми, которые сами побывали в лагерях, я, естественно, не могу.

Не может быть новым сравнение двух лагерных систем (гитлеровской и сталинской) концлагерей — это лучше меня сделал В. Гроссман в своем романе «Жизнь и судьба». И все же, по моему личному мнению, сталинская система была более жесткой и бесчеловечной, не говоря уже о масштабах театра действующих лиц. Количество бессмысленно уничтоженных людей в немецких лагерях не входило ни в какое сравнение с количеством погибших в архипелаге ГУЛАГ. Физические и моральные мучения, перенесенные мною в немецком и сталинских лагерях, даже близко не подходили одно к другому.

Собственно, в немецком концлагере особых моральных мучений для меня не было. Я понимал, что для немцев я враг, в лучшем случае — раб, поэтому и неудивительно, что я переношу физические издевательства. У меня была надежда, что явление это временное и непродолжительное.

В системе ГУЛАГа помимо больших физических мучений постоянно давил груз моральных переживаний: «За что?! Какое такое преступление перед своей совестью совершено мною?» К тому же полная беспросветность в будущем. Никаких надежд, никакой

перспективы. Порой охватывало полное отчаяние, приводившее на грань самоубийства. И одно только желание — выжить, чтобы рассказать обо всех ужасах будущему поколению, — в какой-то мере поддерживало едва теплившуюся жизнь. И если физические условия как-то время от времени менялись от очень плохих к довольно сносным, то моральное состояние оставалось неизменно подавленным.

Все написанное на этих страницах это, конечно, как сказал поэт, «с живой картины список бледный» и могло бы быть расширено во много крат многими подробностями. Однако такой задачи перед собой я не ставил.

Тридцатым этапом — на работу в Германию...

Итак, начну по порядку.

Мой дед по отцу, отец Мелетий, был приходским священником в деревне Решневке Каменец-Подольской области; второй дед, по матери, Исаак — армейским офицером в чине поручика. Отец мой Петр Мелетиевич учился в духовной семинарии до начала Первой мировой войны, затем, оставив семинарию, поступил на службу в армию и к началу революции дослужился до чина поручика. Несмотря на то что отец примкнул к участникам Октябрьской революции и в Гражданскую войну воевал в составе Первой конной армии, по окончании Гражданской войны его офицерское прошлое не было забыто, и он постоянно подвергался гонениям, арестам, лишениям избирательных прав, непродолжительному заключению.

И отец, и мать выросли в многодетных (по 9–11 человек) семьях. Однако мировая и гражданская войны разметали и уничтожили почти весь мужской состав семей, оставив одного брата отца — Василия и брата матери — Петра. Сестер же осталось больше — по два-три человека. Уже в послевоенное время объявился еще один, старший брат отца — Дмитрий, проживавший на территории Западной Украины, и

один брат матери — Павел, оказавшийся на территории Румынии в числе белогвардейцев.

Я родился в 1921 году в Краснограде (бывшем Константинограде) Харьковской области. В детские и юношеские годы судьба мотала нашу семью по разным городам Украины. Детские годы я помню с города Первомайска, расположенного на слиянии рек Южный Буг и Синюха, с железнодорожной станцией Голта. Город состоял из трех районов: Ольвиополь, Богополье и Голта, их соединяли понтонные мосты. Своего жилья у нас не было, поэтому мы все время снимали комнатку то в Богополье (населенном преимущественно евреями), то в Голте. В 1932 году мы проживали в доме бывшего винодела по фамилии Буденный, в подвале которого находили кучи этикеток для различного рода вин. Здесь же нас застало сильнейшее наводнение, на второй день которого вещи свои мы вывезли на лодке, а на третий вода поднялась до самого потолка.

Было разрушено много домов, и большой район фактически прекратил свое существование. Наш дом был кирпичный, крепкий, поэтому уцелел, но жить в нем уже было нельзя.

В 1933 году, спасаясь от голода, отец увез семью в Молдавию, в город Ананьев. Благодаря широко культивировавшейся здесь кукурузе наша семья пережила это лихолетье. Здесь я окончил семилетнюю школу, и в 1935 году мы вернулись в Харьков, где у отца матери имелась усадьба с домом и флигелем, завещанными после смерти бабушки детям и внукам в равных долях — по $1/16$ части каждому. Часть этой усадьбы, расположенной в пригороде Харькова — Липовой роще, досталась по наследству и мне.

Как это ни странно, репрессии 1937 года нашей семьи не коснулись, хотя отец очень тревожился, учитывая свое прошлое.

По окончании средней школы в 1939 году я призывался в армию, но из-за сильной близорукости

комиссию не прошел и от воинской обязанности был освобожден.

С детских лет во мне проявились конструкторские способности, а в юношеские годы я заболел ставшей тогда модной радиотехникой, собираясь стать радиоинженером, — манила романтическая мечта стать радистом на далеком Севере. К сожалению, институты связи по специальности «радио» были только в Ленинграде и Одессе, где у нас не было ни родственников, ни знакомых, и отправлять меня учиться в один из этих городов семье было не по карману. Я поступил в Харьковский авиаинститут, находившийся в противоположном конце города. Год изнурительных поездок на занятия и с занятий, длившихся по 2,5–3 часа в один конец, вымотал меня, вынудив на следующий год перебраться поближе, в Харьковский университет на физмат.

Пожалуй, это была большая ошибка в моей жизни, ибо с началом войны авиаинститут эвакуировал своих студентов на восток, университет же оставил нас на произвол судьбы.

Вскоре после начала войны прямо на рабочем месте был арестован брат отца Василий, исчезнувший бесследно. Лишь в послевоенное время его сыну Юрию Дубицкому, ныне полковнику в отставке, сообщили, что отец его погиб, будучи невиновным.

Семья наша была из числа малообеспеченных и с захватом врагом в сентябре 1941 года города Харькова оказалась в катастрофическом положении — полное отсутствие средств к существованию. Немногочисленные запасы продуктов были быстро съедены, а впереди — зима с голодом и холодом. В зимнее время весь город подался с саночками в окрестные деревни обменивать свои скудные вещи на продукты. Особых ценностей в нашей семье не было, и я стал промышлять кустарничеством — благо руки у меня были искусные. Ремонтировал всякие механизмы — часы, швейные машинки, клепал казаны, паял ведра, кастрюли — это кое-что давало. Домой возвращался с продуктами на

саночках, оставлял все семье и шел снова в деревню. С приходом весны этот промысел оборвался, ибо ходить приходилось все дальше, а на плечах, если и подработаешь, много не унесешь. Отец, вспомнив свое духовное происхождение и обладая завидным голосом и музыкальным слухом, устроился дьяконом в одной близлежащей деревенской церкви. Однако скромные подаяния верующих не могли оказать существенной поддержки семье, поэтому я занялся базарным бизнесом — перепродавал продукты с рынка на рынок.

Весной 1942 года во время облавы, устроенной немцами на одном из рынков, меня задержали и очередным (тридцатым!) этапом отправили на работу в Германию. На одном из аукционов в Берлине меня в числе других таких же рабов нашего этапа купил владелец химического завода по производству артиллерийского пороха, расположенного в деревне Дреетц — район города Нейштадт (Доссе) по дороге Берлин—Гамбург.

Концлагерь, как и завод, находился в лесу и был отлично замаскирован. В течение всего моего пребывания в лагере над ним едва ли не ежедневно летали эскадрильи американских и английских бомбардировщиков, осуществлявших ковровые бомбежки Берлина, но ни одна бомба ни на завод, ни на лагерь не упала. Здесь меня поставили вальцовщиком на каландрировании бездымного пороха. Физически работа была нетрудной, но очень опасной. В течение целой смены приходилось вертеть в руках раскаленный до 90–100 градусов лист пороха, готовый в любой момент вспыхнуть без всякой причины, и тогда — дай бог ноги...

В юности я был неплохим легкоатлетом и поэтому всегда успевал убежать от лизавшего пятки огня, но многие, особенно деревенские, ребята обгорали до смерти. Работали в две смены по 9 часов, один или два дня в месяц отдыхали — тогда можно было у соседних крестьян подработать на картофеле. Хотя концлагерь и был обнесен металлической сеткой, практически он не охранялся. Побег из лагеря были обычным явле-

нием. Кроме русского отделения рядом были лагеря югославов, французов, поляков. Мы все работали на химзаводе.

В отдельных от нас бараках жили женщины, наше общение с ними не пресекалось. Дважды в месяц нам выплачивали заработную плату, купить на которую, впрочем, кроме пива, почти ничего не удавалось, ибо все продукты продавали по карточкам. Питание было скудное: дважды в неделю выдавали по половине батона хлеба, немного маргарина и мармелада. В полдень на заводе на рабочих местах и вечером в лагере раздавали суп, качество которого было весьма неважным. По утрам — чай или суррогатный кофе. Два-три раза в месяц демонстрировали немецкие фильмы, иногда приезжали самодеятельные вокально-инструментальные ансамбли. По выходным в помещении столовой танцы под баян, приобретенный за собственные деньги лагерников.

Немецкое население в основном относилось к нам доброжелательно, исключая активных нацистов. Кроме коменданта и охраны лагеря набрали группу своих полицаев, следившую за порядком. В основном это были западные украинцы, особого зла они никому не причиняли. Бараки для жилья были довольно хорошо благоустроены, чистые, с двухэтажными кроватями. Каждый рабочий имел свой шкафчик для хранения одежды и продуктов. Имелся душ. Воровство и бандитизм внутри лагеря жестко пресекались — практически их не было. Челночные рейсы англо-американской авиации над нашим заводом приносили нам большое удовлетворение: во время тревоги работа завода прекращалась, рабочих уводили в бомбоубежище. Я, правда, никогда в них не ходил.

В январе 1945 года, когда американские войска стали подходить к Эльбе, а русские — к Одеру, и в преддверии поражения нацистской Германии знаменитый немецкий порядок стал превращаться в хаос.

В первых числах января по непонятной причине меня вызвали с вещами на этап, в числе небольшой

группы рабочих завода отвезли в город Эберсвальде, расположенный в тридцати километрах от Одера, и поместили в концлагерь при вагоноремонтном заводе, определив электромонтером по обслуживанию механизмов завода. Помогло сносное знание немецкого языка, приобретенное в предыдущем лагере. Этот лагерь был гораздо хуже предыдущего, грязнее, а режим охраны был еще слабее. Но отчетливо различимые залпы советской артиллерии на восточном берегу Одера подсказывали, что конец войны и возвращение на Родину — вопрос уже нескольких недель или даже дней.

Из немецкого лагеря в СМЕРШ

После жесточайшего артиллерийского и минометного обстрела города и нашего концлагеря Эберсвальде был занят советскими войсками вечером 23 апреля. В этот же вечер лагерь посетили наши солдаты и офицеры, поздравили нас с освобождением и сказали, что следующим утром нам следует собраться на сборном пункте, но где он находится, они пока не знают.

Поздним вечером весь лагерь разбрелся по городу в поисках продуктов питания в подвалах жилых домов. Переночевав в одном из подвалов, утром следующего дня я отправился искать сборный пункт. На улице я встретил советского солдата, мы с ним разговорились, и он порекомендовал мне повязать на руку красную ленту на всякий случай, чтобы другие солдаты не приняли меня случайно за немца и не пристрелили бы.

В поисках сборного пункта я подошел к подъезду одного из домов, из которого вышел офицер. Узнав, что я русский, направил меня через дорогу в здание напротив, где у двери стоял часовой с автоматом. Ничего не подозревая, я вошел в помещение, где уже находилось десятка полтора мужчин, неизвестных мне, но, видимо, таких же русских из других концлагерей этого города.

От нечего делать я обошел все помещения и заметил, что выходы из него перекрыты, окна за решечены. Выйти на улицу даже без вещей мне не разрешили. В тревожном раздумье я сел около окна, наблюдая за движением на улице. Неожиданно около полудня в комнату вошел солдат, подошел прямо ко мне и велел следовать за ним в здание, откуда меня направили под охрану.

Как оказалось впоследствии, это был штаб контрразведки СМЕРШ 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Меня ввели в комнату, где находился старший лейтенант, представившийся Евдокимовым. Никаких документов у меня с собой не было, они остались в прежней комнате. Заполнив какую-то анкету с моими основными данными, он начал допрос со слов: «Признаете ли вы свою вину перед Родиной?» Вопрос был столь неожиданным, что я, как мог, попытался определить, в чем же я, мученик гитлеровских концлагерей, мог провиниться перед Родиной... Разве только тем, что мне удалось выжить в этих ужасных условиях?!

Однако все оказалось гораздо сложнее — необходимо было мое признание в том, что я в концлагере был завербован гестапо и, будучи агентом этой организации, совершал преступления. От меня требовали назвать фамилии сообщников и руководителей гестапо, которым я непосредственно подчинялся, присвоенные мне клички, адреса, места и время явок. Меня допрашивали как шпиона, заброшенного на территорию Родины. Такого поворота дел я не ожидал. Встреча с Родиной в неволе мне представлялась совсем другой. Я отказался отвечать на такие вопросы, отказался и подписать акт, где было написано, что он, лейтенант Евдокимов, задержал немецкого шпиона, наблюдавшего из окна здания за передвижением и дислокацией советских войск. Меня тут же отправили в один из подвалов этого здания, благо подвалов, из которых без труда можно сделать тюремную камеру, тогда в Германии хватало.

На следующий день допрос продолжился по всей форме, причем к Евдокимову присоединился коллега

по фамилии, если не ошибаюсь, Юсупов. Избитого до потери сознания, причем не один раз, меня уволокли в подвал. После нескольких таких «процедур» я был физически и морально сломен: решил, что пусть лучше меня расстреляют, чем терпеть такое издевательство. Жизнь потеряла всякий смысл... На пятый или шестой день я сказал, что писать ничего не буду. Историю моих «преступлений» пусть они сочиняют сами — я все подпишу. Через пару дней без допросов мне предложили подписать сфабрикованное следственное дело. Я ознакомился с ним — это было ужасно!!! Этот бред подписать я отказался, ибо, судя по их описанию, я являлся чуть ли не правой рукой Гитлера, Гиммлера, Шелленберга и прочих.

Все началось сызнова... Несколько дней «работки» сделали свое дело: как я подписывал листы этой легенды, я не помню, помню только, что меня наконец-то оставили в покое. Через несколько дней мне показали подписанные мною листы следствия, ибо я был уверен, что ничего не подписывал...

После этого меня в сопровождении солдата куда-то повели, и я подумал, что ведут расстреливать. Однако солдат оказался словоохотливым и сообщил, что теперь уже не расстреливают, а он ведет меня в армейскую передвижную тюрьму. Здесь мое следственное дело попало к капитану Гречишину, который, видимо, понял всю абсурдность сочинения. Несколько раз по ночам он вызывал меня на непродолжительные допросы, но ничего не мог прибавить к делу — ни свидетелей, ни каких-либо документов о моих «преступлениях» не было... А описанных в деле моих «преступлений» с избытком хватало на 10 лет лагерей.

В небольшом городишке Кириц, что западнее Берлина, состоялся суд. Судили в тот день около 50–70 человек, поэтому каждому обвиняемому уделялось 5–10 минут. Начавшись в полдень, вся процедура закончилась часам к 4–5 дня.

В своем последнем слове виновным я себя не признал, однако по статье 58-1а получил срок 10 лет

с поражением в правах на 5 лет. Единственным утешением было определение, что я могу обжаловать этот приговор в любое время. И я сделал это, правда, через 10 лет после отбытия почти полного срока.

После суда нас сначала студебеккерами, а затем товарными вагонами повезли на Родину, встречи с которой мы так долго и терпеливо ждали на чужбине. Контингент арестантов был очень разношерстным. Здесь были лица вроде меня, угнанные в Германию, бывшие военнопленные из немецких концлагерей, немецкие солдаты и гражданские лица, осужденные за какие-то грехи, советские солдаты из штрафных частей, не успевшие «искупить свою вину кровью», мародеры и насильники, по инерции продолжавшие свои «подвиги» после приказа о прекращении этих действий, а также откровенные уголовники — грабители и воры.

Быстро организовавшись, уголовники начали уже в вагонах раздевать более или менее прилично одетых. Они обменивали одежду на станциях через окна вагонов на продукты и самогон. Затем они стали срывать золотые зубные протезы, в основном у немцев, ибо у русских таких не оказалось. Напившись, уголовники стали вершить «суды» — в виде развлечения. На избиения несчастных, беззащитных лиц охрана не обращала внимания.

Когда состав шел по территории Польши, ночью сбежали несколько заключенных, проломив пол вагона. Всем заключенным устроили экзекуцию, и в дальнейшем уголовники следили, чтобы никто из вагона не убежал...

Так нас привезли в Брест-литовскую пересыльную тюрьму. Два дня мы находились на тюремном дворе без питания. В камерах не было места. По вечерам из окон камер неслись истошные вопли: «Хлеба! Хлеба!» Нас одолевали вши, титаническая, но бесполезная борьба с которыми занимала все наше дневное время...

На третий день наш этап все-таки приняли в тюрьму, вымыли в бане, дезинфицировали одежду и белье, растолкали по камерам, в каждой из которых размещалось по 40–50 человек. Здесь мы ожидали «покупателей», которые должны были увезти нас в места отбывания сроков. Среди нашей группы были заключенные, уже познавшие в довоенное время все «прелести счастливой жизни» в Комсомольске-на-Амуре, Беломорканале, Колыме, на БАМе (нынешний БАМ — это уже вторая очередь стройки этой дороги). По большей части это были уголовники, отбывшие свои сроки до начала войны. Их мораль была проста: тюрьма и лагерь — наш родной дом, на воле мы люди временные, поэтому все блага арестантской жизни должны принадлежать только нам. Честные воры или воры в законе с гордостью утверждали, что стараются не обижать фраеров (то есть обычных смертных не их круга), но если придется умирать, то пусть фраер умрет первым, а я вторым... Людьми их назвать у меня просто не поворачивался язык, я все больше и больше испытывал чувство омерзения как к их поступкам, так и к их логике. Социальной опасности существующему строю они не представляли и, более того, открыто предлагали свои услуги службе террора на всех его уровнях.

«Покупатель» — Норильлаг НКВД

Приблизительно через неделю в нашей камере появился «покупатель» со списком, сверху которого очень интересующиеся прочли гриф «Норильлаг НКВД». Эта весть быстро облетела камеру, но что это и где — никто не знал. Полагали, конечно, что где-то на севере.

На следующий день нас погрузили в вагоны и медленным ходом куда-то повезли. Ехали долго, и единственное, на что мы обратили внимание, — ночи становились все светлее и светлее. В середине августа наконец мы выгрузились из вагонов и узнали, что нахо-

димся на берегу Белого моря в порту Молотовск, недалеко от Архангельска. Здесь нас задержали ненадолго, погрузили в трюм парохода типа американского «Либерти» и по его раскачиванию на волнах мы поняли, что куда-то плывем. В трюме нас было около тысячи человек. Плыли долго, то и дело останавливались, пробивались сквозь скопление льда, иногда расстреливали попадавшие мины. В Карском море, едва миновав Карские Ворота, попали в жесточайший шторм, не оставлявший нас до самого входа в Енисейскую губу. Истощенные люди с трудом переносили качку... Когда она утихла, случилось непредвиденное.

Среди заключенных нашлось достаточное количество бывших офицеров-фронтовиков. Натерпевшись издевательств от уголовников, они организовались, договорившись, что по кличу «Офицеры, сюда!» все собираются и дают отпор уголовникам. В ближайшую же ночь стычка с ними состоялась. К офицерам примкнули бывшие солдаты, военнопленные. Уголовников жестоко избили и дали понять, что их власть в трюме закончилась навсегда.

В конце августа этап выгрузили из трюма в Дудинке — аванпорте Норильска. Здесь нас построили в колонны, и средних лет лейтенант приказал выйти из строя некоторым заключенным и построиться отдельно. Таких оказалось более двух третей. Оставшихся спросил: «Есть лица с 58-й статьей?» Ответом было молчание. «Ну вот, — сказал он, — я никогда не ошибаюсь». После этого он предложил отнявшим чужие вещи вернуть награбленное. Наиболее активных уголовников тут же избили и отправили в карцер.

Всех остальных разместили в деревянных бараках с трехэтажными нарами. Ожидали представителей Норильского горно-металлургического комбината, обычно отбиравших людей нужной специальности и квалификации.

Погода в том году была необычно теплой для этой широты. Снега нигде не видно, стояли солнечные дни и совершенно светлые ночи. По ночам нас несколько

раз выгоняли из бараков, строили, зачем-то пересчитывали, возможно, опасались побегов — из порта уходили последние суда. Заключенные, работавшие в порту, нас обнадеживали: «У кого есть специальность и образование, в комбинате могут рассчитывать на хорошее устройство и сносные условия жизни. Нужда в специалистах большая, так что не тушуйтесь».

«Хозяева» приехали в Дудинку через пару дней после нашего прибытия. В этот раз опрос производили начальник конторы электромонтажных работ (КЭМР) Моисей Соломонович Овчинский и начальник завода металлоконструкций (фамилию его я уже не помню). Обычно вызываемый подходил к обоим, и после информации о его профессии с ним подробно разговаривал один из двоих. При отсутствии технической профессии его отсылали в группу разнорабочих. Как оказалось, Овчинский до своего заключения был радиоинженером, поэтому мы с ним легко вошли в контакт, и он включил меня в список работников КЭМР, конкретные обязанности обещал установить по прибытии в Норильск.

Утром следующего дня нас погрузили в вагоны на узкоколейке. Состав, преодолевая путь длиной 120 км с помощью паровозика типа «кукушка», извиваясь, как уж, между многочисленными озерами полярной тундры, потянулся на восток, к Норильскому комбинату и городу, в котором мне суждено было прожить почти восемнадцать лет.

До самого горизонта простиралась почти безжизненная тундра с чахлыми кустиками, многочисленными голубыми пятнами озер и большим количеством ручьев. Кое-где на пригорках виднелись сиреневые островки иван-чая. Земля, поросшая травой, была в буграх, рывтинах и кочках. Иногда попадались реки, видимо полноводные в весеннее время, сейчас превратившиеся в ручьи с обросшими мхом каменистыми берегами.

К вечеру нашего пути на горизонте появились горы и рядом с ними две дымящиеся трубы. Прибли-

жившись к горам, мы обратили внимание, что северные склоны в ущельях покрыты пятнами снега — он так и не растаял даже летом. Стало ясно, что мы не просто на Севере, а на Крайнем Севере, за полярным кругом. Сбылась моя юношеская мечта — попасть на Север! Жаль, попал я сюда заключенным, в ранге изменника Родины...

Поезд подкатил к товарно-сортировочной станции. Нас выгрузили из вагонов, пересчитали и отконвоировали в лагерь, расположенный на западном склоне горы Гудчиха в ущелье Медвежьего ручья. Временно нас разместили в брезентовых палатках, хотя рядом были капитальные бараки. Тут же появились нарядчики, лагерная обслуга из числа заключенных. Нас разбили на бригады по 30–40 человек, назначили бригадиров из числа уголовников, которые раздали талоны в лагерную кухню. Питание состояло из 300 граммов хлеба, миски супа и черпака овсяной или перловой каши. Хлеб можно было сунуть в карман, а во что получать суп и кашу? Ни мисок, ни ложек никто не давал, никаких котелков у нас не было. Пришлось использовать старые консервные банки, а вместо ложки — деревянную щепку от ящика.

Утром 1 сентября прозвучал первый в нашей лагерной жизни сигнал «Подъем». Назначенный бригадиром дневальный раздал питание — все те же 300 граммов хлеба, миска баланды и черпак овсянки. Умывались на дворе, вскользь осматривая городок. В лагере было 24 барака, не считая палаток, в которых мы жили. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой и вплотную примыкала к зоне промышленной площадки, где виднелись корпуса каких-то заводов и мастерских. Слева внизу виднелись двухэтажные дома поселка. На противоположной стороне ущелья Медвежьего ручья расположился еще один лагерь. В районе поселка тоже была зона с рядами бараков — это было 2-е лагерное отделение. Наше шло под номером семь. К семи часам утра нас выстроили пятерками перед воротами проходной (вахты) на раз-

вод по местам работы. Бригадиры объявляли номера своих бригад и количество человек в бригаде. После этого следовала команда: «Первая, вторая, третья...», нарядчик на деревянной дощечке записывал номера бригад и количество эков в ней.

Нашу бригаду отвели в КЭМР. В ожидании, пока нас разберут по профессиям, мы, получив лопаты и кайла, рыли кабельную траншею. Поскольку я был одет в собственную одежду (пиджачок, сносные брюки, демисезонное пальтишко), в Дудинке мне ничего из лагерного обмундирования не выдали. Мне казалось, что я принял достаточные меры, чтобы уголовники не отняли одежду, но я просчитался... Когда я пил воду из какой-то трубы, мне сказали, что в корпусе никелевого завода есть газированная вода для металлургов и лучше пользоваться ею, чтобы не заболеть. Мучимый жаждой, я отправился на поиски этой воды. В закоулках цехов завода на меня набросились несколько человек с ножом и раздели до нижнего белья. Потрясенный от страха и обиды, я вернулся в расположение своей бригады... Через минут пятнадцать ко мне подошел парень и сказал, что на выходе из цеха, где меня ограбили, я могу забрать свою одежду. Мне вернули все, кроме брюк, они были распороты только по шву, и их легко было зашить.

После полудня меня пригласила комиссия конторы, куда я так и явился: в кальсонах, выглядывавших из-под длинного пальто, и ботинках на босую ногу. К счастью, члены комиссии были настоящими или бывшими заключенными, они поняли мое положение. Для начала меня взяли копировщиком. Потом выяснили, что я имею два курса высшего образования, могу хорошо чертить и склонен к конструированию. Один из членов комиссии — эк Леопольд Давыдович Зак в КЭМР был заместителем начальника технического отдела, в составе которого было небольшое конструкторское бюро, руководимое тоже эком Борисом Терентьевичем Шафранским, инженером-электриком из Ленинграда. Меня опреде-

лили сюда. Но как мне завтра приходить на работу в кальсонах?! Вернувшись в лагерь, я решил обменять свой пиджачишко хоть на какие-нибудь лагерные брюки. К счастью, охотник нашелся, он вдобавок дал мне еще пайку (300 граммов) хлеба. На следующий день меня перевели в КЭМРовскую бригаду и вместе с двумя коллегами определили в ночную смену копировщиком.

Система поощрения в лагере состояла в выделении дополнительного питания к основной норме, называвшейся «гарантией» и обозначавшейся 0–0. Она состояла из 600 граммов хлеба (300 утром и 300 вечером), миски супа утром и вечером и черпака каши также утром и вечером. Иногда к ней добавляли седлку или ошпаренную треску. Дополнительными были увеличенные пайки хлеба: +1 (100 г), +2 (200 г), +3 (300 г), а также добавки к каше в виде запеканок, увеличенных порций каши и столовой ложки сахара. Добавки эти были трех степеней (от +1 до +3). Таким образом был паек 3–3, то есть до 900 граммов хлеба и увеличенное количество каши.

На бригаду выделялось определенное количество пайков, и бригадир сам определял, кому сколько отпустить. В бригаде инженерно-технических работников (уголовники называли их лордами) бригадиром был один из самых авторитетных специалистов, так что людей старались не обижать, да и пайков нам отпускали больше по сравнению с бригадами рабочих. Кроме этого в месяц каждому выдавалось по 300 граммов сахара — это была единственная сладость, попадавшая экам. В лечебных целях вечером нам выдавали по 100 граммов разведенных пивных дрожжей, а для профилактики цинги запаривали мелко изрубленную хвою, из которой получался горько-кислый квас. Его отпускали без нормы, но пили его неохотно.

Однажды в ночную смену я увидел лежавшего на полу (под одним из столов) человека. Ночной сторож сообщил мне, что это спит начальник конструкторского бюро — инженер Борис Терентьевич Шафранский.

У них в бараке травят клопов, и он решил переночевать на работе. Клопов дважды в год травили серой, после которой сернистый газ выветривался несколько дней. Клопы оказались живучее заключенных...

Через неделю нашу бригаду из временных брезентовых палаток перевели на северный склон горы Гудчиха в 6-е лаготделение. Этот лагерь тоже примыкал к зоне промплощадки, так что после выхода за проходную мы следовали по рабочим местам без конвоя.

Опишу новое жилье. Бараки имели отопление и вполне налаженный быт. Барак вмещал обычно 100–120 рабочих и ИТР нашей конторы. Деревянное сооружение длиной 24 метра и шириной 6 метров имело два ряда секций, разделенных коридорчиком. Посередине секции стояла печь, отапливаемая углем, по обе стороны стен располагались деревянные двухэтажные нары вагонного типа. В торце каждой секции было окно, у которого стоял стол с двумя скамьями по обе стороны.

За порядком следил дневальный, освобожденный от работы член бригады. Он получал на кухне питание и раздавал его. В обязанности дневального входило отопление секции, он относил в сушилку вечером и приносил утром промокшие валенки и вещи, мыл общую посуду и следил за чистотой внутри и вокруг барака. Чаще всего в секции было две бригады и дневальные каждой из них помогали друг другу. Зэки со стажем постепенно вводили нас, новичков, в арестантскую жизнь. Мы за время полугодичных этапов и пересылок отощали до предела, поэтому нам выписали усиленные пайки и зэки часто отдавали излишки своего питания. На работе ведущим специалистам тоже выделяли поощрительное питание, часть его перепадала и нам.

В юношеские годы я неплохо играл в шахматы, много читал, обладал завидным музыкальным слухом и достаточным чувством юмора. Это помогло мне сравнительно быстро войти в дружеские отношения с сокамерниками. Старожилы сразу предупредили

меня, что в лагерной системе развито стукачество. За всеми эсками ведется наблюдение, организованное органами госбезопасности. Поэтому откровенные разговоры можно вести только с глазу на глаз. При третьем лице от всяких откровений надо уклоняться. Кроме этого могут вызывать на беседу в «хитрый кабинет» и будут расспрашивать, о чем был разговор наедине. Следует отвечать всегда одно и то же: «О женщинах». Конечно, оперы знают эту незамысловатую хитрость, но бороться с ней не могут...

Лагерный быт и товарищи по несчастью

Около полугода я проработал в ночную смену вместе с очень порядочным парнем Володей Гапановичем — белорусом из Западной Белоруссии, обвиненным в сотрудничестве с националистами, и тупым уголовником Николаем Курочкиным. На зиму нам помогли получить новое обмундирование — валенки, бушлаты, телогрейки, ватные брюки.

Зима здесь начиналась в середине октября и снег уже не таял до середины мая. Климат Норильска оказался свирепым. Побывавшие в городе в летние месяцы не могут даже предположить, какой ад здесь наступает в зимнее время. Страшные морозы доходят до минус 59–60 °С — тогда гаечный ключ, уроненный на металл с высоты 2–3 метров, разбивается, как стекло, лопаются стальные стрелы экскаваторов, рушатся стальные фермы перекрытий зданий... Морозы сменяются сильнейшими пургами, скорость ветра при которых доходит до 30–40 метров в секунду, — тогда срывает крыши и сметает людей с обледенелых покрытий дороги. Самыми страшными были «черные» пурги — тогда в городе на расстоянии вытянутой руки не видно своих пальцев. Нормальным атмосферным давлением считалось 740 мм ртутного столба, при пургах оно падало до 700 мм, а то и ниже. Кислорода не хватало, появлялась одышка даже у вполне здоровых людей. Комиссия Наркомздрава, посетившая

Норильск в довоенное время, пришла к официальному выводу, что жить здесь можно не более двух лет с обязательным полугодовым лечением на южных курортах страны. Но к заключенным эти выводы не имели никакого отношения.

Смертность в норильских лагерях достигала 30 процентов, в основном за счет бригад чернорабочих. Огромное кладбище находилось под северным склоном горы Шмидтиха, и выражение «отправиться под Шмидтиху» имело вполне определенный смысл. Увозили умерших из лагерей обычно по утрам на сани с лошадкой. Перед вывозом через вахту специальным остро заточенным стальным штырем протыкали труп — пятку и специальным молотком пробивали насквозь висок черепа. Видимо, это давало уверенность охране, что преступник не убежит.

По уровню технической подготовки Володя Гапанович уступал мне, имея всего 10 классов. Но его потрясающая аккуратность и чистота исполнения всех работ обратили на себя внимание руководства конторы. Весной 1946 года нас перевели в конструкторский состав, работавший днем. Понимая, что нам выпала удача, мы держались за нее зубами: трудились самоотверженно, не считались со временем, не отказывались ни от какой работы, даже в выходные дни. Мы старались в спокойной обстановке по книгам и справочникам чему-то научиться, повысить уровень своей технической подготовки.

Покинув ночные смены, в дневной мы познакомились с конструкторами. Евгений Нагорный, инженер-электрик, был из Харькова; Валентин Рагулин, бывший лейтенант, из Ленинграда, оказался отличным художником-карикатуристом; Сашка Иванов, бывший воришка, стал неплохим чертежником, играл он и в лагерном духовом оркестре.

Нелегко сложилась судьба Сергея Алексеевича Попова. В лагере его оценили как высококвалифицированного инженера-механика. Он, бывший офицер Белой гвардии, эмигрировал во время Гражданской

войны сначала в Турцию, затем перебрался в Чехословакию, получил ее гражданство, но был репатриирован при «освобождении» Чехословакии нашими войсками. Итог — лишение свободы на срок восемь лет.

Венгерский коммунист, еврей по национальности, Геза Иосифович Секей, искал спасения от фашистов в Советском Союзе: его «приютили» в лагерях на 10 лет. Заместителя начальника технического отдела Леопольда Давыдовича Зака осудили на 10 лет по статье 58-6 (шпионаж) за пропаганду языка эсперанто. Руководитель конструкторской группы Борис Терентьевич Шафранский, инженер-электрик из Ленинграда, был приговорен по статье 58-10 (антисоветская агитация) к высшей мере наказания, которую заменили 10 годами лагеря. Он рассказывал, как во время следствия его сильно мучила малярия, — она сразу покинула его при объявлении суда о «вышке». Больше он малярией не болел...

Начальником технического отдела был Эммануил Яковлевич Бабицкий — бывший зэк. Когда в узком кругу я как-то посетовал на свою жизнь, он сказал мне: «Борис Петрович, а я ведь в сущности почти ничем от вас не отличаюсь, разве что пиджачок почище да лишний кусок хлеба имею...» Главным инженером конторы был тоже бывший зэк Матеосов (Матеосян), очень интеллигентный человек, спокойный и уравновешенный. Возглавлял нашу контору Моисей Соломонович Овчинский — человек очень талантливый и очень энергичный. Он мгновенно реагировал на сложную обстановку, обладал талантом подбора кадров и умел руководить коллективом. Он всем нутром не выносил уголовников. Работали среди нас и несколько человек из сталинской гвардии. Несмотря на выпавшие на их долю невзгоды, они считали себя истинными партийцами, по недоразумению попавшими в среду «черни». По возможности они старались сохранить даже свою партийную одежду: галифе и защитного цвета гимнастерку. И в лагере они искренне отдавали дань уважения «великому и мудрому вождю».

Первоначально я сдружился с кадровым эком Гезой Иосифовичем Секеем. Он очень много рассказывал мне об обстановке в Венгрии перед своей эмиграцией в СССР, о путешествиях по лагерям и тюрьмам нашей страны. Я, конечно, еще в довоенное время знал о том, что у нас есть тюрьмы и лагеря, но о том, что их в государстве так много, узнал только в лагере. Я был очень рад освобождению Гезы Иосифовича. В 1947 году я сблизился с Михаилом Ивановичем Авсеенко, инженером-электриком из Краснодона. Он был старше меня лет на десять, но у нас нашлось много общих интересов, к тому же мы были с ним постоянными соперниками в шахматной игре.

Наша контора занималась монтажом электростанции и подстанции в районе промплощадки. Механическая мастерская изготавливала различные конструкции электроаппаратов и оборудования. Кроме этого две бригады рабочих устанавливали опоры высоковольтных линий электропередачи и монтировали на них провода. Руководство конторы следило, чтобы на этой самой тяжелой работе (постоянно на открытом воздухе, в страшные морозы и пурги) люди получали хорошее питание и обмундирование. Ежемесячно таким бригадам начисляли небольшое (20–40 рублей) премиальное вознаграждение. Деньги выдавали на руки, и на них в лагерном ларьке можно было приобрести что-нибудь съестное. Например, в начале моего срока стояли бочки с красной кетовой икрой. Через вольнонаемных можно было купить необходимое и на городском рынке. К скудному лагерному пайку это была большая добавка.

Гораздо хуже было питание чернорабочих на общих работах. Здесь вся власть была в руках бригадиров, как правило, уголовников. Они избивали людей, отнимали их последние крохи, занимались вымогательством. Жаловаться было некому, осмелившийся высказать недовольство рисковал быть убитым, зная, что не будет расследования причин убийства. Все деньги чаще всего присваивал бригадир, добывавший

на эти деньги водку, табак, одежду для себя и своих приспешников. Многие рабочие от изнурительного труда и постоянного недоедания копались в мусорных кучах лагерной столовой в поисках чего-нибудь съестного. Они превращались по лагерной терминологии в «доходяг», «фитилей», «огоньков»... Боязнь быть списанным в общую бригаду постоянно подхлестывала всех в бригадах специалистов.

Были в лагерях и так называемые бесконвойные — из числа высококвалифицированных инженерно-технических работников, которым по роду работы необходимо было в течение дня бывать в различных районах города, сюда же по непонятным причинам попадали и уголовники высшего разряда. Грабежи на улицах города проходили не без их участия. Впрочем, количество лиц, пользовавшихся этой льготой, было очень невелико, даже в бригадах специалистов.

Переписка в ИТЛ Норильлага в общем не ограничивалась, но обязательно проходила цензуру, что видно было по замазанным тушью строчкам. Почти все зэки пользовались и услугами вольнонаемных — бывших зэков, они бросали их письма в почтовые ящики города. Получали письма и на адрес предприятия. Правда, этим способом пользоваться было опасно из-за стукачей. Обыски в бараках (по лагерной терминологии «шмоны») были обычным явлением, поэтому специалисты все более или менее ценное обычно держали на работе.

Каждые 10 дней заключенным устраивали баню, где перед мытьем парикмахеры из числа зэков на чисто сбрасывали с тела весь волосяной покров, голову стригли под нулевку. Только некоторые имели справки на право ношения волос — это были в основном артисты из лагерных кружков самодеятельности и, конечно, те же уголовники.

Контингент лагерников делился на политических (осужденных по статье 58), бытовиков (осужденных по указу от 7 августа 1939 года, а также за опоздания, мелкие хищения и т.д.) и откровенных уголовни-

ков: воров, бандитов, грабителей. Уголовники тоже делились на «честных» воров, или воров в законе, и «ссученных» воров. К «честным» относились воры, не сотрудничавшие с лагерной администрацией ни под каким видом. Такие или вообще не работали, или устраивались на места по технической специальности. Между честняками и суками в лагерях постоянно проходили жестокие стычки с поножовщиной или с применением топоров. В таких случаях лагерь походил на растревоженное осиное гнездо.

Приглашение в стукачи обходится дорого...

В КЭМР я проработал до весны 1947 года, пока не нашелся «благодетель», порекомендовавший мою кандидатуру оперуполномоченному 6-го лаготделения. Удара с этой стороны я не ожидал. Лейтенант МГБ, по фамилии Этин, предложил мне сотрудничать с МГБ, попросту стать одним из многочисленных стукачей. Уговоры и разъяснения длились около полутора-двух часов, пока он не усвоил, что я не поддамся. В конце разговора он предложил мне дать подписку о неразглашении нашего разговора и отпустил в барак.

Среди заключенных Этин слыл одним из самых кровожадных оперов, и, естественно, в душу мою закрался страх. Через два дня меня посадили на 10 суток в штрафной изолятор (ШИЗО), после чего я попал в общую бригаду строителей коксохимзавода, бригадиром которой был Григорий Чохели. Предварительно его вызвал Этин и распорядился использовать меня на самых тяжелых работах. Несмотря на предупреждение, он отнесся ко мне довольно миролюбиво, и я имел возможность связаться с моими прежними руководителями.

Несколько попыток вырвать меня из лап Этина (перевести в другой цех или другой лагерь) окончились безрезультатно. Этин каждую неделю приходил в бригаду, чтобы убедиться, что я рою землю в котло-

ване. А я все же узнал, кто был моим благодетелем — электрик Николай Христенко. Через много лет, уже во второй мой приезд на комбинат в 1969 году, я встретился с ним. Он фотографировал меня на Доску почета Талнахской ТЭЦ-2 в комбинатской фотостудии. Вот тогда я и сказал ему все, что о нем думаю...

В начале зимы Этин решил, что бригадир Чохели относится ко мне слишком снисходительно, и перевел меня в бригаду матерого уголовника Острикова. Он был настоящей скотиной и вымогателем, нагружал меня самыми тяжелыми и грязными работами. Потом вроде сжалился, поставив на «блатную» работу — стеклить оконные рамы, и тут же стал вымогать водку. Но откуда было ее взять? Тогда Остриков рассвирепел еще больше. Однажды ворвался в кабинет главного инженера Коксохимстроя с угрозой, чтобы тот не содействовал мне, так как я нахожусь под надзором оперуполномоченного. Попытки главного инженера Коксохимстроя Николая Михайловича Балануци, также бывшего заключенного, взять меня в технический отдел долго были бесплодными, пока наконец Этина в декабре 1947 года не перевели в другой лагерь, а может быть, на повышение.

В техническом отделе Коксохимстроя я пробыл до весны 1948 года. Потом бывший экономист КЭМР Александр Петрович Броневои все-таки выцарапал меня в конструкторское бюро электроремонтного цеха (ЭРЦ) с переводом во 2-е лаготделение. Броневои хорошо знал меня по КЭМР и ценил мои способности и трудолюбие. Был он в прошлом комиссаром одного из армейских соединений южных армий, воевавших с Деникиным. Еще заключенным, он разговорился с Сергеем Алексеевичем Поповым, и оказалось, что они в Гражданскую войну участвовали в одном и том же сражении на Юге Украины, правда, по разные стороны фронта. В итоге Попов после репатриации получил 8 лет, а Броневои, сбросивший Белую гвардию в Черное море, получил 10 лет лагерей. Такая вот ирония судьбы. Когда Броневои отбыл свою десятку, к нему

приехала супруга, как-то спросившая у него при мне: «Саша, а правда говорят, что на Марсе есть люди?» «На Марсе — не знаю, — ответил он, — вот на Луне их много. В 1937 году туда их отправили тысячи!»

Моими новыми друзьями стали Арвид Андреевич Ласманис — латышский офицер, интернированный при присоединении Латвии к Союзу. В числе немногих других — чудом выживший в страшных условиях военного времени в Норильлаге Сергей Павлович Миклошевский, инженер-связист из Ленинграда. Кроме этого в КБ работал талантливый инженер-механик Александр Михайлович Леонов, в 1937 году попавший в лагерь как вредитель и диверсант. Одним из интереснейших членов нашей зэковской компании был Слава (Мстислав) Никитин. Он прибыл в Норильск с одним из первых этапов, пешком преодолевших тундру от Дудинки до Норильска, — никакой железной дороги тогда еще не было. Во время работы мастером на никелевом заводе он познакомился с дочерью высокопоставленного администратора комбината, работавшей в техническом отделе. И, можно себе представить, она влюбилась в него! Когда этот «туз» узнал, что в его «благородную» семью затесался презренный зэк, — его едва нехватила кондрашка, но ничего он предпринимать не стал, опасаясь широкой огласки... Забегая вперед, скажу, что после освобождения Слава женился на Кларе и у них получилась неплохая семья. Дружеские отношения с Никитиными я поддерживал до своего второго отъезда из Норильска в 1971 году.

В ЭРЦ встретили меня дружелюбно. На работу нас водили под конвоем. Однажды один из конвоиров положил в грязь всю колонну прямо в городе автоматной очередью поверх наших голов. Правда, поднять нас ему оказалось гораздо труднее: зэки не поднялись, пока не пришло начальство из штаба ВОХР.

Почти ежемесячно нам выплачивали небольшое премвознаграждение (порядка 30–40 рублей), на ко-

торое удавалось с помощью вольнонаемных с риском для обеих сторон (все из-за тех же стукачей) купить масло, хлеб, тушенку, сахар, — это было время после девальвации денежной системы и отмены карточек. Конечно, вчерашние зэки, побывавшие в нашей шкуре, побаивались помогать нам, но в общем все шло хорошо... Кроме работы я вел занятия по обучению мастеров элементам черчения, разметке материала, вырисовыванию выкроек сложных деталей из металла. Но осенью 1948 года меня постиг новый удар.

Во вновь организованный лагерь для особо опасных преступников — Горлаг в числе первых и единственным из числа заключенных цеха забрали меня. Никакие усилия руководства цеха — Дмитрия Алексеевича Садовеня, Владимира Александровича Овчинникова (главного инженера ЭРЦ) — не имели успеха. В октябре 1948 года я оказался в 5-м отделении Горлага, обслуживавшего кирпично-блочный завод (КИБЗ) и строительство нового города (Горстрой). И снова мучительные попытки выкарабкаться на поверхность. Что собой представлял Горлаг, я подробно описал в главе «Горячее лето 1953 года...». Воспользовавшись прежними связями, в какой-то мере с помощью Броневого мне удалось устроиться в конструкторское бюро главного механика КИБЗ, где инженером по плановым ремонтам был латыш Карл Андреевич Вейсманис, угодивший уже во вторую очередь латышей, направленных на Север. Кроме меня были там еще литовец Повиланскис и копировщица из расположенного рядом женского лагеря № 6 Горлага полячка Бася Кубчак. Казалось бы, снова все хорошо складывалось, но оперуполномоченным даже в таком лагере нужна была агентура. Кто рекомендовал меня на этот раз — не знаю, но финал был почти таким же...

Весной 1949 года я был «списан» на глиняный карьер в общую бригаду. Правда, этот опер был не столь кроваваден, как Этин, но и здесь мне пришлось тяжело, до тех пор, пока я не попал в бригаду электромеханической службы Горстроя, где я занялся

ремонт пневматических отбойных молотков, монтажом электропроводки в строившихся домах города, плотницкими работами, обслуживанием подъемников на строившихся домах, — ни от какой работы не отказывался...

Переписка в Горлаге была ограничена только двумя письмами в год, причем за этим строго следила лагерная администрация. Получение писем по количеству не ограничивалось. Цензура была тщательная, порой получали письма, на треть залитые тушью. Вычеркивалось все, что цензору не удавалось осмыслить, например, в одном из полученных мною писем матери были замараны слова «сохрани тебя Бог и помилуй...». Многие, конечно, находили выход: отдавали письма вольнонаемным — они опускали их в почтовые ящики города. Пользовался этим способом и я, но однажды чуть не попался, ибо в письме мать сообщила о получении от меня подряд двух писем. Пришлось выворачиваться... Якобы одно из писем я отправил в конце года, а второе в самом начале следующего. Видно, учет по датам у них не велся, и мне поверили.

На КИБЗ я познакомился со знаменитым футболистом 30-х годов Андреем Петровичем Старостиным. Работал он в техническом отделе экономистом. Умница, интеллигентный человек, он охотно рассказывал о своей судьбе и судьбе своих братьев, причинах, по которым его и братьев упрятали сначала в ИТЛ, а затем в Горлаг. Мы постоянно обсуждали с ним судьбу отечественного футбола, сравнительные силы команд и игроков, входящих в их состав. Он хорошо разбирался в искусстве, супруга его была артисткой театра «Ромэн».

Наш подарок к 70-летию «великого и мудрого»

Летом 1949 года в лагерь прибыл представитель строившегося медеплавильного завода для набора специалистов разного профиля. Завод собирались ввести в строй как подарок «великому и мудрому» к

его 70-летию. Я был наслышан о проектной конторе комбината, состоявшей из заключенных. Я записался к представителю Медьстроя, рассказал ему о своих способностях, и в середине лета меня этапировали в 4-е отделение Горлага. Благодаря знакомству с Сергеем Павловичем Миклашевским, имевшим большие связи с проектировщиками, с которыми он участвовал в лагерной самодеятельности, мне удалось устроиться в проектную контору, одной из групп которой руководил инженер-электрик из Харькова Петр Антонович Шаповал. Позднее в эту же группу пришел мой друг по нынешнее время Володя Яровой. Группа занималась проектированием телефонной связи вдоль новой железнодорожной линии нормальной колеи Норильск — Дудинка протяженностью 82 км. Работа была для меня новой, но я быстро усвоил ее нехитрые приемы и полностью втянулся в ее рабочий ритм. Здесь был собран цвет инженерной мысли комбината из числа заключенных, у которых было чему поучиться в любой отрасли человеческих знаний. Я был еще молод и как губка впитывал все, что удавалось узнать, — расспрашивал, уточнял, анализировал, зачастую даже в тех областях, которые меня, казалось бы, не касались вплотную. Прежде этот контингент проживал во 2-м лаготделении. При переводе на Медьстрой им выделили общежитие рядом с ним. Меня же водили под конвоем в числе других из 4-го лаготделения.

Руководителем эковского филиала проектной конторы с самого начала и до своего освобождения был Лев Александрович Рабинович — видный горный инженер-угольщик, хороший организатор, интеллигентный человек, попавший как вредитель по шахтинскому делу. Характерно, что его дольше всех не реабилитировали, так как его следователем в прошлом был Генеральный прокурор Союза Руденко.

Среди многих выдающихся специалистов мое внимание привлек Михаил Николаевич Годлевский. Я потянулся к нему, влекомый каким-то шестым чувством. Несмотря на значительную разницу в возрас-

те, у нас очень скоро обнаружили общие темы для разговоров, теплые отношения со временем переросли в настоящую дружбу, длившуюся до конца его дней. Подробнее об этом я написал в своих воспоминаниях о М.Н. Годлевском.

По мере приближения торжественной даты «Рождение Вождя» напряженность на стройплощадке возрастала. Почти ежедневно фиксировали несчастные случаи со смертельным исходом: то кто-нибудь свалился с 20 метров, то кого-то придавило упавшей конструкцией или вагоном — словом, ни дня без смерти... На площадке трудилось около десяти тысяч человек. При этом стоимость жизни зэка была равна нулю... Как бы там ни было, но в апогей полярной ночи, 21 декабря, на главном корпусе, вмещавшем отражательную медеплавильную печь, вывесили световую рекламу «Наш подарок великому Сталину!». Печь дала первую плавку. Заключенных, естественно, с площадки убрали, появились кинооператоры, репортеры, журналисты.

Спуском первой очереди завода общежитие зэков проектной конторы закрыли, всех перевели в 4-е и 5-е лаготделения, а филиал проектной конторы — в Горстрой. Незадолго до этого в наше лаготделение (я снова оказался в 5-м) пришел этап из Тайшетского Леслага. Решил поискать земляков — так встретился с выпускником Харьковского авиаинститута Валентином Ивановичем Бондаренко, помог ему устроиться в нашу группу проектной конторы. Через некоторое время мы с ним стали неразлучными друзьями. В прошлом он был мастером спорта по боксу и увлек меня этим видом спорта.

Летом 1950 года у руководителя группы Петра Антоновича Шаповала закончился срок заключения. В это время перед проектной конторой поставили задачу: осуществить электрификацию новой железной дороги Норильск—Дудинка. Для этой цели в Норильск прибыл видный специалист по электротяге Евгений Степанович Аватков. Нашу группу передали в его распоряжение, меня назначили в ней главным инженером.

Осенью того же года по каким-то причинам персонал проектной конторы снова соединили с 4-м лаготделением, но в списках этапируемых меня не оказалось... Позднее я узнал причину этого: нас решили разделить с Годлевским, которого начали с пристрастием допрашивать о наших связях, разговорах наедине. Но не тот человек был Годлевский, от которого можно было получить компрометирующий материал на друга. Помучив некоторое время, его отпустили на прежнее место работы. А я сначала попал в бригаду электриков, а затем стал мастером по бетонным работам на строительстве будущего техникума. Здесь мне не повезло — я сорвался с обледенелой веревочной лестницы в котлован глубиной 7 м на скальный грунт. После нескольких дней больничного режима начальник участка Бадаев в виде «благодарности» списал меня в общую бригаду. Я был еще не совсем здоров, и меня по знакомству пристроили во внутрилагерную бригаду на уборку и мытье полов в штабе лагерного начальства в ночное время. Долго там пробыть не удалось, вскоре меня перевели в бригаду кабардинца Тхабесимова, как потом оказалось, по протекции инженера-обогапителя Александра Лаврентьевича Азарова. Здесь я тоже был недолго, снова меня включили в конструкторскую группу КИБЗ, главным механиком которого был недавно освободившийся Константин Иванович Москаленко, в прошлом летчик, воевавший в Испании.

Покою мне МГБисты не давали, несколько раз пытались завербовать в осведомители, но я уже был стреляный воробей и избежал судьбы сексота.

После освобождения

В Горстрое, где был филиал КЭМР, руководителем был мой давний знакомый Владимир Николаевич Ларин. Он охотно взял меня к себе, и здесь я проработал до весны 1953 года. Тогда после смерти Сталина возникли волнения среди заключенных Горлага, я описал их в воспоминаниях «Горячее лето 1953 года...».

В результате всех перипетий я снова оказался в 4-м лаготделении, в составе сотрудников проектной конторы, где и проработал до самого освобождения в октябре 1954 года. Это случилось почти на полгода ранее назначенного срока благодаря введенным (после восстания и снятия со своего поста Берии) зачетам. Я получал за день работы два дня сокращения срока. 22 октября 1954 года меня вызвали с вещами в штаб руководства лагеря и поздравили с досрочным освобождением. Впервые за многие годы меня назвали товарищем и на прощание подали царственную руку после вручения документа — справки об освобождении.

Боже мой! Что это был за документ?!

Любой собачий паспорт, выдаваемый владельцу породистого пса, выглядел во сто крат солиднее и внушительнее, чем эта бумажка размером в четверть настоящего листа, отпечатанная на машинке, с приклеенной в верхнем углу фотографией качества базарной пятиминутки 30-х годов. Недаром этот документ так и называли — «собачий паспорт». По существующему положению я был обязан ежемесячно в определенный день являться на отметку в органы МВД. Неявка угрожала стрижкой волос под нулевку и несколькими днями ареста.

Встал вопрос: где работать и где жить? Первоначально меня приютил старый друг по КЭМР и проектной конторе — Сергей Алексеевич Попов, освободившийся ранее и успевший обзавестись комнатой в одном из переоборудованных эковских барakov. Он уже женился, связав свою жизнь с бывшей заключенной, лет на 16 моложе его.

С работой было сложнее. Евгений Степанович Аватков, мой руководитель по последнему месту работы в проектной конторе, предварительно присмотрел мне два места: в электротехническом отделе конторы или в электровозоремонтном депо на Медвежьем ручье. Однако оказалось, что там необходим диплом, а его у меня не было. Тогда я пошел на старое место, в электроремонтный цех, где меня взяли мастером по

ремонту мелких машин, а вскоре перевели в конструкторское бюро, где я вновь встретился с освободившимся раньше меня Арвидом Андреевичем Ласманисом. Здесь мне сразу дали место в общежитии. Это был все тот же переоборудованный барак бывшего 2-го лаготделения ИТЛ, в одной комнате которого жили две семьи и четверо холостяков. И все же это было немного лучше прежнего лагерного барака.

Я был одет в слегка переделанную арестантскую форму — стеганый ватник, поверх которого я накидывал плащ, присланный мне родителями. Он скрывал на спине не поддающийся полному удалению номер К-292. Заработок у меня был невелик, никаких северных льгот мне не полагалось, их еще предстояло выслужить, в профсоюз меня не принимали. А ведь надо было хоть как-то приодеться! И я стал брать дополнительную работу у студентов: черчение, начертательную геометрию, курсовые проекты, дипломные проекты. По окончании рабочего дня у меня начиналась вторая смена до двух-трех часов ночи. Остаток времени до утра я спал на столе конструкторского бюро, подстелив свой арестантский ватник и положив под голову несколько книг. Это давало мне больше денег, чем заработная плата.

Однажды цеховая администрация попросила меня выступить в спартакиаде комбината с упражнениями типа утренней зарядки, для разучивания которых я пришел в спортзал, переоборудованный из бывшей котельной. Оказалось, в этом зале хорошая секция спортивной гимнастики, руководимая бывшим зэком, бывшим участником Олимпийских игр Федором Васильевичем Макаровым. Обаятельнейший человек, любимец гимнастов города, он увлек и меня спортивной гимнастикой. Макаров охотно взял меня в секцию. Новый, 1955 год я встречал в коллективе проектировщиков впервые за многие годы в обществе женщин и на свободе. Не научившись танцевать в юношеские годы, я решил исправить этот недостаток и срочно записался в кружок по обучению танцам. К весне 1955 года я заслужил 3-й спортивный разряд и стал неплохо тан-

цевать. Подработал денег, прилично оделся, на меня даже стали поглядывать девушки.

Оставалась невыполненной еще одна задача — получить диплом в техникуме, учебный корпус которого строил своими руками, начиная с котлована. Для этого все лето ушло на подготовку к вступительным экзаменам, и осенью 1955 года я стал студентом Норильского горно-металлургического техникума по специальности горная электромеханика. Учился с остервенением, умудрившись не получить за все три года учебы ни одной тройки и четверки. Весной 1959 года с отличием защитил диплом.

А тем временем обстановка в стране коренным образом менялась. В связи с празднованием десятилетия Победы вышла амнистия лицам, «сотрудничавшим» с оккупантами, под которую попал и я. По этой амнистии вместо «собачьего» я получил почти настоящий паспорт. «Почти», потому что любой кадровик, взглянув в него, мигом определял, что я «бывший». И все-таки это был уже паспорт, была отменена ссылка и явка на отметку к «папе» в МВД. Я мог в любое время выехать «на материк».

В феврале 1956 года состоялся XX съезд партии, и секретный доклад на нем Хрущева о культе личности Сталина сразу же стал общеизвестным и в Норильске — жалобы о пересмотре дел репрессированных потекли потоком во все органы власти. Не заставляя себя долго ждать, я тоже направил жалобу в Верховный суд СССР, хотя и не очень надеялся на благоприятный исход. Летом 1956 года я получил извещение о том, что мое следственное дело послано на пересмотр. Бывалые люди сказали, что эта бумажка стопроцентная гарантия реабилитации. И правда, вскоре меня вызвал следователь в штатском. Я изложил ему все, что со мной произошло в действительности, ответил на его вопросы и подписал протоколы следствия.

В середине ноября 1957 года меня снова пригласили в управление МВД, предложили стул, подали бумаги. Сказали, что читать я их могу сколько угодно,

но выписывать что-либо запрещено. В бумагах было написано, что повторное расследование и дополнительная проверка показали полную абсурдность обвинения, не подтвержденного ни документами, ни свидетелями. Решением Военного трибунала Белорусского военного округа приговор от 6 июня 1945 года отменен за недоказанностью обвинения. Просидев минут пятнадцать на стуле в горестных размышлениях и воспоминаниях об ужасах прошлого, я вернул трехкратно прочитанные бумаги. Взамен получил справку о полной реабилитации — самый дорогой в моей жизни документ. На второй день я посетил нотариуса, сделал пять копий: послал домой в Харьков, отдал в отдел кадров, в техникум и оставил себе про запас.

По этой справке мне сразу же начислили 100 процентов северных надбавок, выслугу лет и еще какие-то льготы. Однако денежную помощь в виде двух окладов по месту работы я не получил, так как на момент ареста я нигде не работал.

Вот так и закончилась моя немецко-советская лагерная Одиссея продолжительностью 15 лет. Незабываемая страница в ней — 1953 год.

ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1953 ГОДА

К осени 1947 года размеренную жизнь исправительно-трудовых лагерей Норильлага, состоявшего более чем из 24 лаготделений (по 4–5 тысяч человек каждое), окружавших промышленную площадку Норильского горно-металлургического комбината НКВД СССР, стали потрясать муки преобразований.

Гулаг никогда не страдал от застоя. Теперь было принято решение — на базе ИТЛ создать новую формуцию в виде целого ряда особлагов со своими номерами и кодовыми названиями.

Так возникли «Леслаг», «Озерлаг», «Песчлаг» и т.п. В Норильске же Особлаг № 2 получил название «Горлаг». Первоначально, в кругах заключенных, самодеятельные «дешифровальщики» решили, что в названии скрывается смысл «государственный осо-

борежимный лагерь», но скоро выяснилось, что все гораздо проще: Особлаг № 2 назван Горным, поскольку обслуживает горно-металлургический комбинат, вернее, его строительство. Всего в системе Горлага было создано шесть лаготделений, одно из которых, естественно, было женским.

Где находилось второе отделение, установить трудно, вероятнее всего оно обслуживало рудник известняка на Каларгоне. В системе ИТЛ это была штрафная командировка с каторжными условиями труда и жестокой, доходящей до зверства, дисциплиной.

Третье лаготделение обслуживало новый кирпичный и цементный завод, и контингент его состоял из лиц, приговоренных к каторжным работам на сроки 20–25 лет. Первое — находилось на вершине горы Рудной и использовалось на эксплуатации рудника «Медвежий ручей».

Четвертое лаготделение было создано на базе выстроенного поселка, состоявшего из десятка кирпичных трехэтажных домов. Основной задачей здесь было обеспечение строительства нового медеплавильного завода, пуск которого был приурочен к 70-летию со дня рождения вождя народов всего мира — 21 декабря 1949 года. После сдачи в эксплуатацию этого завода контингент лаготделения был переведен на стройплощадку города — Горстрой.

Пятое лаготделение примыкало к территории старого кирпично-блочного завода с западной стороны. Использовалось частично для нужд этого завода, а частично и на строительстве города — в Горстрое.

Шестое, женское лаготделение, в основном работало на строительстве города. Временами женщин бросали на кирпичный завод.

Зона женского лагеря, как и зона пятого отделения, примыкала к территории завода с восточной стороны.

Принцип отбора во вновь созданные лагеря уловить было трудно, так как производился он в

несколько этапов. Лица с одинаковыми статьями, не попавшие в первый эшелон, попадали во второй, третий, а то и вообще не попадали в Горлаг. Карты все время перемешивались. Однако при внимательном анализе можно было установить, что в первый эшелон попали бывшие военнопленные, лица, угнанные на каторжные работы в Германию и впоследствии освобожденные Советской Армией, лица, заподозренные в связях с украинскими националистами, а также откровенные уголовно-бандитские элементы, необходимые, видимо, в качестве помощников лагерной администрации для управления всей массой заключенных.

Вторым эшелonom Горлаг был пополнен лицами набора 1937–1938 годов, репрессированными коммунистами разных стран, русскими, «репатриированными» с территорий примыкающих к СССР государств, а также остатками офицерских корпусов бывших прибалтийских государств.

В третий эшелон Горлага попали заключенные, переведенные из других лагерей, в том числе контингент, снятый со строительства железной дороги Салехард—Игарка, так называемой «сталинки».

Разница в условиях существования заключенных ИТЛ и Горлага была огромной. Так, охрана заключенных ИТЛ осуществлялась гражданскими лицами — ВОХР, провожавшими колонны или бригады на работу и с работы с определенной мерой либерализма. Охрана заключенных Горлага была поручена внутренним войскам НКВД, для чего в Норильск перевели специальную воинскую часть. Солдаты свирепствовали повсюду, устраивали порой, в порядке развлечения, откровенную охоту на заключенных с применением оружия.

Жестокость внутрилагерного режима постоянно и методично наращивалась. Территория лаготделений была ограждена тремя рядами колючей проволоки с вышками через 20–30 метров. При смене караулов на вышках следовал доклад: «Пост по охране осо-

бо важных государственных преступников сдал». Аналогичным был ответ принявшего охрану. В общежитиях солдат были развешаны плакаты с изображениями полувампиров-полубандитов, сосущих кровь живых людей, с надписью: «Солдат, помни, кого ты охраняешь». Через два года после организации всем заключенным Горлага было вменено в обязанность носить на спине всех видов одежды персонально присвоенные номера, состоящие из буквы и трех последующих цифр. Такие же номера следовало носить на брюках справа выше колена.

Если кто-нибудь из «скромности» рисовал номер, недостаточной, по мнению администрации, величины, при следовании через вахту на работу услужливые лагерные работники из заключенных «поправляли» этот номер во всю спину.

С пятидесятого года все бараки на ночь стали закрывать на замки снаружи, до утренней поры, когда дневальные уходили на кухню получать пищу. Усилились репрессии за малейшее нарушение лагерного режима. Если в ИТЛ за нарушение обычно давали 10 суток штрафного изолятора с выводом на работу, то в Горлаге обычным был месячный срок строгого карцера со стенами, покрытыми льдом, и пищей через день.

Положение в лагерях Горлага становилось все напряженнее; особенно оно обострилось после того, как в пятое отделение осенью 1952 года прибыл этап из Карагандинского особлага.

Уже сама обстановка, в которой этапированные заключенные препровождались в зону лаготделения, была странной. Лагерная обслуга — заключенные, приближенные к начальству, без всяких видимых причин избивали вновь прибывших, отнимали у них вещи, всячески оскорбляли. Как это ни странно, в ответ те даже не огрызались, как это обычно было принято между зэками. Затаенная злость была загнана внутрь, а со временем мы узнали, что этот этап был собран из числа «смутьянов», отличившихся в Кара-

ганде, и направлен на Север для умирения согласно летучей фразе: «Дальше едешь — тише будешь». Однако на этот раз не вышло.

Вскоре после прибытия карагандинского этапа в четвертом и пятом отделениях произошла серия явно целенаправленных убийств заключенных. Убийства происходили по утрам, в период между отмыканием барачников для получения дневальных пищи из кухни до развода, то есть до выхода на работу. Все убитые были явными стукачами. Несмотря на все усилия оперативников, обнаружить и схватить террористов не удалось. Более того, напуганные таким ходом событий уцелевшие стукачи даже близко не подходили к дверям «хитрого кабинета», опасаясь, что за ними ведется наблюдение. На официальные приглашения кого-либо из заключенных в кабинет оперуполномоченного «для разговора по душам» обычно приходили вдвоем-втроем, так же и уходили из кабинета. Это уже была тактика.

В короткий срок оперативная служба лагеря полностью утратила информацию о состоянии дел внутри лаготделений, кроме той, которую получала от лагерной obsługi. Однако лагерная служба тоже не хотела проявлять активность ввиду происходящих событий.

Как ни странно, но после смерти Сталина обстановка в Горлаге не облегчилась, а даже наоборот — ухудшилась. Жестокость охраны возросла, и достаточно было небольшой искры для взрыва.

В один из теплых майских вечеров толпа заключенных пятого лаготделения собралась у входа в лагерьный клуб для просмотра очередного кинофильма. В конце лагерной зоны, примыкавшей к территории кирпично-блочного завода, послышалась короткая автоматная очередь. В лагерной жизни, как на фронте, автоматная очередь была не в диковинку, поэтому толпа у кинотеатра, перебросившись по этому поводу несколькими ядовитыми репликами, продолжала ожидать киносеанса. Неожиданно к толпе подошел

офицер лагерной охраны. Вид у него был явно расстроенный. Он сообщил, что кинофильм отменяется, так как в лагере беспокойная обстановка, и предложил разойтись по баракам. В бараках мы узнали подробности происшедшего. В самом конце зоны вплотную к ограждению находился один из бараков, на крыльце которого собралась толпа мужчин, наблюдавших, как на территорию кирпично-блочного завода под конвоем вводят на ночную смену колонну заключенных-женщин из шестого отделения. Расстояние между мужчинами и женщинами было 15–20 метров, и по привычке между обеими группами возникла перекличка. Кому-то из конвоя эта перекличка показалась «нарушением», и он, недолго думая, дал очередь из автомата по стоявшим на крыльце, убив одного наповал и ранив семерых человек.

Стрельба по людям, находившимся внутри зоны, — это было уж слишком, и лагерь мигом взорвался. К начальнику лагеря явилась группа возмущенных заключенных с требованием выдать стрелявшего солдата. Последовал естественный отказ, и заключенные удалились с угрозой принять ответные действия. Вечером, до закрытия бараков, по всем бригадам прошли «делегаты» в плащах и с завязанными лицами. Они объявили, что завтра, под угрозой расправы, никто на работу выходить не должен. Помня о судьбе убитых стукачей, можно было предположить, что угроза вполне реальна.

Зона оцепления строительной площадки города — Горстрой, обслуживаемая заключенными как пятого, так и четвертого лаготделения, находилась на расстоянии прямой видимости из пятого лаготделения. Среди заключенных обеих сторон нашлись бывшие моряки, владевшие азбукой морского телеграфа, и пока лагерная охрана заметила, что между лагерем и стройплощадкой ведутся переговоры, все уже было передано. Возвратившаяся в четвертое лаготделение ночная смена передала информацию, и этот лагерь примкнул к забастовке.

В короткий срок информация распространилась на все лагеря Горлага, и количество бастующих достигло 25 тысяч.

Раздача пайка на следующее утро после инцидента прошла как обычно. Но когда раздался сигнал построения на развод, площадь перед вахтой, обычно заполненная рабочими задолго до начала выхода на работу, оказалась пустой. Нарядчики, с перекошенными от злобы лицами, метались от барака к барaku, от бригады к бригаде, прося и угрожая, но ни один человек даже близко не подошел к вахте.

Тайно сформировавшийся актив, в основном из карагандинского этапа, прибывший с уже готовой организацией (главную роль в ней, по-видимому, играли украинцы), через лагерную службу передал администрации требование о вызове для разбора инцидента комиссии из Москвы, а до ее прибытия объявил забастовку.

Такое требование администрации Норильлага показалось наглостью. За всю историю лагерной жизни здесь привыкли обходиться без Москвы даже в более сложных случаях. Но такого размаха волнений Норильлаг никогда не знал.

Прошло несколько напряженных дней, и однажды вечером по внутрилагерному радио было объявлено, что прибывший из Красноярска подполковник Зверев желает разговаривать с заключенными. Зверева, бывшего главного инженера, а затем директора комбината, многие заключенные хорошо знали, и к назначенному сроку на площади перед вахтой собралась толпа. Однако вышедший Зверев оказался совсем не бывшим директором, а всего лишь однофамильцем. Увидев «подставку», заключенные подняли крик и свист, вынудив «самозванца» удалиться.

Еще через несколько дней в Норильск по своим делам прибыл бывший директор комбината Панюков, и управление Норильлага, зная его авторитет среди норильчан, решило использовать его в переговорах. Снова по лагерному радио было передано сообщение:

«Депутат Верховного Совета, бывший директор комбината генерал-майор Панюков желает разговаривать с заключенными».

В назначенное время на площади снова собралась толпа. На возвышение поднялся Панюков и, улыбаясь, шутливо спросил: «Ну, что, сегодня тоже будут свистуны? Чего вы хотите, о чем будем говорить?» Выступившие из толпы представители, не приняв шутливого тона Панюкова, сказали, что говорить собственно не о чем, ибо Панюков не уполномочен выполнить требования заключенных. В ответ Панюков выразил недоумение: «Какие у вас могут быть требования? То, что вам положено, вы получите и без требований, а то, что не положено, вы не получите, как бы ни требовали». Разговор потерял всякий смысл, и толпа быстро рассеялась.

Большого козыря Норильлаг выложить не смог, и, видимо, следовало ожидать более решительных действий. Опасаясь внезапного налета лагерной администрации, актив принял решение не допускать закрывания бараков на ночь. Было организовано пикетирование и постоянное дежурство внутри зоны, благо на дворе стояли светлые полярные ночи. Опасения оказались не напрасными.

Управление Норильлага, собрав в одну из ночей весь офицерский состав города, включая медиков и интендантов, организовало налет на зону пятого лаготделения с целью захватить и закрыть бараки и таким образом локализовать, а затем поодиночке умирить забастовщиков.

Часов около трех ночи группа офицеров, состоявшая из 200–300 в основном невооруженных людей, ворвалась через проходную в зону лагеря, но успела добежать только до половины территории лагеря. Рельсовый набат, дикий рев и свист тысяч выкатившихся из бараков заключенных смял эту группу. Полетели камни, доски, все, что попадалось под руку. Окруженную группу уже беспомощных, оправдывающихся офицеров с руганью и улюлю-

каньем вытеснили за пределы зоны. Сразу же по лагерному радио выступил начальник лагеря с истерическим заявлением: «Опомнитесь! Что вы делаете?! Досками и камнями вы ранили многих ни в чем не повинных людей. Стрелявший солдат арестован, и ведется следствие. Прекратите безобразие, отмените пикетирование зоны!»

Итак, эта акция не удалась. На самых высоких местах зоны появились на флагштоках черные флаги с красной полосой. По мнению знатоков геральдики из числа актива, это должно было означать, что на территории лагеря господствует террор.

Обращение начальника лагеря к командиру части, охранявшей зону, с просьбой ввести в зону солдат принималось с условием, что солдаты будут вооружены и вероятно возможность применения оружия. На это начальник лагеря пока не соглашался, забастовка продолжалась, вызов московской комиссии стал неизбежным. Вокруг лагеря появились окопы с установленными в них пулеметами; администрация, видимо, опасалась прорыва массы заключенных в город. Через две недели со времени начала забастовки в Норильск прибыла-таки уполномоченная Берией комиссия во главе с полковником Кузнецовым в сопровождении двух генералов. Поздним вечером по лагерному радиовещанию было объявлено о ее прибытии с предложением выделить для переговоров группу делегатов из состава заключенных. Пока будут вестись переговоры, активу следовало организовать выход заключенных на работу, что и было сделано на следующий день: все бригады организованно вышли на развод.

Выделенная группа делегатов приступила к подробному разбору произошедших событий. По некоторым пунктам требования считались обоснованными, на некоторые требования комиссия не соглашалась, обещая рассмотреть их по возвращении в Москву. Обстановка как будто успокаивалась, но внимательное наблюдение показывало, что пулеметные точки

не убираются, значит, впереди, видимо, следовало ожидать еще каких-либо событий.

Через пару дней после приезда комиссии, в выходной день, по лагерному радио было объявлено, что по производственной необходимости часть заключенных пятого лаготделения должна быть переведена в четвертое лаготделение колоннами по 100 человек. Несмотря на то что технология перевода показалась подозрительной (переводили не пофамильно, не побригадно, а чуть ли не тех, которые сами желают), первая колонна беспрепятственно вышла из зоны и под конвоем охраны направилась в сторону четвертого лаготделения. Через пару часов собралась и вторая колонна, но едва она миновала вахту, в лагере поднялся шум и дальнейший выход был прекращен, так как каким-то способом в лагерь была передана информация, что состав вышедших из зоны подвергается «чистке». Окруженная усиленным конвоем группа заключенных, отведенная в лощину, останавливалась, и из нее с помощью нарядчиков, начальников колонн и бригадиров некоторых рабочих бригад, знающих активистов забастовки лучше, чем лагерная администрация, изымались активисты, их отводили в сторону, раздевали, избивали и собирали в группы для отправления в карцер. Остальные же отводились в четвертое лаготделение. Чистка была, конечно, относительной, ибо всех активистов не знала и лагерная обслуга.

Восстания в четвертом и пятом лагерях происходили по-разному в деталях и последовательности действий. Влившиеся в четвертое отделение две колонны пятого принесли полную информацию о том, что было у них. Забастовка вспыхнула с новой силой. Снова появились черно-красные флаги, снова прекратился выход на работу. Следует заметить, что в середине 1953 года контингент заключенных был очень разношерстный и реакция на действия активистов забастовки была неоднозначной. Большинство из набора 1945 года уже с нетерпением ожидали

окончания своих сроков, и решительность активистов их настораживала. Солидарна с ними была и группа заключенных набора 1938 года, получивших по 15 лет и также ожидавших скорого освобождения. Единственным подразделением Горлага, которому терять было нечего, был каторжный лагерь: там почти все имели 20–25-летние сроки, и никаких милостей от властей они не ожидали.

Основным ядром организаторов забастовки была группа з/к карагандинского этапа с частью примкнувших к ним горлаговцев. В основном это были бывшие участники национальных партизанских движений Украины, Белоруссии и Прибалтики, получившие 20–25-летние сроки, терять которым было нечего.

Способом действия был избран откровенный террор с самосудами и приговорами. Именно после суда и смертного приговора нескольким лицам из лагобслужбы начальник Горлага и дал согласие на ввод в зону вооруженных солдат, оправдываясь необходимостью спасения этих людей от расправы.

Однажды ночью в четвертом отделении (здесь восставшие захватили хлебопекарню, и это дало возможность долго держать оборону) услышали в стороне пятого лаготделения серию автоматных очередей, после чего красно-черный флаг исчез. Как рассказывали очевидцы и участники событий, проволочное ограждение зоны в нескольких местах было разрезано и группы вооруженных автоматчиков-солдат вошли на территорию лагеря.

Высыпавшие из барачных заключенные были окружены солдатами, кольцо которых постепенно сужалось. Не выдержав нервного напряжения, окруженные стали бросать в солдат камни, доски, в ответ командир части приказал открыть огонь. После нескольких автоматных очередей и команды «Ложись» толпа заключенных упала на землю.

Точное количество убитых и раненых, конечно, нигде не сообщалось, но по слухам составило 250–300 человек. Остальное было делом техники — забастовка в пятом лаготделении была подавлена.

Теперь на очереди было четвертое. Через два дня, утром, было обнаружено, что в нескольких местах по периметру зоны оцепления лагеря установлены громкоговорители, и часов около десяти с обращением к заключенным лагеря выступил представитель московской комиссии. Осудив забастовочное движение в целом, он подчеркнул, что знает о том, что у большинства заключенных осталось по году-два до окончания сроков, и они, видимо, не поддерживают экстремистов, но боятся их террористических действий. Он предложил всем лицам, не одобряющим действия активистов забастовки, покинуть территорию зоны, для чего в определенных, специально указанных местах ограждение зоны было разрезано и солдатам охраны дан приказ оказать содействие всем оставляющим лагерь. При отказе выполнить это распоряжение будет отдан приказ о подавлении сопротивления силой оружия, как это было сделано в пятом лаготделении. Выступление было закончено словами: «Не бойтесь, мы вам поможем!»

Такой поворот событий, конечно, совершенно не устраивал активистов забастовки, и они тотчас же взяли под контроль все места проходов, не подпуская к ним желающих выйти из зоны. Но силы были далеко не равными. Люди всеми способами продирались к проходам, зачастую прикрываемые винтовочным огнем солдат. Один человек с отчаяния бросился на проволоку в том месте, где не было мешающих выйти, повалил ее и выбежал из лагеря. За ним кинулись другие и бежали в тундру. Там сидели до тех пор, пока их не нашли. К полудню около тысячи человек вышло из зоны. Они были разысканы, собраны и после «небольшой чистки» отконвоированы в уже «чистое» пятое отделение.

В дальнейшем все происходило аналогично тому, что было в пятом лагере: солдаты с оружием вошли в зону, окружили большую группу заключенных и, когда полетели камни, доски и прочее, поступила команда «Огонь». До вечера операция была закончена. Так окончательно была прекращена забастовка в четвертом отделении. А через день-два на стадионе лаготде-

ления было организовано выступление представителя московской комиссии, объявившего о снятии и аресте Берии и о грядущих в связи с этим изменениях в судьбах большинства заключенных. «Мы знали, — заявил он, — что большинство из вас являются честными невинными людьми, настоящими коммунистами. Все ваши дела в ближайшее время будут пересмотрены и невинные реабилитированы. Но мы не можем просто так открыть ворота и выпустить всех вас из лагеря. Среди вас есть разные люди, в том числе и настоящие преступники. Наберитесь терпения, ждать осталось недолго. Все, что можно сделать для облегчения вашего положения, мы сделаем в кратчайшие сроки».

Ликвидация забастовки в женском лаготделении не представляла особой трудности: туда ввели пожарную машину и водяной струей рассеяли наиболее ретивых активисток. Зная судьбу двух соседних лагерей, женщины сопротивлялись только из солидарности.

Теперь осталось расправиться только с каторжным лагерем при кирпичном заводе. В нем содержались националисты решительного характера, многие из них партизанили, да и терять им было нечего. Поэтому они решили оказать вооруженное сопротивление, изготовив для этого примитивное холодное оружие, и даже избрали руководителей обороны, присвоив им соответствующие чины.

Уговоры представителей московской комиссии и руководства лагеря на них не подействовали. Введенные в зону вооруженные автоматами солдаты жестоко расправились со всеми, кто оказывал сопротивление.

В общей сложности забастовка продолжалась около месяца. Вскоре все люди были возвращены по своим лагерям и бригадам, возобновилась нормальная работа по строительству города, отменено ношение номеров на одежде, прекращено закрывание бараков на ночь. Режим резко и заметно облегчился. Через несколько месяцев были возобновлены так называемые зачеты: добросовестно работающим заключенным по представлению администрации предприятий за один рабочий день засчитывали полтора-два дня срока.

В лагерях были организованы специальные буфеты, где за заработанные деньги заключенные могли получить приличное питание, отказавшись от «гарантированной» лагерной баланды.

С легкой руки какого-то остряка из заключенных события лета 1953 года были названы «сабантуем». Это название осталось навсегда в памяти узников Особлага № 2 — Горлаг.

Эпилог

Ко времени окончания техникума я уже работал начальником конструкторского бюро ЭРЦ и осенью 1959 года решил покинуть Норильск. Начальник цеха долго уговаривал меня не торопиться с отъездом, но мое решение было непреклонным.

В сентябре пароходом из Дудинки я поплыл в Красноярск, посетил Ангарск, Иркутск, заехал к родителям в Харьков и решил осесть в Запорожье, привлеком меня рекою Днепр и хорошим симфоническим оркестром. Почти все время работал на огнеупорном заводе, занимал должности от старшего инженера до начальника конструкторского бюро.

В 1961 году я женился, в 1963 году у нас родился сын, которому я по разным причинам никогда до сего времени не рассказывал описанного мною на этих страницах. Не расписывал я это и в автобиографии при поступлении на завод.

В 1968 году я получил приглашение Норильского комбината приехать снова на работу. Не удержался, снова вернулся в Норильск и еще три года прожил на Севере... Казалось бы, обо всем прошлом уже можно забыть навсегда. Ан нет! Летом 1972 года меня вызвали в 1-й отдел завода, и уполномоченный КГБ Алексей Годун снова предложил мне секретное сотрудничество. Мое прошлое он знал в общих чертах...

*Борис Петрович Дубицкий.
1971 г.*

Слева направо: Б. Дубицкий, Е. Грицяк, Г. Климович.
На конференции общества «Возвращение». Москва, май 1992 г.

Убедившись, что его затея напрасна, с выражением сожаления он со мной расстался, на всякий случай оставив свой номер телефона. Случая не было.

К празднику 1 Мая 1981 года, в мое 60-летие, мой портрет как одного из лучших работников завода хотели поместить на Доску почета. Однако партком заводоуправления этого не допустил. Сочиняли разные причины, но от своего друга, члена КПСС, я узнал, что в этом отказали из-за того, что я нахожусь на учете в КГБ.

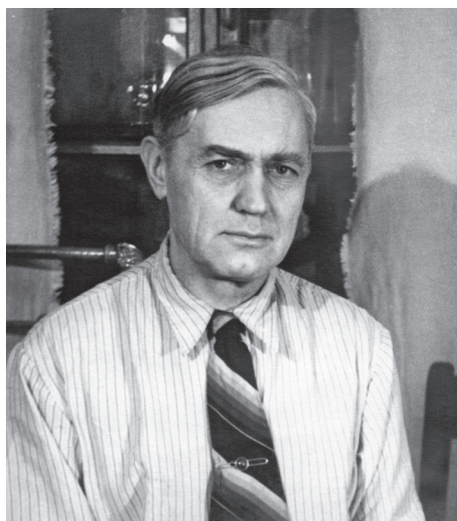
Я поднял скандал, добился встречи с оперуполномоченным КГБ по нашему заводу, но, как всегда, они вышли сухими из воды, выставив совсем другие и не относящиеся к делу причины. Я знаю, что на моем следственном деле, хранящемся в архивах КГБ, имеется надпись «Хранить вечно». До тех пор пока это дело будет там лежать, ни я, ни мои родственники не можем быть уверенными, что это дело не будет вновь извлечено из архива в неблагородных целях... Вот почему как исторические свидетельства нужны воспоминания униженных и оскорбленных, переживших все круги ада сталинских лагерей.

Н.Ю. Икорникова-Годлевская,
Б.П. Дубицкий

*Штрихи к портрету
доктора геологических наук,
профессора*

**МИХАИЛА
НИКОЛАЕВИЧА
ГОДЛЕВСКОГО**

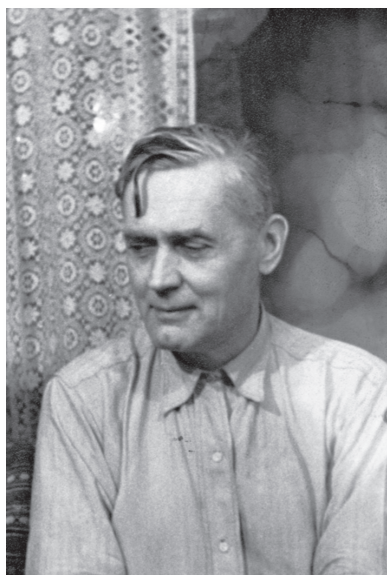

Михаил Николаевич Годлевский

Нина Икорникова-Годлевская:

«...прибежал бригадир, привел в свою сторожку... показал записку с костями и черепом. В записке под страхом смерти приказывалось оградить Годлевского от работы на Каларгоне».

*Михаил Николаевич Годлевский,
доктор геологических наук, профессор*

Свои воспоминания о муже Михаиле Николаевиче Годлевском его жена Нина Юрьевна Икорникова доверила Музею и общественному центру имени Андрея Сахарова. Они публикуются впервые.

Семья Годлевских происходит из древнего польского рыцарского рода герба Gozdawa. Михаил Николаевич Годлевский родился в Варшаве в 1902 году. Внук польского повстанца 1863 года Виктора-Витольда Годлевского, сосланного при царизме в Сибирь и ставшего в ссылке исследователем глубоководной фауны Байкала, сын погибшего в дни революции военного инженера Николая Викторовича Годлевского, Михаил Николаевич рос и воспитывался в высокоинтеллектуальной среде. После смерти отца в Петербурге в 1917 году забота о матери и сестрах легла на плечи пятнадцатилетнего подростка. Он учился в реальном училище, которое окончил в 1919 году, и одновременно работал: зимой — грузчиком в порту, летом — в геологических и гидрографических экспедициях, исследовавших реки Сибири (Лена, Алдан, Ангара), сначала в качестве рабочего-речника, затем — чертежником, техником. Окончив реальное училище, работал, а затем в 1922 году поступил на астрономическое отделение физико-математического факультета Ленинградского государственного университета. Учился в университете и работал то техником на железной дороге, то табельщиком, то воспитателем детдома. Со второго курса был отчислен за «социальное происхождение». В 1925 году поступил в Ленинградский горный институт и продолжал работать: был коллектором, производителем работ, преподавателем математики. Окончил институт в 1930 году.

До войны Михаил Николаевич был доцентом на кафедре минералогии Ленинградского горного института и заведовал минералогическим отделом Всероссийского геологического института (ВСЕГЕИ — ЦНИГРИ).

3 июля 1941 года он был мобилизован, воевал на Ленинградском фронте в чине майора, командовал артиллерийским расчетом. В результате одной из сильнейших атак немцев дивизия, в которой служил Михаил Николаевич Годлевский, была окружена и взята в плен. Он пробыл в Германии, в лагерях для военнопленных, до 1944 года, и, когда Советская Армия освободила пленных, его зачислили в 5-ю гвардейскую дивизию, во 2-й трофейный батальон. В это время в Германию приехал президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов и назначил Годлевского комендантом Цейсовского завода в Йене. Год он пробыл в этой должности, в это время его друг академик Сергей Сергеевич Смирнов усиленно добивался вызова Годлевского в Россию для работы по поискам стратегически важного минерального сырья. В те времена страна нуждалась во многих полезных ископаемых, необходимых для развития промышленности.

22 ноября 1945 года М.Н. Годлевский приехал в Ленинград и сразу с вокзала пошел во ВСЕГЕИ, а в 12 часов дня был арестован на работе. Следствие велось в Большом доме в Ленинграде, на улице Воинова. Его заставляли признаться в том, что он немецкий шпион, — избивали, принуждали стоять сутками без движения и без сна, но все было безрезультатно: Михаил Николаевич ничего не подписал. Как-то во время избиения в кабинет вошел какой-то высокий чин, внимательно посмотрел на Годлевского и сказал: «Этого бросьте бить — бесполезно». Тем не менее органам нужно было осудить Михаила Николаевича за то, что он был в плену. Для этой цели нашли человека, который был с Годлевским в одном лагере для военнопленных. В дальнейшем друзья Годлевского называли

этого человека Ангел Д (так и мы будем его называть). Его привлекли к следствию, отчаянно избивали, заставляли оговорить Годлевского и подписать все, что им требовалось. Однако оговор не спас Ангела Д: его тоже осудили. Таким образом оба проходили по одному делу. Годлевскому была «приклеена» статья 58. Суть оговора состояла в том, что Годлевский, будучи настроен антисоветски, сам сдался в плен (вместе с дивизией?), там стал шпионом и вернулся со шпионским заданием. По приговору Военного трибунала Ленинградского военного округа от 4 марта 1946 года оба были осуждены на 10 лет концлагеря и отправлены в Норильск. Я считаю необходимым достать и посмотреть это «дело», чтобы понять, каким образом велось следствие.

Что за человек был Ангел Д? Очевидно, физически слабый, а тем более духовно. Его били так, что он на время потерял речь, а затем заговорил с трудом, заикаясь. Михаил Николаевич никогда не осуждал его и даже жалел.

В 1956 году Михаил Николаевич подал в прокуратуру заявление о реабилитации. Прокурор сказал, что для реабилитации надо, чтобы человек, оговоривший его, явился в прокуратуру и отказался от своих показаний. Где его найти? На этот вопрос последовала циничная фраза прокурора: «Если бы он был нам нужен, мы бы его нашли, а так как он нужен вам, ищите его сами». Ангела Д долго пришлось искать, но с помощью друзей-норильчан он все-таки нашелся. Михаил Николаевич написал также, что реабилитация касается и его. Сначала Ангел Д ответил, что стал толстовцем, что ему не нужно прощение людей — нужно лишь Божье, а Бог его простил. В конце концов он приехал в Москву. Вышел из поезда босой, без шапки, с посохом и в таком виде прошептал на Пушкинскую площадь, в прокуратуру. Там он отказался от своих «вынужденных» показаний.

В лагере Ангел Д вел себя так, как это описано в воспоминаниях Бориса Петровича Дубицкого.

При отправлении в Норильск (до Красноярска — по железной дороге) Михаила Николаевича поместили в теплушку с уголовниками. Так как он был хорошо одет, уголовники сыграли на него в карты, избили и полностью раздели.

Весь первый год в лагере Михаил Николаевич был помощником забойщика на Кайерканском угольном месторождении. Вот как рассказал об этом Лев Александрович Савва, бывший тогда главным инженером горно-рудного управления. Однажды к нему пришел заключенный в рваных опорках на ногах, в драных брюках, надетых на голое тело, без головного убора и сказал, что он изучил систему трещин и что это позволило установить историю геологического развития угольного месторождения и понять, как можно увеличить добычу угля. Его предположения подтвердились, и добыча угля была увеличена. Савва заинтересовался этим заключенным. «Кто ты?» — спросил он. Тот ответил: «Я ученый из Ленинграда».

По этой работе Михаил Николаевич написал отчет «Тектоническое строение Кайерканского угольного месторождения». Сначала автором отчета себя поставил кто-то из вольнонаемных, так как заключенные в зоне не имели права быть авторами, и только впоследствии на отчете было написано имя М.Н. Годлевского. Через год он был переведен в петрографо-минералогическую лабораторию Норильского комбината. Туда он ежедневно ходил под конвоем, работал весь день и под конвоем возвращался в зону.

В Норильск приехал геолог Г.Г. Моор. Он был из числа тех, кто пользовался работой заключенных. Моор знал Михаила Николаевича как хорошего минералога и хотел поручить ему обрабатывать минералогическую коллекцию, которую собрал Михаил Николаевич, предупредив, что автором будет он, Моор. Михаил Николаевич отказался и был за это отправлен на работы под землю, в шахту, на рудник 3/6, где он провел 4 года.

Этот случай показателен. Заключенные подвергались угнетению не только со стороны уголовников и

охранников, но и со стороны свободных людей и даже несвободных, но живших вне зоны. Характерные для того времени жестокость людских отношений, броня бесчувствия на сердце, враждебность таланту и добросовестной работе — все это было в лагере и легко перекинулось на волю.

С декабря 1951 года Михаил Николаевич — начальник тематической партии Норильского комбината; он вел самостоятельную работу, но жил в зоне и ежедневно ходил на работу и возвращался с охранником.

Знакомыми Михаила Николаевича Годлевского по лагерю были: Борис Петрович Дубицкий, Владимир Петрович Яровой, геологи Владимир Климентьевич Котульский, Александр Павлович Булмасов, Григорий Борисович Роговер, Николай Михайлович Федоровский, а также Лев Алексадрович Рабинович, врач Левин, инженер Владимир Владимирович Люри, архитектор Николай Михайлович Лаптев, Федор Аркадьевич Старшинов (он пришел этапом из Беломорканала в Норильск и, кажется, единственный, кто остался в живых из этого этапа, жил и умер в Норильске), Леонид Эмильевич Балановский и др.

Общий порядок вывода заключенных на работу из зоны на площадку Горстроя или в Норильский комбинат был такой: заключенных выводили колоннами, по обе стороны дороги на расстоянии 20 метров друг от друга от зоны до места работы стояли охранники. На время работы охрана снималась.

Сначала М.Н. Годлевский и Б.П. Дубицкий были в одном лагере. Потом по доносу Ангела Дих вызвали на допрос — спрашивали, о чем они разговаривают, чем объясняется их дружба. В результате Б.П. Дубицкого перевели в другое лаготделение и поставили на рытье котлована. Через несколько дней Михаила Николаевича вызвали ночью и предложили стать стукачом. Он, естественно, отказался, и его отправили на рытье котлована в известняковый карьер, на Каларгон, где почти никто не выживал. Спасла Михаила Николаевича

ча тайная организация, видимо бандеровцы, которая каким-то образом узнавала, кого начальству удалось завербовать, а кого нет. Стукачей они убивали. В тот день, когда Михаил Николаевич с лопатой вышел на работу в карьер, за ним прибежал бригадир, привел в свою сторожку и приказал не выходить, показал записку с костями и черепом. В записке под страхом смерти приказывалось оградить Годлевского от работы на Каларгоне. Бригадир сказал: «Сиди здесь, мне жизнь дорога». Через какое-то время Михаила Николаевича вернули в лаготделение № 4.

Как вспоминает Б.П. Дубицкий, Михаил Николаевич в лагере делал все, что мог, для оказания помощи людям, попавшим в беду или в неблагоприятную обстановку. Так, например, когда Борис Петрович оказался в бригаде, которая работала на рытье котлованов, Михаил Николаевич пошел к начальнику конторы электромонтажных работ Владимиру Николаевичу Ларину (тоже заключенному) и попросил перевести Бориса Петровича в контору. Таким образом он помог Борису Петровичу выйти из котлована и вернуться в лаготделение № 5. Некоторое время Борис Петрович и Михаил Николаевич были в разных лаготделениях, но впоследствии, когда Бориса Петровича перевели в 4-е лаготделение, они снова оказались вместе.

Владимир Петрович Яровой освобожден из лагеря позднее Михаила Николаевича. Когда он стал поступать в Норильский горный техникум, директором которого была Каландарова (капрал в юбке), то натолкнулся на непонятное сопротивление, его не принимали без объяснения причин. Яровой поделился с Михаилом Николаевичем, уже преподававшим геологию в этом техникуме. Со свойственной ему решительностью Михаил Николаевич явился к Каландарихе и потребовал объяснения причин, по которым Ярового не принимали в техникум. «Если причиной является пребывание его в прошлом в Горлаге, то я больше не буду преподавать у вас в техникуме, так

как я тоже был в Горлаге», — заявил Михаил Николаевич. Таким образом конфликт был исчерпан, и Володю приняли в техникум.

После реабилитации 21 ноября 1956 года Михаил Николаевич начал работать по теории рудообразования и руководить работами по поиску медно-никелевых месторождений. Он был профессором, доктором наук, главным куратором геологической службы СССР по никелю и платиновым металлам, членом ВАК в течение 10 лет, членом экспертного совета Мингео СССР, членом двух ученых советов, членом редколлегий научных журналов, членом комиссии по новым минералам ВМО, почетным членом Всесоюзного минералогического общества. Его именем назван рудный минерал — годлевскит, сначала обнаруженный в Норильске, а затем в Канаде, Марокко и Австралии.

По характеристикам коллег и ученых своим научным творчеством и практическими делами Михаил Николаевич оставил глубокий след в отечественной и мировой геологии рудных месторождений. Он изучал месторождения важнейших металлов — никеля, кобальта, платины и платиноидов, золота и меди, бора и железа, без которых не может развиваться материальная база ни одного из современных государств. Он автор 170 трудов по минералогии и геохимии цветных, редких и благородных металлов, по петрологии рудоносных интрузий, по теории и практике прогнозирования и поисков новых рудных объектов, по генезису месторождений полезных ископаемых, по тектонике, истории минералогии. Михаил Николаевич обладал энциклопедическими знаниями не только в области геологических наук. Свободно владел европейскими языками, хорошо знал и использовал в своих трудах термодинамику, физическую химию, математику.

За свою научную и практическую деятельность был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, но, с моей точки зрения, все это не имело ровно никакого значения, так как постоянно

были помехи со стороны отдела кадров министерства, бюрократов и чиновников КГБ. Так, например, когда вставал вопрос о зарубежных поездках Михаила Николаевича в ГДР, Индию, то со стороны кадровиков выдвигалось препятствие, и он не мог поехать. Ученый совет ЦНИГРИ представил его на звание заслуженного деятеля науки, но он был отведен зам. министра по кадрам Министерства геологии СССР А.А. Рясным. Когда академик — секретарь отделения наук о земле АН СССР Владимир Иванович Смирнов выдвинул его кандидатуру в академики и это было поддержано другими академиками-геологами отделения, то на первом же этапе фильтрующая комиссия не допустила его до голосования даже на первой стадии — на стадии отделения наук о земле.

После реабилитации, в то время, когда он уже интенсивно работал, в 1961-м или в 1962 году, Михаил Николаевич получил повестку — вызов в КГБ на Малую Лубянку, где следователь в течение двух часов беседовал с ним о его пребывании в немецком лагере для военнопленных. Особенно следователя интересовало, видел ли Михаил Николаевич, как немцы вешали пленных татар. Что бы ни спрашивал следователь, Михаил Николаевич отвечал, что был в плену на положении рядового пленного, на общих работах и никогда ни о чем с немцами не разговаривал. Именно этот ответ и соответствовал действительности. Следователю пришлось разорвать несколько допросных листов, прежде чем Михаил Николаевич подписал то, что соответствовало правде.

Таким образом, постоянно чувствовалось, что на Михаиле Николаевиче лежит «клеймо», которое очень мешало ему работать, а работа — это была его жизнь.

Из лагеря он вышел больным человеком. Духовно сильный, он тяжело переживал трудности в работе, сильно перегружался, постоянно говорил, что у него отнято 15 лет жизни и что он должен еще очень многое сделать. Кончилось тем, что в 1973 году Михаил Ни-

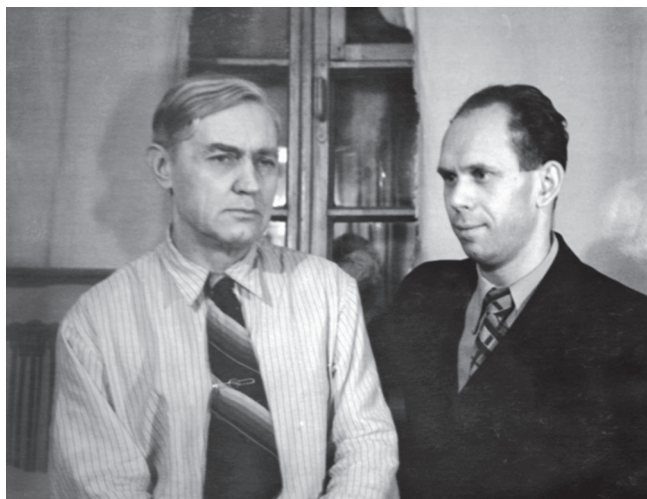
колаевич тяжело заболел и больше не смог интенсивно работать. Однако все последние 10 лет своей жизни он писал, консультировал, и последняя его работа обрывается на половине фразы...

Михаил Николаевич Годлевский скончался 4 июня 1984 года.

Дополнение. В 1945–1954 годах на территории всего Норильского промышленного района было 26 лаготделений. В 1969 году на той же территории — 1 лагерь.

Уточнение. Передвижения по норильским лагерям Михаила Николаевича Годлевского и Бориса Петровича Дубицкого происходили в следующем порядке: из 2-го лагеря ИТЛ оба попали в 5-е лаготделение Горлага, затем из 5-го в 4-е. Когда построили медеплавильный завод, всех перевели в 5-е лаготделение, потом Михаил Николаевич попал в 4-е.

*Михаил Николаевич Годлевский
и Борис Петрович Дубицкий. Норильск, май 1955 г.*

Борис Дубицкий:

*« . . . моим светочем был человек
большого ума и души — Михаил
Николаевич Тодлевский » .*

*Михаил Николаевич Годлевский и Борис Петрович Дубицкий:
«За нашу свободу!» Норильск, июнь 1955 г.*

Счастлив человек, если в период становления его жизненный путь был озарен светом незаурядной, выдающейся личности. И как бы ни складывалась его жизнь в дальнейшем, этот свет не позволит уже свернуть с прямого пути в трясину непорядочности, бесчестия, потери человеческого достоинства. Немногим выпадает такое счастье, да и проглядеть его очень легко в суете быстротекущей жизни.

Обозревая свой жизненный путь, с гордостью могу сказать, что мне в этом отношении повезло, потому что моим светочем был человек большого ума и души — Михаил Николаевич Годлевский.

Свела нас судьба совершенно случайно в тяжелые годы лихолетья, когда жестокая сталинская мясорубка обоих нас, без вины виноватых, перемолола и выбросила, уже в арестантском облачении, на один из многочисленных островов архипелага ГУЛАГа в Норильске.

Это было тяжелое, полное драматизма время, когда проверялись характер, сила воли, мера порядочности каждой личности, когда каждый человек стоил ровно столько, сколько он действительно стоил.

Впервые я встретился с Михаилом Николаевичем в 1948 году, во время работы в филиале проектной конторы медеплавильного завода. Мы были заключенными из недавно созданного лагеря усиленного режима: Особлага № 2, а проще — Горлага.

Руководство комбината вело форсированное строительство медеплавильного завода, приурочивая его пуск ко дню рождения Сталина, к его 70-летию.

В проектной конторе был собран весь цвет инженерной мысли комбината, находящийся в заключе-

нии: проектировщики, строители, геологи, электрики, металлурги, механики и т.п.

Отдавая должное руководству комбината, следовавшему, видимо, традиции, заложенной А.П. Завенягиным, следует признать, что оно в меру своих сил облегчало положение специалистов, работавших в заключении, тем более что и обойтись без них комбинат попросту не мог.

Недоучившийся из-за войны студент, с Богом данным талантом конструктора, в свои 27 лет я имел весьма скромные познания в геологии и фамилия Годлевского мне ни о чем не говорила. Но мощная фигура, благородное лицо английского аристократа, тонкие манеры истинного интеллигента сразу обращали на себя внимание.

Была в Михаиле Николаевиче какая-то притягательная сила, простота обращения, общительность без тени высокомерия и надменности. Круг познаний Михаила Николаевича был настолько обширен, что он явно выделялся среди сверстников. В первые месяцы и даже годы нашего знакомства, откровенно говоря, я и не подозревал, что судьба свела меня с большим ученым, хотя большого человека, достойного подражания, я разглядел сразу.

Не знаю, какие качества моего характера понравились Михаилу Николаевичу, я ведь был гораздо моложе его, но я быстро понял, что общение с ним — это награда за многие лишения, переживаемые мною в тех условиях, и было бы очень обидно утратить это общение в результате опрометчивого поступка или даже элементарной назойливости.

Михаил Николаевич был душой немногочисленной, но дружной компании сотрудников со сходными интересами, и длинными полярными вечерами, после работы, вокруг его постели на нарах собирались любители красочных рассказов о геологических экспедициях, сделанных открытиях и находках.

В числе сотрудников проектной конторы были и другие видные специалисты (например, Н.М. Федо-

ровский), однако природное обаяние Михаила Николаевича и присущая ему способность к повествованию влекли к нему гораздо сильнее, чем к иным.

Круг интересов в нашей компании был достаточно обширен: театр, классическая музыка, живопись, технические новшества и даже политика (только с глазу на глаз). В любой отрасли у Михаила Николаевича чувствовались глубокие знания, эрудиция, логичность мышления, убежденность. В спорных случаях у него хватало терпения и тактичности ненавязчиво, но убедительно доказать оппоненту суть его ошибки. Скромность характера и самоотречение у Михаила Николаевича были необыкновенные.

Были ли у Михаила Николаевича враги? При его характере это было совершенно немыслимо, однако и у него был свой «ангел Д». Это был не враг, а попросту, грубо выражаясь, — паскудник, черной неблагодарностью ответивший на многие добрые дела, сделанные Михаилом Николаевичем лично для него, он помогал ему в трудные периоды жизни. Характерно, что Михаил Николаевич знал о его пакостях и все-таки помогал ему выжить в необычайно сложных условиях. И то, что весной 1952 года нас с Михаилом Николаевичем растащили по разным лагерям, а затем выспрашивали каждого о тематике наших разговоров наедине, было, видимо, делом рук того же «ангела Д». По этой причине мы переживали бурные события лета 1953 года в разных местах и встретились снова уже после всех перипетий.

* * *

Из Горлага мы с Михаилом Николаевичем освободились в разное время, но вскоре повстречались — он тогда жил в городской гостинице. Там же жил и Н.Н. Урванцев. Насколько я понимал, Михаил Николаевич жил в гражданском браке с Верой Михайловной (фамилию ее я уже забыл). Из деликатности об этой стороне его жизни я не расспрашивал.

Летом 1955 года в Норильск приехала с дочерью жена Михаила Николаевича Лидия Петровна из Ленинграда. В своих воспоминаниях о Михаиле Николаевиче я довольно много внимания уделял его взаимоотношениям с дочерью. Однако все это было удалено Ниной Юрьевной, которая не могла простить дочери ее отречения от отца во время учебы в институте, когда Михаил Николаевич пребывал в каторжном Горлаге.

Однажды с семьей Годлевского мы отдыхали в тундре. Наша туристская компания, поднявшись по ущелью Медвежьего ручья, обогнула с юга гору Губчиху и спустилась по ущелью Каскадного ручья. Помню, что с нами были Н.Н. Урванцев, Василий Махоткин (полярный летчик) и еще кое-кто (уже не помню).

Вскоре Михаил Николаевич, влекомый семейным долгом, приблизительно в 1957 году покинул Норильск и уехал в Ленинград. Наши отношения на несколько лет прекратились... Однако семейная жизнь в Ленинграде у Годлевского не сложилась, и вскоре он перебрался в Москву, в ЦНИГРИ, где встретился со своей юношеской любовью — Ниной Юрьевной Икорниковой. Когда я ехал в Москву к Михаилу Николаевичу, меня предупредили, чтобы о прошлом я его не расспрашивал.

О моих дружеских связях с Михаилом Николаевичем Нина Юрьевна хорошо знала от Михаила Николаевича, поэтому вскоре мы и с нею стали также друзьями. В Москве я бывал часто — командировки и личные дела. О прошлой жизни Михаил Николаевич много рассказывал Нине Юрьевне, но запрещал что-либо записывать. После смерти Михаила Николаевича Нина Юрьевна «взялась» за меня, и именно ей я обязан тем, что написал воспоминания. Не знаю девичьей фамилии Нины Юрьевны, но знаю, что ее брак с Михаилом Николаевичем был вторым. От первого брака у нее был взрослый сын, общаться с которым мне не пришлось, хотя Нина Юрьевна и хотела

нас познакомить. Как и Михаил Николаевич, Нина Юрьевна в совершенстве владела французским языком. В предпоследний приезд в Москву мы с Ниной Юрьевной посетили могилу Михаила Николаевича, возложили на нее цветы. Где это кладбище, я уже не помню — где-то в Подмосковье. На его могиле стоял латинский крест и в головах камень медно-никелевой руды, на котором выгравированы даты рождения и смерти Михаила Николаевича и дата рождения Нины Юрьевны. Свидетельство о браке Нины Юрьевны и Михаила Николаевича я видел своими глазами, так что она — Годлевская. Последнее свидание с Ниной Юрьевной было в Колонном зале, более мы с ней не встречались. Сообщение о смерти Нины Юрьевны мне прислал Н.А. Формозов, как он выразился: «Слышал краем уха...»

...Вспоминаю последнюю встречу с Михаилом Николаевичем в октябре 1983 года. Был он уже слаб, сохраняя, однако, поразительную ясность ума и логичность мышления, никаких признаков старческого маразма, обычного для большинства людей в стадии угасания. Сообщение о кончине Михаила Николаевича застало меня на Кавказе, в Гудауте. К сожалению, телеграмма пришла уже в день похорон, и я не смог отдать последнюю дань уважения самому близкому и дорогому в моей жизни человеку, оставляя за собой право на всю жизнь сохранить в памяти его светлый благородный образ.

Вот, кажется, и все, что сохранилось в моей памяти (изменяет рука тореадору).

Запорожье, январь 2008 г.

Анатолий Колчак. 1958 г.

Анатолий Колчак:

*«В родословной моей семьи от-
разилась история Российской
империи и Советского Союза» .*

Анатолий Герасимович Колчак. 1975 г.

КАК ОТЕЦ СТАЛ ГРАЖДАНИНОМ СССР

Мой отец Колчак-оглы Герасим Бекирович родился в 1888 году в Турции, в селении Дурано Трабзонского вилайета. «Оглы» на русский язык переводится «сын», то есть определяет принадлежность носителя фамилии к мужскому полу. В селе добрая половина населения носила эту фамилию, хотя родственниками считались между собой далеко не все. Его мать умерла, когда ему не было и семи лет. Через год в семье появилась мачеха. Село было бедное, жители занимались в основном земледелием, разведением овец да рыбной ловлей. Благо море плескалось под самыми ногами, стоило только спуститься по крутой тропке с обрыва. В десять лет отца отдали в подпаски старому чабану, пасшему отару сельского богатея. В шестнадцать он с сельским парнем тайно уплыл на простом баркасе через беспокойное море на русский берег, в город Потти. Приятель соблазнил хорошим заработком при вполне посильной работе. Парень был на шесть лет старше, успел поработать матросом на небольших каботажных судах и неплохо управлял парусной лодкой. Это их спасло в свирепый шторм, и через двое суток вместо Потти они прибились к Адлеру. Потом более двух дней вдоль берега добирались до Потти.

Осенью отец возвратился домой один, заработал более трехсот рублей — целое состояние. Друг остался в Потти, у него там была невеста — русская девушка, и он решил жениться. Договорились, что отец приедет на следующее лето, и они снова вместе будут работать у хозяина на табачной плантации. Но в Потти отец попал только через семь лет. Нашел двор друга и узнал горькую новость. Со слезами жена рассказала, что ее муж в 1905 году участвовал в бунте, был ранен и с

оружием в руках схвачен солдатами. Был суд, приговор — десять лет каторги. Сначала он отбывал срок под Читой (Дальний Восток), а год назад, сказала жена друга, по состоянию здоровья его перевели на поселение в Нарымский край. Это где-то на большой реке Оби в Сибири, недалеко от селения Каргасоки.

Отец пошел к хозяину, у которого работал в прошлый приезд, и тот его снова взял к себе. В третий раз на заработки отец отправился в 1912 году, он собирался жениться. Требовались деньги для выплаты калыма и на свадебные расходы. Отец нанялся погонщиком в купеческий караван, который доставлял тюки с самсунским табаком в Батум. Через пять дней он был уже в Поти. На этот раз он прихватил с собой двоюродного брата Колчака-оглы Али. Хозяин обоих принял на работу. Все складывалось вполне благополучно. Но через два месяца у хозяйских ворот появились полицейские. Они собрали всех батраков, пришедших на сезонную работу, и привели в участок. Здесь объявили, что между русским царем и турецким султаном пробежала черная кошка, дружбе конец, может даже начаться война. Граница закрыта. Поэтому туркам присваивается категория военнопленных, и они подлежат немедленной высылке из зоны возможных военных действий в глубь России. Вывезли их в Воронежскую губернию, поселили на хуторе вблизи поселка Свободный (ныне г. Лиски). На содержание положили каждому по четыре с полтиной в месяц. Разрешили работать по найму. По договоренности наниматель обязывался кроме платы за труд три раза в день обеспечивать работников питанием.

Они пробыли на поселении до февраля 1917 года. Потом им дали разрешение на свободное перемещение. Хозяйка уговорила батраков задержаться до конца посевной, так как она стала вдовой: мужа в 1914 году призвали в армию, а через год с небольшим он погиб. Поселенцы пошли ей навстречу. Но в июне они все-таки тронулись в путь. Через сутки отец почувствовал недомогание. В Ростове ему предложили остаться на лечение, но боязнь потерять попутчиков

удержала его, и он поехал дальше. Но в Куцевской его уже без сознания сняли с поезда и поместили в военный госпиталь. Признали тиф.

— Вряд ли выживет, — объяснил доктор попутчикам отца, — лекарств нет, только спиртом и обеспечены, благо спиртзавод под боком.

Земляки, в том числе и брат, с тяжелым чувством уехали. А отец выжил. Четыре месяца пролежал в госпитале. Когда увидел себя в зеркале, испугался. На его счастье, на вокзале к нему подошел человек и заговорил по-турецки. Назвался болгарин и после расспросов посоветовал отцу переждать лихое время у них.

Приехали на Денисовский спиртзавод. Отец стал работать в бригаде болгар-овощеводов. Спокойствия пришлось ждать целых четыре года, а затем стремление попасть на родину потеряло всякий смысл. Он думал, что его назначенная невеста наверняка уже давно замужем... И он решил не возвращаться в Турцию. Спустя несколько месяцев он женился. Это была наша мать.

*Евгения Исидоровна
Колчак*

В 1924 году их сагитировали вступить в сельскохозяйственную коммуну. Долго размышляли... Коммуна была американская. В 1922 году из США была выслана большая группа активистов, рьяно выступавшая в защиту Советской Республики в России. Они так достали президента Вильсона, что он предложил им убраться на все четыре стороны. Они согласились выехать в Россию и заняться там сельским хозяйством. На радостях правительство США выделило им для выезда большой корабль, в качестве подарков пригнали с десятков тракторов, несколько комбайнов, чего в России тогда и в помине не было. Притащили сеялки, веялки, телеги на пневмоходу, привезли несколько автомобилей с семенным зерном и вместе с

машинами все это погрузили на корабль. По приезде американцы пригласили местных жителей к себе на работу, чтобы те помогли им скорее адаптироваться в новых условиях.

Состав коммунаров, прибывших в Россию, был в полном смысле слова интернациональным. Были среди них англоязычные американцы, были чехи, поляки, словаки, западные украинцы, сербы и представители других национальностей. Многие из них сносно объяснялись по-русски, особенно славяне. Всего прибыло из США около шестисот мужчин и несколько десятков женщин. Почти все холостые. Прибывших разделили на две коммуны. Первая разместилась в бывшей усадьбе генерала Денисова, рядом со спиртзаводом, а вторая — на свободных землях села Козинки, в двадцати километрах от первой. Приезжие сельского хозяйства не знали совершенно. В США они были рабочими на машиностроительных заводах. Но они быстро обстроились, развели сады и виноградники, построили сыроварню. В подвале генеральского дома соорудили давяльню для винограда и стали делать отличное вино.

В 1925 году отца пригласили в станицу Шкуринскую в сельский совет и предложили ему вернуться в Турцию — объяснили, что сейчас у наших стран хорошие отношения. Отец сказал, что здесь у него семья, двое детей, а туда выезжать придется одному. Ему дали подписать бумагу — отказ от предложения выехать. Два года спустя родители вышли из коммуны. Они попросили в сельсовете землю для ведения частного хозяйства. Им выделили двадцать восемь гектаров земли, и они успели снять два урожая. Но тут мать прочитала в газете, что с осени 1929 года будут объединять частные хозяйства в коллективные. И тогда она предложила: «Сдавай, Герасим, землю в совет. Отказаковались. Переходи работать на завод. У нас есть лошадь, возьми вторую напрокат на спиртзаводе и вози со станции уголь, а на станцию спирт. Чем не работа?» Отец махнул рукой и пошел в сельсовет. Извозом занимался четыре года. Однажды привезли на станцию

в бочках спирт, а приемщика на месте нет. Решили утром сдать спирт. Утром отец вышел во двор — ни телеги, ни лошадей. Угнали! Бросился в милицию. Там составили акт: «Идите теперь в суд». Суд распорядился за утрату казенного имущества взыскать с виновника четыре тысячи рублей в пользу спиртового завода. С ним не поспоришь. Родители продали хату, рассчитались с заводом и переехали на хутор в хату бабушки. Отец пошел снова в овощеводы...

Коммуна продолжала успешно конкурировать с молодыми колхозами. Ей было предложено реорганизоваться в колхоз, но руководство не согласилось. Не хотели отдавать свою технику в МТС, а затем просить, чтобы их угодья она обрабатывала их же машинами. В районе пилюлю проглотили, но не забыли об этом. Беды у коммунаров начались, когда по стране прокатилась мощная волна по разоблачению врагов народа. Не стали органы где-то разыскивать их поштучно. Зачем? Ведь есть целых два гнезда иностранных шпионов, которые тут под боком мешают партии развивать колхозное движение. И раскаленным утюгом прошлись по обеим коммуна «Пионер» и «Калифорния». В течение месяца от прибывших коммунаров остались на свободе один детройтский лидер профсоюза автомобилистроителей США Георг Секута да пять человек из местных, вступивших в коммуну на заре ее организации. За отцом приезжали дважды, первый раз увезли вместе с

*Георг Секута, один из
руководителей американской
коммуны «Пионер»*

Георгом и обоих в тот же день отпустили. Во второй раз снова оба вернулись, но уже через неделю. За три-четыре месяца в коммуне не осталось мужского населения, а осенью ее беспрепятственно реорганизовали в колхоз. Жены коммунаров пытались жаловаться, но в районе из старого руководства никого не осталось, а новое, зараженное общим порывом бескомпромиссной борьбы со шпионами и диверсантами, с просителями просто не стало разговаривать.

— Почему тебя отпустили, Жора? — удивился отец. — Ты действительно один среди всех оказался честным?

— Нет, они все очень честные и преданные советской власти люди. Но они были рядовые, а я был в США на виду, меня несколько раз там сажали в тюрьму, и газеты в Советской России неоднократно подавали голос в мою защиту. Так что меня сейчас просто неприлично обвинять в шпионаже и вредительстве. А вот почему тебя отпустили? — в свою очередь с улыбкой спросил Георг отца.

— У меня другая статья. Во-первых, я ушел из коммуны десять лет назад, во-вторых, я приехал в Россию из-за другого моря и к тому же задолго до революции. Наверное, для меня еще статью не придумали.

Но отец рано утешал себя. Статью и для него нашли. Но случилось это двенадцать лет спустя, уже после войны, в 1949 году. Приехали в ночь на 19 июня, перевернули в квартире все вверх дном, посадили в кузов грузовика, в котором уже сидело четыре человека, и увезли в Тихорецк. Там на станционных путях в тупике стояло два состава, которые несколько дней заполняли арестованными, затем их с интервалом в полчаса отправили в сторону Ростова. Везли более месяца до Томска, дальше по Оби на баржах до устья Парбига, потом на плоскодонных баркасах, прицепленных к буксирам, по Парбигу развезли по селам, затерянным среди самых мрачных Бакчарских болот. Местное население там состояло тоже из переселенцев, в основном бывших заключенных, вышедших на

Герасим Бекирович и Евгения Исидоровна с сыном Виктором. 1960 г.

поселение, и сосланных кулаков. Но и этот контингент местные власти так наинструктировали, что от «лиц кавказской национальности» люди шарахались как от чумы. Дети коммунаров через всю свою жизнь пронесли клеймо врагов народа. Мне, моим братьям и сестрам через это суждено было пройти уже после войны. Я дважды ездил к отцу, когда работал после техникума в Кемеровской области на строительстве шахт, в городе Киселевске. Конечно, условия жизни у ссыльных были несравненно лучше, чем в норильских или мордовских лагерях. Но сам факт репрессий, отрыв от семьи и бесперспективность будущего ставили людей на грань безысходности.

С 1955 по 1958 год я служил в рядах Советской Армии. Еще до службы я несколько раз писал в Верховный Совет СССР на имя К.Е. Ворошилова прошение о пересмотре дела отца. Но я даже не получил уведомления о регистрации моего письма. Когда я впервые прочитал в «Правде» о злоупотреблениях Сталина, то обратился в Генеральную прокуратуру. Отклик последовал после XX съезда КПСС, потом пришло и решение Верховного суда РСФСР об освобождении отца. В июне 1956 года он возвратился домой. Односельчане встретили его как привидение, явившееся с того света. Настолько в сознании людей сформировалось понятие, что «оттуда» возврата не бывает... После ссылки отец прожил дома еще двадцать лет. Умер в 1976 году, на восемьдесят девятом году жизни.

МОИ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ, ИХ ДЕТИ И ВНУКИ...

После службы в армии я поступил в Ростовский строительный институт на заочное отделение и сразу же уехал в Норильск. Там с 1957 года работала старшая сестра Зоя, на заводе железобетонных изделий в лаборатории, которой заведовала Валентина Ивановна Миноранская. А в 1962 году в Норильск приехал и младший брат Владимир, который в первые годы своего пребывания на комбинате тоже работал на заводе железобетонных изделий мастером, а позже перешел в геолого-разведочную партию на Купец. Владимир уехал из Норильска в 1978 году, жил недалеко от Каменска в Ростовской области. Умер от инсульта в 2007 году, ему было 72 года.

Самый старший брат Николай, 1923 года рождения, в 41 году начал учиться в 10-м классе. Уже шла война. В октябре 1941 года фашисты овладели Ростовом-на-Дону. И все его сверстники ушли воевать. Первое сообщение о его гибели пришло спустя полтора-два месяца после его ухода из дому: «Погиб при

*Герасим Бекирович с сыном
Николаем. Ростов-на-Дону,
1972 г.*

налете вражеской авиации в открытой Сальской степи. Тело обнаружить не удалось». Не успели высохнуть слезы на лицах родителей и родственников, как от брата пришло два письма. Одно было написано через две недели после призыва, второе — за пять дней до его получения. Брат находился в станице Багаевской на лечении в госпитале. Во время бомбежки он бросился в пустую воронку, но рядом взорвалась бомба, его контузило и присыпало землей. Очнулся ночью, отряда нет. Он пошел по степи, пока не набрел на какую-то воин-

скую часть, которая его и приняла. Был он сильно обморожен... Ростов к этому времени был освобожден, и тогда на семейном совете решили, что отец пойдет навестить сына. До Багаевской от дома было километров 160. И отец управился за десять дней.

Затем мы пережили оккупацию — полгода. А брат, будучи сапером-минером, всю Сталинградскую кампанию провоевал на передовой, пережил полных два состава своего батальона, но сам ни разу не был ранен. Ставил и снимал мины, сутками лежал в снегу в маскхалате. Немецкие самолеты днем и ночью висели над полем, не давали поднять головы, охотились даже за отдельным человеком. Но брату везло, оставался жив! Когда замкнулось кольцо вокруг армии Паулюса, они стали снимать свои же мины. Его товарищ допустил ошибку и подорвался. Брат был в нескольких метрах от него — ему осколком перебило левую ключицу. Это была первая и единственная его рана за все время войны. Лечился в госпитале в Ростове, был выписан через две недели после изгнания фашистов со спиртзавода под Куцевской. Из Ростова пешком к нам пришел пожилой человек, сообщил, что Николай жив и попросил его узнать, живы ли родные после немецкой оккупации. Дома снова был праздник! Отец вместе с гонцом отправился в Ростов. Брат был уже в части, его рана заживала, в группе десантников он осваивал парашютное дело. Готовился к заброске в тыл врага. В апреле 1943 года группа улетела на задание. С тех пор поступали только случайные сообщения от случайных людей. Первое пришло из города Серго, из Донбасса. Незнакомый человек сообщил, что группа парашютистов после выполнения задания вышла к линии фронта. Решили дожидаться рассвета. Но тут взбунтовались два напарника брата. Они были с Украины. Возвращаться к своим отказались, в разгром фашистов не верили. Решили уйти домой. Брат пытался их урезонить, уговорить. Ничего не получилось. Завязалась потасовка. Во время борьбы чей-то автомат нечаянно или умышленно дал очередь. Набежали немцы, окружили

окоп, в котором скрывались парашютисты. Брат уже был обезоружен, а те двое сразу подняли руки вверх. Так они все попали в плен.

Николай встретился в камере с человеком, пришедшим нам о нем весть. Его самого посадили за драку с немецким солдатом, грабившим его квартиру. Родственники его из тюрьмы выкупили. Вот Николай и попросил его написать нам. Сам он уже не рассчитывал остаться в живых, так как приближался фронт, и немцы всех арестантов перед отступлением расстреливали. Тех двоих после допросов, видимо, отпустили, он их больше не видел. О задании группы от них немцам стало известно практически все. Брата отправили в лагерь смерти в крепость Каменец-Подольский. Содержался он там до глубокой осени. Когда его стали выводить на работы, он привязал записку к камню и выбросил за зону. Через несколько дней к нему пришла под видом родственницы местная учительница Софья Брониславовна из села Лошковцы. Принесла передачу — продукты и кое-что из одежды. Потом навестила его еще несколько раз, а затем ему организовали побег. Так 1944 год брат встретил в партизанском отряде.

Как-то в лагерь привели старика из местных крестьян. Он рассказал командиру, что в селе Чинадиево в замке немцы устроили тюрьму, где содержат партизан, евреев и непослушных селян. В том замке сидели и его два сына. Николая и еще одного бойца послали со стариком в разведку. Когда подходили к селу, за пять километров от Чинадиево старик дальше идти отказался из боязни, что его опознают. Он указал партизанам дорогу и покинул их, сняв шапку и низко поклонившись в ноги.

Чинадиево — село в одну улицу, протянувшуюся километров на пятнадцать. Просматривается оно насквозь. Только незнакомцы появились на окраине, их уже засекли. Не прошли они и десятка дворов, как их с двух сторон зажали вооруженные люди. Как оказалось, это были солдаты УПА. Разведчиков для

профилактики основательно избили, а затем приступили к допросу. Брат и его напарник клялись и божились, что они военнопленные, бежали из лагеря и идут домой. Поверили им только потому, что они говорили по-русски, западно-украинскую «мову нэ разумилы», и поэтому их отдали немцам, которые снова водворили их в концлагерь. Затем была Германия, освобождение из плена в апреле 1945 года. Письмо от брата родители получили только в 1946 году в мае. На треугольном конверте без марки значился никому неизвестный город Магадан. Обратный адрес заставил весь коллектив спиртзавода ломать голову: «Гор. Магадан, пос. Усть-Таскан, ОЛП ТЭК, Колчакову Н.Г.» — это дословно было написано на треугольнике. Через пару часов на карте нашли город Магадан. Поселка с таким наименованием не было...

Так мы узнали, что Николай жив и, кажется, здоров, хотя находится где-то на краю света. В фильтрационном лагере брат пробыл два года. Ему пытались приписать службу во власовской армии, требовали, чтобы он признался, что добровольно сдался в плен... Работал он на ТЭК (теплоэлектрокомбинате). Как-то к нему подошел один из следователей: «Николай, я тебе верю, но от нас требуют только обвинительного заключения. Все письма, которые ты пишешь в свою часть, сгорают в буржуйке, здесь же в Усть-Таскане. Вот тебе адрес военного архива в Подольске, под Москвой. Напиши туда, но передай с кем-нибудь из освободившихся, пусть опустят письмо в Москве или в любом другом городе подальше от Магадана, иначе оно не дойдет».

Только это и помогло. Брату пришел ответ и копия — следователю. Николая освободили в 1948 году. Он остался жить в поселке, обзавелся семьей. Сейчас в поселке Ягодном и в Синегорье живут два его сына, дочь, шесть внуков и один правнук. Брат, к сожалению, умер от инфаркта в 1976 году, в возрасте 53 лет, через два месяца после кончины нашего отца. Я, сестра Анна и брат Виктор летали на его похороны.

*Дина Герасимовна Колчак.
1956 г.*

Сейчас поселок Усть-Таскан закрыли, из ТЭКа сделали подстанцию, запитанную от Колымской ГЭС.

Я был пятым ребенком в семье, после меня родились еще четверо детей. В 1936 году родился брат Владимир, который работал 16 лет в Норильске. Сейчас там живет его дочь Татьяна Шемелева. Сестра Анна 1937 года рождения, она работала в Ростове-на-Дону в сбербанке. В 1941 году родилась сестра Дина, она тоже была финансистом в Госбанке. И, наконец, брат Виктор, 1943 года

рождения, работал в Ростове на заводе запорной арматуры начальником гальванического цеха. У него родились сыновья-близнецы, у них уже три взрослые дочери. Все — братья и сестры, а также колымские внуки Владимир и Юрий — пенсионеры.

Моя мать, в девичестве Евгения Исидоровна Сагирева, родилась в 1898 году на Украине. Родословная матери уходит корнями в конец XVIII века. По дошедшим до нас сведениям, ее прадед Дейнега во времена царствования Николая I был, как бы мы сказали сегодня, капитаном дальнего плавания. У него было двое детей: сын Василий и дочь Марта. У Василия было два сына — Сергей и Иохим — оба в 1912 году уехали на Алтай, на новые земли. Дочь Марта, в замужестве Дьяченко, дала жизнь нашей бабушке Марине. Марина, выйдя замуж за Исидора Павловича Сагирева, родила четырех дочерей. Старшая из них Евгения и была наша мать. У деда Исидора была старшая сестра Секлетиния, которая еще до революции работала в г. Шахты Ростовской области прокурором. У нее были дочь — врач и две внучки — тоже врачи. Дед, по рассказам матери, в летнее время собирал

артель, арендовал кирпичный завод и занимался производством и сбытом кирпича. Умер в 1912 году от воспаления легких. Его младший брат Николай был участником Первой мировой войны. Будучи на фронте, он случайно встретил братьев Дейнега, уехавших на Алтай. Они воевали на Западном фронте. Затем их следы теряются. Сам Николай Павлович пропал без вести в годы Гражданской войны. Самая младшая сестра деда — Юлия Павловна учиться не желала, рано вышла замуж за грузина, который оказался революционером-подпольщиком. В революцию 1905 года он был осужден и сослан на каторгу, откуда не вернулся. Во втором браке Юлия Павловна была замужем за железнодорожным рабочим, который умер в 1939 году. Эту сестру моего деда я хорошо знал, так как во время учебы в техникуме в Ростове я четыре года (с 1947 по 1951 год) жил у нее. Умерла она в 1953 году в возрасте восьмидесяти лет.

ИТАК... В НОРИЛЬСК

После окончания горного техникума в Ростове я четыре года работал на строительстве шахт в Кемеровской области. Армия от меня под различными предложениями категорически отказывалась. Я прекрасно понимал истинную причину такого отношения к моей персоне. У меня был репрессирован отец по статье 58. В 1949 году его по национальному признаку выслали на бессрочное поселение в Томскую область. Мать осталась с пятью несовершеннолетними детьми без работы, без жилья, без средств к существованию. Единственным помощником матери была совершеннолетняя дочь — наша сестра Зоя, работавшая в лаборатории на спиртзаводе. Вот они с матерью и вытянули нас всех пятерых, мы все получили среднее образование.

— Дальше думайте сами, — сказала мать, — на большее сил у меня не хватит.

Я поехал в Кузбасс, где верой и правдой отработал четыре года и своим усердием заслужил направление на учебу на ускоренный факультет — с сохранением

средней заработной платы. О таком обучении можно было только мечтать. Я поступил в Новосибирский строительный институт, но вскоре фортуна от меня отвернулась. Запрет на право служить в армии для лиц моей категории был снят, на спецкурсе не было военной кафедры, и меня призвали на срочную службу, когда мне было 23 года. Я поехал с тяжелым камнем на сердце служить...

*Сын Аркадий Анатольевич Колчак
с тетей Зоей Герасимовной. 1988 г.*

Служба моя подходила к концу, когда я отказался от решения поступать на заочное отделение Новосибирского института. Старшая сестра Зоя в 1957 году уехала работать в Норильск и пригласила туда меня, соблазнив хорошими условиями для работы и учебы. Там были угольные шахты, рудники и консультативный пункт ВЗПИ для учебы. Так я отправился работать на север, а учиться собирался заочно в Ростовском строительном институте.

Путь в Норильск был один — паромом по Енисею. Речной вокзал в Красноярске жужжал как растревоженный улей. В Дудинку уходил последний паром. Демобилизованных солдат ехало довольно много — нас взяли на борт судна вне очереди. Погрузились мы в трюм. Большое полутемное помещение, переполненное людьми, узлами, чемоданами, без нар и даже примитивных лавок — вот и весь комфорт. В соседнем трюме с двумя часовыми у дверей везли заключенных... Соседство непривычное. Мы, пассажиры, быстро перезнакомились и уже на другое

утро посвящали друг друга в свои замыслы и заботы. Целыми днями мы пропадали на палубе, наблюдая, как по мере продвижения на север меняется ландшафт местности, растительность, ширится река и все реже встречаются города и поселки по ее берегам. В Игарке сошли на берег. Запомнились деревянные мостовые, тротуары и дома, берега, заполненные штабелями круглого леса и пиломатериалов. На рейде — масса океанских судов. Город предстал большим заводом по переработке и экспорту древесины. После Игарки Курейка не произвела бы на нас никакого впечатления, если бы меня не заинтересовал рассказ одного пассажира о том, как спасали здание музея Сталина, у которого стал проседать фундамент. Зданию грозило разрушение. Как укрепляли фундамент, он подробно не объяснил, только сказал, что по рекомендации мерзлотника под фундаментом соорудили две железобетонные арки, которыми подхватили оседавший фундамент. Осадка здания прекратилась. Но в музей попасть не удалось, так как стоянка была кратковременной.

На исходе девятых суток показалась Дудинка. На железнодорожном вокзале нас ожидал состав из товарных вагонов для переезда в Норильск. Передислокация продолжалась до полуночи. Откуда-то появились телеги, их загружали мешками с картошкой и капустой, ящиками с помидорами и яблоками, грузили мебель, узлы, чемоданы — и все это везли на вокзал и помещали в вагоны. В Норильске ко мне подбежала сестра. Мы обнялись. Потом я стал прощаться с новыми знакомыми — томскими выпускниками Г. Чупретовым, И. Брусовым, Б. Казаковым из Новокузнецка. В пути познакомился со Смирновыми. С этой четой знакомство уже не прерывалось до самого отъезда из Норильска, а с Валерием Смирновым мы даже поработали на одном предприятии.

Поиск работы привел меня к секретарю горкома партии Ю.Д. Лапину. Он позвонил в Рудшахтстрой и предложил взять меня горным мастером. Я поехал

в назначенное время — дорога тянулась бесконечно долго. Секретарь попросила подождать: главный инженер с минуты на минуту должен быть... Я мысленно рассуждал: «Смогу ли я вообще учиться, работая в такой дали от города?» Вышел из приемной, а на другой день пришел к начальнику угольной шахты № 13 Г.И. Старцеву. Согласился идти в забой. Отдел кадров комбината меня приняли на шахту только потому, что я показал диплом и запись о работе на шахте. Остальных новичков принимали только на стройку. Начал с прохождения техминимума. Затем я навел секретаря партбюро И.И. Шапоренко. Тот в качестве партийного поручения послал меня работать к секретарю комсомольской организации Надежде Ракчевой. Надежда тоже была новичком на шахте, которая была в числе отстающих предприятий. Старцев и Шапоренко стали наводить порядок в коллективе и на подземных участках. Привлекли Надежду Ракчеву. Хватка у нее оказалась поистине комиссарская, через два месяца комсомольскую организацию было не узнать. Комитет организовал соревнование молодежных бригад (с ежедневным освещением их работы на доске показателей), настроил работу народной дружины, организовал выходы на субботники, посещал молодые семьи, обязывал комсомольцев учиться. Ракчеева обладала даром убедительного и зажигательного слова. А когда на шахту пришел главным инженером Г.Ф. Турукин, эрудированный инженер с твердым характером, коллектив почувствовал под собой опору из трех китов: Старцев, Турукин, Шапоренко. Шахта из отстающей вышла в передовики, а это была гарантия надежной работы и высокой зарплаты.

В 1958 году город по своим размерам был довольно скромным. За магазином «Саяны» еще стоял высокий забор, отгораживающий вольную часть от тюремной зоны. Там работали зэки. Но к новому, 1959 году забор сняли, и горожане увидели третью школу, детские сады, новые общежития. Правда, школа была еще

*7 ноября 1958 г. На Нулевом пикете коллектив
шахты № 13 («Восточная»)*

в отделке, но общежитие стали заселять. Мы, холостяки, Новый год встретили в новом здании со всеми удобствами, два-три человека жили в одной комнате. Там же во дворе один из корпусов был отведен под общежитие ИТР. Здесь я познакомился с молодыми специалистами Евгением Мамашевым и Геннадием Мосоловым, приятельские отношения с которыми не прерывались до моего отъезда из Норильска. Помню, после смены на шахте мы часто целыми звеньями приходили на стройку, чтобы отработать норматив часов и тем самым помочь члену бригады получить жилплощадь. Мы старались, конечно, для молодоженов. Тогда средний возраст тружеников комбината колебался между 28 и 30 годами.

С 1959 года комбинат взял курс на постепенное переселение жителей из барачных поселков в благоустроенные дома. Первым под снос пошел поселок ЦУС, где было наше первое общежитие, затем снесли поселки кирпичного и цементного заводов. Так Норильск преображался... Последними в 1964–1965 го-

дах снесли поселки строителей и Купец. Поселок под номером 17 перепрофилировали под складские помещения. Летом этого года приятель познакомил меня с девушкой, крановщицей мостового крана завода железобетонных изделий Любовью Аркадьевной Деменчук, которая через два месяца стала моей женой. Со своей матерью (хлораторщицей водоканала) Антониной Петровной Раздольской Люба жила в одном из бараков этого поселка. После регистрации брака я переехал в барак к молодой жене. Здесь было двенадцать комнат, в каждой жила одна семья. На всех одна кухня. Холодную воду носили с уличной колонки, горячей воды не было совсем, туалет размещался в деревянном скворечнике на улице. Год спустя у нас родилась дочь Марина. После трех лет работы мы поехали в отпуск. Побывали у родных, путешествовали по берегу моря от Новороссийска до Сухуми на перекладных. Возвратились в Норильск и своего барака не узнали! Перед нами стояло отремонтированное строение, с новыми крышей, окнами. Нам открыла дверь незнакомая женщина. Оказалось, игравшие с огнем мальчишки подожгли барак. Его относительно быстро восстановили. «А на днях, — обрадовала она, — вас заселят в новый дом, в двухкомнатную квартиру. Ее вам выделило руководство шахты вне очереди как погорельцам». Не было бы счастья, да несчастье помогло. Двухкомнатная малометражка с удобствами показалась нам великолепным дворцом...

В 1962 году в Норильск с семьей приехал мой младший брат Владимир Колчак. Когда мы гостили у родителей, он неожиданно прилетел из Караганды с четырехмесячной дочкой: у него тяжело заболела жена. Он оставил девочку у тещи, а сам снова полетел к жене. Через неделю она скончалась. Прошло время, в Ростове он женился на одной из сотрудниц проектного института и приехал в Норильск. Больших трудов стоило их прописать, а еще труднее определиться с жильем даже в бараке. Но мы прошли через эти трудности, и Владимир устроился на работу мастером на

ЗЖБИ. Потом на профсоюзной конференции шахты меня неожиданно избрали в состав шахткома и председателем комитета. Это создало определенные трудности в учебе и привычном ритме жизни. Постоянные заседания, совещания, планерки по выходным дням (везде требовалось присутствие шахтного «треугольника») напрочь выбили меня из учебного процесса. Весной я поехал в Ростов на сессию за пятый курс. Экзамены и зачеты сдал благополучно, но попросил декана об отсрочке на год на дипломирование. Мне сделали исключение как труженику Заполярья.

Работа в шахткоме — весьма скандальное дело. Особенно мне запомнился такой случай. Однажды мы с Г.И. Старцевым обнаружили за задержкой деревянного крепления главного откаточного штрека две нераспечатанные пачки аммонита с клеймом взрывника. Аммонит остался у него после взрывных работ. Он обязан был сдать его на склад, но сделать это поленился. Был конец рабочего дня, он спрятал взрывчатку под землей. Я и сейчас вспоминаю горячую перепалку с администрацией, которая требовала передать дело в народный суд. Ему, несомненно, светил бы немалый тюремный срок, а для семьи с двумя малыми детьми это была бы непоправимая трагедия. На заседании шахтком единогласно проголосовал за увольнение нарушителя. Мы бились за его судьбу, а он чувствовал себя несправедливо обиженным, не понял, что санкцией на увольнение шахтком спас его от полной жизненной катастрофы. К счастью, это был единственный случай, когда шахтком так жарко сражался за человека.

О травмах со смертельным исходом тогда много писали: в 40-х и 50-х годах до пятидесяти человек погибало ежегодно на предприятиях. Страшные цифры! На комбинате боролись за снижение показателей смертности. Разрабатывали крупномасштабные мероприятия, усовершенствовали технологию работ, внедряли новое оборудование... В 60-х годах травма-

тизм со смертельным исходом в целом по комбинату снизился до уровня 16–18 человек в год. За семь лет на шахте «Восточная» при мне погибло три шахтера. Я и сегодня помню их фамилии: взрывник Полеонный, горнорабочие Селиванов и Тарханов, у которого осталась жена с двумя детьми, учениками начальных классов. Тяжела ноша — идти в семью с вестью о гибели любимого человека и кормильца...

Меня всегда восхищали руководители Г.И. Старцев и И.И. Шапоренко. В самых трудных случаях они не стеснялись выйти к людям, чтобы обсудить обсуждаемый вопрос, они обращались к коллективу и за советом. Такой демократизм им только добавлял авторитета.

Мне очень повезло, что я попал работать именно на шахту «Восточная». Я многому здесь научился и до сих пор с теплотой в сердце вспоминаю Г.И. Старцева, И.И. Шапоренко, Г.Ф. Турукина, П.И. Козлова, Ю.А. Густокашина, Б.Ф. Николаева, Л.Г. Дьячкова, А. Дроздова, А.Б. Слободского, А. Штыбера, В. Беликова, Геннадия Шевцова. Мне хочется назвать еще многих в надежде, что они или их родные прочитают мои строки. Доброго слова заслуживают Надежда Мамашева, Майя Топоровская, М. Миронова, Татьяна Попова, А. Горковенко, бригадиры Домашенко, П. Градинаров, Ю. Астахов, Шибалов, П. Чудин, художники П. Краснояров и В. Атаманюк, всех перечислить просто невозможно...

В январе 1965 года на отчетно-выборном собрании коллектива шахты я попросил не включать мою фамилию в список для голосования, так как мне предстояло писать дипломную работу. Просьбу удовлетворили, и я с легким сердцем отбыл в Ростов.

ТАЛНАХ: СТРОИТЕЛЬСТВО РУДНИКОВ

После получения диплома мне предложили работу в СУ «Горстрой». Отлаженное производство, во главе которого долгие годы стояли Д.М. Муравьев и А.И. Зайдель, не давало сбоев. В течение двух месяцев

я осваивал работу диспетчера, а затем мастера. Участок строил кирпичные жилые дома, школы, детские сады, магазины и медицинские учреждения. На счету Горстроя кроме жилья немало было объектов высокой технической и архитектурной сложности: плавательный бассейн, Дворец спорта, кинотеатр имени Ленина, Дворец культуры, телецентр. Они оригинально вписывались в общую панораму города.

В 1969 году начальник управления «Талнахрудстрой» Михаил Степанович Кравец предложил мне перейти на работу в его стройуправление начальником участка на строительство рудника «Октябрьский». Заместителем начальника строительства назначили Николая Васильевича Мельникова, только что заочно закончившего строительный институт. Он много лет работал в системе строительства начальником участка № 7. Рудольф Дикишников начал готовить к проходке четыре вертикальных ствола на основной площадке. Мне предстояло осваивать вспомогательную площадку на правом берегу Хараелаха: там предусматривалась закладка шести вертикальных стволов. Первого июня 1969 года с геодезистом участка Александром Шевченко и двумя рабочими мы перешли плотину водохранилища. Шевченко установил теодолит, снял репер и забил первый колышек.

Работа закипела. С карьера «Видный» пошли КрАЗы со скальным грунтом, а на следующие сутки были подключены БелАЗы, груженные металлургическим шлаком — тоже дорожным материалом. За первые четыре дня было отсыпано более километра. На второй день приехал М.С. Кравец:

— Здесь отсыпайте площадку под студенческий городок. В 45 вагончиках разместятся бойцы стройотряда. Студентов будет 360 человек. Это будет твоя основная рабочая сила на ближайшие два с половиной месяца. А дальше поедешь по воинским частям набирать демобилизованных солдат. Ты где служил?

— В Прикарпатском округе, — ответил я.

— Вот туда и поедешь!

Студенты появились через четыре дня. Я встретил их на Гвардейской площади и на автобусах повез в Талнах. Вагончики уже успели расставить, залили воду в отопительные котлы, привезли дрова и уголь. Оставалось сделать деревянные тротуары, провести электрическое освещение и оборудовать умывальники. На обустройство нам дали два дня. Появился Н.В. Мельников. Он сопровождал какого-то человека. Представил меня и, показав рукой в сторону гор, сказал:

— Здесь будет вспомогательная площадка рудника, а на склонах гор будут вентиляционные стволы. Всего на этом берегу будет шесть стволов.

— Какая стоимость рудника? — спросил меня незнакомец.

— Сметы еще нет, но предположительно, со слов главного инженера проекта Бориса Дрыгайлова, полмиллиарда. Но это с горными работами...

— Ориентировочно сметная стоимость рудника 500 миллионов рублей. И сколько лет потребуется вам, чтобы освоить такие деньги?

— Талнахрудстрой по генподряду осваивал в год 30–34 миллиона рублей, вот и считайте. Но сегодня прибавилось два участка, это еще порядка десяти-одиннадцати миллионов. Минимум, лет на двенадцать, — подсчитывал Мельников.

— В министерстве планируют первую очередь получить лет через восемь...

Когда незнакомец отошел, я спросил у Мельникова, кто это.

— Начальник производственного отдела главка, — шепотом ответил Мельников. — Я еще проекта не видел, а сметы еще и в природе-то нет, а ему подавай сметную стоимость! Есть только сметно-финансовый расчет. Он утвержден министром, вот от него и будем плясать.

На другой день установили вагончики для прорабов и техника, привезли мебель, от ЛЭП геологов запитали трансформатор и подвели напряжение. Участок приобрел рабочий вид.

Талнах — Всесоюзная ударная комсомольская стройка

Со студенческим стройотрядом я столкнулся впервые. Обратил внимание, что ему доставались самые трудоемкие работы и в самых труднодоступных местах. Но бойцы приступили к работе как ни в чем не бывало. Предстояло строительство трубопроводов для обеспечения проходки стволов рудника теплом, водой, сжатым воздухом. Резали ручными пилами брусья для скользящих опор, разводили соляркой нефтебитум и тут же красили древесину, пытались приспособить бульдозер для выемки грунта в котлованах под мертвые опоры, колотили из досок щиты для опалубки. По натянутым трассировочным шнурам вручную готовили земляные призмы под скользящие опоры. Во всех действиях бойцов чувствовался опыт и знание порученного им дела. Дисциплина в отряде была железная, не уступала армейской, недаром они именовались бойцами — здесь команда подавалась один раз. Прошло уже почти 40 лет, но я и сейчас помню некоторых бойцов и командиров, самоотверженно трудившихся на строительстве рудника «Октябрьский». Это волевой мастер Валентин Чернышев, командир отряда Чаликов, мастера Александр Курбатов и Михаил Комков, многих помню только по именам.

Задача была ясна всем: за два месяца выполнить основание трассы, сдать под монтаж, успеть окрасить стальные трубы и произвести их теплоизоляцию. Через неделю на трассе появился М.С. Кравец. Огляделся и первым делом вместо приветствия схватил меня за пуговицу куртки. Она осталась у него в руке, а сам он закричал:

— Прошло уже семь дней, а вы не уложили ни одного кубометра бетона! Когда подашь заявку на бетон?

— Через неделю.

Кравец ошалело посмотрел на меня и по-боксерски двинул кулаком в грудь:

— Завтра! Понятно?

— Дай бог, если завтра главный механик Зыбареv выдаст готовые рога на две-три опоры. Я не буду

принимать бетон чайными ложками. Не ломай мне согласованный с командирами план. Ты бы, Михал Степаныч, позаботился лучше о мастерах. Сколько я здесь буду крутиться один?

Кравец молча сел в машину и уехал.

— Гроза миновала? — спросил старший мастер стройотдела МВТУ Валентин Чернышев.

— Пока потерял только пуговицу, но, если через неделю не зальем мертвые опоры к нижней площадке, он оторвет мне от куртки рукав, а может, и голову. Прими к сведению.

— Шутишь? — недоверчиво спросил Валентин.

— Нет! Нажимай на котлованы и выставляй опалубку. Сделай к каждой опоре подъезд из скального грунта, перегони на эту работу бульдозер. Сейчас поеду в мехцех и посмотрю, как там идет работа, заскочу к Сергею Миронову в Строймеханизацию — выпрошу еще один бульдозер, трехсменный...

Кравец не забыл о просьбе прислать на участок мастера. Кроме того, в вагончике установили радио-

На трибуне — Михаил Степанович Кравец. 1975 г.

телефон. Я тут же обзвонил всех, куда собирался ехать, и решил все вопросы, не покидая объекта. Тут же раздался и первый звонок. Начальник отдела кадров сообщила, что завтра к нам прибудет мастер Салманов. Еще трое прибудут несколько позже.

Через десять дней у нас снова появился Кравец. Все осмотрел и уехал. Молча. Остался доволен, ругать нас не за что, решили мы. А ночью диспетчер поднял Мельникова, Мельников — меня.

— Салманов среди смены отказался от бетона! Пришлю дежурный автобус, езжай, разберись.

Через 40 минут я был на месте. Заскочил на бетонный завод, попросил оператора не отпускать машины, через 10–15 минут обещал позвонить с участка.

— Почему отказался брать бетон? — спросил я Салманова.

— Так студенты ушли на обед, а это два часа, бетон же стоять в машине столько не может, вот я и отказался, — растерянно ответил он.

— Вот стоит автобус. Гони в столовую, пусть мастер посадит в него человек сорок, потом их отвезешь на обед, а я позвоню на завод, чтобы везли бетон.

Утром примчался Мельников. Узнал, что приняли машин на пять-шесть меньше, чем намечали из-за упущенного времени.

— Выгнать этого дирижера? — спросил он меня.

— А работать кто будет? Салманов не виноват. Он действовал по принципу: «Война войной, а обед по расписанию». Он не сообразил покормить людей в два захода. Наука будет всем. Пойдемте лучше, кое-что вам покажу.

— Вот это да-а! — восхищенно протянул Николай Васильевич Мельников. — Кравец вас с Валентином расцелует за такой сюрприз! (Высотой выше роста человека стояли забетонированными шестнадцать реперов ствола ВС-3.) Как же вы подняли сюда бетон? Машина на такой крутой подъём не поднимется.

Чернышев молча указал на металлическую лодочку, сделанную из трубы большого диаметра:

— В ней поднимали бетон ручной лебедкой, а ее крепили за рельс. — И он показал рукой на торчащий из расщелины в скале кусок рельса, забитого на откосе.

— Ну, орлы! Вот теперь вы увидите улыбку Кравца!

И мы увидели ее на планерке, где подводили итоги работы за июнь.

— Николай Васильевич, — обратился довольный Кравец к Борисёнку, — какой ему положен фонд заработной платы за выполненный объем работ?

— Сколько хочет, — ответил тот тоже с улыбкой.

— Разбалуετε начальников участков! Правда, я последнюю неделю к Анатолию Герасимовичу приезжал на участок... отдыхать, — сказал Михаил Степанович под общее возбуждение присутствующих.

— То-то в этом месяце у меня не оторвано ни одной пуговицы, — ответил я.

Раздался дружный хохот...

Вскоре стало известно, что директор комбината В.И. Долгих избран первым секретарем Красноярского краевого комитета КПСС. Исполняющим обя-

Слева направо: Н.В. Борисёнок, А.Г. Колчак, В.Р. Уткин. 1977 г.

занности директора стал Н.П. Машьянов, а главным инженером — Б.И. Колесников. Лето летело быстро, уже прошел июль, ночами часа на два приходилось включать прожекторы. Работы по подготовке трассы подходили к концу. Геодезист Шевченко готовил исполнительные съемки, я — акты передачи трассы под монтаж. А трасса выглядела как картинка. Стройными рядами красовались уложенные брусчатые городки по земляным призмам, их белые, выкрашенные известью торцы только подчеркивали стройность линий.

— Сейчас приглашу корреспондента нашей многотиражки, — сказал Чернышев, — пусть эту красоту сфотографирует для газеты.

На нашем участке появились новые мастера Виктор Иванович Сараев и Юрий Иванович Горский, прораб Платонов.

Директор комбината подписал приказ о создании нового строительного управления «Октябрьстрой». Начальником был назначен Н.В. Мельников.

...Трассы под монтаж трубопроводов были сданы в срок. Передача проходила со спорами, переходящими в скандал. Монтажники вымеряли отметки до миллиметра — отклонение по осям не допускали более пяти. Со скрипом акт подписали и приступили к укладке стальных труб. Это была вакханалия! Трубоукладчик, двигаясь вдоль трассы, тянул рядом с собой многометровую плетть сваренных труб, при этом разворачивал земляные призмы, сметал выкрашенные брусчатые опоры, обивал углы бетонных опор, сокрушал на них закладные детали. У геодезиста Шевченко по щекам ручьем катились слезы.

— Требовали миллиметровой точности — как же они теперь будут все восстанавливать?

— Трассу приняли? Дальше дело за ними. Сроки сдачи трубопровода сорвать им никто не позволит. Сварят трубы, потом все восстановят. Сами не сумеют, мы поможем, но за отдельную плату, — постарался успокоить нас Николай Васильевич Мельников, привыкший к таким безобразным казусам.

И действительно, к концу августа трубы были снова окрашены, монтажники трассу кое-как поправили и передали изолировщикам. Стройотряд завершал работы, командиры считали выполненные объемы и заработанные деньги, а мы переключились на площадки, где требовалось возвести целый комплекс временных зданий и сооружений для обеспечения проходки стволов.

В октябре бригада по оргнабору рабочих вылетела в Прикарпатский военный округ. За месяц заключили более 900 договоров. В Норильск из армии прибыло меньше половины, а к весне на комбинате осталось чуть больше ста пятидесяти человек. «Это очень неплохо», — сказал мне Ракитин, отправлявший нас в командировку. Расходы на демобилизованных все же окупались даже тем количеством рабочих, которые осели в городе на несколько лет.

РАБОТАЛ В НОРИЛЬСКЕ — ЭТО УЖЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Прошло время. По личным причинам я решил поменять место работы, но А.А. Бобров, к тому времени начальник управления строительства комбината, предложил мне вернуться в Горстрой, где я начинал

Эльза Кравец (слева) и Любовь Колчак. 1971 г.

работу после института. Согласился. Мне довелось выстроить целый квартал девятиэтажных зданий со встроенными магазинами по улице Талнахской, в том числе «Сервис», «Мальчиш-Кибальчиш».

В январе 1975 года мне позвонил Михаил Степанович Кравец. Он уже на комбинате возглавлял управление строительства и предложил мне стать во главе Талнахрудстроя. Признаюсь, заробел: «А вдруг не справлюсь?» «Потянешь», — ободрил меня Кравец.

Я с головой ушел в бурлящий производственный поток, несущийся во времени и пространстве... В общем 1975 год коллектив Талнахрудстроя закончил благополучно, по итогам IV квартала в соревновании среди предприятий управления строительства мы заняли первое место. Работа настроилась, я почувствовал себя уверенно. Но стоявший у руля управления строительства М.С. Кравец по-прежнему считал Талнахрудстрой своей вотчиной и резервом: нужен башенный кран — его снимали с нашего объекта. Из 12 кранов у нас осталось 6. Он отправил сильную бригаду Горбунова (50 человек) в помощь надеждинцам... И так далее. Это продолжалось до тех пор, пока Михаила Степановича не повысили в должности — он стал заместителем директора комбината по быту.

А следующий, 1976 год запомнился мне как нервный и неприятный. Из Норильска уехал Артем Андреевич Бобров и на его место заместителя директора комбината по строительству назначили начальника Союзшахтопроходки Н.В. Поппеля. Мы сразу почувствовали разницу между ними. А.А. Бобров был жестким руководителем, но не жестоким, зря никого не обижал, не унижал. У него было чему поучиться, например, как добиваться результатов, отдачи от людей в нашем непростом деле. Н.В. Поппель неглубоко знал производство и в основном сделал ставку на руководителей. Началась травля неугодных. О.Г. Герасимову, Ю.П. Ерошевичу, В.А. Бровенко, Ю.А. Маркову, А.И. Тарасишину часто доставалось из-за мелочей. А уж я, грешный, почему-то вообще стоял в первых

рядах, подлежащих экзекуции. Но однажды нарыв прорвался. На директорской планерке в присутствии Бориса Ивановича Колесникова выступил начальник СУ «Фундаментстрой» Юрий Анатольевич Марков: он прямо упрекнул заместителя директора комбината Н.В. Поппеля в некомпетентности и предвзятом отношении к руководителям среднего звена. После планерки Ю.А. Маркова пригласил директор НГМК Б.И. Колесников. Из его кабинета он вышел уже заместителем главного инженера Фундаментстроя.

...Наступала горячая пора, готовили к сдаче больничный комплекс. Менее чем за два года были возведены больница на 300 коек, поликлиника на 800 посещений в сутки, станция «Скорая помощь» с гаражом для четырех автомобилей, хозблок, а также постройки чисто технологического назначения. К сожалению, принять участие в церемонии передачи ключей медперсоналу мне не довелось. Накануне получил по телефону сообщение о тяжелом состоянии отца и срочно вылетел в Ростов-на-Дону. Отцу шел уже 89-й год, и я настраивался на самое худшее. Предчувствия меня не обманули, я успел только на похороны отца. Не прошло и двух месяцев, как мне сообщили о скоропостижной смерти старшего брата, участника Великой Отечественной войны. Он жил с семьей на Колыме, и я полетел туда на похороны. Вот такой был неудачный для меня 1976 високосный год...

Пожалуй, скрасила этот год юбилейная дата: студенческий строительный отряд отметил свое десятилетие. По этому случаю в Норильск прилетели ректор вуза членкор АН СССР Г.А. Николаев и секретарь парткома А.М. Терещенко. Такое внимание руководителей подчеркивало, какое большое воспитательное значение администрация МВТУ придавала ежегодным трудовым семестрам. Когда весной для заключения трудового договора с комбинатом приехали командиры стройотряда, я попросил часть бойцов направить в Талнахрудстрой. Мы испытывали серьезные трудности из-за нехватки рабочих рук, но мне отказали.

*Руководители МВТУ В.Н. Рязанов, Б.А. Сазонов и А.М. Терещенко
беседуют с бойцами стройотряда. Норильск, 1970 г.*

Тогда приоритетом на комбинате была «Надежда»! И все же в тот год я познакомился с замечательным бойцом стройотряда Александром Руненко — он жил у моего соседа. Как исполняющий обязанности механика строительных машин, он отвечал за технику, которую выделяло студентам СУ «Строймеханизация». Им никогда не доставалась новая, да и из старой техники отдавали негодную. Так вот, Александр Руненко так ее отремонтировал, что она безотказно работала все лето и продолжала работать после отъезда студентов. Наше знакомство с ним продолжилось в Москве — мы еженедельно встречаемся на даче. И я понял, что Александр Михайлович не только потрясающий знаток механизмов (в широком смысле этого слова), но и руки у него золотые. Мне кажется — он может все! Он, кстати, продолжает трудиться — осуществляет технический надзор над кранами на ЗЖБИ третьего ДСК Москвы. Хоть Руненко и не старожил Норильска, но стиль работы у него наш. Вот нужна какая-то деталь для дела, а ее нету! И негде добыть. И приходится напрягать мозги, силы. Оторванность и отдаленность

А.М. Руненко, бывший студент ССО «Бауманец»

нашего промрайона от мира вынуждают действовать самому по обстоятельствам... Жизнь больно бьет, учит, заставляет. Вот почему информация «работал в Норильске» звучит на материке как положительная трудовая характеристика. Но если честно, в Норильске всё как везде: есть конфликты с начальниками, сослуживцами. И тогда надо проявлять твердость характера, но прежде — компетентность в своем деле. Впрочем, лучше приведу примеры.

В майские праздники 1975 года на скиповом стволе рудника «Комсомольский» случился пожар. Собрался штаб по ликвидации последствий. Меня туда вызвал Борис Иванович Колесников. Я прибыл через десять минут. Начальник горнорудного управления К.Т. Мезенцев, не стесняясь в выражениях, в присутствии многих людей «воспитывал» главного инженера рудника:

— Что вы топчетесь, как беспомощный ребенок? Принимайте какие-то меры, не я же за вас буду организовывать работу!

Какие меры можно было принять, если место пожара не было еще обследовано горноспасательным отрядом? Главное он сделал: согласно аварийному плану вывел людей из подземных выработок, сразу вызвали спасателей после сигнала о возгорании и они прибыли вовремя.

Только появление директора комбината остановило окрики, оскорбления, топанье ногами. Казбек Тимофеевич Мезенцев таким поведением дал всем понять, что он полностью отгородился от руководства рудника. Отвечать за случившееся будут только они. Выполнять работы по восстановлению надшахтных сооружений было поручено СУ «Талнахрудстрой», руководителем которого в ту пору был я. Тут уж и мне пришлось столкнуться с неблагоприятными действиями Мезенцева. Уже через два дня он заявил директору комбината, что строители не работают по очистке копра и надшахтного здания от наслоения сажи по стенам, потолкам и оборудованию. А слой сажи, особенно на первом этаже копра и в надшахтном здании, доходил до 20 сантиметров. Стоило чихнуть, как поднималось облако взвешенной сажи. В такой обстановке достаточно одной холодной искры, чтобы копер взлетел на воздух. Мы приняли все меры, чтобы предотвратить еще один несчастный случай, и даже переобули всех в резиновую обувь, чтобы случайным гвоздем на обуви не высечь искру о бетонный пол, не говоря уже о запрете курения. Когда заседание штаба закончилось, Борис Иванович Колесников попросил меня задержаться. С ним в кабинете остался А.А. Бобров.

— Анатолий Герасимович, почему Мезенцев жалуется на вашу работу? — спросил он.

Я пожал плечами:

— Мне он претензий не предъявлял. Работают четыре звена, два идут сверху вниз, два — снизу вверх. Задачу мы свою знаем, после 9 мая приступим к ре-

Панорама поселка Талнах. 1974 г.

монтажу помещений. Я прошу вас зайти на пять минут и посмотреть на нашу работу.

— Хорошо, пойдете. Сажу смываете водой?

— Нет, известковым молоком, оно сразу нейтрализует сажу как инертный материал.

Поднялись в камеру опрокида. Там рабочие устроили высокие пирамидальные треноги из черепного бруска, привязали длинную жердь с краскопультом на самый верх пирамиды и с помощью насоса сбивали сажу с поверхностей стен, потолков и оборудования. Маляр, стоявший на полу, управлял краскопультом с помощью длинной жерди. Работами руководил заместитель главного инженера Шокоров.

— Ловко придумали, сколько человек задействовано?

— Работаем по двенадцать человек в три смены. На ремонт приведем всех отделочников, — ответил Шокоров.

Артем Андреевич улыбнулся мне одними глазами. Он тоже был озадачен заявлением Мезенцева и с тревогой входил в копер... На следующем заседании штаба Мезенцев обвинил начальника Северовосток-электромонтажа Михаила Николаевича Шведова: не представил заявки на электрооборудование для ствола.

— Горные работы — не наша сфера, на них у нас нет допуска. На копер и надшахтное здание комплекточные ведомости готовы, — заявил он.

— Я должен на каждую кнопку приглашать новую организацию? Мне такие помощники здесь не нужны, — шумел Казбек Тимофеевич.

— А я к вам и не напрашивался. Если мы пришли вам на помощь, так не выставляйте нас виновниками своего несчастья. Мы и так переключились на рудник в ущерб плановым работам.

С К.Т. Мезенцевым у меня была еще одна неприятная встреча. На стволе 7-бис рудника «Заполярный» в 1978 году после пятнадцатилетней консервации наконец дошла очередь и до него. За полтора

года были достроены и возведены вновь здания и сооружения, заработали калорифер и одна подъемная машина, в наладке находилась вторая... Строители Талнахрудстроя, являющиеся генподрядной организацией, подготовили акты для приемной комиссии. Но заказчик (ГРУ и горнотехническая инспекция) акт подписывать не стал. Горнотехнические инспекторы после проверок заявили, что в горных выработках свалка отработанного крепления, старых вагонеток и прочего... Пока они оттуда все не вывезут, о подписании акта не может быть и речи. И хотя об этом поставили в известность директора комбината и он обязал в кратчайшие сроки убрать весь хлам, — дело с места не сдвинулось.

Проводивший планерку на 7-бис Мезенцев обошел эту проблему, но долго и дотошно выискивал на поверхности недоделки, чтобы еще раз сослаться на неготовность строителей.

— Казбек Тимофеевич, объясните, почему вы не принимаете ствол. У нас готовность полная, РГТИ претензии предъявляет вам, — обратился я к Мезенцеву. — Может, вы разрешите спуститься в рудник, чтобы посмотреть своими глазами, что там делается?

— Колчак, вы большой нахал, — ответил он мне, — да и что вы понимаете в горном деле?

Поскольку у меня за плечами одиннадцать лет подземного стажа, из них четыре года горным мастером на проходке стволов и руддворов, я давно понял, что свою неготовность он хочет скрыть, переложив ответственность на строителей. Под большим секретом это подтвердил и куратор ГРУ. Казалось бы, частный случай... Но он надолго создал нервную напряженность для многих. Почему-то норильчане об этом не пишут, хотя все знали истинную цену руководителя любого уровня...

С огорчением должен сказать, что жестокосердие многих начальников было заразительным. Однажды нас удивил даже всеми уважаемый Михаил Степанович Кравец. В Стальконструкции-1 произошел

несчастный случай — погиб рабочий. На совещании по этому случаю М.С. Кравец обратился к главному инженеру Е.Н. Герасину с вопросом: «Расскажите, как вы убили человека?»

Вопрос повис в воздухе...

Читаю книги нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...» и в воспоминаниях северян часто узнаю и свою судьбу. Я безоговорочно согласен с утверждением авторов, что НГМК явился неповторимой жизненной школой для большинства его тружеников, не только для руководителей, но и в не меньшей степени для рядового состава. Многие ехали в Норильск на 3–5 лет, а оставались на десятилетия. Особенно молодые люди. Они находили здесь свою судьбу, раскрывали таланты и способности, мужали и росли вместе с городом. Я приехал демобилизованным солдатом, семь лет работал на шахте «Восточная», а после окончания института 13 лет трудился на стройках, пройдя путь от мастера до руководителя солидного строительного управления. Жена моя Любовь Аркадьевна пришла на ЗЖБИ ученицей на мостовой

Семья Колчак и А.П. Раздольская (мама Любы). 1976 г.

кран, 13 лет работала крановщицей, затем окончила вечерний техникум и пришла работать в СУ «Горстрой» мастером, потом прорабом. Это для молодых типичный путь становления и роста в Норильске. Об этом времени часто вспоминают с благодарностью. Это правда, но не вся.

Мы как-то не пишем о том, что мы все рисуем картину социалистической экономики. Она создавалась трудом подневольных людей не только с 1935 года до расформирования лагерей. Но и после всегда на первом, втором, третьем месте был ПЛАН! Любой ценой добывали уголь, руду, никель, сдавали квадратные метры производственных и жилых помещений в ускоренные сроки при повышенных обязательствах. И только по большим праздникам громко звучало: «Все для блага человека!» Иногда царапает мое сердце и мажорный, а то и восхищенный тон рассказа некоторых авторов. А мне так не хочется, чтобы наши поколения предстали исключительно мужественными и целеустремленными борцами, которые, конечно, преодолели огромные трудности, но всегда побеждали. Это тоже не вся правда. Потому что «победители» от тяжелого труда и нервотрепки, от вредных условий жизни на Крайнем Севере умирали раньше времени. Думаю, не случайно в Норильске была создана лаборатория полярной медицины. А чем мы дышали и чем сегодня травятся в городе, который называли городом ужасов экологии мира?

Только тем, кто никогда не бывал в Норильске, нужно рассказывать о вредоносных выбросах металлургических переделов, хлорно-кобальтового и серно-кислотного цехов. Трудно понять, какими соображениями руководствовались проектанты комбината, окружив жилой массив с трех сторон металлургическими заводами. С какой стороны ни подует ветер, мимо города смог не пролетит.

В 1977 году я был свидетелем такой картины. Тундра только зазеленела, распустились березки на Вальке, у профилактория и базы отдыха УПСМ за-

Слева направо: Л.А. Колчак, К.П. Даниэлюс (сослан в Норильск за то, что родился в США), А.Г. Колчак и Петр Гаршин.

Май в Заполярье — лыжный сезон. 1969 г.

манчиво выглядели голубые озера у базы «На семи ветрах». На другой день, возвращаясь с работы, мы увидели профилакторий, базы отдыха, окруженные пожелтевшей листвой. Она скорбно свешивалась с понурых березок и ольховника по берегам озер. А ведь не произошло ничего особенного. С промплощадки потянулся шлейф ядовитых газов. На беду, в этот момент стал моросить мелкий дождик. В результате на свежую зелень пролился интенсивный кислотный дождь. Тундра состарилась в одночасье. Люди в Норильске более стойкие — их травят годами. Ежегодно комбинат оглашал в отчетах затраты на газоочистительные установки, подсчитывали, сколько тонн ядовитых газов отловили, но я ни разу не слышал, сколько тонн их выбрасывалось в атмосферу.

Давно уже никто не видел в Норильске ни одного коренного жителя с оленьей упряжкой. А ведь было время, когда они частенько наезжали в город, иногда из праздного любопытства. А потом в массовом

На рыбалке. Любовь Аркадьевна и Алексей Мовшин. 1974 г.

порядке стали падать олени. Оказывается, мох, сдобренный серно-кислотными осадками, оленям не по нутру. Вот и ушли они далеко на запад. Еще в середине 60-х годов, побывав в подшефном колхозе, Евгений Микульский рассказывал мне о губительном действии комбинатских выбросов на стада домашних оленей, на их размножение и потомство.

За вред, наносимый тундре, комбинат ежегодно платит многомиллионные штрафы, но они, вероятно, ниже стоимости затрат на установку газосулавливающих фильтров. Достичь нужного эффекта не удастся. И вот результат — в Норильске значительно повысился уровень онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Я назову своих бывших сотрудников, преждевременно ушедших от нас по этой причине: это М.С. Кравец, В.Ф. Марков, Л. Баркунов, Ю.С. Ерошевич, С.А. Корунченко, Н.И. Ларькин, М.М. Могалюк и Борис Иванович Колесников — бывший заместитель министра. Я перечислил только строителей и бывшего директора комбината. Думаю, в других подразделениях комбината дела обстояли не лучше. Но чаще все же

своими воспоминаниями мы поражаем воображение потомков размахомстроек, гигантскими рудниками и заводами, которые создавали своими руками.

Систематические перегрузки, 15–16-часовой рабочий день и для меня не прошли бесследно: стал чувствовать периодические недомогания, появлялась тяжесть в области сердца. Сказывалось почти двадцатилетнее пребывание на севере. К врачам я не обращался, но Н.В. Борисёнок настоятельно рекомендовал мне пройти всестороннее обследование. Когда я все же сделал это в марте 1978 года, то получил рекомендацию как можно скорее покинуть северные широты. Такое заключение застало меня врасплох. Уезжать из Норильска мы в ближайшие два-три года не собирались, да и некуда пока было ехать. Помог случай. Я встретил бывшего норильчанина, который работал в Подмоскowie директором предприятия. Он пригласил меня к себе заместителем для проведения реконструкции завода. И я согласился. Так я стал жителем Подмоскowie. Искренне благодарен и бывшему заместителю начальника СУ «Фундаментстрой» Владимиру Владимировичу Квитницкому, принявшему

Марина Анатольевна Колчак

самое активное участие в моем трудоустройстве и переселении в Троицк. Сейчас мы живем в наукограде, основанном академиком Курчатовым. На пенсию я вышел в декабре 1982 года, но до 2007 года работал на стройках в Москве и Троицке. Жена тоже пенсионерка. Дети — дочь и сын работают в Москве. Внучка Ира в 2007 году с отличием окончила институт, получила специальность психолога. Внук Кирилл после одиннадцати классов в 2008 году поступил в институт.

ОНИ ЗНАЛИ ЖИЗНИ ЦЕНУ: ПРОШЛИ СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ

Когда я вспоминаю Норильск, я прежде всего с благодарностью вспоминаю тех, кто примером своего отношения к работе учил меня жизни. Они знали ей цену: многие прошли лагеря. Я уже упоминал Ивана Ивановича Шапоренко, замечательного человека и опытного производственника. Его биографию мне рассказал в свое время Дебола Касполатович Алкацев, бывший секретарь Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ. Иван Иванович (1912–1975) до 1937 года был секретарем горкома комсомола в Таганроге. Они встретились на съезде комсомольских организаций Северного Кавказа в Ростове-на-Дону. Уже избрали президиум съезда, приняли повестку дня, когда в зал съезда вошла группа опоздавших. Среди них больше чем на целую голову возвышался Иван Иванович Шапоренко. Он представился, сказал, что их машина заглохла и они добирались на перекладных, извинился за опоздание. В перерыве Дебола Касполатович познакомился с ним поближе. Тогда никто из них еще не знал, что их знакомство растянется на десятилетия в условиях, очень далеких от комсомольской романтики...

После съезда многие делегаты до родных мест не доехали — они, в их числе Алкацев и Шапоренко, были арестованы по пути домой. Так началось их испытание на прочность в Соловках, мордовских и норильских лагерях. Тут Иван Иванович и получил свое прозвище Полтора Ивана (иные за гигантский рост звали его Два Ивана).

Позже сам он рассказал мне о себе. В 1935 году он окончил техникум и получил специальность электромеханика. Но на производстве проработал немного, так как был избран на комсомольскую работу, где и прервалась его производственная деятельность.

«В лагерях основной проблемой для меня была одежда. Мне не могли подобрать ни нижнего белья, ни теплой одежды. Ватные брюки едва закрывали

*На первомайской демонстрации (слева направо): А.Г. Колчак,
Г.И. Старцев, И.И. Шапоренко. 1963 г.*

колени, а рукава фуфайки вообще были по локоть. По совету каптенармуса я взял у него бывшую в употреблении робу, отрезал от фуфайки рукава и от ватных брюк штанины. За одну ночь вручную скомбинировал себе сносную по размерам одежду. Хотя она и была постоянным поводом для шуток остряков, но от холода я был защищен.

Второй проблемой был голод. Арестантской пайки явно не хватало, на тяжелой физической работе постоянно хотелось есть. Наше отделение работало на строительстве автодороги от нынешней Октябрьской площади вдоль озера Долгого до лагерного поселка «Зуб-Гора», а далее через Щучий ручей она шла к стройке медного завода. Строили трудно и долго. Техники — никакой, кроме тачки, лопаты и лома. Скальный грунт подвозили на бортовых машинах, выгружали его вручную, затем грузили на тачки и укладывали в полотно дороги. Однажды с разрешения охраны я спустился по своим делам к берегу озера и заметил, как в воде играет крупная рыба. Природная

страсть рыболова и голод заставили меня оглядеться вокруг себя. Я заметил кусок оборванного стального троса, расплел его, отрубил на камнях одну проволоку длиной метра полтора, на тех же камнях расплескал конец. Получился примитивный крючок. Нацепил на него какую-то бумажку вместо наживки и протянул самоделку под водой вдоль берега. И тут же почувствовал рывок. Я рванул на себя, и на берегу заплесала щука без малого метровой длины. Я повторил еще раз — результат тот же! Меня обуял азарт. Минут за 15 на берегу лежало около десятка щук. Тут меня окликнул бдительный конвойный, я собрал свой улов на эту же проволоку и, согнувшись под тяжестью неожиданного груза, полез по откосу на дорогу. Мы изжарили рыбу на углях костра. На следующий день бригада шла на работу, вооружившись самодельными крючками, солью, а позднее раздобыли даже казан. Пока озеро не покрылось льдом, мы имели значительное подспорье к лагерному обеду».

На многих объектах пришлось поработать Ивану Ивановичу с тачкой и лопатой, пока он не определился на работу по специальности. Сначала его взяли электриком в одно из лаготделений, а затем механиком участка на рудник открытых работ.

В Таганроге о судьбе Ивана Ивановича никто из родственников ничего не знал. Даже родной брат Н.И. Шапоренко, будучи работником политотдела в Дудинке, не подозревал, что его пропавший брат находится рядом за колючей проволокой. А Иван Иванович, чтобы не навредить брату, сделал все, чтобы тот не узнал о месте его пребывания до самого освобождения. В 1949 году, отбарабанив почти 12 лет за колючей проволокой, Шапоренко неожиданно был освобожден из-под стражи, ему вернули паспорт, партбилет, выплатили компенсацию и, как безвинно осужденному, дали комнату. Но радость оказалась преждевременной: через четыре месяца его снова арестовали. Тревожный сигнал подало его сердце: это был первый инфаркт. В 1964 году я навесил его пос-

ле второго инфаркта. Он тогда жил в коммунальной квартире на улице Севастопольской.

Так прошло еще долгих четыре лагерных года. И только в 1953 году после смерти Сталина его освободили, а в 1956 году полностью реабилитировали. Но он уже был тяжелобольным человеком. Жил один, развлекался охотой и рыбалкой, играл с соседом по коммуналке в шахматы.

Когда я пришел на шахту № 13 в 1958 году, И.И. Шапоренко уже работал заместителем начальника шахты и был одновременно неосвобожденным секретарем партбюро. Меня он встретил как земляка, ведь я когда-то окончил горный техникум в Ростове-на-Дону. Он вел со мной доверительные беседы, иногда мы играли в шахматы. Он был предельно честный, справедливый и абсолютно бескорыстный человек. Зарплату он тратил на книги и часть ее отсылал двум престарелым сестрам. Шахтеры относились к нему с уважением, но многие побаивались его пронзительно-го взгляда. Его любимым профилактическим действием было появление в понедельник в раскомандировке, где бригады получали наряд на смену. Острословы сложили о нем даже куплет:

В разнарядке утром рано
Стоит, выкатив глаза,
Двухметровый Два Ивана —
Чем закончится гроза?

Когда в 1962 году мне исполнилось 30 лет, Иван Иванович, как страстный охотник, предложил начальнику участка Г. Дьячкову купить мне на память вкладчину ружье. Этот необыкновенный по тем временам подарок с именной гравировкой хранится у меня и поныне как самая дорогая реликвия. Иван Иванович познакомил меня с Владимиром Николаевичем Лебединским, заместителем главного механика комбината. «Он ведет фотолетопись комбината. Постарайся сойтись с ним, ты узнаешь очень много полезного», — по-

советовал мне Шапоренко. В.Н. Лебединский отнесся ко мне благосклонно. Я попросил у него несколько снимков из истории комбината для шахтной стенной газеты. Владимир Николаевич пригласил меня к себе домой, вывалил на стол ворох фотографий и предложил мне выбрать нужные. «Это же ценный исторический материал!» — сказал я, озадаченный его щедростью. «Мой архив — неприкосновенный, а эти фотографии я берегу для любителей истории вроде вас, молодой человек. Не стесняйтесь...». И я выбрал несколько снимков о начале строительства города. К сожалению, у меня сохранилось только два — домик Н.Н. Урванцева и портрет первого начальника строительства Норильска В.З. Матвеева.

Прямой противоположностью Ивану Ивановичу, иногда взрывному по характеру, был начальник шахты Григорий Иванович Старцев — человек спокойный, выдержанный. Он умел говорить с людьми, не повышая тона, в форме совета или предложения. Но его мысль воспринималась всеми как приказ...

Друзей у И.И. Шапоренко в Норильске было немало, но они не смогли компенсировать тех утрат, которые он пережил в результате длительного пребывания в неволе. Мне кажется, он был всегда одинок, и в этом отношении его жизнь была немногим легче лагерной... Он умер от очередного сердечного приступа в 1975 году.

* * *

Николай Васильевич Борисёнок родился в 1925 году в крестьянской семье в Минской губернии, в городе Новоборисове. Николай был младшим в многодетной семье. Несмотря на почти полную неграмотность родителей, они стремились дать своим детям достойное образование и немало преуспели в этом. Старший брат Василий стал доктором филологических наук, президентом АН Белоруссии. Второй стал специалистом в горном деле и много лет трудился главным инженером на строительстве московского

метро. Третий брат закончил войну командиром подводной лодки в звании капитана 2 ранга. И только единственная сестра в силу независящих от нее обстоятельств не получила высшего образования, прожила всю жизнь в деревне, занималась крестьянским трудом. Судьба же самого Николая Васильевича сложилась, прямо скажем, драматически.

В 1941 году он окончил 8 классов. Сдал последний экзамен, помогал дома по хозяйству на каникулах. Но грянула война. А на шестой день Новоборисов был оккупирован врагом. В школе Николай проявил способности к языку и сносно изъяснялся по-немецки. Через несколько дней его вызвали в комендатуру и заявили, что им стали известны его успехи в овладении немецким языком. Комендант пригласил его на беседу. Его попросили рассказать о своей семье. В семье на тот момент при родителях оставался только Николай, разговор был коротким и вполне устроил коменданта. Приказом Николая назначили переводчиком издаваемых комендатурой распоряжений и воззваний для населения. За три года такой работы

Слева направо: парторг Е. Миккульский, главный инженер Л. Баркунов, начальник планового отдела Н. Борисёнок. СУ «Талнахрудстрой»

он серьезно продвинулся в знании немецкого языка. Но после освобождения Белоруссии нашими войсками Николая привлекли за сотрудничество с оккупантами к уголовной ответственности, приговорили к длительному сроку заключения. Так он попал в Норильск: с 1944 по 1956 год был з/к. После освобождения остался в Заполярье. Хотя за ним не числилось никаких преступлений, сам факт сотрудничества создавал стену отчуждения между ним и его земляками. Даже родные братья, кроме капитана-подводника, с презрением отнеслись к его поведению во время оккупации и прекратили с ним всяческое общение. Моряк не согласился с ними. «Пока не услышу от самого Николая всей правды, никогда не поверю, что он враг своему народу», — заявил он родственникам.

Выйдя из лагеря, Борисёнок первым делом определился с работой, соорудил себе примитивное жилье (балок) и пошел оформляться в девятый класс школы рабочей молодежи. Ему шел тридцать первый год. Окончил школу, горный техникум, поступил в институт. К этому времени он уже обрел семью: женился на работнице проектного института Идее Яковлевне. У нее был маленький сын от первого брака. Николай Васильевич усыновил его, а в 1958 году в семье родилась дочь Наташа.

Меня с ним свела судьба в 1969 году, когда я перешел на работу в СУ «Талнахрудстрой». Н.В. Борисёнок был в этом управлении не просто начальником планового отдела, а поистине дирижером производственного процесса. Он был лучшим советчиком и консультантом М.С. Кравца, начальника производственного отдела А.И. Семенова, с ним советовались кадровики, ОТиЗовцы и конечно же все без исключения начальники участков. Всю «экономику» стройуправления Борисёнок держал в голове. Авторитет его слова был незыблем. Он всем помогал по мере своих сил и их восприимчивости. Николай Васильевич был экономистом от бога. Он знал добрую половину полуторатысячного коллектива поименно, от на-

чальника до кадрового рабочего, и мог дать честную и объективную характеристику каждому мастеру и бригадиру. Советовал руководству (после расчетов), какую бригаду перебросить на более сложный объект, чтобы работа шла в повышенном темпе, не в ущерб качеству. Не случайно его ежегодно вызывали из Норильска в Москву — в министерство для разработки плана строительства по Главникелькобальту. Лучше его сделать такую огромную работу мало кто мог. Пользуясь таким авторитетом и известностью в министерстве и комбинате, Николай Васильевич оставался нереабилитированным. Следовательно, он никогда не отмечался государственными наградами.

Однажды я был свидетелем разговора о его персоне между одним из руководителей главка и работником аппарата ЦК КПСС. Разговор происходил в непринужденной форме в одной из кремлевских больниц, куда недуги свели в одну палату этих собеседников. Работник главка рассказал о судьбе Борисёнка и поинтересовался о возможности его реабилитации. Работник ЦК так размышлял:

— Нет сомнения, что он может быть реабилитирован. Во-первых, он был привлечен к сотрудничеству по принуждению, во-вторых, он был на тот момент несовершеннолетний, в-третьих, он не совершил, сотрудничая с врагом, никаких тяжких преступлений, не брал в руки оружия врага, не проявлял инициативы в принуждении народа покоряться оккупантам. Такой человек подлежит реабилитации. Подскажите ему, пусть готовит документы. И он назвал отдел ЦК КПСС, занимавшийся подобными вопросами.

Это было в 1976 году. Вернувшись из отпуска, я первым делом обратился к Николаю Васильевичу с вопросом: подавал ли он прошение о реабилитации? Борисёнок очень удивился вопросу и в свою очередь спросил, с чего это я вдруг заговорил об этом. И тогда я пересказал слышанный мною разговор.

— У меня нет ни малейшего желания затевать эту бодягу. Будет прок или нет, а снова переживать

все это не хочу. Не хочу! — произнес он с расстановкой. — Я себя не считаю виноватым, и сознания своей правоты мне достаточно, чтобы спокойно дожить свою жизнь.

Норильск Николай Васильевич и его жена Идея Яковлевна покинули в 1985 году, они поселились в Тарусе. Там он много лет работал на строительстве Института космических исследований. Мы с женой часто приезжали к ним, продолжалась норильская дружба... Последние два года жизни Николай Васильевич с постели не вставал — отказывали ноги. В июне 2005 года неожиданно умерла Идея Яковлевна, а через неделю скончался и сам Николай Васильевич. До своего восьмидесятилетия он не дожил пять месяцев.

На их похороны пришла вся норильская община Тарусы, приехали и повзрослевшие бойцы стройотряда, бауманцы, которые неоднократно навещали их при жизни, бывшие сотрудники из других городов области.

Их дети, Константин и Наташа, живут и работают в Москве, а младшая Ольга по-прежнему живет в Норильске. Я уверен: они гордятся родителями и всегда будут их вспоминать с благодарностью.

* * *

Я случайно узнал, что у Петра Николаевича Красюкова была лагерная кличка Сергей. Почему? Спросить об этом постеснялся. В Норильск он попал в 1947 году по указу за мелкие хищения, но на длительный срок. Таких было много, потому что голод, как известно, не тетка. Сидели за колоски, за украденную булку. Я как-то, смущаясь, спросил Петра Николаевича, зачем он воровал. А он отшутился: «Очень хотелось кушать...» Можно было только догадываться, сколько пришлось пережить этому достойному человеку: я тогда уже знал его как добросовестного и честного.

Отец Петра был военным политработником — начальником политотдела мотострелковой дивизии.

После осуждения он публично отказался от сына. Судя по тому что после освобождения Петр навещал мать, проживавшую в Воронеже, можно было сделать заключение, что отца там не было. Хотя мне доподлинно было известно и то, что он был жив и здоров. Петр не простил его.

Освободился Петр Николаевич по амнистии К.Е. Ворошилова в 1953 году, но остался работать на комбинате, поставив себе нелегкую задачу — вернуться домой состоявшимся человеком. Работал слесарем-сантехником в Водоканале и одновременно пошел в школу рабочей молодежи: «наверстывать упущенное», как выражался он сам. Из лагеря вышел без специальности и с пятью законченными классами. Дальше учиться помешали фашистская оккупация, послевоенные голодные годы, необходимость помогать матери, а потом и лагерь на долгие годы. Меня всегда удивляла его напористость в достижении своей цели. В 1958 году он окончил десять классов с серебряной медалью и сразу поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт. Когда мы подружились семьями, Петр Николаевич Красюков рассказал мне, что в лагере сначала был на земляных работах. Рыли в вечной мерзлоте котлованы под цехи будущих заводов. Норма выработки была очень высокой, мерзлота поддавалась с трудом, но строительные бригады уже наработали большой опыт, как бороться с мерзлотой и перевыполнять норму. Ведь с этим связаны и зачеты к сроку отсидки, и несколько улучшенное питание.

«По команде бригадира в конце рабочего дня мы собирали в округе всякий хлам и мусор, способный гореть, раскладывали его толстым слоем по днищу котлована, поджигали его, а на ночь оставляли дежурных, чтобы следили за процессом горения, а сами уходили на отдых. Утром разгребали золу, снимали оттаявший слой грунта, который и обеспечивал нам перевыполнение нормы на десять процентов и более.

Так проработал я больше года, а затем случайно попал по разнарядке на продовольственную базу

Норильскснаба. Продержался я там почти до своего освобождения. Работать на продбазе у заключенных считалось очень престижным, и держался я за эту работу изо всех сил, стараясь не уронить себя в глазах руководителей базы каким-нибудь опрометчивым шагом. Сердобольные кладовщики почти ежедневно подбрасывали нам что-нибудь съестное, а сами мы не допускали и мысли, чтобы отщипнуть тайком даже простой сухарь. Кара за самовольство настигала немедленно и жестоко. Нарушитель изгонялся сразу и навсегда. Помню, однажды мы попали в помещение склада, где хранились осетровые балыки. Там царил опьяняющий запах. «Что, — спросил я кладовщика, — так вкусно пахнет?» «Копченый осетр. Никогда не пробовал?» — спросил он. Я отрицательно покачал головой. Тогда он подошел к висевшей большой рыбине, от которой уже была отрезана от хвоста добрая половина, взял нож и тоненькими пластинками отрезал пять ломтиков балыка янтарного цвета. «Попробуйте», — протянул он нам невиданное лакомство. Ничего подобного мне пробовать не приходилось».

В книге второй издания «О времени, о Норильске, о себе...» А.Л. Львов рассказал, каким дефицитом в Норильске были электрические лампочки. Красюков подтвердил это своим примером.

— В Снабе мы обзавелись знакомыми, и через них иногда удавалось раздобыть пару лампочек. Одну я сдавал нарядчику, а тот мне за это предоставлял три дня «канту», то есть три дня отгула, при этом проставлял мне рабочие дни с перевыполнением нормы выработки. Вот какой высокой была цена лампочки.

Проблему жилья Петр решил, как и большинство освободившихся заключенных. Пожив несколько месяцев в барачном общежитии, он построил себе собственное жилье из всяких отходов и случайных обрезков, утеплил стены опилками и строительным мусором, но зато кровлю выполнил из дефицитной оцинкованной кровельной стали, которую раздобыл на складе взрывчатых материалов. Электродетонато-

ры поступали на склад в шикарных оцинкованных ящиках, которые после использования попросту выбрасывались. В развернутом виде такой ящик представлял собой лист площадью более 0,5 кв. метра. На свалке подобрал приличную металлическую односпальную кровать. Вставил единственное окошко 0,6×0,3 метра. С наступлением холодов понял, что надо пристраивать тамбур, иначе тепло в балке не удержать. Так он жил несколько лет, пока не обзавелся семьей и не получил комнату в коммуналке. Он учился в институте и уверенно продвигался по службе. Уже после третьего курса стал мастером, а через два года возглавил район Водоканала в поселке Кайеркан. Здесь он получил отдельную квартиру. В 1968 году Петр Николаевич Красюков с семьей покинул Норильск — уехал на родину.

* * *

Сергею Ануфриевичу Бузаку в 1941 году предстояло идти служить в Красную Армию. Ему шел 21-й год — в ту пору призывной возраст. Но неожиданно грянула война, и в первые же дни их район под Брестом в Белоруссии оказался под немцами. Какими судьбами Бузак оказался на службе у оккупантов, неизвестно, только он стал одним из вождей белорусского «Гитлерюгенда». И завертелась его жизнь, как вода в омуте во время вешнего паводка. Только попадали в его сети в основном те, кто не хотел воевать в партизанских отрядах. Сергей разъезжал по всей Белоруссии, выезжал и в Берлин. И всегда один, без охраны и даже без личного оружия. Имея такой чин и власть, он ни разу не подвергся нападению со стороны партизан. После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 года Бузак получил полагающийся по его чину срок и был отправлен в Норильлаг. Работал на строительстве города. После освобождения поступил на курсы мастеров-строителей, обзавелся семьей и остался в Норильске.

Я встретился с ним впервые в 1965 году. В 1966-м меня избрали неосвобожденным секретарем партбюро строительного управления «Горстрой». Во время праздничного первомайского застолья наши места оказались рядом. У нас завязался непринужденный разговор о том о сем... И вот что он рассказал о военном времени:

— Да, я часто ездил в Берлин по служебным делам. По возвращении всегда составлял отчет о поездке, представлял инструкции и указания для дальнейшей работы и передавал в отдел по работе с молодежью оккупированных областей. В июне 1944 года, когда я возвратился из очередной поездки в Берлин, на моем отчете чиновник очень аккуратно написал заключение: «Не заслуживает доверия». Переводчик успел прочитать его до того, как чиновник поторопился убрать отчет в стол. Он и рассказал мне об этом под большим секретом. Я знал, что немцы не держат у себя людей, которым не доверяют. Где-то произошла утечка информации о моих связях с партизанами. Я действительно передавал в партизанский отряд интересные их сведения. Ко мне приходили городские жители, всякий раз разные, под видом

С.А. Бузак (слева) и А.Г. Колчак. 1973 г.

просителей, но знавшие пароль. Так осуществлялась связь. Во время командировки по западной Белоруссии я скрылся. В июле Минск был освобожден, и я сдался нашим военным. Там началось следствие. Доказать связь с партизанами я не мог: командир партизанского отряда, с которым я держал связь, загремел на Соловки. Мне об этом сказал следователь. Я ему не поверил, хотя понял, что и командиру, как и мне, трудно доказать связь с партизанами. Так я и мытарился здесь двенадцать лет. Хотя меня и освободили, но судимость не сняли и не реабилитировали.

В работе Бузак был надежным. Худощавый по комплекции, быстрый, даже резкий в движении, он представлял собой сгусток энергии, которой не обладали и несколько человек, вместе взятых. Он успевал обойти все квартиры дома, подлежащего сдаче в эксплуатацию, вовремя дать заявки на материалы, кого-то похвалить, кого-то обругать, провести пятиминутку с мастерами, уладить конфликт между малярами, не поделившими квартиры под отделку. И так с утра до позднего вечера. Его рабочий день редко когда длился менее 11–12 часов. Работу он знал, любил и работал на совесть.

Сергей Ануфриевич Бузак сгорел на работе. В редкие дни затишья однажды он выбрался с друзьями на рыбалку. После удачной ловли его лодка причалила к крутому берегу на Вальке. Сергей с канистрами в руках стал подниматься по ступенькам вверх. Никто и не заметил, как он, охнув, медленно осел на лестнице. Когда к нему подбежали товарищи, пульса уже не было. Хоронили его всем коллективом, пришли проститься даже заказчики из управления торговли, которым отделывали магазины «Сервис» и «Мальчиш-Кибальчиш». Но руководства стройуправления на похоронах почему-то не было.

* * *

С конца 50-х и до полного закрытия угольных шахт Василий Атаманюк работал художником-

оформителем на шахте «Восточная». Секретарем партийного бюро здесь в ту пору был И.И. Шапоренко. Он боготворил Василия за его талант и исполнительность. В мою бытность был на шахте еще один художник — Павел Краснояров. Шапоренко его ценил, но тот не выдержал натиска характера Ивана Ивановича и ушел на другое предприятие. Больше месяца никто здесь не задерживался по причине большой склонности к употреблению крепких напитков. А вот Атаманюк пришелся, что называется, ко двору. Василий был крепким присадистым мужиком из прикарпатских крестьян. В плечах он был шире самых высоких мужчин на шахте.

— Вась, брось ты эти кисточки, пойдем с нами в лаву, втрое больше будешь зарабатывать, — подтрунивали над ним шахтеры.

Василия любили все. Мужик он был общительный, мягкий по характеру и безотказный. Шахтеры обращались к нему с просьбой оформить для своих школьников стенд или стенгазету. Отказа никому не было. С Василием я сошелся довольно близко, когда был избран председателем шахтного профсоюзного комитета в 1963 году. Совместная работа по оформлению наглядной агитации, праздничных колонн сделала нас приятелями. Вот тогда-то я осторожно и любопытствовал о путях его миграции в популярный город. Василий добродушно хохотнул и без лишних церемоний рассказал свою историю.

— Я еще в школе увлекался рисованием. Начал цветными карандашами. Красок не было, купить их было не на что. В свободное время выходил за село на этюды. Летом, во время каникул, ходил почти ежедневно. Однажды увлекся и вздрогнул от голоса:

— Добрый день, хлопче.

Передо мной стоял лейтенант милиции, опираясь локтем на седло велосипеда. Это был наш участковый.

— Покажи, что рисуешь. Здорово! Учился где-нибудь?

— Нет, сам по себе увлекаюсь.

Он похвалил меня, сел на велосипед и покатил дальше. С тех пор он при встрече обязательно слезал с велосипеда и подавал мне руку. Меня это смущало. Знакомство с милицией в ту пору на Западной Украине было делом рискованным, настораживало людей. Однажды ночью к нам постучали. Это был участковый: попросил меня выйти. Лейтенант за руку поздоровался со мной. За его спиной маячили две фигуры с автоматами на груди.

— Не бойся, это дружинники, — успокоил он меня, достал из полевой сумки чистый лист бумаги, осветил его карманным фонариком и показал мне. Внизу стояла гербовая печать. — Сможешь срисовать?

— Не знаю, никогда не приходилось такое рисовать.

— У тебя все получится. За день сделаешь?

— Обещать на сто процентов не могу.

— Ладно, бери лист и работай. Сроку тебе два дня, больше дать не могу, дело срочное. И никому ни слова, даже матери. Сделай штук десять оттисков, нет, лучше двенадцать, а я через пару дней забегу.

— Ой, Васыль, нэ робы, цэ злэ дило! — сказала мать.

— Так вин же власть!

Через два дня участковый снова появился. Похвалил мою работу и достал из нагрудного кармана две двадцатипятирублевые купюры. Вскочил на велосипед и уехал. Долго не появлялся он после этого. Но весной, мы к экзаменам готовились, он заглянул в класс и попросил учителя выслать меня в коридор. Меня вызывали в милицию. Он завел меня в кабинет, за столом сидел майор и что-то писал. Увидев меня, он вынул лист с текстом и печатью внизу:

— Твоя работа?

Я пригляделся: печать была та, что просил перерисовать участковый.

— Кому ты давал эти листки?

— Товарищу лейтенанту, участковому нашему.

Майор посмотрел на участкового.

— Да, товарищ майор, я просил его сделать несколько оттисков, чтобы удостовериться в своих познаниях. Вот они у меня, все десять экземпляров.

— Так я сделал двенадцать!

— Ты знаешь, что с этой бумагой в Яворове мы задержали матерого бандита. Как к нему могла попасть бумага с твоей печатью?

— Этого я не знаю. Все листы я отдал вот ему, как он и просил.

— Ладно, разберемся, — майор вызвал дежурного, — в камеру его.

И меня увели. Больше ни майора, ни лейтенанта я не видел. На следующий день меня отправили во Львов, а через неделю объявили, что я приговорен судом военного трибунала к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Вот так я и оказался через пару месяцев в Норильске. В 1956 году мне наконец разрешили выезд, но я решил ждать реабилитацию. А когда реабилитировали, у меня уже появилась семья. Сегодня у меня двое детей.

— Домой ездил? — спросил я.

— Пока нет, но собираюсь. В этом году заканчиваю учебу у Н.П. Лоя, хоть какой-то будет документ о специальности. Тогда и подумаем с женой об отпуске.

В 1965 году я окончил институт и перешел работать в СУ «Горстрой». Я на некоторое время потерял Василия из виду. Но в 1968 году мы всей семьей ездили в Трускавец и на вокзале во Львове неожиданно встретили семью Василия. Оба обрадовались встрече. Он пригласил нас к себе, но у нас вечером был вылет в Ростов-на-Дону. Оказалось, Василий Атаманюк покинул Норильск навсегда.

...В начале 70-х годов мы с женой зашли провести Шапоренко, он приболел и отлеживался дома. На стене я увидел удачную копию картины А.Д. Кившенко «По тетеревиным выводкам» на охотничью тему.

— Откуда это у вас, Иван Иванович?

— Вася Атаманюк оставил мне о себе память. Написал после окончания студии Николая Павловича Лоя. Хороша? Мог бы стать большим художником, не сломай ему жизнь наша власть...

* * *

В родословной моей семьи отразилась история Российской империи и Советского Союза. Я ее восстановил с начала XIX века. Вычертил ее и раздал родным: каждый должен увидеть в ней свое место и каждый должен передать родословную детям, внукам, правнукам...

*К Герасиму Бекировичу
в с. Крыловку приехал сын
Анатолий. 1954 г.*

Вспоминаю, каким чудом в 1948 году меня приняли в комсомол, утаил я, что отец репрессирован. В 1952 году поехал к нему в Томскую область в село Крыловку. Очень скоро в его полуземлянку чекист пожаловал: кто приехал к ссыльному? Забрал мой паспорт и комсомольский билет. Отец разволновался, две ночи не спал, пока снова к нам не явился чекист. Вернул документы, доложил, что их проверил: звонил на шахту, где я после техникума работал. Я испугался: «Вы сказали им, что я к ссыльному отцу приехал?» «Нет, что вы, мы аккуратная

служба», — ответил он. Только тогда отец успокоился. Хотя он, гражданин Турции, хлебнул лиха в нашей стране, но всегда говорил, что в Турции он бы совсем пропал. Он на себе понял правдивость русской пословицы: свет не без добрых людей.

Я помню, как в Норильске на проспекте Сталина мы строили дом — 200 часов отработали, чтобы нашему товарищу молодожену Леше Залевскому там без очереди дали квартиру. После XX съезда партии проспект переименовали в Ленинский. Мы как-то молча это приняли: обсуждать не привыкли. Помню и новочеркасские события, когда поднялись цены на мясо. Шапоренко мне предложил осудить демонстрантов на местном телевидении. Отказался категорически: уж

Прокуратура Российской Федерации

ПРОКУРАТУРА

Краснодарского края
350016, г. Краснодар, ул. Советская, 39
ИНН 2309043252
л/сч. (34)5000530 УФК МФ РФ
по Краснодарскому краю
Тел. 68-35-30. Факс 69-62-65

11.09.03 № 13-410-02

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Колчак Анатолий Герасимович
(фамилия, имя, отчество)
родился (лась) 21 декабря 1932 года в селе Красном
(дата и место рождения)
Кушевского района Краснодарского края
Согласно свидетельству о рождении, выданному Кушевским
(документ подтверждающий родство)
районным ЗАГСом 22 декабря 1932 года
является сыном
г-на (ны) Колчака Герасима Бекировича
(фамилия, имя, отчество)
1888 года рождения
(г.р., и.о.г. год рождения)
репрессированного (ой) 24 сентября 1949г. решением Особого Совещания
при МГБ СССР по политическим мотивам без ссылки на закон, подвергнут
репрессии в виде высылки из пределов края без определенного срока
на опещовление (возраст, место ссылки, срок ссылки)
реабилитированного (ой) 27 февраля 1956 года Верховным Судом РСФСР
В соответствии с ч.2 ст. 1-1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв
политических репрессий»
Колчак Анатолий Герасимович
(фамилия, имя, отчество заявителя)
как оставшийся (аяся) в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца
(фамилия, имя, отчество)
необоснованно репрессированного (ой) по политическим мотивам, признан (а)
подвергшимся (ейся) политической репрессии и реабилитирован (а).
Прокурор края В.Г.Ульянов
государственный советник Б.А.Гончаров
квалификации 2 класса
Копия верна:
старший помощник прокурора края
старший советник юстиции

Справка о реабилитации

лучше молчали бы... Мы тогда толком ничего не знали ни о чем, но тут нутром чуяли правду рабочих... А ее надо знать. Правду истории царской России, Советского Союза надо изучать по документам, по свидетельствам очевидцев, участников, живших в XIX—XX веках. Вот и мы, авторы издания «О времени, о Норильске, о себе...», коллективно пишем историю Норильска, Дудинки, горно-металлургического комбината.

Арте́м Андре́евич Бобров. 1960 г.

Артем Бобров:

*«...и мягко так посылает при-
шельца из органов матом — не
понимает в нашем деле ниче-
го, так помолчи».*

Арте́м Андре́евич Бобров

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Артем Андреевич Бобров родился «на заре советской власти», помнит коллективизацию и НЭП, на собственном опыте испытал карающую руку сталинских репрессий. Сидел в лагерях. Будучи заключенным, строил Норильск. Вложил немало знаний, сил и здоровья в рождение Заполярного горно-металлургического комбината и после реабилитации.

В 1990 году Артем Андреевич перебрался на Озеро Белое, где еще сравнительно недавно замечательный санаторий с таким же названием принадлежал «Норильскому никелю». Большинство жителей поселка — норильчане, они строили санаторий, многие в нем работали. Северяне прочно обустроились в живописном месте, красоту которого они особенно ценят после многолетней жизни в суровом Заполярье. В мае 2003-го А.А. Бобров побывал в Норильске на юбилее управления строительства, которое возглавлял. В конце этого же года «Заполярный вестник» начал публикацию воспоминаний Артема Андреевича, их помогла ему литературно обработать Раиса Петровна Смолова, долгие годы возглавлявшая Норильское телевидение.

В канун 2010 года Артем Андреевич скончался. Он прожил 89 лет. Это была трудная и все же счастливая жизнь — он состоялся как Личность, как профессионал, он дал жизнь двум детям. Его не сломили ни тяжкие лагерные, ни другие житейские испытания. Он оставил добрый след в истории Норильского комбината своим самоотверженным трудом и добрую память о себе у людей, которые с ним работали, дружили, общались.

* * *

Родом я из Белоруссии. Родители поженились в 1918 году, а спустя два года в деревне Огороднегомельской Гомельской области появился на свет я. После меня в семье родились еще пятеро детей, и это обстоятельство во многом определило уклад нашей жизни.

Деревня, несмотря на географическую принадлежность Белоруссии, была населена русскими староверами. Когда много веков назад начались притеснения на религиозной почве, они бежали из Брянской губернии. Основная масса двинулась в сторону Литвы, кто-то ушел на юг, на восток, а часть староверов осела в Белоруссии. Деревня Огороднегомельская насчитывала 800 домов с населением пять тысяч человек. Люди эти были достаточно грамотными, что позволяло почти всем им заниматься разными ремеслами. Были в деревне и кузнецы, и плотники, и каменщики. Правда, земледельцев было мало, поскольку переселенцам удалось выкупить всего 600 десятин пахотной земли, что для такой массы народа почти ничего. И все же девять семей имели по тяглу поля — это 12 десятин пахотной земли с приусадебным участком и садом.

На садовом участке у нашего дома росло 120 фруктовых деревьев. Помню, в 1928 году выдался большой урожай яблок. Отец загрузил и отправил в Ленинград два вагона этих яблок, получил большую выручку. Доход с приусадебного участка и потом помогал поддерживать нашу большую семью и хозяйство в целом. В неурожайные годы отец в составе артели от Пасхи до Рождества ездил в большие города на сезонные строительные работы.

Мать у меня была портниха высокого класса, шила только состоятельным людям — подвенечные платья, наряды для торжественных случаев и парадных выходов. Дело это было хоть и трудное, но поддержку семья получала ощутимую.

В феврале 1930 года, когда мне было десять лет, в наших краях начались коллективизация, раскулачивание и аресты. Отец хоть и попал в так называемые

подкулачники, все равно был арестован и осужден «тройкой» на три года. Конь, корова и свинья — не такое уж это богатство, которое тянуло на раскулачивание, и, я думаю, основанием для ареста послужила случившаяся как на грех в ту пору ссора отца с председателем сельсовета белорусом Черкизовым. Причины той ссоры не помню, а вот, как все мы мал мала меньше остались одни, знаю. Отца отправили на три года на строительство Беломорско-Балтийского канала. Освободился он досрочно и вскоре уехал на заработки в Москву.

...В деревне у нас помимо двух церквей была большая школа. Здесь я и получил неполное среднее образование в объеме семи классов. Сразу встал вопрос — что дальше? Предлагали устроиться счетоводом или бухгалтером в колхоз. Но какой из пацана работник? Я решил: поеду в Гомель продолжать учебу. Мать со мной согласилась, и в сентябре 1935 года мы отправились в Гомель для поступления в среднюю школу. Здесь уже учились несколько ребят из нашей деревни, и, казалось, никаких проблем со мной не будет. Однако директор Дзиволовский сказал нам, что школа переполнена и шансов быть принятым у меня нет. Родственник, у которого мы остановились, поразмыслив, дал совет: продать корову, директору — взятку, и дело с концом. Но я-то знал, что такое корова для большой семьи (живность мы только-только купили на деньги, присланные отцом), и наотрез отказался.

Проводил мать, а сам остался в Гомеле с желанием продолжить учебу. И вот 1 сентября, когда начались занятия, самовольно пришел в школу и сел за парту. Невероятно, но все три года, вплоть до получения аттестата, никто никаких документов у меня не требовал.

Подошел 1938 год. И вновь передо мной встал вопрос: что дальше? Заручившись согласием матери на финансовую поддержку, я подался в Москву. Здесь успешно сдал экзамены и был зачислен с правом

получения стипендии в институт инженеров железнодорожного транспорта на путейский факультет. Правда, спустя два года я встал перед проблемой, на что жить, поскольку в 1940 году вышел известный документ о снятии студентов со стипендии и введении платы за учебу. Стипендия сохранялась за теми студентами, которые не имели троек или принадлежали к определенным слоям населения. От оплаты учебы освобождались, например, дети колхозников. Мне пришлось срочно вернуться в деревню и заручиться справкой, благо к тому времени отец, будучи уже не в силах работать на стройке в Москве, вернулся домой и вступил в колхоз.

В 1941 году я, поскольку хорошо учился, по решению ученого совета получил звание Сталинского стипендиата.

На стипендию 500 рублей в месяц жил безбедно, не надо было по ночам разгружать вагоны, как это делали другие ребята. До окончания института оставалось рукой подать. Я уже подготовил дипломную работу и сдал ее на кафедру, мне как Сталинскому стипендиату давали возможность защититься первым — 23 апреля 1943 года.

До дня защиты оставался месяц, но тогда доучиться мне было не суждено. 16 марта 1943 года меня увезли на Лубянку прямо из общежития. Там — мне это было известно — уже находились арестованные ранее три моих сокурсника. Всех нас обвиняли в антисоветской агитации среди студентов института инженеров железнодорожного транспорта.

Спустя два месяца, 15 мая, Военный трибунал Москвы (на Каланчевке) присудил по 10 лет ИТЛ каждому из нас и 5 лет поражения в правах по ст. 58 — 10/П. Было мне в ту пору 22 года.

Как сложилась судьба тех ребят, не знаю. Меня оставили в Москве, где я, будучи заключенным, трудился прорабом вплоть до августа 1948 года. Примечателен тот факт, что на объектах НИИ-6 в Нижних Котлах — это район Южного порта — работали под

неусыпным надзором конвоя исключительно одни заключенные — 150 человек. Я у них был и начальник, и производитель строительно-монтажных работ. А объекты-то были секретные: институт занимался проблемами, связанными с топливом для ракет. Помню, как испытывались заряды. На одной стороне оврага устанавливался заряд, другая служила отражателем взрывной волны, сила которой определялась при помощи специальных приборов. Бетонные стены вдоль движения волны спасали этот опытный полигон от разрушений, а верхнее пластинчатое металлическое перекрытие глушило звук и препятствовало распространению звуковых волн. Так что никто, кроме посвященных, не знал, что делается на дне оврага.

По сей день помню чувство тревоги, которое в те годы не покидало меня ни днем ни ночью. В самом факте нахождения в лагере в Москве и работы на сверхсекретных объектах мне виделась какая-то ловушка. Еще в пору пребывания в Бутырке пораживали вызовы куда-то «наверх». И хотя прямых вопросов не задавали, понял, что в Москве меня не зря оставили. В моем лице следственные органы видели лидера какой-то группы по «антисоветской агитации» среди студентов других вузов. Им казалось, что я наверняка связан с другими подобными группами. Похоже, оставили меня в Москве для дальнейшего изучения этого дела. Иначе зачем вместо обычных охранников тогдашнего НКВД за мной следили люди из службы госбезопасности.

Вот какие мысли меня посещали. Приходилось постоянно быть начеку. И когда однажды мне предложили расконвоирование (обычно из лагеря до объекта добирался в сопровождении двух конвойных), я наотрез отказался. Боялся провокации и вел себя крайне осторожно — понимал: если ни за что арестовали, то и убрать могут без всяких причин.

Работая на очень засекреченных объектах, я не мог не осознавать: тайна должна быть похоронена вместе с окончанием работ. А значит, и свидетелей

не должно быть. После НИИ-6 меня перебросили на строительство лаборатории академика Фрумкина (это напротив Нескучного сада по Ленинскому проспекту)... Сегодня, по прошествии многих лет, я называю все своими именами, но тогда сильно опасался за свою жизнь и конечно же ходил по лезвию ножа...

Перипетии этого периода закончились в августе 1948 года, когда прямо на строительный объект въехал воронок и меня увезли в Матросскую тишину. Там, если можно так сказать, объяснили, что я, будучи осужден по 58-й статье, в Москве содержаться не должен и буду отправлен по этапу. Так и произошло. В сентябре я уже был на пересыльном пункте в Красноярске. Здесь формировали этап на Норильск. Подбирали людей в так называемый Государственный особорежимный лагерь — Горлаг. Формировали в группы не просто заключенных, а только таких, как я, осужденных по 58-й статье. Похоже, что народ собирали из лагерей всего Союза. И делалось это с двойной целью: сосредоточить в Норильске специалистов разных профилей и такого высокого класса, чтобы впоследствии в кратчайшие сроки в невероятно тяжелых условиях севера спроектировать и построить гигант горно-металлургической промышленности и по возможности истребить, в том числе путем естественной смерти, потенциальных врагов советской власти.

Этот факт осознал я, конечно, значительно позже. А тогда, холодной осенью, баржа тянула нас по Енисею на север, и я слышал разговоры бывалых людей о том, что, похоже, везут нас в сторону Диксона и там баржу затопят. Оснований так думать было недостаточно.

Держали нас в трюмах в скотских условиях.

Через три недели баржа прибыла в Дудинку. Построились в колонны и по команде конвоя побежали к видневшимся впереди сараям. По-другому эти сооружения и не назовешь. Предназначались сараи для хранения металлопродукции. Длинные и про-

дуваемые, слепленные кое-как из досок, они были плохим укрытием от ветра и холода. В центре сарая стояла металлическая бочка с выведенной в кровлю трубой. Раскаленная докрасна, она мало спасала от наступивших морозов. На дворе стоял октябрь, это уже настоящая зима, а на мне, кроме единственного пиджака, снятого с румынского пленного, ничего не было.

Правда, когда мы в конце концов дождались теплушек и нас пригнали на станцию, мне дали телогрейку. Вижу ее, как сейчас: пола выгорела, одного рукава нет, но все же это было спасением. В телогрейке можно было как-то противостоять морозам.

* * *

В Норильске высадили нас где-то в районе Нулевого пикета. Был вечер, темно. Как только вышли из вагона, прозвучала команда: «Ложись». Лежим, пока все вышли. Кругом лают собаки, ВОХР стоит и щелкает ружьями, потому что привезли самых отпетых врагов. Это был, как я уже говорил, 1948 год — начало очередной волны репрессий в стране, и судимые по политическим статьям прибывали в Норильск постоянно.

Наконец подняли нас с земли и в сопровождении собак погнали бегом в лагерь. В конце нынешней улицы Нансена были построены двухэтажные кирпичные дома, пять-шесть. Их оградил и организовали лагерь. Туда, собственно, нас и пригнали. Помню эти дома с печками-буржуйками. Тепло. Я увидел нары и бросился на второй этаж, чтобы отогреться. Замерз так, что, казалось, уже не выживу. И только согрелся, вижу: идет по проходу капитан, ранее знакомый мне как майор Тимофеев. Этот майор был свояком майора Колоскова, начальника ИТЛ в Москве.

Тимофеев же был начальником лагеря, где я отбывал срок. Оба знали меня хорошо, поскольку тому и другому мне приходилось оказывать кое-какие строительные услуги, да и биография моя им была

известна. Иногда эти начальники оставляли меня присматривать за всем лагпунктом, поскольку был я там старшим. Словом, могли на меня положиться.

Тимофеев меня увидел: «О, гражданин Бобров! А мы вас поджидали». Оказывается, они знали, что меня должны были этапировать в Горлаг. Откуда знали — никто мне не сказал. Но, полагаю, это было связано вот с чем. Еще в пору моей работы на объектах НИИ-6 в Москве в 1946 году как-то подходит ко мне упомянутый Колосков и заводит разговор: мол, идет вокруг тебя какая-то возня. В чем дело, не сказал, хотя наверняка знал, что для меня это архиважно.

Подробности этой загадочной истории в полном объеме раскрылись спустя много лет, а точнее, в 1954 году, когда я стал интересоваться своим делом. Вот тогда Министерство безопасности по Российской Федерации и управление по Москве и Московской области выдало справку, в которой было сказано буквально следующее: «31 мая 1946 года Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела уголовное дело по обвинению Боброва А.А. и своим определением снизила ему срок наказания на пять лет».

Получалось, что освободить меня должны были еще в Москве в марте 1948 года. А если учесть, что

С П Р А В К А:

Дана настоящая гр-ну БОБРОВУ Артему Андреевичу, в том, что он по определению Верховного Суда СССР от 31 мая 1946 г. с учетом зачетов рабочих дней, должен был освободиться по окончании срока наказания 21 июня 1947 года.

Справка выдана для пред"явления в отдел кадров по месту работы.

9 апреля 1955 г.

Зримин

/МАРАКУЛИН/

пока я работал на особо важных строительных объектах, шли зачеты (подтверждение тому я нашел уже после освобождения), желанная свобода должна была наступить еще в июне 1947 года. Но этого не случилось. В справке говорится так: «Однако данное определение (снижение срока наказания. — *Ред.*) исполнено не было. И Бобров А.А. продолжал находиться в местах лишения свободы (имеется в виду его пребывание в Норильске. — *Ред.*), где был повторно осужден 10 мая 1949 года Спецлагсудом Норильлага НКВД по ст. 110, часть II на два года лишения свободы с присоединением к неотбытому сроку по приговору 14–15 мая 1943 года, всего пять лет». Иными словами, срок моего освобождения отодвигался, и освобожден я был с зачетом рабочих дней лишь в феврале 1953 года, накануне смерти Сталина и восстания в лагерях.

О причине, по которой мне уже в Норильске припаяли еще два года заключения, скажу отдельно. А сейчас вернемся в барак, где произошла моя вторая встреча с майором Тимофеевым. Он знал, что я строитель, и рекомендовал хозяйственным органам использовать меня по специальности прорабом.

Уже на следующий день я получил полную экипировку — телогрейку с личным номером Д-573 на спине, ватные брюки, валенки. Все горлаговцы ходили с номерами на спине. Направили меня на строительство школы на улице Комсомольской, известной и по сей день как школа № 1 (тогда она шла под номером два). Площадка, на которой предстояло работать, являла собой строительную зону, объединившую впоследствии комплекс зданий Октябрьской площади с памятником В.И. Ленину в центре. К моменту моего появления здесь уже был уложен бетон в основания будущих технической библиотеки и Дома политпросвещения.

Помню Норильск тех дней. На улице Севастопольской уже стояли трехэтажные дома по проекту члена Академии архитектуры Армянской ССР Мазманияна. Он отбывал срок вместе с архитектором Коча-

ром, тоже из Армении. Судили их не по одному делу, но знали они друг друга хорошо. Кочар впоследствии был отправлен в Красноярск. По его проекту там были построены некоторые объекты общественного назначения, в том числе театр, гостиница «Север».

Мазманиян же все время находился в Норильске в непосредственном подчинении Витольда Станиславовича Непокойчицкого. Я думаю, роль Непокойчицкого в создании нашего города известна каждому норильчанину. Витольд Станиславович был автором проекта Норильска. Кроме Мазманияна, Механикова, Трушинша в непосредственном подчинении Непокойчицкого находилась и жена Лидия Миненко, очень талантливый архитектор. В ее голове рождались самые смелые идеи первоначальной застройки города, сделавшие его до узнаваемости похожим на архитектурные ансамбли Ленинграда, откуда и прибыла семейная пара. Безусловно, Витольд Станиславович был в курсе всех новаций, вкладывая в это дело и свой незаурядный талант, и свою душу. За ним, собственно, оставалось последнее слово. Вот эта троица и была авторами проекта Норильска вообще, его генерального плана в частности, всех значимых жилых домов и построек общественного назначения.

Могу еще сказать, что рабочее проектирование выполняли около сотни конструкторов, строителей и других специалистов, в большинстве своем заключенные. Они делали детализовку, конструирование, расчетную часть и т.д. Вольнонаемных было мало. Помню инженера Андриенко — знающий специалист. Проработал несколько лет, и на смену ему пришел Михаил Алексеевич Битадзе. Могу ошибаться, но у меня сложилось мнение, что Битадзе самостоятельных решений почти не принимал. Сложилось так, что и его работу, и свою выполняли находившиеся в подчинении Битадзе тоже заключенные Францман и Калвинш. Какие это были трудяги, творческие люди! Тянули на себе воз нелегких конструкторских, расчетных, экспериментальных дел.

Поэтому присуждение впоследствии Битадзе и некоторым другим примкнувшим звания лауреатов Ленинской премии за строительство в Норильске жилых домов и других объектов на сваях в условиях вечной мерзлоты меня крайне удивило.

Не могу не вспомнить и Антона Кишку. Чех по национальности, не знаю уж по какой причине, а скорее и вовсе без таковой, попал в Норильлаг, работал в группе Непокойчицкого под руководством Лидии Миненко. У Антона была четкая графика, работал быстро — очень способный молодой человек. Когда освободился, уехал на родину. Ходил слух, что там Кишка был назначен главным архитектором Праги.

В группе главного архитектора был сделан и проект школы, куда, как уже сказано, меня направили. Сразу же возникли трудности практического свойства. Как работать с вечной мерзлотой? Конечно, в институте нам читали курс строительства в сложных инженерно-геологических условиях, в том числе и на мерзлоте. Но одно дело теория, другое — практика. К тому же техники никакой — лопата и кайло. На все вопросы приходилось отвечать начальнику участка Бадаеву (он уже освободился) и мне, поскольку я вступил в должность прораба. Исполнителем, естественно, был исключительно лагерный люд, из западных районов Украины.

Здание школы должно было стоять на столбчатых бетонных фундаментах с опорами на скалу. Сделали разбивку котлованов. Что значит котлован? Это шурфы размером в среднем 2×2 метра и глубиной до скалы от четырех до семи метров — в зависимости от ее залегания. Грунт разбивали кайлом. На месте котлована разжигали костер, почва прогревалась на несколько сантиметров, потом ее выбирали лопатами и вывозили тачками за пределы строительной площадки. Однако дальше вглубь поджоги становились неэффективными. В ход шло только кайло. Правда, лучший результат давало мелкошпуровое бурение

и взрывание для рыхления грунта. Предварительно наверху в мангалке нагревали один конец лома. Мангалка — металлическая бочка с отверстиями, в которой горел кокс. Разогретый конец лома забивали в мерзлый грунт кувалдой. Два-три таких захода, и образовывался шпур глубиной примерно 60–80 сантиметров. В эти шпуры закладывали аммонитный заряд, а чтобы не было разлета грунта, верх котлована закрывали деревянной крышкой. После взрыва рыхлый грунт выбирали намного быстрее.

Этот метод был эффективный, но небезопасный. Могло произойти то, что однажды случилось на соседнем участке. Прорабом там был Александр Михайлович Чембулов. Родом он из Аккермана, окончил Будапештский университет и был осужден по 58-й статье советскими властями уже после присоединения Бессарабии к Советскому Союзу. Александр Михайлович частенько использовал мелкошпуровой метод. И вот однажды уже после очередного взрыва двое рабочих опустились в котлован и начали кайлить землю. Взрывом от ранее неразорвавшегося заряда их сильно покалечило. Помня эту трагедию, я старался прибегать к мелкошпуровому методу разработки грунта лишь в крайних случаях. В подчинении у меня были две бригады, которыми я «закрывал» практически весь фронт работ.

К февралю 1949 года котлованы были почти полностью готовы к началу бетонирования: где-то мы прошли три-четыре метра до скалы, где и до самого основания. И все же от графика отставали. Школу надо было сдать к 1 сентября, а я со своими работами все еще «сидел» в земле. Срыв срока ввода объекта грозил мне тяжелыми последствиями, вплоть до обвинения в политическом саботаже. Я, конечно, переживал и все, что можно было позаимствовать у знающих людей, брал на вооружение и применял. В итоге школа была сдана в срок.

С историей ее строительства связан еще один эпизод, можно сказать, личного характера. Однажды,

осматривая площадку, заметил, что под крышкой одного из котлованов темно. Явно, либо там нет людей, либо отсиживаются, не работают. На мой оклик ответили, что у них украли лампочку. Выдворил их из шурфа и пригласил вместе с бригадиром в конторку — небольшой балок, где хранились техдокументация, книга нарядов и прочее. Ребята молодые, лет под тридцать, бывшие бандеровцы с Западной Украины. Объяснение писать отказались, стоят на своем. Но я-то знал, что лампочку припрятали. В лагере отдадут нарядчику за дополнительную баланду. Не сдержался, обложил их матом, накричал. Первый раз так неприлично себя вел. Ребят прогнал, а по окончании рабочего дня всех нас повели в лагерь. Располагался он на территории теперешнего пивзавода.

В лагере бригадир, он был в числе стукачей, доложил о происшедшем оперуполномоченному Тарасову, у которого, как мне казалось, было ко мне «особое» отношение. Однажды Тарасов предложил мне сотрудничество. Я прекрасно знал, чем это должно закончиться: либо он мне второй срок наматает при случае, либо заключенные прикончат, видя, что я зачастил к оперу. Я отказался. Тарасов пригрозил лишить меня прорабских полномочий и отобрать... ручку! Смешно? А вот и нет. Ручка в то время была орудием моего сравнительно легкого труда.

Рассказ бригадира о происшедшем дал повод оперуполномоченному прижать меня по-настоящему. Дополнительных два года отсидки в Норильлаге «за превышение власти, избивание двух рабочих» — мало не покажется. Стопроцентная фальсификация, и все же...

Жизнь тем не менее продолжалась и после лагерного суда. Не знаю, по чьей воле, в апреле 1949-го направили меня на строительство медного завода. Он должен был выдать продукцию 22 декабря 1949 года, ко дню рождения Сталина.

* * *

На стройплощадке медного завода начальник отдела заключенный Лев Александрович Рабинович, опытный инженер с большим стажем, задал мне несколько вопросов, касающихся основных расчетных формул. Я назвал одну из них и пообещал быстро вспомнить и освоить проектирование. «Молодец», — сказал мне Лев Александрович и велел приступить к работе под руководством заключенного Рябченко. Я был весьма доволен таким поворотом судьбы. Рядом находились люди, у которых многому можно было научиться.

В группе проектировщиков я намеревался осесть надолго. Не получилось. Неожиданно меня вызвал начальник управления «Медьстрой» Григорий Петрович Локштанов. На тот момент я ничего не знал о Медьстрое и его руководителе. Разыскал Григория Петровича на втором этаже мехмастерских будущего завода, где кроме кабинета начальника размещался и производственный отдел управления. Локштанов спросил, кто разрешил пойти к Рабиновичу. Пришлось объяснить, что сам туда напросился. И тогда Локштанов дал понять — все, что касается медного завода, находится в полном его подчинении, и потому он, Локштанов, дает команду мне идти работать на производство, то есть опять на строительную площадку. Я сказал Григорию Петровичу, что работать на строительном объекте не могу: меня только что по ложному обвинению осудили за честную работу, и повторения пережитого не хочу. Хочу жить. Локштанов выслушал внимательно и сказал: «Будешь работать в производственном отделе». Так началась новая страница моей биографии.

...Производственным отделом руководил бывший офицер Советской Армии Станкевичус, отсидевший в Норильлаге пять лет, к тому времени уже освобожденный. Его замом был выходец из Прибалтики Юрий Альфредович Кнопмус. Способный, грамотный инженер-строитель, он, пока Станкевичус представитель-

ствовал в разных инстанциях и занимался вопросами общего характера, руководил отделом. Я был направлен в непосредственное подчинение Кнопмусу.

Вскоре главный инженер Медьстроя Евгений Сергеевич Корюкин вызвал меня к себе и велел сделать проект сарая для временного хранения огне-

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Бобров А. А. Евгеньевич

Фамилия, имя и отчество

Родился в 1920 году 28 октября в деревне
Озерное-Земельная, Добрушского района
Свердловской области, семье сельского работни-
ка - Фомына, Евгения.

В 1938 году окончил 10 классов в г. Земля-
но, затем в г. Земляно. В 1938 году принят
в Московский институт инженеров железнодорож-
ного транспорта на Струковское отделение.
Будучи студентом стал членом ВЛКСМ и в период
подготовки к защите дипломной работы
в 1943 году был арестован органами НКВД
осужден по ст. 58-10-11 сроком на 10 лет.
В 1952 году после отбывания наказания
получил реабилитацию. В 1960 году был
принят в члены КПСС и с тех пор по настоящее
время являюсь членом КПСС. Работал на Струковском
отделении НКВД СССР в г. Москве с 1943 года
по 1948 год. С 1948 года по 1990 год
работал с поручением на Струковском
отделении НКВД СССР в г. Москве, занимаясь
различными делами, делами, делами,
с производством работ и делами делами,
заместителем делами НКВД СССР
по производственному делами.

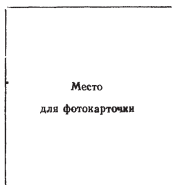
Лист из автобиографии А.А. Боброва

упоров — глины, порошков и т.д. Работа несложная, но, поскольку это было мое первое официальное задание по проектированию, старался выполнить все тщательно, по всем правилам, что было замечено, и

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

по учету кадров

1. Фамилия Бобров
 имя Артём отчество Александрович
 2. Пол муж 3. Год, число и м-ц рождения 28-10-1920
 4. Место рождения с. Огороды Романовской
 (село, деревня, город, район, область)
Федюшинского р-на Романовской области
 5. Национальность русский 6. Соп. происхождение своб. работник
 7. Партийность ЧКП партстаж сентябрь 1942 партбилет № 00464880
 (месяц и год вступления) к/карточка
 8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета
 9. Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Формат или название	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
1. ИИИТ. г. Москва	Строй			Окончил	Инженер-проектант
Московский институт	Строй			Окончил	Инженер-проектант
Трутинженеров	Инж.	1938	1942	Окончил	Инженер-проектант
Инженер-проектант	Инж.				
2. ВЗТИИ г. Москва	Инж.				
Всесоюзный институт	Инж.				
технологического	Инж.	1954	1958	Окончил	Инженер-проектант
института	Инж.				Инженер-проектант
					№ 109280

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете лучше и хуже
со словарем (читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясняться, владеете свободно)
 11. Ученая степень, ученое звание н.к. инж.
 12. Какие имеете научные труды и изобретения н.к. инж.

Личный листок А.А. Боброва

буквально через пару недель меня основательно загрузили самыми разными проблемами, да так, что я не знал, за что хвататься. Первоначально сделал проект организации работ на строящейся тогда пылеугольной фабрике. Поскольку кирпичная кладка здания уже шла, мне предстояло на бумаге увязать этот процесс с сооружением трубы к котельной. Не успел закончить этот проект, как дали более серьезное поручение — проектирование процесса производства работ на строительстве трубы для отражательной печи медного завода.

На дворе апрель 1949 года. Идет монтаж металлоконструкций плавильного отделения. А на будущей трубе — один фундамент. Требовалось не только объединить проект организации всех работ, но и подумать, как сделать подъемник, шатер и т.д. Я был молодой, опыта по сооружению таких труб никакого — приходилось лезть в учебники, технические журналы, советоваться со специалистами, которые полностью или частично знали об этом процессе. Помню, вел эту трубу метров до сорока, самому приходилось по скобам лазить вверх. Страшно, конечно, но что делать...

Строительство медного завода находилось под личным контролем начальника комбината Владимира Степановича Зверева. Каждую неделю он приезжал на объект и проводил планерки. Все трудные моменты в строительстве были предметом особого внимания Зверева. Порой в жесткой и нелюдимой форме он выяснял, кто прав, а кто виноват, требовал исполнения графика. Несправившихся освобождал от работы без промедления.

Невероятно, но на этих планерках присутствовал и я. А дело было так. Мой непосредственный начальник Юрий Альфредович Кнопмус поручил мне вести протоколы производственных планерок, печатать тексты, прослеживать исполнение принятых решений и докладывать. За несколько месяцев такой работы я, как говорится, лицом к лицу увидел

многих руководителей. Было приятно убедиться, что Медьстрой возглавляет талантливый инженер и способный организатор, как сегодня принято говорить, нестандартно мыслящий и умеющий в критической ситуации держать удар.

К июлю 1949-го были вырыты два котлована под отражательные печи вместимостью 20 тысяч кубов бетона. Фундамент их начинался в котловане на скальном основании и возвышался над уровнем планировочных отметок на полтора-два метра. Возведение печей надо было уложить бетон особого свойства. Фундамент печей не должен деформироваться от высокой температуры, страдать от влаги и т.д. Это была очень трудная инженерная задача. Надо принять во внимание, что, когда строился медный завод, бетон являлся самым востребованным материалом на комбинате. Он был нужен всюду — и на строительстве жилья, и на промышленных площадках. Чтобы удовлетворить общую потребность, нужен был бетонный завод мощностью хотя бы тысячу кубов в сутки. А его не было, но попытка построить такой завод на площадке предпринималась.

Вот тогда и проявилась инженерная смекалка Григория Петровича Локштанова. Мимо котлованов проходил железнодорожный тупик, по которому подавались металлоконструкции под монтажный кран для сбора каркаса главного корпуса. Это обстоятельство и натолкнуло Григория Петровича на интересную мысль. Он пригласил Кнопмуса, а тот меня на площадку отражательных печей. Начал сам рассуждать и перед нами как бы ставить задачу, что и как делать. Проект большого бетонного завода выполнен, но, пока его построят, пройдет три года. И мы сделали следующее заключение, причем идея принадлежала Локштанову. Поскольку железнодорожный путь находился рядом, решили на платформах подвозить поочередно щебень, цемент и песок, опрокидывать их в котлован и с помощью экскаватора Бьюсайруса

все это перемешивать и укладывать в фундамент в пределах котлована. По тем временам решение весьма неординарное.

Чтобы не было срывов, приходилось буквально стоять над душой у каждого, учить, контролировать технологический процесс бетонирования. Но дело того стоило. Мы выложили всю подземную безопалубочную часть фундамента и только потом, поставив опалубку, завершили работы на привозном бетоне.

Пример, который я привел, свидетельствовал о гражданской и инженерной зрелости начальника управления. Мы его понимали и всячески поддерживали. В самый ответственный период начальник Медьстроя практически работал один. Главного инженера Корюкина уволили, как мне казалось, за увиливание от выполнения его прямых обязанностей. Тот, бывало, получит сложное задание — и тут же на больничный. Хитрил — и дохитрился...

На должность главного инженера направили Ирохима Яковлевича Эпштейна. Обосновался он у нас в производственном отделе с учетом, естественно, своих должностных функций, с желанием все знать. Мои оценки могут быть излишне субъективны, но в тот момент, глядя, как Ирохим Яковлевич выполняет свои обязанности и задания Локштанова, я решил, что он на пост главного инженера не подходит. Однако это, повторяю, были мои сугубо личные наблюдения, на деловых отношениях они никак не отражались. К осени Эпштейн был отстранен от обязанностей главного инженера.

...На завод пригнали пополнение — порядка двух тысяч заключенных со строительства Большой обогатительной фабрики и Metallургстроя. Прибывших поселили вместе с их начальством в бытовках шихтового корпуса прямо на стройплощадке. Незамедлительно все они включились в строительство шихтарника и отстойников концентрата. Руководил работами металлургстроевцев талантливый инженер-архитектор Леонид Ройтер.

* * *

В памяти отложилось много разных историй о строительстве медного завода. Удивительно качественно шла кладка стен и свода отражательной печи. Кладчиками были обычные особорежимные, то есть политзаключенные. Руководил работами тоже зэк, инженер-металлург Борис Иванович Лукьянов, и все мы у него учились.

Особо интересная и очень сложная работа была на набивке подины. Опустив некоторые детали, расскажу о неприятном и очень опасном казусе на строительстве горизонтального газохода от печей до трубы на эстакаде. Проект производства работ, опалубки и лесов выполнял я с группой специалистов производственного отдела. Запомнил инженера-строителя Печаткина, инженера-теплотехника Тарановских, их коллег Лифшица, Рожновского. Но мне уже доверяли, и вся ответственность лежала на мне.

Настало время, и появилась возможность выполнить кладку обводного борова к 5–10 декабря, к началу удаления газов от сушки плавильной печи. Работы шли в хорошем темпе. Из-за низких температур уже схваченную морозом опалубку решили не снимать, а когда печь поставят на сушку, то одновременно газы пропустить и через опалубку до самой трубы. Тогда за счет тепла отходящих газов отопреется кладка, в том числе и свод. Опалубка либо сгорит, либо ее можно будет снять позднее. Но возник какой-то технологический перерыв, сушка печи и удаление газов задержались, и мы решили снять леса, которые, естественно, оказывали сопротивление движению газов, нужная скорость не достигалась.

С благословения руководства Медьстроя инженер-строитель, офицер польской армии, попавший к нам в плен, Генрих Иванович Шумский вместе с группой рабочих через точки золоудаления поднялся в объем газохода. Не прошло и минуты, как все они буквально посыпались вниз. Оказалось, что с открытием люков золоудаления в газоход попал кислород.

Он-то и способствовал самовозгоранию деревянной опалубки. Леса сгорели, и часть свода, не успевшая прогреться и высохнуть, упала. Хорошо, что обошлось без жертв. Хотя мы действовали очень осторожно, но все же просчитались. Шум поднялся невообразимый. Диверсия, мол, «фашисты организовали «подарок» ко дню рождения товарища Сталина...».

На месте происшествия собралось все начальство. Доложили обстановку Локштанову. Все понимали: степень разрушения такова, что придется восстанавливать весь участок свода. С учетом всяких согласований это уйма работы, а времени нет. В душе тревога и волнение. И тут приезжает начальник из НКВД Коржух или Кожух, не помню точно. Было известно, что он зверь. С ходу набросился на Локштанова. Смотрю, у того рука подрагивает, сам на грани нервного срыва. Но сдержался и мягко так посылает пришельца из органов матом — не понимаешь в нашем деле ничего, так помолчи. Мы все сникли, решили: теперь уж точно всех загребут и упекут, куда надо, надолго.

В разгаре этой сцены на участке появился Владимир Степанович Зверев. Значит, и ему стукнули, что свод упал. Мелькнула мысль: Зверев не только руководитель комбината, но и начальник Норильлага! Тем не менее он энкавэдэшника удалил и совершенно спокойно спросил Локштанова: «Что будем делать?»

Надо отдать должное моим собратьям по несчастью: восстановительные работы прошли быстро. Только на сей раз для сушки «внутренностей» свода борова был привлечен опытный теплотехник Торнавский. Он сделал расчет по укрытию кладки свода. Вновь подали тепло. Все подсохло, прогрелось, и дальше дела пошли нормально. Но страху тогда мы натерпелись...

Я рассказываю эти истории потому, что в период максимально сжатых сроков строительства первой очереди медного завода не всегда была возможность строго следовать правилам. Опыта работы в условиях вечной мерзлоты при крайне низких температурах ни у кого не было. Проекты организации работ порою со-

ставлялись на ходу, что, естественно, при нормальном стечении обстоятельств было неприемлемо. Но тогда руководители стройки понимали, что без смелых, связанных с риском решений завод не построить. И шли на это, прекрасно осознавая, какими карами это грозит в случае неудач.

...Завод рос буквально на глазах. К моменту пуска здесь работало порядка 19 тысяч человек: 17 тысяч — заключенные, остальные — вольнонаемные. К цели двигались шаг за шагом, наращивая численность и вводя в строй один объект за другим. На ограниченной территории завода (она была ограждена колючей проволокой, на вышках стояли часовые) был «взят» огромный объем (500 тысяч кубометров) по вертикальной планировке с использованием американских экскаваторов. Работами руководил заключенный Лев Исаевич Рудминский, бывший начальник строительства кольцевой дороги в Москве, и прораб Эдуард Кравченко — русский из Прибалтики. За лето 1949 года они построили автодорогу и развили железнодорожную сеть.

Для подготовки шихты и сгустителей силами бофстроевцев во главе с Леонидом Андреевичем Ройтером был возведен многопролетный шихтовый корпус. Поражали воображение железобетонные (тридцатиметровые в диаметре!) чаши «Дора» — накопители пульпы медного концентрата. Помнится, у руководителя комбината была мысль сразу построить и анодное отделение, и цех электролиза меди. Однако по разным причинам от этой идеи пришлось отказаться и перенести ее воплощение на более поздние сроки.

Успешному строительству завода помогало прекрасное снабжение. Кроме арматурной стали, дефицит не чувствовался ни в чем. С материка через Дудинский порт поступали готовые металлоконструкции, огнеупоры; немалую часть материалов и оборудования изготавливали на месте. Нас спасло то, что транспортные перевозки осуществлялись преимущественно по железной дороге с непосредственной подачей конструкций под кран на монтаж.

Сдача первой очереди завода была приурочена к 70-летию Сталина. Подарком вождю должна была служить, как я теперь понимаю, первая конвертерная медь. И вот в ночь этого события на высоте, где работал кран, обслуживающий конвертер, и находилась бригада наладчиков, раздался взрыв: то ли снег попал в конвертер, то ли по другой причине горячий сплав выплеснулся за края чаши. Кое-что «перепало» и работавшим на кране, но они отделались легким испугом. Главное — в ночь на 23 декабря в Норильске впервые была выдана конвертерная медь. Спустя некоторое время, когда в строй действующих вступили анодное отделение и цех электролиза, ей предстояло из черновой стать катодной медью — продукцией высшей пробы.

Мое же пребывание на заводе уже в должности начальника техотдела продолжалось еще два года. За это время Локштанова за неуместную шутку в момент торжества по случаю пуска цеха электролиза меди отстранили от работы и осудили на два года. На его место пришел Николай Николаевич Рознатовский. Это был уже совсем другого склада начальник Медь-строя и другой человек...

В начале 1952 года по приказу свыше меня перевели в Горстрой, начальником которого в то время был Григорий Петрович Латышев, а главным инженером — Леонид Артемович Пода. Последнего я хорошо знал. Мне была известна история его родителей, строивших КВЖД и потом вернувшихся в столицу. Леонид поступил в Московский инженерно-строительный институт, и уже на первом курсе его арестовали. В должности главного инженера Пода оставлял благоприятное впечатление, хотя на его квалификации сказывалось отсутствие необходимой инженерной подготовки.

В Горстрое я получил задание сделать проект производственной базы для форсированного строительства жилья. Проект включал все необходимые здания и сооружения, в том числе вспомогательные.

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

и № 109830

Настоящий диплом выдан Боброву
Яртему Андреевичу
в том, что он ... в 1954 году
поступил ... во Всесоюзный
заочный политехнический
институт
и в 1958 году окончил ... полный курс
названного института
по специальности "Гидротехническое
строительство"

Решением Государственной экзаменационной
комиссии от 27 марта 1958 г.

Боброву Я. Я.
присвоена квалификация инженера-
строителя

Проф. С. С. Молотов
Директор (Директор комиссии)
А. Я. Бобров
Москва 1958 г.

Регистрационный № 6268

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака, 1954

Москва 1965 г. Марта мес. 22 дня. Первая
Московская Государственная Нотариальная контора
свидетельствует верность настоящей ФОТО-копии.
Взыскано госуд. пошлины 20 коп. ФОТО бумага
30 коп.

Нотариус

Регистр. ф.

5 5190

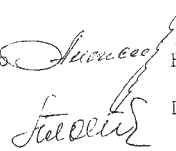

Диплом А.А. Боброва

Задание я написал себе сам, согласовал его с Григорием Петровичем Латышевым. Он дал добро, и я в комнате производственно-технического отдела Горстроя в течение полутора лет занимался изготовлением комплексного проекта. Меня никто не трогал, не добавлял заданий. Со мной были только чертежная доска и расчеты. Время от времени я привлекал для конкретных работ специалистов, таких, к примеру, как инженер-электрик Ларионов. Он был главным энергетиком Горстроя (в настоящее время Ларионов живет в Твери). Обо всем, что связано с подачей тепла, консультировался с Сергеем Аверкиевичем Кушпелем, а также с инженером Комником. Это был очень толковый немец. Позднее он погиб от руки лагерного террориста.

Конечно, работа над этим проектом для меня была абсолютно новой. Все делал впервые, очень добросовестно, с осознанием серьезной ответственности. Проект согласовывался в основном с начальником Горстроя Григорием Петровичем Латышевым. Сметная стоимость — десять миллионов рублей. Сумма по тем временам крупная, и, понятно, утвердить проект надо было у директора комбината. По приглашению Григория Петровича Зверев приехал вечером. Меня на этот раз в зону не погнали, оставили на работе. В течение часа Владимир Степанович и еще очень узкий круг специалистов слушали мой доклад по проекту. Это был исключительно ответственный момент. Еще по Медьстрою мне был знаком непреклонный характер директора. Его слово было последним, его приказам никто не смел перечить. От громкого окрика Зверева терялись даже те, кто считал себя крепким орешком. Владимир Степанович мог зарубить и мой проект.

Эта мысль не покидала меня на протяжении всего доклада и особенно, когда дело дошло до бетонного завода. Этой проблеме я уделил большое внимание. Зверев знал, что система действовавших тогда на комбинате бетонных заводов порочна. В своем проекте я постарал-

ся устранить все мелкие недостатки, которые были на работающих заводах, получился логичный проект производительностью 500 кубов бетона в сутки. Это была хорошая цифра — о такой мы мечтали, когда строили медный завод. Зверев меня остановил и попросил вместо пятисот написать триста. Я не стал противоречить, потому что знал: Зверев как руководитель комбината

УЧРЕЖДЕНИЕ № УП-288/15 11 ноября 1978 171 (с.с. Маршалов) Исполнительского аппарата	начальнику ОК объединенных цехов тов. НАВАЛЕВОВОЙ И.С. здесь
<u>СПРАВКА</u>	
<p>БОБРОВ Артем Андреевич, 1920 года рождения, уроженец Добрушского р-на Гомельской обл., содержался в местах лишения свободы с 16 марта 1948 (сорок третьего) года до 06 февраля 1953 (пятьдесят третьего) года по двум делам, по одному из которых реабилитирован, а по второму был осужден к 2 годам.</p> <p>В Норильском комбинате в районах Крайнего Севера работал с 01 октября 1948 (сорок восьмого) года по 06 февраля 1953 года, исключая два года по делу, по которому не реабилитирован.</p> <p>Выдана на восстановление трудового стажа в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР о реабилитированных № 1655 от 8 сентября 1955 года и Разъяснением Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и зарплаты № 26 от 14 августа 1957 года.</p> <p>Справка действительна при предъявлении документа о реабилитации по приговору от 10 мая 1948 года Военного трибунала г. Москвы.</p>	
Начальник учреждения УП-288/15 архивом	 В.Д. АЛЕКСЕЕВ Г.Г. ПЛОТНИКОВА

Справка А.А. Боброва

любил иметь излишние мощности на металлургических переделах или на строительстве, чтобы можно было взять любую планку, которую дает министерство.

В тот вечер, выслушав сообщение, не говоря ни слова, начальник комбината взял ручку и на титульном листе расписался: Зверев. У меня отлегло от сердца — проект понравился.

* * *

В 60-х годах строительство первой очереди комбината было завершено. Медный и никелевый заводы работали на полную мощность. Сырьевым источником для них служили исключительно прилегающие к промплощадке закрытые и открытые рудники — «Заполярный», «Угольный ручей», «Медвежий ручей». Руды здесь были в основном вкрапленные или бедные, и мало-помалу запасы их истощались. Все, образно говоря, оплакивали дальнейшую судьбу комбината. И вот в феврале 1962 года на очередном партийно-хозяйственном активе, который вел Иван Александрович Савчук, директор комбината Дроздов сообщил: геологи на Талнахе, за рекой Норилкой, открыли богатейшие залежи медно-никелевых руд. Это известие буквально всколыхнуло всех норильчан. Последовавшие затем события послужили основанием считать открытие и освоение Талнахского месторождения медно-никелевых руд вторым рождением Норильска.

Руководство комбината, невзирая на отсутствие точных данных, где и как строить рудники, дало старт началу работ. Рассуждали так: даже если мы ошибемся, нужно ехать и выбирать площадки и, пока река Норилка скована льдом, забросить к месту будущих рудников как можно больше строительных материалов. Эту «эпопею» практически обеспечили я и Горфункель. Мы оба понимали: чтобы плодотворно работать летом (1962 года), надо зимой перебросить на Талнах несколько тысяч тонн строительных материалов.

Летом 1962 года по семейным обстоятельствам — сильно болели дети и теща — я принял решение по-

кинуть Норильск. Одновременно, каждый по своим причинам, из города уезжали начальник управления строительства Фисуненко и Владимир Васильевич Дроздов. В кадровой цепочке образовалась крайне нежелательная брешь. Я это понимал, но со своей стороны ничего изменить не мог, тем более что жена отказалась от предложения Владимира Ивановича Долгих (он был главным инженером комбината) уехать на два года в санаторий «Заполярье» и там без меня лечить детей.

...Следующая и последняя встреча с Норильском произошла спустя десять лет и не по моей инициативе. К тому времени я уже прошел несколько ступенек по служебной лестнице на материке — сначала в Гомеле, потом в Чернигове. Можно сказать, на своей исторической родине.

В 1971 году я был в командировке в Москве и случайно встретил Владимира Васильевича Дроздова. Он работал в Минцветмете начальником главка. Вместе прошли в министерство в рабочий кабинет Дроздова, и там он спросил, не хочу ли я возвратиться в Норильск на должность либо начальника управления, либо заместителя директора по строительству. Мне это было ни к чему. Живу на материке хорошо, все есть: работа, квартира, машина. По тем временам это — полный достаток. Ответил отказом. Тогда Дроздов поднял трубку и заговорил, как я понял, по прямому проводу с министром. Петр Фаддеевич Ломако знал обо мне, еще когда был председателем Красноярского совнархоза. И заговорил со мной так, будто я уже дал согласие вернуться в Норильск. Поведал, что на Кольском полуострове (речь шла о Мончегорском комбинате) есть свободные мощности и туда надо возить норильскую руду, а ее как раз и нет. Суда не загружаются, предприятия на Кольском полуострове простаивают. Развитие рудной базы в Норильске отстает, и получалось из нашего разговора, что мне надо обязательно быть там и в силу своих возможностей обеспечить форсирование строительства новых рудников. Речь шла о третьей очереди «Комсомольского»,

первой очереди «Октябрьского» и целом ряде других объектов рудной базы.

Я обещал министру посоветоваться с семьей. Жена особенно не возражала: дети уже выросли, тещу похоронили... Поехали к родителям в Гомель. Истопили баньку, попарились и открыли семейный совет. Отец просил не делать такого шага: они с матерью уже пожилые, да и мне живется неплохо. В душе я был согласен с отцом, и все же не хотелось упускать, возможно, последний шанс попасть в Норильск и заняться интересным и ответственным делом, тем более по просьбе министра.

Спустя какое-то время мне прислали вызов за подписью заместителя директора комбината Огибалова, из которого следовало, что меня приглашают на должность заместителя главного инженера управления строительства. Вот тебе на! Мы не об этом вели разговор, а такое предложение меня не устраивало. Удивился такому решению и Дроздов, после нашего телефонного разговора обещал разобраться. В конечном итоге я получил официальное приглашение прибыть в Минцветмет. С большим трудом (не хотели отпускать) снялся в обкоме с партийного учета и приехал в Москву. Приказ о моем назначении начальником управления строительства был подписан в феврале 1972 года.

...В Норильске меня никто не встречал. Стало очевидным: здесь меня не ждут, и хотя Дроздов, наверное, объяснил, чем вызван мой приезд, никто не хотел, чтобы я продолжал в Норильске свою деятельность. Тем не менее руководители комбината и города вынуждены были контактировать с «человеком от министерства». Это, конечно, я так для себя решил. В то время Владимир Иванович Долгих уже работал в Красноярске первым секретарем крайкома партии. Директором НГМК был Николай Порфирьевич Машьянов, а главным инженером — Борис Иванович Колесников. Бывший управляющий трестом строительства Хантайской ГЭС Борисов был избран первым секретарем ГК КПСС, но он в этом кресле задержался ненадолго. Его сменил Борис Михайлович Благих.

В числе руководителей строительства города уже не было Муравьева и Зайделя.

...Переночевал в гостинице «Норильск» на Гвардейской площади. Утром, добравшись к месту назначения, попросил собрать работников управления, представился и в течение короткого времени с их помощью разобрался с положением дел на всех ведущих строительных объектах, и прежде всего на объектах рудной базы. В Талнахе функционировало, по сути дела, второе управление строительства. Начальником его был назначен Борис Новокрещенов. Номинально он вроде бы мне подчинялся, но на самом деле действовал вполне самостоятельно. Лично к Новокрещенову у меня никаких претензий — просто в такой структуре не было смысла, и потому я просил руководство комбината упразднить структурное управление в Талнахе. Всю ответственность за ввод мощностей рудной базы я брал на себя. В марте, через полтора месяца после моего приезда, этого управления уже не было.

Параллельно занимался еще двумя управлениями, фронт работ которых был полностью развернут в Талнахе. Одним руководил первоклассный строитель Михаил Степанович Кравец, другим — Геннадий Михайлович Чупретов. Был еще Бофстрой во главе с Будниковым. Это управление занималось расширением производственных площадей Талнахской обогатительной фабрики.

Мне пришлось в ту пору здорово поломать голову над тем, где взять необходимое количество бетона, раствора, кирпича, сборного железобетона, особенно нетиповых размеров. Управление стройматериалов (начальник Голубенко) в полном объеме нас не обеспечивало, хотя составленные самим себе планы УПСМ выполняло и бодро об этом рапортовало. Даже директор комбината не мог поправить руководителей управления, так как показатели его работы входили в отчетность комбината по основной деятельности. Выход нашли. Я поручил начальнику управления подсобных предприятий Нариману Эюбовичу Вахабову организовать в кратчайший срок строительство трех бетонных

заводов (в Талнахе и Норильске) и двух закрытых полигонов для изготовления нестандартных железобетонных изделий на электроподогреве. Справились за три месяца, конечно, с помощью всего коллектива управления строительства. Стало легче, можно было вести работы одновременно «на всех фронтах».

Но все-таки рудный Талнах оставался моей болью. Трудность, граничащая с невозможностью своевременно ввести запланированные мощности, заключалась в том, что специализированная субподрядная организация «Шахтспецстрой», руководимая Николаем Викторовичем Поппелем, одновременно со своим высоким московским начальством заявила директору комбината в июне 1972 года, что проходку ствола рудника «Октябрьский» они закончат к исходу декабря при том условии, что их проходчиков комбинат будет непрерывно премировать. Такой вот мелкий шантаж. А принимая во внимание, что на сооружение копра требуется в лучшем случае полгода, надо было понимать: в срок мощности рудника не введем.

И однажды возникла, может быть, безумная, но, как потом оказалось, вполне реальная идея: полностью построить копер рядом со стволом, а после окончания проходки ствола надвинуть копер на ствол. Без лишнего шума я поручил своему заместителю Петрушину выдать заказ проектному институту на перепроектировку металлоконструкций копра с учетом его движения и отправился в Караганду, где, по сообщениям печати, нечто подобное делали. Мой производственный отдел, где в то время работали знаменитые проектировщики Серафим Федорович Румянцев, Аардма и другие, сделали проект производства работ с использованием ленточных фундаментов и рельсовых направляющих, определили мощности гидравлических домкратов для толкания копра весом две тысячи тонн. Управление «Стальконструкция» смонтировало около 150 тонн конструкций, но они под напором ураганного ветра упали. Пришлось все начинать сначала. В итоге надвижку сделали под новый, 1973 год. Подобные операции были произведены и на

вентиляционных стволах, но там вес копров не превышал 500 тонн. Надвинутый копер дал возможность в течение первого квартала смонтировать и наладить подъемное оборудование. Победа была бы неполной, если бы я не направил рабочих, главным образом отделочников Горстроя, у которых был сезонный простой, на отделку бытового корпуса и столовой. Словом, ввод получился красивый, без ругани и нервотрепки.

На руднике «Комсомольский» дела шли более слаженно и четко благодаря умелому руководству Михаила Степановича Кравца. Но и там вызывало тревогу отставание на строительстве бетонного завода по приготовлению закладочных смесей и на подготовке металлической утепленной транспортной галереи для доставки руды из-под скипов на открытый склад. Идут двадцатые числа декабря, галерея не готова. Представитель госкомиссии уже сообщил в министерство, что принимать нечего. 23 декабря я пригласил Н.П. Машьянова и других высокопоставленных чиновников поехать в Талнах. Они были удивлены: галерея отапливается, транспортеры опробуются, а стены, пол и потолок отливают блеском оцинкованных профильных панелей. Так мы вышли из положения и подготовили все для подписания акта госкомиссии.

Неординарные, ранее никем не опробованные решения принимались мною на многих объектах Талнаха. Засиживаться в кабинете не приходилось. В день по два-три раза приезжал на рудничную площадку. Зато у меня была истинная информация. Проще было ответить на вопрос: что надо сделать и какими силами, чтобы ускорить и улучшить качество строительства?

В моей норильской биографии были еще две примечательные страницы, и тоже в бытность мою начальником управления строительства. Речь идет о жилищном строительстве в середине 70-х годов. Встречаясь с руководителями строительных управлений, я постепенно вникал в эту проблему. А весной 72-го заместитель директора комбината Василий Николаевич Коляда показал двухэтажные щитовые дома в Кайеркане. Их закупили на материке. Вид первого уже смонтированного дома — барак! — вызвал желание

немедленно взорвать его и сровнять с землей. Я тут же распорядился прекратить дальнейшее сооружение этих домов, а то, что сделано, разобрать. Глупее этой затеи ничего нельзя было придумать!

В том же году, летом, я дал команду все имеющиеся строительные мощности направить на сооружение панельных домов гостиничного типа. Это был единственный шанс в течение года снять остроту вопроса с жильем. Полностью, конечно, проблема не решилась, но разрядка наступила. За 1972–1973 годы строители сдали под заселение 13 таких домов в Кайеркане, Талнахе и Норильске.

Я понимал, что условия жизни в «гостинках» неважные, но это лучше, чем общежитие. Молодые семьи — а они росли, как грибы после дождя, вместе со строительством Надеждинского металлургического завода — могли устроить свой быт, обзавестись детьми. Программа строительства жилья была крайне напряженная. Основная нагрузка легла на Горстрой, которым руководили Журавлев, Тарасишин, Латышев. И тем не менее я поставил задачу сдать один нормальный сверхплановый дом — для строителей. Их семьи тоже бедствовали и нуждались в жилье. Убедил в необходимости такого шага Машьянова. Дом мы построили. Вскоре в Талнахе был сдан в эксплуатацию завод, позволивший перейти на крупнопанельное домостроение... В конечном итоге строители вышли на годовую программу в 200 тысяч квадратных метров жилья. Это уже была цифра!

Как ни странно, но то, что было сделано, по нашему разумению, во благо людей, для меня вылилось в неприятный разговор с первым секретарем ГК КПСС Борисом Михайловичем Благих. Он обвинил меня в несогласованном с горкомом партии решении развивать домостроение в Кайеркане. Для надеждинцев, мол, квартиры там не нужны. Все они привязаны к городу, здесь и должны поселиться. К тому же, по словам Благих, у них была программа развития жилищного строительства в поселке Западном. Там оставались дома, нуждающиеся в ремонте, вот туда и надо направить силы строителей.

Нелепость этих суждений для меня была очевидной. В городе территории, пригодной для жилищных застроек, уже не было. А что касается поселка Западный, то угольные шахты там были уже закрыты, и жить в отрыве от города, без средств связи и транспорта ни одного человека нельзя было заставить.

Пользуясь своей властью и тем, что, как начальник управления, я еще и в проектно-институте проводил планерки по вопросам строительства, принял единоличное решение: строить там, где считал целесообразным. Дома в Кайеркане вырастали один за другим. Кайеркан — это железнодорожная станция, угольный разрез, дорога в Норильск, аэропорт рядом. Я был убежден в своей правоте, знал, что с работы меня не снимут, поскольку приказ о моем назначении был подписан в Минцветмете.

Кстати, первая беседа с Борисом Михайловичем Благих имела свое продолжение. Как-то после очередного бюро он оставил в своем кабинете меня и директора комбината Н.П. Машьянова и вновь высказался, что я поступаю неправильно и жилищное строительство развиваю не в том направлении. Разговор был жесткий. Машьянов все выслушал и сказал такую фразу: «У нас к управлению строительства претензий нет». Это было несколько удивительно, потому что мои отношения с Машьяновым не всегда складывались гладко. Были моменты, когда я заходил к нему и напрямую говорил: «Если я вас не устраиваю, принимайте решение». Но Николай Порфирьевич на этот крайний шаг никогда не шел.

А из дверей горкома на меня частенько дул пронизывающий ветер. Так было в 1973 году, когда строители не смогли сдать по обязательной разнарядке 11 тысяч тонн металлолома. На бюро горкома было принято решение с подачи председателя комитета народного контроля Черепанова объявить мне выговор и оштрафовать на месячный должностной оклад. После опротестования такого решения в соответствующем органе в Москве Черепанов почему-то ночью пришел ко мне домой и сказал, что удержанные деньги я могу получить в местном банке.

Такая же песня была с квартирой. После долгих проволочек квартиру мне выделили, но вскоре вызвали в народный контроль. Посыпались вопросы один нелепее другого: почему двери новые ставлю, почему кухню облицовываю плиткой? Прошло время, вновь вызывают меня на заседание комитета народного контроля по тому же поводу. На заседание я не пошел, однако какое-то наказание по партийной линии мне записали. Ордера на квартиру у меня еще не было, и поэтому я позвонил директору комбината и на полном серьезе заявил: поскольку юридически квартира мне не принадлежит, семья не приехала, отдайте ее, кому считаете нужным. Опять волны улеглись. Ненадолго.

Еще запомнился такой случай. Уже сдали все очереди талнахских рудников. Настало время особо отмечать участников строительства. Самая престижная форма поощрения — машина. Распределялись они в связи с большим дефицитом по спискам. Меня в списках не оказалось. Так же было и с государственными наградами. Я и сейчас считаю, что врученный мне орден Трудового Красного Знамени — награда неадекватная тому, что я отдал комбинату...

Мало-помалу здоровье мое стало пошаливать. Сказалось все пережитое. Я вынужден был заявить руководству комбината, что должен либо немедленно уехать, либо перейти на более спокойную работу. Тогда Борис Иванович Колесников предложил мне должность заместителя директора НГМК по строительству. Занимавший это кресло Коляда умер. На мое место был назначен Михаил Степанович Кравец. А я стал чиновником, оторванным от производства. Шел 1973 год. Моя голова была полупустая... Открылась очередная страница жизни, но уже совершенно иная...

*Публикацию в «Заполярном вестнике»
(за 17 декабря 2003 г., 10, 14, 17, 24 января 2004 г.)
подготовила Лариса Федишина*

Станислав Стрючков

*Первая палатка строителей 503-й стройки
МВД СССР. Поселок Ермаково, 1949 г.
Фотография В.А. Пендюхова*

Станислав Стрючков:

*«...если предположить, что
заключенных закапывали на
месте их гибели, то получа-
ется, что дорога по всей длине
построена на костях».*

Станислав Стрючков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня, коренного жителя Таймыра, с детства манила, как говорили пацаны во дворе, «тайная железная дорога недалеко от Норильска». Подогревали детские фантазии взрослые разговоры на кухнях, подслушав которые старшие из нас запускали легенды о таинственной магистрали вдоль Ледовитого океана аж до самой Москвы! Мы знали, что рельсы, шпалы и другие материальные ценности с таинственной трассы комбинат использует для своих нужд. А потом выяснилось, что непосредственные участники стройки № 503 живут в Норильске...

Правды не знал практически никто. И только в конце восьмидесятых на волне гласности появилась некоторая информация о сталинской железной дороге. Еще не все документы были рассекречены, еще не было доступа в архивы, но стало понятно главное: гигантская железная дорога, пытавшаяся соединить Норильск с сетью дорог МПС, реально существует. Она заброшена, но как справедливо заметил бывший заключенный и участник строительства дороги В. Гасанов в своих воспоминаниях, «сам факт существования тысячекилометрового погибшего монстра, о котором в стране мало кто знает, будоражит воображение». Мне всегда казалась несправедливой отрезанность родного города от «материка», как норильчане всегда называли остальную территорию страны. Я живо представлял себе, что было бы, если бы дорогу построили и Норильск стал бы частью железнодорожной сети страны, как Салехард, Новый Уренгой, Нижневартовск, Надым. Часть этой дороги, между прочим, *та самая!* Оказывается, в разные годы на уровне правительства страны неоднократно подни-

мался вопрос о возобновлении строительства дороги силами Норильского комбината. Всякий раз лидеры градообразующего предприятия технично спускали вопрос на тормозах...

В 2008 году в издательстве «Вече» вышла книга «Полярная магистраль», весь тираж которой был передан заказчику — Министерству путей сообщения. Найти этот труд в магазинах страны невозможно, нет его и в Интернете. Книга разошлась по профильным ведомствам и широкому читателю недоступна. Мне удалось раздобыть один экземпляр непосредственно в МПС, и я поразился глубине проработки материала. Над книгой работало более 20 авторитетных авторов из различных ведомств нашей страны, каждый из которых написал главу в этот труд по своей специфике. Железнодорожники и почвоведы оценили состояние пути, а, скажем, экономисты и историки дали оценку происшедшему по своему профилю. Казалось бы, такой труд должен «закрыть тему». Отнюдь, с удовлетворением отмечу, что достаточно много найденных мною фактов в этом издании не упомянуты. Кроме того, я рассматриваю историюстроек № 501–503 через призму истории Норильска. И моя точка зрения — это субъективный взгляд норильчанина. Дело в том, что влияние на город этой магистрали, даже недействующей, огромно. Вот уже много лет в своих публикациях я ставлю вероятность положительного развития Норильска в прямую зависимость от железной дороги, связывающей нас с «материком». В связи с этим у меня появился широкий круг единомышленников, в числе которых есть профессиональные железнодорожники и, что очень важно, непосредственные участники 503-й стройки, бывшие з/к.

Ни одна публикация на тему локальной истории не может быть лишней. Прямо или косвенно эта работа положительно влияет на будущее. К слову, по информации из Интернета в плане развития инфраструктуры России до 2030 года значится железная дорога до Норильска, строительство которой начнется

в 2015 году. Свой рассказ на тему «Мертвая дорога... Мертвая пока?» хочу предварить перечислением источников, которые повлияли на мои впечатления и сведения. Это личное участие в экспедиции по Мертвой дороге летом 2006 года, рассказы местных жителей и непосредственных участников стройки, а также письма и телефонные звонки бывших заключенных, некоторые фамилии я привел в тексте, материалы Игарского музея вечной мерзлоты, экспозиция 503-й стройки. Особенно ценными оказались архивные материалы и документы из архивов НИИ Арктики и Антарктики, НИИ геологии Арктики, областного Томского архива, а также данные архивов Красноярска и Норильска. Многие из найденных материалов использованы мною в публикации. Основные же документы по строительству дороги оказались в Ярославском архиве. С их копиями я познакомился в музее Игарки. Их удалось добыть директору музея М. Мишечкиной. Надеюсь и я побывать в Ярославле.

Я опирался на рукописи и фотоматериалы замечательных энтузиастов, прошедших по дороге и оставивших письменные впечатления, на данные известного в России идеолога автостопа А. Кротова, детально описавшего салехардский участок дороги, на материалы Н. Костецкого, дудинского исследователя. Рассказ инженера В. Павинского я привел в своем материале, внимательно изучил публикации в советских журналах и газетах о Мертвой дороге. Найти их мне помогли Красноярская краевая библиотека и ЦБС Норильска. Например, геодезист А. Побожий вел разведку трассы будущей дороги в 1949 году.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Идея строительства пути, призванного соединить северные территории, будоражила передовые умы мира еще с середины XIX века. Например, в 1865 году известный промышленник М.К. Сидоров за труды по открытию сухопутного сообщения Туруханского края с Печорой через Обдорск был награжден Большой

золотой медалью Всероссийского Вольного экономического общества. А в начале XX века французский предприниматель Лоик де Лобель добивался разрешения на постройку дороги Сибирь—Аляска. Царское правительство не поддержало проект из-за условий договора: французы претендовали на 90-мильную зону вдоль дороги.

В феврале 1919 года молодое Советское правительство провело совещание под председательством В.И. Ульянова (Ленина) по вопросу строительства приполярной железной дороги. Инициаторами проекта выступили концессионеры — советский художник А. Борисов и норвежский предприниматель Э. Ганневич. Им было отказано «ввиду невыгодных для РСФСР финансовых условий».

В 1943 году по инициативе Норильского комбината начались изыскания по трассе Салехард—Енисей—Норильск. Судьба этих работ пока неизвестна...

Война показала незащищенность наших северных территорий. Общеизвестно, что в августе 1942 года немецкий крейсер «Адмирал Шеер» беспрепятственно прошел в воды Енисейского залива, потопил несколько отечественных кораблей, после чего более трех часов обстреливал бухту Диксон, не встречая серьезного сопротивления.

Для решения оборонительных проблем наших северов постановлением Правительства СССР от **28 апреля 1947 года были образованы стройки № 501 и № 502.**

Центром строительства стал никому не известный поселок на побережье Обской губы Мыс Каменный, которому по замыслу Сталина предстояло стать универсальным форпостом нашей страны: колоссальным транспортным узлом, военной базой, стратегическим центром Советского Заполярья. Именно этому объекту и был присвоен № 502.

Строительство современного порта требовало соответствующей дороги, которую решено было проложить от действующей станции Чум, недалеко от Воркуты. Это направление получило название «стройка № 501».

Строительство началось немедленно и ввиду особой важности финансировалось по *фактическим* затратам — случай редчайший, особенно для советской плановой экономики. Соответствовали затратам и темпы стройки — уже в конце 1948 года на двухсоткилометровом участке Чум—Лабытнанги были пущены поезда. Темпы невероятные даже для сегодняшнего технологического уровня! Но внезапно выяснилось, что акватория Обской губы *не годится* для поставленных задач. Оказывается, глубины в районе будущего чудо-порта не позволяют принимать океанские суда. Мало того, выяснилось, что искусственно углубить гавань тоже невозможно по причине природных особенностей дна.

Ситуацию из тупика вывело Особое совещание, принявшее **29 января 1949 года** постановление, окончательно определившее направление Трансполярной железной дороги на восток до Енисея, а чуть позже, 5 февраля 1949 года, **была создана стройка № 503**. Таким образом, «плечо» железной дороги до Каменного резко развернулось чуть ли не на 90 градусов и влилось в новую магистраль Чум—Салехард—Ермаково—Игарка. Она была разделена на две составляющие: непосредственно на 501-ю стройку с центром в Салехарде и направлением на восток и 503-ю стройку (перебазированную с Дальнего Востока) с центром в Ермаково и направлением на запад.

Смычка двух строек должна была произойти на реке Пур. Порт же взамен Мыса Каменного переносился в Игарку, идеально соответствующую всем требованиям новой транспортной схемы. От Игарки, кстати, была уже начата и ветка на Норильск, при этом преследовалась еще одна цель — обеспечить железнодорожную связь медно-никелевого производства Норильска с Большой землей.

Новую дорогу строили тоже почти без проекта. Он появился только в 1952 году (никто не знал, что вождю и стройке осталось жить меньше года), и по нему мы можем судить сегодня о перспективности и мощности

планов. Например, грузоподъемность составов планировалась более полутора тысяч тонн, скорость — 40 км в час, а пропускная способность — до 30 составов в сутки. Весьма значительные цифры. Предполагалось, что составы хозяйственных и военных грузов круглогодично и быстро будут снабжать всем необходимым промышленность и население Урала, нефтегазоносные районы Ямала, Гыданского полуострова и Таймыра. Тем же путем в обратную сторону должны были вывозиться богатства северных территорий — сырье, стратегический металл, лес и т.д. Всего по трассе планировалось 28 станций через 40–60 км. Между ними 106 разъездов через 9–14 км.

Трудно переоценить значение такой схемы для развития и процветания российского Севера. Тут уместно упомянуть, что перспективное развитие трансполярной магистрали не исключало ее поступательного движения далее на восток — вплоть до Берингова пролива! А. Вульф в книге «Повседневная жизнь российских железных дорог» (М.: АСТ, 2008) пишет: «...познакомились с только что рассекреченным атласом проектируемых железных дорог Восточной Сибири 1951 года. И остолбенели: все пространство оказалось исчерканным красными пунктирами проектировавшихся линий. Тут было и продолжение

Здание Северного управления железнодорожного строительства (СУЛЖДС), 503-я стройка МВД. Игарка, 1949 г.

«Мертвой дороги» до берегов Чукотского моря (!), и БАМ со всеми ветвями, и дорога на Якутск, и какие-то меридиональные линии, прочерченные прямо поперек хребтов и больших рек, в тундре, на мерзлоте, на необитаемых пространствах». Есть данные о планировании направления дороги после окончания стройки № 503: от Ермаково на север: Дудинка—Норильск; от Ермакова на восток: долина Нижней Тунгуски—Виллой—Алдан—Индигирка—Колыма—Чукотка. Дороги, вымощенные благими намерениями...

Малоизвестные небольшие поселки и станции вдоль новой трассы должны были стать крупными городами и промышленными центрами. Сотни тысяч молодых и энергичных людей, осваивая необъятные просторы полярной Сибири, осуществили бы вечную мечту человечества о комфортном проживании в суровом климате. Стал бы возможным круглогодичный выезд из Норильска наземным транспортом, чем счастливо пользуются сегодня жители Тазовского района, проживающие менее чем в двухстах километрах западнее Дудинки.

25 марта 1953 года вышло постановление Правительства СССР № 895-383 СС* «О ликвидации строительства на участке Салехард—Игарка», а 27 марта Верховный Совет СССР издал указ об амнистии более миллиона заключенных ГУЛАГа. Великая транспортная магистраль умерла, не родившись.

Общая планируемая длина дороги составляла 1263 км. Фактически было построено 911...

КАК СТРОИЛАСЬ ДОРОГА

В 1930-х годах был опубликован прогноз академика И.М. Губкина о больших запасах нефти и газа на севере Тюменской области. Указанные ученым перспективные ресурсные объекты в дальнейшем стали всемирно известными нефтегазовыми центрами современной Югры. Интересное совпадение! Именно

* СС — совершенно секретно, общепринятое сокращение того времени. Приведено полное название документа.

по этим местам в 1947–1953 годах была проложена сталинская железная дорога, причем большинство документов единодушно утверждают, что дорога строилась без какого-либо проекта. Никто даже не поинтересовался результатами норильских изысканий 1943 года, поэтому в 1947 году разбираться, где именно пройдет дорога, отправили экспедицию Главного управления Желдорстроя. Участник работ А. Побожий впоследствии написал об этом книгу «Мертвая дорога» (Новый мир. 1964. № 8. С. 89–181). Автор — участник той самой изыскательской экспедиции 1947 года с документальной точностью описывает работу первопроходцев будущей трассы в условиях полярной зимы и целинной тундры. Эта повесть особенно ценна бытовыми подробностями, с помощью которых читатель живо представляет себе начало строительства гигантской сталинской дороги, что называется, с нуля. Книга проливает свет на многие вопросы. Например, становится понятно, почему во многих местах трасса проходит по болотам или как именно осуществлялась посадка самолетов зимой в лесотундре. В то же время многие вопросы остаются без ответа.

Непонятно, как зимой под многометровым снегом группа находила пригодные грунты и принимала решения, ошибочность которых каралась смертью. Однако уже в апреле строительство началось. С самого начала строить дорогу планировалось силами заключенных — методом, проверенным на великих стройках страны. Изначально планировались участки под будущие лагеря и зоны для распределения людских ресурсов. Это комплекс построек, состоящих из лагерной зоны, хозяйственных помещений, казарм охраны и жилья руководства. Такие лагеря ставили через каждые 5–7 километров на всем протяжении строящейся трассы. Им присваивался номер того километра, на котором они находились. В дальнейшем эти постройки должны были стать вокзалами, полустанками и станционными поселками. Через

каждые 60 километров строились железнодорожные станции с разъездами.

Рабочую силу, материалы и оборудование забрасывали в места строительства несколькими способами. Напомню, что на всем протяжении будущая трасса была, мягко говоря, малодоступна: это тайга, холмистая лесотундра и болотистая тундра, где, как правило, не ступала нога человека. Летом людей доставляли по многочисленным рекам и речушкам с юга и Северным морским путем, а далее — пешими колоннами. Оборудование завозилось санно-тракторными поездами-волокушами по бездорожью. Зимой приходилось еще тяжелее. Прокладывали кое-где ледянки — намороженные временные дороги и переправы. Вот как работала, по воспоминаниям очевидцев, зимняя намороженная переправа Салехард—Лабытнанги через Обь: «В те годы была суровая погода. В ноябре стояли морозы до 60 градусов. Уже в октябре мощными брандспойтами наращивали лед, намораживали будущую дорогу. Затем клали шпалы, крепили рельсы. Три раза в день — утром, в обед и вечером — двухосный деревянный вагон под номером 86 прицеплялся к паровозу-«кукушке» и перевозил около 40 человек на противоположный берег Оби. Одни отправлялись из Салехарда в сторону Надыма, другие — из Лабытнанги в Москву. Ледянка действовала пять зим и после ликвидации стройки потеряла свою активность, перестала существовать».

Для особо важных и срочных грузов зимой использовалась авиация. Для организации взлетно-посадочной полосы годилась практически любая ровная площадка, на которой просто утаптывался снег перед очередным рейсом. Иногда для этой работы привлекались местные жители и стада оленей. Люди и животные топтали относительно ровную поляну до тех пор, пока уплотненный снег не был готов к приему самолетов. Если в это время был снегопад, работы по утаптыванию полосы не останавливали до прилета авиаторов, тут же разгружали борт и немедленно от-

правляли его обратно. Иногда на это уходило более суток. Почти на всем протяжении дороги не было пригодного для использования леса, песка и камня. Весь материал для отсыпки путей, строительства мостов и зданий был привозной. Весь этот чудовищный объем грузов доставлялся в основном с Урала и юга Сибири.

СТРОЙКА № 503, ЕРМАКОВО

Столицей стройки № 503 стал древний рыбацкий станок Ермаково, расположенный на левом берегу Енисея в 120 километрах от Игарки и в 250 километрах от Норильска. Как пишет участник Северной экспедиции, изыскатель А. Побожий в указанной выше повести «Мертвая дорога» (с. 112), «когда-то это был крохотный поселок», но за несколько осенних месяцев 1949 года «с постройкой дороги он стал уже настоящим городом с населением в пятнадцать тысяч человек. На южной его окраине выросли большая станция и депо». На строительстве трудилось немало вольнонаемных специалистов, прибывших кто по зову комсомольского сердца, а кто за льготами и зарплатой. В Ермаково заработали клубы, школы, театр, почта, больница и даже спортзал. В этом же году сюда переехало не только управление строительства, но и изыскательская экспедиция, оставив в Игарке подразделение. В строящийся город неудержимо потянулись жители близлежащих поселений, ибо условия жизни в нем были лучше.

Работа по всей магистрали шла круглосуточно и всепогодно в три смены, участки работ освещались передвижными электростанциями. Для экономии времени питание строителям привозили на рабочее место.

На трассе решали массу сиюминутных инженерных задач. Например, часто меняли запланированные направления, обходя трудоемкие скальные участки, использовали различные по техническим свойствам рельсы, в том числе и стародавние, умело стыкуя их

Административное здание поселка Ермаково

Бывшая почта поселка

на разных участках дороги. Страна еще не начала производить рельсы в необходимом количестве и на трансполярной магистрали использовались рельсы, отслужившие свой век на других железных дорогах. На них значились даты — 1892... 1902... 1914... Большая их часть — демидовские рельсы.

Качество выполненных работ проверялось два раза в месяц. Начальник группы земполотна проходил по всему участку, то есть около ста километров пешком, осматривая правильность произведенных работ. Для содержания построенных путей в рабочем состоянии использовали мотодрезины, а когда их не хватало, ставили на оси автомобили, трофейные ступебекеры и другую технику.

Мосты на строящейся дороге, как временные (деревянные), так и постоянные (на бетонных опорах), возводились только через относительно небольшие реки. Переправы через Обь и Енисей были паромными. Паромы носили имена «Заполярный», «Арктический» и «Северный». Для оперативной связи проложили телефонную (телеграфную) линию по всей длине будущей трассы. Дорога приказала долго жить в 1953 году, а вот линия связи использовалась по одним данным до 1976 года, по другим — до 1992-го, когда она была окончательно упразднена.

В мае 1952 года наконец-то был представлен технический проект строительства. До этого работа велась только на основании изыскательских работ, проводимых одновременно со стройкой. Изыскания вела Северная объединенная проектно-изыскательская экспедиция Желдорпроекта МВД СССР. В октябре того же года проект был направлен на утверждение в Государственный комитет по строительству при СМ СССР. Согласно этому документу для приведения трассы Салехард—Игарка в рабочее состояние правительству предлагалось выделить дополнительные деньги. Однако через полгода стройку закрыли, несмотря на огромные уже вложенные средства.

В целом на строительство железной дороги, содержание лагерей и инфраструктуры ушло свыше 42 миллиардов рублей. На завершение строительства необходимо было потратить, по подсчетам специалистов, 700–800 миллионов рублей, на ликвидацию строительства и консервацию — 600–700 миллионов. Как видим, довести проект до конца стоило почти столько же, сколько и закрыть его. Однако руководство страны предпочло второй вариант, несмотря на уже понесенные затраты. Основных аргументов в его поддержку было три: дороговизна содержания пути, нерентабельность возможных перевозок, некачественность, следовательно, аварийность самой дороги.

Вышка охраны зоны в 6 километрах от Ермаково

Эти и другие цифры, факты, воспоминания я узнал в Игарке, в краеведческом комплексе «Музей вечной мерзлоты». Спасибо М. Мишечкиной, директору, и А. Тощеву, заведующему экспозиционно-выставочным центром, за огромную подвижную работу над историей секретной стройки. Ее результат — издание сборника «Стройка № 503. Документы. Материалы. Исследования. Выпуск 1». Осенью 2008 года ими же был издан второй выпуск этой книги. Из спецвыпуска «Новой газеты» под названием «Правда ГУЛАГа», где был опубликован материал Александра Тощева «Тайны Мертвой дороги», узнал, что редакция газеты планирует уже вторую экспедицию на секретный объект весной 2009 года. Это значит, что важная тема нашей истории будет продолжена. Возможно, на какие-то вопросы секретной трассы в XXI веке будут найдены ответы...

А пока расскажу байку о том, как Сталин отдал первое распоряжение о строительстве арктической магистрали. Якобы как-то Иосиф Виссарионович вызвал начальника Главного управления лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) Н. Френкеля и, попыхивая трубкой, тихо спросил: «Скажите, товарищ Френкель, как идут изыскания на трассе северной железной дороги?» Зацепив собеседника немигающим взглядом, он сполна насладился произведенным эффектом. Даже такой матерый ловчила, как Френкель, не сразу нашелся, что ответить вождю. Дело в том, что кроме отстраненных слухов о желании Сталина укрепить северные территории, построив там дорогу, ему ничего не было известно... Признаться, что он не владеет ситуацией — это, может быть, подписать себе смертный приговор? Пауза затягивалась... «Работаем, товарищ Сталин!» — максимально бодро соврал опытный интриган, пытаясь выиграть время. «Хорошо, — неожиданно легко согласился хозяин. — Подготовьте срочно отчет о проделанной работе».

Через два часа зеленый двухмоторный «дуглас», сверкая красными звездами, закрывшими знаки американских ВВС, вонзаясь в сумерки, двигался на северо-восток. На его борту — геофизики, маркшейдеры, плотники и другие специалисты. Но ключевая роль отводилась фотографу, надежности трех фотоаппаратов. Права на ошибку у него не было.

Самолет сел на лед одного из многочисленных озер неподалеку от Салехарда. Экипаж тут же принялся готовить машину в обратный путь, а местные и пассажиры в полной темноте срочно принялись валить лес, ставить палатки и печки, сколачивать конструкции, похожие на декорации. Работали в мороз до самого рассвета. При дневном свете началась фотосъемка с многократным дублированием кадров, после чего поступила команда на вылет. Смертельно уставшие люди провожали взглядом улетающий «дуглас»...

Вскоре на стол генералиссимуса лег пухлый отчет о проведении изыскательских работ на трассе Салехард—Игарка, обильно проиллюстрированный фотографиями. Особенно порадовал вождя палаточный городок, снятый на фоне уходящей вдаль просеки, даже мелькнула табличка «Станция Салехард»...

Как известно, в таких байках есть немало правды. Она в том, что отчитаться перед правителем важнее, чем сделать дело. А верит ли он сам в подобную туфту — дело десятое... Но бывает, что из уст в уста передается молва о хорошем человеке.

Начальником стройки № 503, призванной проложить дорогу от Ермаково до реки Пур, 5 февраля 1949 года был назначен полковник МВД В.А. Барабанов. В этой должности Василий Арсентьевич проработал недолго — в 1950 году был направлен на другой объект, но оставил добрый след в памяти знавших его людей. Несмотря на занимаемый пост, этот незаурядный человек пользовался большим уважением у заключенных. Достаточно сказать, что он проживал в Ермаково вместе с женой и дочерьми,

свободно передвигался без охраны и никогда не запирали двери своего дома. Зэки очень уважали его и всячески старались помочь — случай редчайший. Василий Арсентьевич оказался удивительно мудрым и талантливым руководителем. Он ввел систему зачетов: выполнившему дневную норму выработки на 115 % — считать день за два, сделавшему 125 % — за три. Как удалось начальнику строительства отстоять свою новацию у высшего руководства — неизвестно, но сроки строительства дороги поражают до сих пор, а очень многие заключенные благодаря самоотверженному труду сократили свои сроки на несколько лет и были освобождены! Мало того, известны случаи, когда за особую работу, связанную с настоящим риском для жизни, зэки получали вольную.

Полковник Барабанов понимал, что лучше выполнит поставленные государством задачи сытый и тепло одетый человек. И он как мог заботился о заключенных, стараясь не только обеспечить их довольствием, но и организовать их краткий досуг. Именно он выступил инициатором создания лагерного театра. Недалеко от развалин дома, где жила семья Барабанова, в Енисейскую протоку впадает речка Барабаниха. Не в честь ли начальника лагеря названа она?..

Об этом я подумал, когда побывал здесь с экспедицией в 2006 году. Мы обследовали участок дороги в 15 км от Ермаково — как будто побывали в 1953 году...

Василий Арсентьевич в дальнейшем руководил сооружением Цимлянского гидроузла. Он забрал с собой часть амнистированных заключенных. Последние годы жизни он работал в общественной приемной редакции газеты «Известия».

Помимо Игарки и Ермаково зоны возводились в Сухарихе, на реке Турухан до Янова Стана и на запад по будущей трассе. Планировка лагерей была стандартная — прямоугольник метров 500 на 500 обнесен двумя рядами колючей проволоки. Только одни ворота — «вахта», они устроены так, что сверху могли ходить автоматчики охраны. По центру пространство —

что-то вроде улицы, где строились на работу. Улица упиралась в столовую, она же клуб. Здесь, сдвинув столы и установив вместо них лавки, проводили собрания. Давали концерты известные артисты, напротив раздачи пищи — сцена. Вдоль улицы справа и слева от столовой бараки. Они разделены на две половины человек на 40 каждая. Входы в половины барачных раздельные. В центре каждой половины сооружали печку из старой металлической бочки или кирпича. Вдоль стен настилали двухъярусные деревянные нары. На территории каждого лагеря размещались также баня для заключенных, иногда продуктовый ларек, склад личных вещей, медпункт, библиотека, спецотдел, ведавший учетом эков и распределением рабочей силы, оперчекистский отдел (ОЧО), так называемый культурно-воспитательный отдел (КВО).

Несколько домов — те же лагерные бараки — ставили возле лагеря отдельно. Это были казарма охраны и жилье для начальства. В архитектуре лагерей Мертвой дороги начальство позволяло некоторую художественную свободу. В полуразрушенных лагерных строениях среди угнетающе мрачной однообразности можно и сейчас изредка встретить декоративные излишества: арки с орнаментальными украшениями, резные беседки и даже натюрморты, нарисованные на оштукатуренных стенах барачных. В каждом лагере обязательно был ШИЗО (штрафной изолятор), или попросту карцер.

Внутренняя дверь камеры карцера

Карцер. Маленькое окошко в центре — особо строгий изолятор

В Салехард и Игарку в навигацию тянулись бесконечные этапы. Енисей был переполнен речным транспортом до отказа. В трюмах барж «Ангутиха», «Фатьяниха», «Ермачиха» везли заключенных, в каютах размещали вольнонаемных специалистов и военнослужащих — охрану. О какой-либо комфортности доставки людей речи, естественно, не шло. Тем более никто не собирался заботиться о зэках. Люди на перегоне гибли в жутких количествах. До сих пор воспоминания участников этих событий — самые страшные в их жизни. Александр Сновский: «На барже у меня впервые была стрессовая ситуация, когда я увидел совершеннейшее обесценивание человеческой жизни, понял, что моя жизнь ничего не стоит. Я — абсолютный ноль. Если меня не станет — это совершенно заурядное, обычное явление, мимо которого очень легко пройти...» Это слова из документального фильма о 503-й стройке, который в конце 90-х сняла канадская телекомпания. В 2008 году агентство

культуры администрации Красноярского края и Таймырский краеведческий музей выпустили книгу Александра Сновского «Выжить и помнить» (Красноярск, ООО «Издательский дом «Новый Енисей»). А до баржи еще был путь до Красноярска — это тоже адские испытания. Вот еще несколько воспоминаний из того же фильма.

Борис Тачков: «Голод сопровождал каждую минуту нашего пребывания в вагоне. Затем — холод. И чем дальше мы ехали к северу, тем больше этот холод нас брал в тиски. Помню ощущение, когда просыпаешься и, оказывается, примерз к нарам. Ты отдираешь себя от этих нар... Потом понемногу начались болезни, начались поносы, которые перешли в кровавые поносы, началась дизентерия среди этапа. Начали люди умирать. Когда мы приехали на место, у нас в тамбуре лежало уже пять одеревеневших трупов...»

Георгий Бьянкин: «...туалетов никаких не было в этих вагонах. На уровне 60–70 сантиметров были вырублены два окошка, чтобы человек не мог пролезть. Не одна сотня человек ехала. Когда шли мочиться, то пар над отверстием становился инеем, мелким снегом. Люди скребли ногтями эту мерзлую мочу и пили...»

С прибытием в Игарку заключения несчастных не заканчивались. Несмотря на бешеные темпы строительства, город не успевал принимать рабсилу. Сохранились воспоминания людей, которым довелось первое время ночевать на улицах, без палаток, не имея возможности укрыться от дождя и гнуса... Воспоминания о более позднем пребывании в лагере иногда наводят на грустные мысли... Лагерные репрессии порой не просто уничтожали физически, а убивали в людях (пусть не у всех) достоинство и самоуважение, и тогда человек считает нормальным даже то, что по определению не может быть названо таким...

Ирина Алферова-Руге: «...об отношениях заключенных с охраной и лагнальством. Их можно назвать нормальными, если не считать окриков, а иногда угроз...»

Алексей Салангин: «...кормили поначалу в палатках плохо, мало давали даже каши, позже питание стало хорошим. Были ларьки, нам первое время 100 % зарплаты (!) отдавали, потом 50 % ... После освобождения, кстати, многие эки уехали со стройки с тысячами... В лесу, когда идешь: то убитый, то застреленный лежит. Самоохранники (уголовники с бытовыми статьями — расконвоированные, жившие за зоной. — *Авт.*) были так называемые, из числа эков, они «шестерок», других неугодных пристреливали, к дереву привязывали...»

Павел Хачатурян: «...я хорошо запомнил, что у многих заключенных были японские (трофейные) полушубки, ушанки на лицо с вырезом для глаз, теплая одежда на зиму...»

Мария Еремеева: «...мы приехали в Ермаково в 1952 году... Зачастую нам, вольнонаемным, доводилось покупать у осужденных излишки продуктов...»

Надежда Каменюк: «...заключенные выступали перед населением Ермаково с концертами, которые подготавливали сами. Участвовала в них и известная певица Лидия Русланова, отбывавшая срок в этом лагере...»

Пенсионер, 91-летний немец Вальтер Руге, посетивший весной 2006 года Игарку и Ермаково, рассказал, что лучшие годы его жизни прошли на строительстве сталинской дороги, где он после долгих этапов и пересылок получил сытный паек, теплую одежду и небольшое денежное довольствие. Через некоторое время он окреп, поправился и даже женился. Теперь о жизни в Ермаково живущий в Германии ветеран вспоминает с ностальгией, считая, что именно в тот период произошел перелом к лучшему в его жизни, и жалеет, что дорога не состоялась, а Ермаково разрушено и безлюдно. Он хотел остаться...

Для досрочной сдачи объектов в честь государственных праздников зачастую требовались особые усилия, и тогда в ход шли веками испытанные методы. Допустим, надо проложить до праздника

100 метров пути, чтобы рапортовать наверх о досрочной стыковке очередного участка трассы, а люди измотаны, оборудования и инструментов не хватает, времени совсем нет. Тогда в точке завершения работ ставился огромный стол, накрытый по-вольному. Обилие спиртных напитков, включая дорогие коньяки, разносолы и деликатесы — все это без обмана ждало бригаду, уложившуюся в срок. Откуда только силы брались... В каждой из зон, по воспоминаниям А. Кондратьева, находилось до 1200 заключенных (по другим данным, обычно около 500), часть из которых занималась содержанием лагеря. Кроме работников кухни, медиков, каптеров и других лагерных «придурков» в каждой из зон обязательно была бригада охотников и рыболовов, ощутило помогавшая кормить заключенных.

Некоторые исследователи утверждают, что на строительстве трансполярной магистрали погибло более 100 000 человек. Официальная статистика говорит, что убыль (слово-то какое!) составляла 5–7 тысяч человек за год. Выяснить, какая цифра ближе к истине, пока не удалось, как не удалось достоверно узнать, где на пути строительства были кладбища. Никто из бывавших на трассе БАМа не видел захоронений. Их не могло не быть, и если предположить, что заключенных закапывали на месте их гибели, то получается, что дорога по всей длине построена на костях. Возможно, те, кто считает, что под каждой шпалой Мертвой дороги зарыт труп з/к, не очень преувеличивают...

НАСЛЕДСТВО БАМА

Через две недели после смерти Сталина появилось специальное постановление правительства страны о ликвидации строительства № 501–503. Формально дороги не стало. А через два дня после этого был издан указ о знаменитой амнистии 1953 года, в одночасье переменившей судьбы и людей, и всей страны.

Незамедлительно был создан ликвидационный комитет. Основные средства, главным образом здания и сооружения закрытой магистрали, были переданы на баланс местных советов, расположенных вблизи дороги, или, другими словами, просто брошены. Полноценно освоить такой подарок поселковые власти не могли из-за удаленности переданных объектов. Ближние к поселениям постройки еще как-то осваивались и приспособлялись под хозяйственные нужды, а удаленными мало кто занимался. Оборотные же средства (оборудование, дорожное снаряжение, товарные ценности и даже поголовье скота) планировалось передать Норильскому комбинату, причем планировалось в высших органах власти. В июне 1953 года для подготовки проекта решения в Ермаково (в то время полноценную столицу 503-й стройки) была направлена комиссия представителей комбината, которая совместно с ликвидационным комитетом Управления строительства дороги произвела отбор товарно-материальных ценностей на сумму до 100 000 рублей. Однако необходимые распоряжения из Москвы по данному вопросу задерживались и последовали только в сентябре 1953 года, когда навигация на Енисее в районе Ермаково — Дудинка фактически заканчивается. Других способов вывезти грузы с магистрали до следующего лета попросту не было, и вопрос оставили открытым на всю долгую полярную зиму.

К осени 1953 года людей на стройке почти не было, и заниматься организацией сохранности ценностей было некому. Поначалу еще были попытки составить описи подготовленных к передаче грузов, о чем свидетельствуют документы Ярославского архива, копии которых хранятся в Игаркском музее, но, видимо, довести до конца эту работу не удалось. Жизнь нашей страны менялась коренным образом, и учитывать материальные ценности никто особенно не стремился. Мало того, брать никто не хотел! В то время как ликвидационный комитет лихорадочно пытался сбыть хоть кому-нибудь ставшие в одноча-

Недостроенный мост через реку Турухан

Участок Мертвой дороги в долине реки Ярудей. 90-е годы

сье ненужными оборотные средства дороги, местные советы всячески саботировали приемку основных средств — зданий и сооружений по вышеизложенным причинам. В результате возникла ситуация, когда объекты «столовая» или «жилая зона» содержались и охранялись, как положено, ибо были приняты на баланс. В то же время стоящие неподалеку депо или склад спецодежды разворовывались предприимчивыми местными жителями, поскольку формально были ничейными. Постановления правительства, пытающиеся навязать остатки строительства 503-й, практически не выполнялись...

Что бы ни говорили официальные документы, огромное количество ценностей реально осталось на магистрали. Получился своеобразный, растянутый на сотни километров неохраемый склад промтоваров. Более пятидесяти лет все это растаскивалось местными жителями, экспедициями и туристами, но даже сейчас на дороге есть места, сохранившие много добра. Некоторые из них мы посетили, но брать с собой ничего не стали. У нас не было научного интереса к изучению этих предметов, и мы оставили все на своих местах, надеясь, что когда-нибудь все эти вещи многое расскажут историкам. Если, конечно, кто-то уникальными местами заинтересуется всерьез. Сколько всего таких объектов скрыто на трассе Мертвой дороги, не знает никто...

Брошенный поселок — зрелище поистине впечатляющее, эмоционально очень сильное и где-то даже фантастическое. Огромное поселение, размерами больше Норильска, стоит безлюдно и молчаливо среди бескрайних таежных просторов, год за годом поглощаемое тайгой. Сегодня Ермаково, как, впрочем, и многие другие объекты Мертвой дороги, — это уже матерая тайга, в дебрях которой путешественник внезапно натывается на здания и сооружения, оставленные людьми более полувека назад. Кажется, что ни конца ни края не будет этому затерянному городу, понять истинные размеры и планировку которого

можно только с вертолета. Много лет в этих местах не было никого, кроме любопытных путешественников, исследователей недавней истории. Брошенные, но все еще пригодные для проживания дома никто не заселил. В первые годы после закрытия стройки в Ермаково еще несколько лет жили люди, но их становилось все меньше и меньше, пока поселок не обезлюдел вовсе. Публикации начала 90-х годов сообщали о некой семье, одиноко живущей в поселке, но и эти люди покинули эти места. Окрестные старожилы рассказали нам о сезонном рыбаке, по кличке Редиска, иногда в одиночку живущем здесь... Пожалуй, это единственное место в нашей стране, где сохранились нетронутыми объекты ГУЛАГа, да еще и в таком количестве. По сути, вся «пятьсот веселая», как называли стройку заключенные, представляет собой уникальный, гигантский музей под открытым небом. Вряд ли где нибудь на земле есть нечто подобное!

Справедливости ради надо сказать, что жизнь в Ермаково все-таки есть. В первые годы нового века на окраине брошенного поселка местный рыбинспектор А. Казанцев организовал небольшое хозяйство, поставив в районе бывшей пристани несколько новых срубов. На этой своеобразной даче и расположилась наша экспедиционная база, а сам хозяин стал нашим добровольным гидом по енисейскому участку магистрали, хорошо знакомому ему с детства. А. Казанцев решил забросить нас как можно дальше в глубь трассы на моторной лодке по притоку Енисея, речке Барабанихе. Потом, пройдя вперед и осмотрев магистральные объекты, мы вернулись пешком по трассе. Таким образом, нам удалось забраться в глубь строительства на 15 километров. Наш проводник хорошо знал место расположения одной из зон, скрытой в тайге и поэтому не посещаемой ни мародерами, ни туристами. Путь к ней лежал через так называемую локомобильную теплоэлектростанцию. Разрушенное временем строение и сейчас производит грандиозное впечатление. Руины производственных помещений

высотой 15–20 метров говорят о некогда внушительных размерах станции. С высоты второго (третьего?) этажа локомотивной мы и увидели острова бараков и вышек охраны в зеленом море тайги.

Зона представляет собой периметр колючки приблизительно 500×500 метров с четырьмя вышками и одними воротами. При входе слева карцер, дающий начало улице, по правую сторону которой находятся жилые бараки, а слева — хозяйственные постройки и агитационные стенды. Все, как описывалось выше, как рассказывали бывшие ээки. Удивил агитационно-поощрительный стенд. На нем следы от некогда существовавших букв: «Доска». Ниже не разобрать — «трудовых достижений» или, что странно, «почета», или еще чего... Деревянные двухъярусные нары в бараках целехоньки, только грязноваты, одна общая печь стоит по центру. Видно, что когда-то здесь были столы, скамейки... Заканчивается улица досуговым центром, сочетающим в себе столовую, кинозал и

Доска. Неужели почета?!

театр. Об этом говорят и «бойницы» кинорубки, и просторный «колонный» зал, и найденные элементы декораций и бутафорского реквизита. Наличие кинозала и театра в зоне того времени не роскошь, но средство пропаганды. Советская власть всегда уделяла ей пристальное внимание.

Впечатлили остатки кухни. Там до сих пор посреди возвышается огромная кирпичная кладка-печь. С одной стороны ступени для поваров, с другой — три топки. Сверху вмонтированы огромные чугунные чаны. В них теперь лишь дождевая вода, накапавшая через ветхую крышу. Тягостное впечатление производит карцер. Даже спустя полвека находиться внутри как-то не по себе. Планировка такова, что некоторые камеры не обогреваются, те, что по углам, без окон и, похоже, без света. Очень хотелось думать, что это кладовые, но досмотровое окошко в двери не позволило двояко толковать принадлежность этих помещений: бесконечное ужесточение наказания во время самого наказания.

Увы, на всем протяжении дороги «черные искатели-копатели» побывали, и не раз. Осталось только то, что уносить тяжело или невыгодно. Однако и здесь бывают исключения. Например, в карцере остались деревянные бадьи-параши. Кроме того, нашей экспедиции удалось побывать в действительно нетронутом (находилось оно чуть в стороне от дороги) и поэтому очень важном для исследования поселении, состоящем из нескольких сараев и огромной конюшни. Это подсобное хозяйство находится в стороне от основной трассы. Выросшая за эти годы тайга надежно скрыла строения от любопытных глаз, сохранив их исторически

Параша

девственными. Предметы утвари, бочки, хомуты, лампы, таблички с данными лошадей и ясли с полuveковым сеном — все это, чудом сохранившееся, создавало ощущение фантастического путешествия во времени.

Еще один объект, встретившийся нам на пути, — железнодорожное депо. Гигантское и основательно разрушенное здание не произвело особого впечатления. Такие депо можно встретить где угодно на железных дорогах, а вот следующая находка, мягко говоря, озадачила. Мы прошли бы мимо этого места, если бы не изучали тему подземных ядерных взрывов в районе озера Лама, что в окрестностях Норильска. Дело в том, что такие места кроме характерных косвенных признаков, таких, как затампонированные скважины и остатки оборудования, обязательно оснащались специальными табличками. Это круглая металлическая пластина с характеристиками взрыва, венчающая стальную двухдюймовую трубу, намертво вкопанную в землю. Ржавчина съела многие знаки на табличке, поэтому выяснить подробности на месте не удалось, однако сам факт ядерных испытаний в этом районе дает богатую пищу для размышлений. Пока удалось выяснить, что на карте подземных ядерных взрывов в нашей стране, опубликованной (выложенной) в Интернете, наша находка нанесена. Значит, впереди архивная работа по этой теме.

На всем пути нашего следования не осталось ни рельсов, ни шпал — только отсыпка и деревянные мосты через многочисленные ручьи и речушки. Сами же пути были вывезены Норильским комбинатом в 1954 году. Отсыпка же заросла густой травой, а кое-где и молодым лесом, однако формы свои сохранила и уходит вдаль зеленым газоном. Получилась бесконечная парковая аллея, на которой почему-то стоят ржавые паровозы, а вокруг непролазная тайга... Всего в енисейской тайге были брошены 11 паровозов, несколько десятков вагонов, несколько тракторов и масса другого оборудования. В 2005 году два паровоза

были вывезены администрацией Туруханского района в Курейку, на место ссылки Сталина: возникла идея восстановить некогда величественный пантеон на берегу Енисея, заново установить монумент «вождю и отцу всех народов» и присовокупить к этому комплексу паровозы с эковской стройки. Совместить палача и его жертв в одном мемориале все-таки не удалось...

Не надо думать, что арктическая магистраль вся такая, как увидели ее мы. Напомню, что построено было более 900 километров пути, и судьбы у этих километров разные. И как бы это ни казалось парадоксальным, Мертвая дорога не умерла. Она вполне жива, правда, сильно нездорова, но надежда на ее реанимацию еще есть. Некоторые путешественники и исследователи всех мастей, от серьезных историков до простых любителей сувениров, в одиночку и группами прошли магистраль из конца в конец и, конечно же, поведали миру об увиденном. Цели у этих людей были разные: кто-то шел за приключениями и адреналином, кто-то по долгу службы или за мифическими кладами. Некоторые рассказы опубликованы, как и книга А. Кротова «Автостопом по России» (М.: Армада-Пресс, 2001). Другая же информация, хоть и не секретна, но труднодоступна, как, например, неопубликованные записки инженера из Мурманска Владимира Павинского, найденные нами в Игарском музее. Особенного уважения и даже преклонения заслуживает одиночное путешествие этого человека, прошедшего пешком по всей трассе (а это ни много ни мало 1200 км!), детально описавшего все участки пути и сделавшего сотни снимков. Весь этот бесценный материал о сегодняшней жизни дороги Владимир Михайлович передал музею Игарки. Нам удалось ознакомиться с его взглядом на дорогу. Специалист-металловед рассказал, что рельсы на пути применялись разные и вовсе не случайные, несмотря на отсутствие целостного проекта. Основную часть составляли рельсы дореволюционной прокатки

демидовских заводов, отличающиеся великолепной пластичностью и хладостойкостью. Такими же были рельсы советского проката 30-х годов — с пониженной твердостью, но менее хрупкие на морозе.

*Вот уже более 55 лет двухосные платформы стоят
на тазовском участке дороги*

Две семьи, живущие отдельным хутором на сталинской дороге

Хотя в то время производились уже другие, новые, более твердые. По мнению Павинского, применение рельсов именно с такими характеристиками делает честь инженерным решениям, принимавшимся на строительстве пути. Случайная встреча на дороге привела Павинского в хутор, где проживают две семьи. Одна — хантыйская, ее глава — сын лагерного охранника, другая — русская, сына амнистированного заключенного. В начале пятидесятых годов их отцы не захотели покидать эти места, основав небольшой хуторок, много лет счастливо живущий отдельно от советского мира.

У исследователя была еще одна встреча с отшельником, на сей раз одиночкой, бывшим электриком связи, проживающим в 70 километрах от Нижнего Надыма по Мертвой дороге на запад. Дело в том, что часть линии связи Салехард—Надым работала до 1992 года, и этот человек обслуживал один из ее участков. После потери работы решил остаться в привычных местах, развивать натуральное хозяйство. Сейчас он преимущественно живет охотой и

Электрик связи, живущий отшельником, и его дрезина на магистрали

рыбалкой, имеет в своем распоряжении действующую дрезину и, главное, все эти годы самостоятельно (один !) поддерживает в рабочем состоянии более 14 километров железнодорожных путей. Это — лучший фактический ответ скептикам, говорящим, что дорога изначально была обречена на закрытие из-за невозможности поддерживать ее исправное техническое состояние в суровых климатических условиях. Не будем забывать, что кроме этих частных поселений вдоль нашего, Енисейского участка дороги расположено немало полноценных поселков, таких, как Янов Стан.

Судьбу западного участка, стройки № 501, можно назвать почти счастливой.

Этому району помог опыт брошенного строительства, когда в районе Мертвой дороги — на тюменском севере, Ямале и Гыданском полуострове — были обнаружены залежи нефти и газа. Напомню: еще в 1930-х годах был опубликован прогноз академика И.М. Губкина о больших запасах нефти и газа на севере Тюменской области. Сегодня эти районы великолепно оснащены не только железными дорогами, но и автотрассами. На феноменальное процветание этих регионов в немалой степени оказала влияние сталинская дорога. У нефтяников и газовиков нашлись и желание, и средства, где восстановить, а где построить новые пути сообщения. Теперь у них есть своя Дорога, и они — на материке. У норильчан нет своей Дороги, и мы — на острове...

Послесловие редактора к истории советского железнодорожного строительства в Сибири

23 октября 1932 года решением Политбюро строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ) было передано ОГПУ. К началу 1935 года более 150 тысяч заключенных лагерей строили БАМ.

Относительно стабильное развитие экономики принудительного труда было прервано «большим террором» — массовыми репрессиями 1937–1938 годов. С января 1937 по январь 1939 года число заключенных в лагерях выросло с 1,2 до 1,7 млн человек. Несмотря на то, что число рабочих рук увеличилось, экономика ГУЛАГа была дезорганизована: сказались аресты, массовые расстрелы руководителей предприятий, физическое истощение эков и рост их смертности. Резко ухудшились качественные показатели строек НКВД, в том числе и железных дорог. Как свидетельствуют документы, в зависимости от волн репрессий ГУЛАГ периодически сталкивался с проблемой переизбытка заключенных и невозможности их трудоустройства.

Железнодорожное строительство является примером разорительности сталинской экономики. К 1938 году длина начатых, но законсервированных железнодорожных строек приближалась к 5 тыс. км, и это не считая тех дорог, которые были построены, но не использовались или только частично. С 1933 по 1939 годы железнодорожная сеть увеличилась всего на 4,5 тыс. км. Наиболее яркий пример в послевоенный период — заброшенная из-за ненадобности дорога Чум—Салехард—Игарка. Было бесполезно потрачено 3,3 млрд руб., не говоря уже о бесценности жизни заключенных, погибших в жесточайших условиях Заполярья на стройке, официально именовавшейся под № 503.

В 2009 году выставкой в Манеже страна более чем скромно отметила 35-летие начала строительства железной дороги на Дальний Восток. Это была третья попытка. Громкую комсомольскую стройку БАМ в 70-х годах позже окрестили дорогой в никуда. А первые (довоенную и послевоенную) магистрали назвали Мертвой дорогой, хотя все три планировались как пути в будущее. Причины этого — в эко-

номике социализма, и прежде всего в недостатках крупнейшего строительного ведомства под названием ГУЛАГ.

Здесь уместно привести строки из второй главы книги «ГУЛАГ — экономика принудительного труда» из серии «История сталинизма» (М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, РОССПЭН, 2008).

«Важно подчеркнуть, что специальных исследований о незавершенном или бесполезном строительстве ОГПУ—НКВД—МВД пока не существует. Приведенные отдельные примеры, по крайней мере, показывают, что нельзя оценивать результаты деятельности лагерной экономики на основе объемов формально освоенных капитальных вложений. Коротко говоря, вопрос стоит так. Действительно, многие объекты, возведенные заключенными, было очень трудно или почти невозможно строить при помощи вольнонаемных рабочих, однако была ли необходимость строить эти объекты вообще? Наличие больших контингентов заключенных позволяло с относительной легкостью принимать планы форсированного возведения крупнейших объектов без серьезных экономических и технических расчетов, а затем с такой же легкостью ликвидировать начатые стройки и перебрасывать заключенных на новые». (Автор главы О.В. Хлевнюк.)

...Конечно, значительная часть заключенных вносила реальный, большой вклад в экономическое развитие страны. Однако был ли их труд действительно «эффективным» и «дешевым», даже если оставить за скобками моральные аспекты проблемы. Само руководство ОГПУ—НКВД—МВД по понятным причинам предпочитало подчеркивать эффективность и значимость экономики ГУЛАГа.

В записке, направленной на имя Сталина в ноябре 1935 г., Ягода обещал, что НКВД будет строить

дороги в среднем на 50 тыс. руб. за километр дешевле, чем до этого строили гражданские ведомства. Ягода объяснял это более низкой стоимостью содержания административного аппарата и также более высокими нормами выработки, установленными в НКВД (см. введение к т. 3 «История сталинского ГУЛАГа»).

Реальность этих расчетов, степень их полноты и, так сказать, «чистоты» неизвестны. Неясно, например, включалась ли в «административные расходы» стоимость охраны, чекистского аппарата лагерей и т.п., или они проходили по другим статьям и т.д. В записке, представленной С.Н. Кругловым Л.П. Берии 9 октября 1950 г., говорилось, что расходы на содержание лагерей значительно удорожают рабочую силу из заключенных и что стоимость содержания заключенного выше среднего заработка вольнонаемного рабочего.

«Туфтой» по существу были многие высокие показатели лагерной экономики, т.к. достигались они не за счет нормальной организации производства, а при помощи хищнической эксплуатации ресурсов. Получая в распоряжение огромные территории для бесконтрольного «хозяйственного освоения» и безотказную рабочую силу, руководители предприятий НКВД предпочитали не создавать постоянные, долгосрочные объекты, требующие значительных вложений, а разрабатывали в течение короткого времени наиболее богатые ресурсами участки.

Затратную и буквально убийственную экономику остановила смерть Сталина. Он умер 5 марта, а уже 21-го Берия направил в Президиум Совета Министров СССР записку о пересмотре ранее принятого плана строительства объектов на 1953 год. Он объяснил это тем, что ряд объектов «не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства» и перечислил 20 объектов, в числе которых была и железная дорога

Чум—Салехард—Игарка. Позже, в 1956 году, новый министр МВД СССР Н.П. Дударов назвал «естественной тюрьмой» приполярную тундру, «что дает возможность обеспечить полную изоляцию заключенных». В районе законсервированного железнодорожного строительства он предложил организовать две исправительно-трудовых тюрьмы со строгим режимом. Экономика принудительного труда не может быть эффективной...

«Полярная железная дорога. Время возвращаться» — так называется первый раздел упомянутой автором С. Стрючковым книги «Полярная магистраль» (М.: «Вече», 2007). Она наводит на мысль, что транспортники страны не оставляют надежд на продолжение строительства в наше время. Вот только здравый смысл порождает сомнения в этом: ведь мы знаем, как слабо развиваются промышленные и другие отрасли хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке. Заставляет задуматься и сноски (первая из трех) на с. 70 книги «Полярная магистраль»:

«По некоторым оценкам, если строителям удалось бы все-таки завершить прокладку этой железной дороги и пустить по ней поезда, процессы, связанные с искусственным изменением границы вечной мерзлоты, медленно, но ежечасно приводя к искривлению рельсов, разрушению насыпей, зданий, станций и мостов, свели бы на нет все их усилия. Такая трасса требовала бы частого и серьезного ремонта по всей длине. В итоге железная дорога должна была оказаться неслыханно трудоемкой и баснословно дорогой в эксплуатации». Не случайно и в настоящее время самой северной железной дорогой в мире является железная дорога (80 км), соединяющая порт Дудинку с Норильском. Кроме того, железнодорожный путь Салехард—Игарка по подсчетам бывшего главного инженера 501-й стройки А.Д. Жигина обошлась бы раза в три дороже, чем перевозки из европейской части страны

в Красноярск и далее водой, по Енисею (с. 69 этой же книги). Хочется надеяться, что в XXI веке в отличие от прошедшего столетия, прежде чем будет принято решение о строительстве полярной магистрали, будут сделаны серьезные расчеты, прогнозы и проекты, определены финансовые затраты и выгоды...

Галина Касабова

Валерий Чанчиков. 1965 г.

*Братья Чанчиковы (слева направо):
Юрий (старший), Валерий (младший),
Леонид (средний). Норильск, 1955 г.*

Валерий Чанчиков:

*«Ничто плохое не прилипло к
нам, потому что вокруг были
хорошие люди, в их числе по-
литзэки и ссыльные».*

Валерий Александрович Чанчиков

Люблю слушать песни о Норильске, особенно часто ставлю диск Бориса Вершинина... Мысленно возвращаюсь в главный город своей жизни — нет ничего лучше прожитых там лет. Это и детство, и школьные годы, и первая любовь, и добрые знакомые, друзья, коллеги.

Норильск не сразу вошел в мою жизнь. Все мои предки родом с юга Красноярского края — из Хакасии. Они жили в деревне Арбаты и селе Таштып. Дедушка Федосий Дмитриевич Александров (1888 г. — ?) был знатный и уважаемый казак. Но революционные годы и Гражданская война внесли сумятицу в казачьи головы, они воевали то за красных, то за белых и в конечном итоге покинули Родину — бежали в Китай, в город Харбин. Дальнейшая его судьба никому из нас до сих пор не известна. Бабушка Прасковья Игнатьевна Александрова (1890–1958) осталась в деревне Арбаты, одна воспитывала пятерых детей. Это мама и четверо братьев. Двое утонули, спасая колхозное добро. Лед под лошадью проломился, они бросились в воду, пытаясь освободить лошадь. Федор погиб под Ленинградом, он был танкистом. Брат мамы Георгий тоже воевал, но, слава богу, вернулся живой.

В 1932 году мама вышла замуж. Мой отец Александр Иванович Чанчиков (1910–1942) до войны работал начальником почты-телеграфа в селе Таштып. На фронт ушел добровольцем и погиб в декабре 1942 года. Похоронен в братской могиле вблизи города Белый в селе Плоское Тверской области. Я там бывал неоднократно. Последнюю фотографию отца мама увидела в журнале «Огни Енисея» за 1975 год. Это была работа военного корреспондента И.Б. Ванюкова к 30-летию Победы. Мама узнала своего мужа.

Александр Иванович и Валентина Федоровна Чанчиковы

Одной очень трудно поставить на ноги троих сыновей. От знакомой мама узнала о Норильске и с ее помощью решила туда ехать. Получила вызов, и мы отправились в Заполярье. Мне тогда пять лет было, но память многое сохранила. До Абакана доехали на полуторке, на поезде — до Красноярска. Потом сели на колесный пароход «Мария Ульянова». Через трое суток на Енисее сели на мель.

*Валентина Федоровна
Чанчикова. 1980 г.*

Пять суток просидели, ожидая буксир. Все запасы съели, а его все нет. Мама была вынуждена пойти со своими вещичками в ближайшую деревню, поменяла их на продукты. Наконец добрались до Дудинки. Был конец сентября, а снега здесь еще не было. В октябре по узкоколейке прибыли в уже заснеженный Норильск. Долгой оказалась наша дорога...

У знакомой жили недолго. Мама пошла работать на ММЗ, завод дал ей комнатку в бараке.

Валентина Федоровна Чанчикова с внуками. Норильск, 1967 г.

У меня сложилось бы хорошее впечатление от Норильска, если б не холод. Помню, когда я пошел в школу, мы с братом Леонидом носили одни валенки. Хорошо, что мы в разные смены учились. Бывало, я выскакивал на улицу и, увидев Леонида, кричал: «Быстрее! Я в школу опаздываю!» К большим морозам мама все же купила вторые валенки.

Что валенки! Ни у кого не было такого портфеля, как у меня, — сами смастерили. Мы из фанерных листов сделали ящичек. Обтянули его материей. Туда я складывал ручку, тетрадку. Слава богу, чернила ученики с собой не носили, чернильницы всегда стояли на каждой парте. Зато позже я заимел шариковую ручку; такие тогда даже в Москве, наверное, не продавались. Я приобрел ее, когда был в пионерском лагере «Курейка». Помню, мы отправились на экскурсию в Игарку, а туда в навигацию иностранные суда заходили. Там я и купил удивившую меня импортную ручку, из которой чернила не выливались!

Барак, в котором мы жили, тоже был моей школой жизни. Это был длинный коридор, в который

выходили все комнаты и печки. Их топили из коридора, так что здесь было тепло. Усевшись на угольные ящики возле своих комнат, мы с замиранием сердца слушали рассказы о храбрости благородных героев Жюль Верна, Дюма. Все эти приключенческие сериалы по вечерам в коридоре рассказывали нам взрослые соседи, еще недавно заключенные, а тогда уже ссыльные. Это были образованные люди, скучавшие по своим детям. Они рассказывали романы очень интересно...

Ни у кого из нас дома книг не было. Я первый раз сам стал читать книги только в третьем классе, когда записался в библиотеку. К кому-то из ссыльных приехали семьи, и мы, дети, дружно играли, зарываясь в снег зимой. Летом мы облазили всю тундру у старого пивзавода (он потом сгорел), собирали ягоды, купались, а чаще сидели у озера. В 1953 году доставали со дна шпаги, ножи, копья, пики в полтора метра длиной...

Туалета в бараке не было, все бегали на улицу в любую погоду. Однажды там мы с приятелем (было лето 1953-го) услышали выстрелы. Вокруг временной электростанции (ВЭС-2) была зона, заключенных туда привозили, рядом их барака не было. Мы выскочили из туалета и увидели, как к вахте к воротам бежит толпа заключенных. Сначала вохровцы выстрелили в воздух, а потом — в людей. Черный воронок с солдатами подъехал им в помощь. Они тоже стали стрелять. Палили прилично... Люди остались лежать на земле... Мы испугались и убежали домой. А вскоре в барак пришли охранники: «Закройте глаза и рот! Разойдитесь по комнатам и сидите тихо!» В сентябре на наших глазах расправились с восставшими заключенными...

Помню еще одну неприятность, которая коснулась нашей семьи из-за директора школы Н.И. Царевой. Это было в начале 50-х годов. Свежих овощей в поселок доставляли очень мало, да и добрая половина их была переморожена. В основном в магазинах тор-

говля шла только сухими овощами. Мама в то время работала продавцом в овощном магазине, и директор школы Царева настоятельно ее просила обеспечить свежими овощами. Мама ответила, что это невозможно. Это был такой дефицит, который выдавали по карточкам далеко не всем. Директор школы не преминула отыгаться на нас, детей. Брата Юрия вскоре убрали из пионерской дружины, а потом придирками вынудили уйти и из школы. Вот почему ему пришлось пойти так рано работать, не окончив средней школы. По этой же причине меня с братом Леонидом долгое время не принимали в пионеры и занижали нашу успеваемость в учебе.

Нам, детям погибшего на войне отца, выдавали ежемесячно пенсию по 30 рублей и продуктовый набор (в основном американскими консервами). Раз в год по путевке мы отдыхали в пионерском лагере. Прокормить такую семью маме было трудновато, и мне чаще, чем старшим братьям, приходилось подрабатывать летом чистильщиком обуви, продажей

Любимый дядя братьев Чанчиковых Георгий Федосьевич Александров с детьми: сыном Олегом (в центре стоит) и дочерью Ольгой; крайний слева — Леонид Чанчиков, Валерий (сидит). 1970 г.

папирос поштучно. На рынке я торговал старой одежкой, кошельками, продавал и вещи соседей по бараку за вознаграждение. Я знал с детства, почему фунт лиха.

В начале 50-х годов мама вызвала в Норильск своего брата Георгия Федосьевича Александрова (1917–1986) с семьей — у него двое детей. Дядя Жора, бывший фронтовик (капитан разведки), с орденами и медалями, был для нас, пацанов, большим авторитетом. Нам завидовали все ребята в округе: его слава падала и на нас... В Норильске Георгий Федосьевич отработал на предприятиях комбината около 20 лет. Похоронен в городе Минусинске.

Жизнь нашей семьи крепко связана с Норильском, мы часто его вспоминаем, хотя давно покинули этот город. Иногда думаю, каким чудом мы вчетвером размещались в комнатке на восьми квадратных метрах — здесь умещались только две кровати и маленький столик. А какие житейские университе-

Маргарита Чанчикова

ты я прошел, когда мы играли в лапту, городки, футбол... И даже на стихийных площадках азартных игр (орлянка, карты, лото) в поселках Шанхай и Пашкина деревня... Ничто плохое не прилипло к нам, потому что вокруг были хорошие люди, в их числе политзэки и ссыльные. Они очень охотно с нами общались и учили нас своим примером, в большинстве своем были интеллигентные, воспитанные люди.

Я тоже, как Юрий, рано стал трудиться. Пос-

ле 8-го класса стал слесарем коксохимического завода. Десятилетку окончил в вечерней школе. Летом 1959 года я влюбился в девушку по имени Маргарита — она стала моей судьбой, долгие годы была для меня желанной подругой и верной женой. Маргарита Павловна Дергунова (1939–1996) приехала в Норильск в 1953 году, она с братом Валерием училась в школе № 1. Двадцать лет она посвятила детям — работала в детском саду. Последние семь лет трудилась главным бухгалтером в отделении Госстандарта. В любви и согласии мы прожили с ней 35 лет. Наша дочь Ирина родилась в Норильске, здесь окончила и музыкальную школу, а в Москве — педагогический институт. В 1980 году у нас появился внук Антон, а он в 2001 году подарил нам правнука Никиту. Мы все живем в Москве. Ирина работает воспитателем в детском саду, Антон — в бизнесе.

Сколько себя помню, меня всегда привлекала фототехника. После армии я познакомился с Юрием Ивановичем Ищенко, он ввел меня в круг норильских

*Первомайская демонстрация 1957 года. Справа на заднем плане ДИТР.
Слева Леонид Чанчиков, Ренат Шакиров, Владимир Шишлаков,
работники коксохимического цеха никелевого завода*

фотохудожников Владимира Ивановича Чин-Мо-Цая, Георгия Ивановича Волкова — я многому у них научился. Но главным учителем стал для меня Евгений Михайлович Ярошевич. В 70-х годах он трудился в службе быта и был единственным, кто делал прекрасные цветные снимки. Я до сих пор поддерживаю с ним связь, хотя он давно живет в Германии. Не теряю связей и с Юрием Ивановичем Ищенко, живущим в Абакане, Георгием Ивановичем Волковым, который перебрался в поселок Мостовой. Володя Чин-Мо-Цай стал красноярцем. Андрей Волков по-прежнему верен Норильску. С благодарностью их вспоминаю, общение с ними было плодотворным и приятным.

Есть еще одна сфера, которая очень серьезно вошла в мою жизнь. В 1968 году я окончил торговый техникум, а потом и институт. Я пришел работать в управление торговли комбината — здесь были другие отношения и законы. Здесь я приобрел профессиональный и житейский опыт. Руководители управления Ю.А. Трушкин, А.И. Гончаров, А.Д. Горр справедливейшей требовательностью, творческим подходом к работе и людям учили большой коллектив управления торговли. Недаром он славился в Красноярском крае своим обслуживанием, оформлением предприятий, качеством работы...

Из всех руководителей я особо выделяю Владимира Ивановича Полищука. Мне очень повезло, что я перешел работать в снабжение под его начало. Вот где я научился по-настоящему ценить рабочее время, держать слово, проявлять деловую хватку и настойчивость. Мы и сейчас поддерживаем с ним связь, и я не устаю удивляться его заботе о норильчанах. Он добр, внимателен, а его советы самым разным людям всегда мудры и практичны.

В нашей семье все были честными тружениками. Жизнь не баловала нас, но мы жили дружно, у всех были хорошие жены, дети. Старший брат Юрий работал поначалу киномехаником в клубе. Казалось бы, интересная профессия, но как только он обучился

*Юрий Чанчиков с женой Ниной и младшим сыном Женей.
Минусинск, 1977 г.*

вождению автомобиля, уже не изменял водительскому делу — стал классным шофером. Под стать ему была и жена Нина Артемьевна (1938–2003) — она много лет проработала на старейшем руднике «Заполярный». Юрий и мы все, связанные с Норильском, вспоминаем его с теплотой. Я знал, что он был свидетелем восстания заключенных в 1953 году — ему довелось после его подавления выполнять печальную служебную обязанность: по ночам возить для захоронения расстрелянных. Много лет спустя расспрашивал его о том времени, но он сказал мне: «Не пытай меня! Я видел то, что никому бы не пожелал увидеть...» Тяжело ему было все это снова переживать... Юрию за 70 лет, он живет в Минусинске, рядом с ним его сыновья Сергей, Евгений со своими семьями.

Средний брат Леонид Александрович Чанчиков (1938–2000) тоже окончил норильскую школу, в 17 лет пошел работать на коксохимический завод электриком, 25 лет проработал в разных цехах никелевого завода. Был здесь комсомольским вожаком, активным участником городских мероприятий.

Детские и юношеские годы, хорошие люди, которые встретились на нашем пути, повлияли на всю нашу

*Верхний ряд: справа от В. Чанчикова
Антонина Семеновна и Павел
Тимофеевич (теща и тесть), слева
их сын Валерий. Нижний ряд (слева
направо): внук Антон, дочь Ирина
и Маргарита Чанчикова. 1988 г.*

жизнь. Мы любили школу № 1 — двух-этажное деревянное здание. Помню, как она пахла деревом... Здесь пошли в первый класс все дети поселков вокруг ВЭС-2, Шанхая (это справа от него) и Пашкиной деревни. Наш поселок ВЭС-2 растягивался в ширину до старого рынка, расположенного почти на улице Октябрьской. Сосчитать количество балков, в которых жили, как тогда говорили, вольняшки с семьями, бывшие заключенные и прочий разный люд (хулиганы, блатные), по-моему, никому не

удалось. Иногда страшно было здесь — кого-то проиграли в карты и убили, у кого-то отобрали продовольственные карточки, без которых на севере не прожить, уж не говорю про драки...

Летом, в воскресные и праздничные дни, на Валек ходил паровозик с двумя-тремя вагончиками, здесь была загородная зона отдыха. Там в бочках продавали пиво и узбекское вино — эти напитки компании покупали ведрами... Что творилось на берегу реки и в близлежащей тундре, представить может только норильчанин... Но тут уместно сказать, что у нас в чести были и серьезные занятия спортом. Какие-то соревнования шли круглый год, начиная со школьных. Я, например, входил в команды по волейболу и баскетболу. Тренировался в малом спортзале в группе

спортивной гимнастики, получил второй юношеский разряд. Когда открылся плавательный бассейн, стал прыгать с вышки и трамплина, в одной группе со мной занимались Володя Попов, Александр Закурдаев, Слава Стецкий, Люда Радина — мы показывали очень хорошие результаты на городских соревнованиях.

В 1961–1962 годах я работал в смене молодого мастера Анатолия Филатова — он заражал нас духом соперничества, постоянно увлекал рационализаторством и спортом — очень интересными были общение и работа с ним. Я и сегодня с удовольствием встречаюсь на разных мероприятиях с Анатолием Васильевичем Филатовым.

У многих норильчан судьба была трудной и все же счастливой, как они потом сами признались. Я до сих пор продолжаю общаться с мамой Светланы Власовой, которая была лучшей подругой моей жены Маргариты. Сейчас она живет в Санкт-Петербурге с внучкой Василисой.

Ее мама, Екатерина Алексеевна Березорущая, приехала в поселок Норильск 20 июня 1941 года вме-

Как молоды мы были... Слева направо: Леонид Романов, Маргарита Дергунова, Ольга Найпак и Валерий Чанчиков. 1959 г.

сте с родителями. Ей тогда было 17 лет. 21 июня она с новыми друзьями собралась пойти в театр, он тогда располагался в старом деревянном здании на улице Заводской. Но им не суждено было сходить на спектакль — началась война. Тогда она и предположить не могла, что проживет на Крайнем Севере 28 лет и этот город ей станет родным и дорогим. Екатерина Алексеевна жила в балках в районе Круглого озера, часто видела колонны заключенных в сопровождении автоматчиков с собаками. Так их водили на строительство домов Горстроя, ТЭЦ-1 и других предприятий комбината. Жутковато было их видеть зимой: черные сгорбленные колонны по 4–5 человек в ряду безмолвно шли, запорошенные снегом, по своим маршрутам. Поначалу подростков и молодых людей пробирал страх и дрожь пробегала по всему телу, но потом они постепенно привыкли к такому соседству.

Промышленная площадка, рудники строились быстрее, чем сам поселок. Екатерина Алексеевна вспоминает, как с открытием ДИТРа (Дома инженерно-технических работников) из зон стали привозить артистов. Они устраивали очень приличные концерты: были довольны и артисты, и зрители. Позже она поняла, каких людей осудили как врагов народа.

Вся трудовая деятельность Екатерины Алексеевны прошла на ТЭЦ-1. Окончив вечерний техникум, она стала начальником смены химлаборатории. Ее трудовые успехи были отмечены грамотами и денежными премиями.

От первого брака у нее родилась дочь Светлана, а от второго — сын Олег. История жизни ее второго мужа Моисея Соломоновича Миценгендлера немногим отличалась от жизни бывших зэков, осужденных по 58-й статье на десять лет (реабилитирован в конце 50-х годов). Были тюрьмы, пересылки, лагеря. В первый год отсидки попал в штрафную зону Кыштыма Челябинской области, где простому зэку выжить было почти невозможно. Работать приходилось в каменном карьере. Инструмент — лом, кайло, кувалда, лопата.

Норма — две кубовые вагонетки камня на человека. Это была атомная стройка, не все выдержали каторжный труд. Не выполнил норму три раза — в худшем случае расстрел, в лучшем добавляют срок за саботаж. На него уже было два акта о невыполнении нормы... Только благодаря такому же эзку, рискующему собственной судьбой, Моисей Соломонович был переведен в бригаду, которую готовили на этап в районы Крайнего Севера.

Далее трюм баржи вниз по Енисею, Дудинка, и товарный вагон по самой северной в мире железной дороге привез его в поселок Норильск. На воротах зоны прочитал лозунг «От жаркой работы тает твой срок»... Девять лет он трудился с «жаром» на руднике № 3/6. После освобождения женился на Екатерине Алексеевне, продолжал работать на руднике № 7/9 взрывником, потом на шахте Кайеркана помощником начальника участка. В 1969 году их семья выехала в город Алма-Ату, а в 1993 году эмигрировала в Израиль. Моисей Соломонович умер в 2002 году. Екатерина Алексеевна и Олег с семьей остались жить в Израиле. Недавно я получил письмо от их большой семьи (это примерно четырнадцать человек), в котором они с большим уважением и теплотой отзываются о норильчанах и благодарят редактора Г.И. Касабову за ее неиссякаемую энергию по выпуску книг «О времени, о Норильске, о себе...».

Вспомню еще одну семью. Кадушкины познакомились в лагере, а поженились по окончании срока заключения. Анатолий Федотович был арестован в 1943 году, реабилитирован в 1954-м или в 1955-м. Он не любил вспоминать лагерные годы, поэтому особо я его не расспрашивал. Нина Евгеньевна была дочерью «врагов народа», ее тоже реабилитировали после смерти Сталина. Она была несовершеннолетней, когда получила 10 лет по 58-й статье. У них вырос сын Борис, которому они не рассказали не только о том, что пережили, но и о самом факте репрессий. Он узнал об этом, когда учился в институте, от чужих

В гостях у Кадушкиных. Сидят (слева направо): Маргарита Чанчикова, Нина Кадушкина и Тамара Злотникова.

Стоят (слева направо): Анатолий Кадушкин, Валерий Чанчиков и Геннадий Злотников. Норильск, 1971 г.

людей и очень на них обиделся. А они молчали ради его блага, да и сами не хотели беречь свою память и подорванное здоровье. Когда они рассказали мне об этом, я успокаивал их, как мог.

Я благодарен семье Кадушкиных за то, что они познакомили меня с очень хорошими людьми, с которыми я поддерживаю связь до сих пор. С семьями Злотниковых, Ларионовых мы отмечали семейные и традиционные праздники, летом отдыхали в тундре, собирали ягоды и грибы, рыбачили. Увлекались театром, кино, ходили на выставки. Все, о ком я рассказал, отдал Норильскому комбинату лучшие годы своей жизни. Дочери Злотниковых до сих пор живут и трудятся в Норильске. Валентина Ивановна Ларионова продолжает работать в РАО «Норильский никель» в Москве. А я после смерти моей любимой жены Маргариты в ее честь назвал фотоателье. Уже нет на свете

ее родителей Антонины Семеновны (1918–1996) и Павла Тимофеевича (1911–1988), ее брата Валерия (1939–2004), он работал главным конструктором на одном из заводов в Люберцах... Бежит время, но, думаю, ветеранов труда начальника цеха на механическом заводе П.Т. Дергунова и начальника отдела кадров норильской геологоразведки А.С. Дергунову помнят в коллективах.

А меня память часто уносит в Норильск моего детства. Вспоминаю открытие кинотеатра «Родина». Взрослые ребята тогда подняли меня на руки и бросили над толпой. Мне ничего не оставалось, как по-пластунски по головам пробраться к входным дверям. Так я попал на фильм-спектакль «Нахлебник». Кино нам с ребятами не понравилось, а от буфета мы были в полном восторге: газировка с сиропом, конфеты, пирожное были мечтой детей тех времен! И еще... В Норильске я получил первое впечатление от ресторана. Неприятное, скажу сразу. Чтобы казаться выше ростом, в обувь под пятки я подложил пару рукавиц друзей, так со старшими и вошел в ресторан. Обалдел сразу! У каждого стола стояли ящики с пивом, на столах шампанское и спирт. На закуску и блюда я как-то не обратил внимания... Табачный дым столбом, громкая речь, красные лица, пляски перед оркестром (некоторые босиком!). В общем кабацкие звуки и ароматы на всю жизнь неприятно отложились в моей памяти...

Одни из первых норильских стиляг в пионерлагере «Таежный» (слева направо): Анатолий Алексеев и Валерий Чанчиков. 1957 г.

А после пурги взрослые вручную откапывали двери и окна балков. Мы строили туннели, окопы, баррикады и очень азартно играли, воевали... В начале 50-х годов театр переезжал в новое здание на улицу Севастопольскую, нас пригласили на погрузочно-разгрузочные работы. Мы охотно помогли, но втихую кое-каким реквизитом украсили чердак нашего барака — это кресло, стулья, столик и большое раскрашенное полотно в средневековом стиле. Это был штаб нашей тимуровской команды... А потом переезжала профсоюзная библиотека — у нас образовался небольшой ее филиал... А летом мы забирались на гору Шмидтиху. Тут долго не таял снег, и мы на досках по этому снегу скатывались с бешеной скоростью вниз — дух захватывало!

Я расстался с Норильском в 1985 году — наша семья переехала в Москву. Четыре года проработал снабженцем в АН СССР. Грянула перестройка. Вот тогда фотодело и стало моей второй профессией. Благодаря ей я обошел многие исторические места Москвы. Тогда-то и открыл свой фотосалон «Маргарита». И сейчас продолжаю снимать норильчан на встречах клуба «69 параллель». В честь 10-летия

Коллектив диспетчерской снаб и складского хозяйства Норильского комбината. 1977 г.

клуба в 2009 году в школе имени Ф. Достоевского, где сейчас собираются норильчане, живущие в Москве и Подмосковье, я вывесил на двух стенах актового зала огромные стенды из множества цветных фотографий. Выставка имела большой успех. В конце вечера я предложил норильчанам, которые на стенде увидели себя, взять фотографию на память. Я рад доставить удовольствие норильчанам. Я рад, что в моей жизни был Норильск, я благодарен ему за суровую и добрую житейскую науку.

Николай Васильевич Андрухов. 1962 г.

Николай Андрухов:

*«Тогда у нас не работа была,
а сплошное преодоление труд-
ностей» .*

Николай Васильевич Андрухов. 90-е годы

МОЯ СЕМЬЯ

Мое детство прошло в красивом уголке Украины на границе с Россией. По берегам речки Эсмань разместились села Червоное (Лужки), где я родился 14 октября 1935 года в семье служащего, Эсмань, Яновка, Масензовка, Холмовка, Нарбутовка... Когда-то это были вотчины помещиков. В каждой были каменные дворцы в самых красивых местах в окружении фруктовых садов и аллей из вековых деревьев. На их развалинах мы, ребята, играли в казаки-разбойники. Наша семья состояла из трех мальчишек, мамы и папы, Натальи Ивановны и Василия Федоровича Андруховых. Жили в селе Бачевск, где папа работал бухгалтером колхоза. Когда не стало дедушки, переехали в Масензовку в родительский дом папы. Заняли две комнаты в половине дедовского дома, во второй половине жила семья папиного брата — Ивана Федоровича Андрухова. Жили дружно. Дедушка Федор Степанович работал на сельской мельнице. В один несчастный день его вызвали в Глухов, и больше его никто не видел. Розыск ничего не дал, да и страшно было в те годы доискиваться истины.

Мама работала на довольно большом приусадебном участке и воспитывала детей: Валерию был годик, мне — пять, а Евгению исполнилось десять лет. Папа работал бухгалтером в заготконторе на железнодорожной станции Эсмань. Вечером он возвращался на велосипеде, мы всегда ждали его на повороте с нетерпением. Втроем бежали к нему через речку и встречали его на лугу. Валерия папа сажал на раму у руля, меня — на багажник, а Женя крутил педали. Папа держался за руль. Во дворе дома нас встречала улыбающаяся мама... В один из дней папа на работу

*Николай Андрухов с родителями — мамой Натальей Ивановной
и отцом Василием Федоровичем. 1969 г.*

не пошел, но радости в доме не было. Мама была заплаканная. Она что-то собирала для него. Потом на улице послышался шум и плач. Мама тоже заплакала. Папа поднял Валерия, обнял и поцеловал, потом меня и Женю. На улице он попрощался с мамой и ушел вместе с сельскими мужиками в сопровождении председателя колхоза в Лужки. Было лето 1941 года. Село опустело. Стало непривычно тихо, тоскливо и тревожно: война!

Осенью в дождливый день по старой Екатерининской (Потемкинской) дороге в сторону железной дороги начали передвигаться воинские части. Жители села со страхом смотрели на усталых солдат в мокрых плащ-палатках. Войска в основном шли вечером и ночью. Однажды не стало моста через речку Эсмань — его сожгли или взорвали... Было очень тихо в селе. Кое-где, правда, пел петух и лаял пес. Нас мама со двора не выпускала. Борис прибежал и сказал, что в Яновке немцы и скоро будут у нас. Женя залез на крышу сарая и стал смотреть в даль. «Идут! Идут!» — закричал он. По пшеничному полю быстро двигались черные

коробочки. Потом слышались далекие выстрелы. Сельчане забегали, растаскивали колхозное имущество. Забирали кто что хотел: зерно, коров, телят, свиней, инвентарь и др. Мама ничего не брала. Тетя Дуня с Женей притащили с пасеки рамки с медом, а пчел оставили в огороде за кустами сирени.

На другой день на сельской улице показались мотоциклисты. В наш двор заехал огромный тупорылый автомобиль. Задом раздавил изгородь садика, жасмин и кусты пионов, бортом уперся в стену дома. Другие машины заняли весь двор, сломав забор и попортив огород. Стоял сплошной шум от крика, кругом слышалась чужая речь. Немецкие войска через наше село сплошными колоннами шли дня четыре, потом отдельными частями проходили в течение многих недель. Нас выгнали в сарай. В дом от машины провели провода и осветили большую комнату. Один немец увидел опухшую тетю Дуню и спросил у мамы, что с ней. Та издала звук «д-з-з» и щипнула себя: пчелы! Немец кивнул головой, вытащил маленькую книжечку и пальцем указал на какое-то слово. Мама сказала, что у нас в доме нет уксуса. Тогда немец ушел, а когда вернулся, дал маленькую бутылочку и показал, что нужно растереть тело больной. Мама так и сделала. Тетя Дуня поправилась и ушла к себе домой в Яновку. Вечером этот же немец нас угощал бутербродами: тонкий ломтик хлеба намазан таким же слоем масла. Как позже мы узнали, это был маргарин, а не масло.

В дом нас не пускали. Мама с Женей обустроили жилье в погребе — оборудовали нары, наложили соломой, закрыли попонами. Там мы прожили долгое время.

На следующий день всех жителей села согнали к колодцу. Назначили старосту, полицаев, разделили дома села на десятки, велели вернуть на колхозный двор все, кто что взял. Зачитали приказ, потом его наклеили на дверь каждого дома. Расстреляли пленного раненого солдата и деда Леню, в его доме нашли солдата. Расстреляли полицаи молодую учительницу,

что жила у бабы Насти, и повесили на вербе у колодца мужчину с табличкой «Бандит». Полицаи были из других сел. Староста — из нашего села. Село не скоро начало оживать...

Рано утром в дверь погребца постучали полицаи и велели маме обучить нашу корову и корову тети Ульяны для работы в телеге, как это делают волы. Началась новая жизнь и для мамы, и для коров. Много месяцев мама возила грузы на телеге, запряженной коровами. Возвращалась поздно. Немцы с сахарного завода привезли бочку патоки и поставили в сенях нашей квартиры. Нам очень хотелось попробовать этой сладкой патоки. Однажды, когда в доме не было немцев, я полез в бочку. Только попытался зацепить рукой густую патоку, как почувствовал, что меня кто-то поднимает и несет куда-то. Не успел я и крикнуть, как полетел с высокого крыльца на землю и потерял сознание... Потом долго болел, лежал в подвале.

Помню, мы слышали о военнопленных в Майоровом яру. Побежали смотреть. Охрана ходила по периметру яра. Потом пленные построили вышки, вкопали столбы и натянули колючую проволоку, установили прожекторы. Кормили пленных сырой сахарной свеклой, картофелем и жмыхом. Многие женщины за яйца, молоко, кур выкупали у немцев пленных, говоря, что это муж, сын или родственник. Но многие умерли в этом яру...

Зимой село несколько раз подвергалось нападению то ли партизан, то ли полицаев. И те и другие грабили сельчан, убивали живность, забирали ценные вещи и имущество. В один из таких набегов нашу корову вывели во двор и хотели зарезать, но кто-то сказал, что это корова Андрухова. Ее опять загнали в хлев. Наутро староста пригласил маму к себе и сказал, чтобы она забрала детей и уехала из села. Староста уважал папу и семью, предупредил об опасности.

В тот же вечер мы отправились в Глухов к дяде Толе и в полуподвале пережили конец зимы. Весной 1942 года мы вернулись в Масензовку. В этом же году

из Польши неожиданно вернулась бабушка, мамина мама — Анастасия Яковлевна Букатина, и поселилась в своем родовом доме в Яновке в имении Букатиных. Как бабушка оказалась в Польше? Это очень запутанная история. Мне ее толком никто не рассказал. Намеряли на любовные связи с офицером, который ее туда увез. Мы снова поселились в погребе. Голодали.

Весной мама меня отправила к бабушке Насе помогать ухаживать за индейками. Мне нравилось там жить. Дом большой, высокий. Вокруг огромный фруктовый сад, обсажен липами и акацией. Имение построил сын Прасковьи Устиновны Букатиной, жены казачьего полковника. Иван Семенович послушался матери и женился на красавице Анастасии, дочери яновского многодетного бедняка Якова Марковича Мешкова. За это разгневанная матушка выделила сыну пятьдесят гектаров земли в окрестностях Яновки и выгнала из своего поместья. Иван Семенович был добрый, работающий, умный, без вредных привычек, сильный и красивый казак. Мама рассказывала, что несколько сельских парней висли на руках Ивана Семеновича и он их крутил вокруг себя, как карусель. Он построил усадьбу, завел пасеку, сельчанам отдавал землю в аренду с условием, чтобы они сеяли гречиху, подсолнухи и рапс (медоносы). Селяне его уважали и всячески ему помогали убирать урожай ягод, фруктов. Он отвечал им своей щедростью.

Анастасия Яковлевна родила двух сыновей и трех дочерей — Николая, Валерьяна, Наталью (мою маму), Олю и Веру. Хозяин вел торговлю медом, воском, фруктами и саженцами прекрасных сортов яблонь, груш, вишен. Воспитывал и учил детей. Семнадцатый год перевернул все с ног на голову. Имение разграбили. Дочерей приютили дружественные сельчане. Старший сын Николай уехал в Донбасс. Отца Ивана Семеновича с сыном Валерьяном угнали на Соловки, откуда они чудом бежали на Кубань, а через какое-то время обосновались в Самарканде, где Иван Семенович и умер. У Валерьяна Ивановича родились две дочери — Дина

и Вера. Они получили высшее образование и живут в Кишиневе. Их дети во время распада СССР уехали в США, где живут в достатке. Вера Ивановна со временем вышла замуж за полковника Алексея Игоревича Ширяева, родила двух сыновей — Юрия и Виктора и живет в Мукачево. Юрий окончил артиллерийское училище, погиб в Афганистане, Виктор окончил институт. Ольга Ивановна вышла замуж за инженера-строителя Ивана Александровича Кононенко, тоже родила двух сыновей — их семья поселилась в городе Белая Церковь в собственном доме, который построили в 50-х годах. Наталья Ивановна (мама) вышла замуж в 1927 году за комсомольца Василия Андрухова, сына ссыльного ивановского рабочего Федора Степановича Андрухова.

Однажды в 1985 году я посетил отца в госпитале, он хотел мне рассказать о своей жизни, даже просил записать его рассказ. Я обещал, а на следующий день он умер. До сих пор я страшно сожалею... Всегда, когда бывал в городе Белая Церковь, я приходил в госпиталь, садился на скамейку, на которой в последний раз беседовал с папой, и вспоминал его рассказы. Он был комсомольцем, его дважды чуть не до смерти избили парни из яновских зажиточных семей. Он полюбил и женился на дочери помещика, за что ставился вопрос о его исключении из ВЛКСМ (не исключили). Учился на бухгалтера в Глухове, воевал, бежал с остатками своего взвода из окружения, отступал до Сталинграда... В Бекетовке обвалившаяся стена чуть его не задавила, он форсировал Дунай в Будапеште, потом работал управляющим Сельхозбанка. Его исключили из партии, через три месяца восстановили. У него была трудная жизнь.

Во время оккупации в 1942 году мама отправила меня в школу. Четырехлетка была в соседнем селе за четыре километра от Масензовки. Ученики всех классов занимались в одной комнате, и занятия вел всего один учитель. За разговоры на уроке он меня поставил в угол на колени, на гречку. Больше я в школу не по-

*Братья Андруховы (слева направо): Николай, Евгений, Валерий, Борис.
1943 год — первый год после немецкой оккупации*

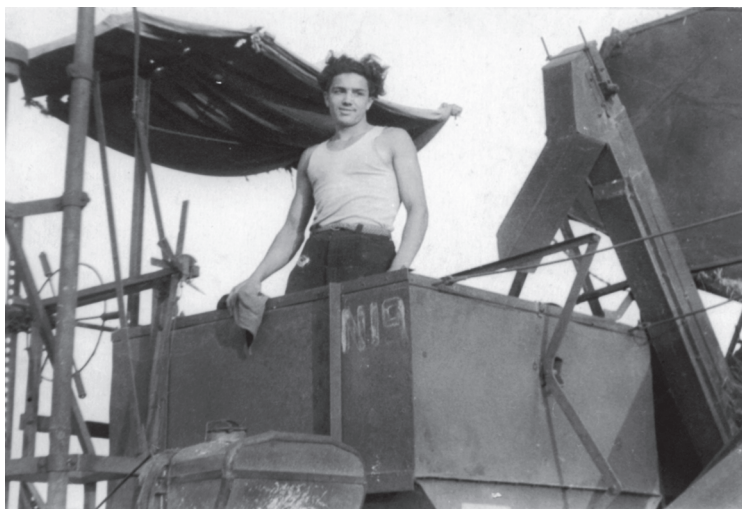
шел. Мама не настаивала. Помню, как в 1944-м мы увидели рано утром, когда корову выгоняли на луг, наших солдат. Они спросили, есть ли немцы в селе. Я ответил, что нет. Днем в Уманцевом саду уже было много военных машин, танков и солдат. Со стороны Глухова слышна была канонада. В селе слышались музыка и песни. Наши пришли!

В 1944 году я снова пошел в школу. Занятия проходили в одной комнате. Книг не было. Писали на газетах, оберточной бумаге. Чернила делали из сока бузины, свеклы и сажи, разведенной молоком. Я учился хорошо. К концу года учитель меня пересадил за парту другого ряда — второклассников. В следующем году случилась трагедия. Во рву мальчишки раскопали склад мин и снарядов, которые они стали разбирать. Мина взорвалась, за ней — остальные снаряды. Погибло несколько учеников. Их останки собирали по всему саду. Я видел руку на яблоне. Страшно было! Потом в округе нашли еще много всякого оружия...

Кончилась война, семья переехала в Лужки. За хорошую учебу и отличное поведение меня с группой учеников Сумской области в 1951 году премировали поездкой в Москву на праздник 7 Ноября. Хорошо помню поход в Мавзолей В.И. Ленина и парад на Красной площади. Помню И.В. Сталина на трибуне. Позже видел мертвого в Мавзолее, а еще позднее — бюст на постаменте у Кремлевской стены. Много раз я потом рассказывал в своей школе об этой поездке. В школе все было интересно: пионерские линейки, комсомольские собрания, стенгазеты, посадка деревьев в школьном саду, походы по местам партизанской славы, ежегодные балы-маскарады для старшеклассников. В 9-м классе я заработал приз за маску «Мир победит войну!» — голову Черчилля бьет кулак Мира. А в 10-м классе я изготовил макет голубя мира и тоже получил приз. А как от одной картофелины получить ведро картофеля? Мы поставили опыт. В яму примерно метр глубиной засыпали перегной и посадили картофель. Когда росток достиг двадцати сантиметров, присыпали его землей с перегноем, хорошо полили. Так гнездо картофеля получилось многоэтажным. Урожай осенью был больше ведра! Учились прививать к дичкам вкусные сорта груш и яблок. Но я мечтал стать летчиком, хотя все детство был пастухом — пас то гусей, то индеек, то телят, то коров, даже в ночное гонял лошадь... В летное училище меня не приняли, помешали плоскостопие и маленький рост.

Весной 1953 года страна переживала смерть И.В. Сталина. Мама плакала, плакали соседи. Всюду были вывешены знамена с черными лентами. Звучала траурная музыка. Отменили занятия в школе. Папа был в больнице с инфарктом после исключения из партии (он не выдал кредит колхозам-должникам). Все чего-то ждали, но очень скоро занялись своими делами. Я готовился к выпускным экзаменам, потом уехал в Киев. В сельхозинститут опоздал, в университет тоже... Сажу на скамейке на бульваре Шевченко и плачу. Подошла сердобольная женщина и спросила,

что случилось. Я рассказал. Она посоветовала сесть на трамвай № 10 и поехать на улицу Суворова в автодорожный институт, что я незамедлительно и сделал. Приемная комиссия приняла у меня документы и

Николай Андрухов летом работает в колхозе: он с молодых лет на транспорте — то на лошади, то на комбайне помощником... 1955 г.

дала направление в общежитие. Это была аудитория в институте, где установили койки и тумбочки.

Каждый экзамен брали приступом. Учили предметы до одурения. Питались плохо, съедали сайку в день. Денег-то не было. Но когда прочитали о своем зачислении — от счастья чуть не падали в обморок!

Учиться было трудно. Голодно. Стипендия маленькая. Сельские студенты привозили от родителей картофель, сало и масло. А многие, в том числе и я, ходили на пристань разгружать баржи, строить дачи и дома на днепровских берегах, работали грузчиками в магазинах, распространяли билеты театра музкомедии, оперного театра. Были членами комсомольского активного отряда, занимались охраной Печерского района от бандитов и жуликов. В Киево-Печерской

лавре при задержании насильника я получил ножевое ранение в живот.

В институте я занимался спортом, будучи членом спортивного клуба студентов и преподавателей «Буревестник». Первое лето провел в Черниговских военных лагерях — проходил курс молодого бойца. Потом каждый год ездили убирать то виноград, то кукурузу, то картофель. В остальное время помогал строить дом родителям. Работал в колхозе на уборке урожая помощником комбайнера.

Николай Андрухов (справа) стал студентом — эту фотографию как отчет о первом успехе он послал домой родителям и братьям. 1954 г.

Диплом писал дома. Его тема — «Снегоход для северных районов». Защитился на отлично. По решению комиссии меня направили в распоряжение Красноярского автотранспортного управления. Сменным механиком проработал недолго — военкомат отправил меня на Дальний Восток на окружные объединенные курсы усовершенствования офицерского состава.

ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ

По возвращении в Красноярск меня отправили в Игарку техническим руководителем Игарского автохозяйства. Здесь я познакомился в Интерклубе с девушкой, на которой женился. С комсомольцами демонтировали рельсы железной дороги, которая должна была соединить «материк» с Крайним Севером. С молодой женой уехал в отпуск в Белую Церковь, а дорабатывал обязательный срок по направлению в Норильске.

В Норильске нам дали жилье. Мне — работу в Норильском пассажирском предприятии. Родился сын. Полноценная семья — живи и радуйся! Но жизнь не сложилась... Считаю себя виноватым. Много рабо-

Николай Васильевич Андрухов с сыном. 1970 г.

Два серьезных увлечения Н. В. Андрухова: охота-рыбалка и кактусы

тал — приходил домой поздно. Выходные проводил на охоте или рыбалке. Мужские компании, выпивки. Какой женщине это понравится? Стали ссориться. Пытался вернуть прежние отношения. Не помогло. «Она ушла. Не надо, не зови. На нитях чувств, оборванных однажды, как ни вяжи — останутся узлы... Иссакий ключ не утоляет жажды...» Снял комнату. Потом горисполком выделил гостинку. Так и жил бобылем. Почти каждую весну ездил с друзьями на гусиную охоту.

На работе тоже случилась неприятность. Горком комсомола выделил мне путевку в Болгарию. Я прилетел в Красноярск и зашел к уважаемому человеку — Иосифу Феофановичу Сафронцу. По специальному разрешению А.П. Завенягина он в 1939 году вел колонну грузов в суровых условиях Заполярья из Игарки в Дудинку, с 1954 по 1961 год возглавлял в Норильске автопассажирскую контору. Тут меня увидел кадровик и увел к П.Р. Городницкому, нашему краевому начальнику. И тут я слышу, что должен вернуться на работу: «Вот через 10 дней и езжай в Болгарию...» Возмутился, отказался и услышал: «Клади партбилет и иди на все четыре стороны...» «Не вы мне его вручали и не вам его забирать», — отвечаю. Оба погорячились, но в Болгарию я уехал... Петр Романович был незлопамятным руководителем и добрым человеком: я отделался выговором и лишением премии. Позже я рассказал ему, что из-за поездки в Болгарию потерял друга — раненого черного ворона. Его крыло в локтевом суставе не удалось срастить. Я его кормил оленьим мясом, и он вскоре ко мне привык, позволял себя гладить и брать на руки. Он расчесывал мои волосы, когда я лежал на диване. Не пережил ворон разлуки со мной, не принял ухаживания других и умер.

В 1972 году я переехал в однокомнатную квартиру на улице Московской. Друзья помогли обустроиться. Купили мебель, посуду хрустальную, постельные принадлежности. Николай Васильевич Черепанов,

Аполлон Иванович Павлов, Генрих Лукич Мацко, Николай Николаевич Самусенко, Василий Васильевич Павлов, Александр Кузьмич Куличенко, Александр Александрович Полюшкин, Александр Сергеевич Самков, Владимир Васильевич Василенко и многие другие принимали самое живое участие в устройстве моего быта. Задумался о создании семьи. Руководителю без семьи особенно трудно...

В Красноярске я познакомился с девушкой — хорошим человеком. Встречались. Она мне очень понравилась. Все время о ней думал. Чувствовал, что без нее мне плохо. Кажется, такое испытывал впервые. Пригласил Катю в Норильск. Она посмотрела город и улетела. Думал, не вернется. Переживал. Через некоторое время она вернулась хозяйкой в мою холостяцкую квартиру. Четвертого марта 1977 года Екатерина Григорьевна Купреева стала Андруховой. Тридцать шестой год живем вместе. Делим и горе, и радость поровну. Много всего пришлось пережить. Любим путешествовать по миру.

*Родители Андруховы с сыновьями: Николаем (слева), старшим сыном Евгением (рядом с мамой), младшим сыном Валерием (рядом с отцом).
Белая Церковь, 1978 г.*

Все главные уроки жизни я получил в семье. Самый первый — труд всему голова! Он спасает и тебя самого, и твоих близких. Вспоминаю, как тяжело и много (не по-детски!) пришлось мне работать, когда я был мальчишкой... Сдюжил. Пережил трудности, неудачи, разочарования. Мешали собственные горячность, упрямство, молодая безалаберность, самоуверенность. Все это позади, сейчас живу в ладу с собой, привычно тружусь, нахожу удовольствие и удовлетворение в общении с родными людьми, с природой и миром, в путешествиях по близким и далеким местам.

*У Вечного огня. В.И. Юрченко (слева) и супруги Андруховы.
Киев, 1973 г.*

*Н.В. Андрухов с человеком, известным
всем в Норильске, — Владимиром
Ивановичем Пономаренко, начальником
Норильской инспекции маломерного
флота*

Люблю бывать в Белой Церкви. И мысленно часто возвращаюсь туда. Там могилы родителей, братьев. Во Пскове живут мой сын Андрей, его семья, мой взрослый внук. Но родину покидаю с тяжелым сердцем не только из-за разлуки. Укоряют меня, что живу в Сибири: туда ссылают за преступления, говорят мне, а ты добровольно при огромных возможностях похоронил себя на чужбине. Не понимают, что Таймыр, Красно-

ярский край стали моей второй родиной, которой я благодарен за то, что здесь состоялся как человек, как руководитель ответственного дела. Я влюбился на всю жизнь в природу Заполярья и Сибири. Моя душа поет и отдыхает на рыбалке, охоте, да просто на прогулках, пешеходных и автомобильных. Я вел путевой дневник, писал стихи и до сих пор работаю, хотя мне уже скоро 75, возглавляю ОАО «Красноярское ПАТП» — обслуживаем междугородные автобусные маршруты по югу Красноярского края. А прошлое всегда со мной.

Однажды в очередной отпуск мы с отцом побывали в здании Сельхозбанка, где он работал. Оказалось, его здесь не забыли! Когда проезжали по деревянному мосту через Эсмань, вспомнил, как здесь сорвался с грузовика, на котором решил прокатиться, и занозил колено. Вечером, поглядев на него, Валера, брат, крикнул: «У Кольки коленка гниет!» Немедленно меня повезли в Глухов — здесь вырезали занозу из

Уродительского порога (слева направо): Николай Андрухов, Виктор Юрченко, Николай Токаренко и Наталья Ивановна Андрухова. 1990 г.

коленного сустава длиной больше двух сантиметров и толщиной полсантиметра. В последний раз в 1995 году я больше месяца жил в Белой Церкви с мамой. Она так прощалась со мной, будто чувствовала свою смерть. Доехал до Моршанска, а там — телеграмма с сообщением, что она скончалась. Больше двух лет после выхода на пенсию я прожил в Моршанске, а с 1996 года снова стал сибиряком.

П Р И К А З
ПО НОРИЛЬСКОЙ ПАССАЖИРСКОЙ АТК.
За 1954 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е: *По иному соб. в*

№ 1. 14 июля 19 г. г. Норильск.

В соответствии приказа по Красноярскому Краевому
Управлению дорожного и транспортного хозяйства от 14-го
июля 1954 г. № 232, сего числа приступил к исполнению
служебных обязанностей Начальника Норильской Пассажирско-
автотранспортной конторы САФРОНЦ Михаил Феофанович.

НАЧАЛЬНИК НОРИЛЬСКОЙ ПАССАЖИРСКОЙ АТК.

Шарин /САФРОНЦ/.

Приказ по Норильской пассажирской автотранспортной конторе. 1954 г.

ИЗ ИСТОРИИ НОРИЛЬСКОГО ПАССАЖИРСКОГО АВТОТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Второго августа 1954 года из состава центральной автотранспортной конторы горно-металлургического комбината выделили отдельное транспортное предприятие для обслуживания населения и трудящихся Норильского промышленного района. Его первым руководителем стал Иосиф Феофанович Сафронцев. Его дочь Сафронцев-Ольховская рассказала об отце, о жизни семьи в книге четвертой издания «О времени, о Норильске, о себе...». Они жили в Игарке, Дудинке, Норильске. Восемь лет Иосиф Феофанович прожил в Дудинке — здесь он получил удостоверение шофера 13 мая 1933 года под первым номером. После курсов шоферов-механиков его назначили начальником автобазы лесопильного завода.

Осенью 1938 года баржи с важными для Норильскостроя грузами попали в ледовый плен недалеко от Игарки. И.Ф. Сафронцу предложили перевезти срочные грузы до Дудинки на автомобилях. Дождались прочного льда на Енисее и отправились в рискованный путь. Пережили пургу, мороз 40 градусов, ночевку в неотапливаемых кабинах ЗИСов. Перед самой Дудинкой серьезным препятствием стала трещина во льдах Енисея. Помогли трое встречающих автокараван, один из них — А.П. Завенягин. Потом был второй рейс из Игарки, он длился пять суток — над Енисеем стоял мороз 60 градусов. Люди еще как-то выдерживали, а машины стали. Рубили на куски тулупы, обмакивали их в бензин, поджигали и клали под карбюратор, жгли костры.

Иосиф Феофанович Сафронцев

*Борис Владимирович
Костромитинов*

Потом была работа в Норильске. И.Ф. Сафро-
нец возглавил первое авто-
транспортное предприятие.
В 1961 году он покинул За-
полярье. На его должность
заступил Борис Влади-
мирович Костромитинов.
Он родился в 1914 году в
Москве, окончил рабфак
Ленинградского института
транспорта. Работать начал
в 1930-м. В 1936 году его
призвали в армию, через
год арестовали по полити-
ческой статье. Срок заклю-
чения отбывал в Нориль-
ском ИТЛ до 1945 года.

После освобождения трудился на комбинате старшим
механиком, техноруком, в 1954-м Б.В. Костромити-
нов был назначен главным инженером выделенной
из комбината автотранспортной конторы. Он ушел
на пенсию в 1972 году, через год скончался.

В 1954 году Норильская автотранспортная кон-
тора имела 19 автобусов и 22 грузовых автомобиля,
временно приспособленные для перевозки людей. Ей
принадлежали два здания, численность коллектива
была 272 работника.

В конце 70 — начале 80-х годов ПАТП было
переименовано в Норильское производственное объ-
единение пассажирского автотранспорта (НПОПАТ).
За эти годы значительно улучшились пассажирские
перевозки, были построены необходимые удобные и
теплые гаражи, административно-бытовые комплек-
сы для работников и пр. Все это делалось с учетом
круглосуточного режима работы автотранспортников
и особенностей эксплуатации транспорта в суровых
условиях Крайнего Севера, когда приходится тру-
диться при ограниченной видимости на дорогах, ког-

О введении единых общегородских тарифов на автобусные перевозки.

Исполком Городского Совета Р Е П И Д:

1. Установить в г. Норильске следующие тарифы на автобусные перевозки по маршрутам:

м а р ш р у т	расстояние	т а р и ф	ст.п/км.
1. Октябрьская-Адмцентр	3 км.	0,75	25 коп.
2. Гвардейская- О П К	4 "	1,00	25 "
3. Вехта 26 завода	3 "	0,75	25 "
4. Октябрьская-26 завод	5 "	1,00	20 "
5. 28 квартал-Адмцентр	5 "	1,00	20 "
6. ОПК-Угольная	2,5 "	0,00	20 "
7. Адмцентр-РОР	5 "	1,00	20 "
8. В а л е к	15 "	3,00	23 "

2. Обложить начальника АИР тов. АЛЕКСАНДРОВА ввести оплату средней стоимости пассажира-километра по автобусным перевозкам по новым тарифам с 25-го апреля 1954 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА
ГОРСОВЕТА

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА
ГОРСОВЕТА

(В. СТРЕЛЬНИКОВ)

(З. ПОСТОЛОВА)

Протокол № 10 заседания исполкома Норильского горсовета
от 16 апреля 1954 г.

да движение автобусов возможно только большими колоннами.

С 1 января 1991 года автотранспортное предприятие снова вошло в состав комбината г. Норильска.

МОЙ НОРИЛЬСКИЙ СТАЖ — 34 ГОДА ПЛЮС ДВА ИГАРСКИХ

«Поедем, я покажу тебе Норильск и его окрестности. Посмотришь, где и как работают наши автобусы и «воронки», — сказал Иосиф Феофанович Сафронцев, начальник Норильского пассажирского автохозяйства, когда я прилетел из Игарки в августе 1959 года за запчастями для автобусов и самосвалов.

За рулем «Победы» был Иосиф Феофанович (эта традиция сохранялась до 1992 года — руководитель пассажирского автопредприятия в шесть утра сам объезжал автобусные маршруты), и мы поехали сначала по ул. Октябрьской через дамбу, отгороженную высоким забором от большого озера, через площадь Октябрьскую по проспекту Ленина до улицы Советской, где тогда заканчивался проспект Ленина. Свернули на улицу Кирова. Трехэтажные дома соединились стеной с арочными заездами во дворы. «Это теплотрасса и водоводы — так они подведены к домам», — пояснил мне Иосиф Феофанович. Выехали на пустырь. Слева, метров за сто, виднелись строения под стеклянной кровлей. «Наши теплицы! Круглый год норильчан снабжают зелеными витаминами. Это хозяйство Елены Викторовны Колянинской», — с гордостью произнес Сафронцев. Справа возвышались городские очистные сооружения питьевой воды, а слева шли в тундру трубы водопровода огромного диаметра. Впереди громоздились мощные сооружения ТЭЦ-1, чуть дальше — башни «макароны», потом поселок Круглое Озеро и склад лесоматериалов ДОЗ. Проехали механический завод, стадион, выехали на улицу Горную... ДИТР, Нулевой пикет, дом Николая Николаевича Урванцева... «Первое строение. Отсюда начался Норильск, хотя, говорят, давным-давно когда-то тут уже были избушки...»

Мы продолжили экскурсию по Угольному ручью до подъемника. В ущелье проходила железная дорога. Спуск и подъем были трудными. «К скалам пристрое-

ны обогатительная фабрика и рудник «Заполярный». Гора Медвежка — с рудой, а гора Шмидта — с углем. Так распорядилась матушка-природа...» Иосиф Феофанович рассказал, как он с Александром Николаевичем Чупровым возил грузы тракторными поездами из Игарки в Дудинку и Норильск, как чуть не замерзли несколько раз, как с начальником ЦАТК (с 1951 по 1966 год) Игорем Михайловичем Александровым развивали транспортное сообщение. Комбинат развивался, рос жилой фонд города. В это время мы проехали автобусный гараж и по извилистой крутой дороге поднялись на гору Медвежку. Проезжая мимо разрушенного колодца, Иосиф Феофанович обратил мое внимание на старую шахту, с которой мангазейцы, а потом купцы Сотниковы добывали руду, плавили ее и на оленях перевозили в Дудинку, дальше по Енисею в Красноярск и Томск... В огромном карьере шустро бегали самосвалы и рычали экскаваторы. День был солнечный, хорошо просматривались окрестности:

На Первомайской демонстрации (слева направо): М.Ф. Кобяшов, В.К. Самосюк, Н.В. Андрухов, Б.В. Костромитинов. Норильск, 1969 г.

виднелись горы, внизу — красивая долина, а справа и слева дымили высокие трубы.

«Красота!» — сказал я. «Да черт ей рад! — ответил Иосиф Феофанович и рукой показал на строения справа. — Это поселки, где жили заключенные. Ближе — поселок «Южный», дальше — «Восточный», а еще дальше — «Кирпичный», на северо-востоке «Строительный», сзади нас — «Медвежка» и «Западный». Были бараки и в Угольном ручье. После восстания заключенных, после смерти Сталина в этих поселках живут рабочие и служащие Норильского комбината».

Мы возвратились в контору. Нас встретили главный инженер АТХ (с 1954 по 1961 год) Борис Владимирович Костромитинов и начальник ремонтных мастерских (с 1954 по 1972 год) Александр Николаевич Чупров. Он показал специализированные цехи. Многие из оборудования изготовили местные умельцы-рационализаторы. Бригадир мотористов Петр Иванович Трапезников сделал много полезного для ремонта двигателей всех марок автомобилей, работающих в Норильском пассажирском автохозяйстве. Например, стенд для притирки клапанов головки блока двигателей. Здесь все продумано — от механизмов открывания и закрывания въездных ворот до сшивания документов в бухгалтерии. У нас в Игарке подобного не было. На следующей неделе я улетел, будучи в восторге от увиденного в Норильске.

Как известно, в те времена по окончании вуза специалист должен был отработать по направлению не менее трех лет. Я выбрал Норильск. Оказалось, на десятки лет. Первую смену трудился с механиком смены Олегом Юрьевичем Шибановым, выпускником ленинградского вуза, приехавшим в Заполярье на два года раньше меня. Мы выпускали автомобили на линию, принимали их из ремонта, составляли заявки на устранение неисправностей, подписывали путевые листы водителям при выезде на маршрут, руководили перегонщиками и пр. Двенадцать часов длилась сме-

на, и все это время мы были на ногах. Особенно трудно приходилось в ночное время и в выходные дни.

Первая самостоятельная смена началась с неприятностей. Не вышел на работу шиномонтажник, не запланировали дежурный автобус, не вышел на работу водитель тягача. Автобус стоял на шиномонтажном участке без переднего колеса. Пока я принимал решение, прошел почти час. Это стало известно диспетчеру комбината. Объяснение было бурным. Но на этом неприятности не закончились. Я не успевал осматривать автобусы и своевременно подписывать путевые листы, создавалась очередь из водителей. Они шумели. Смену я сдал Олегу Шибанову неподготовленной. Но он мне сказал, чтобы я не волновался и шел отдыхать.

В понедельник меня вызвал к себе главный инженер Борис Николаевич Каширин. Он мне указал на мои ошибки, я получил выговор и лишился половины месячной премии. Я понял, что нужно многое менять в работе гаража. Через месяц у меня уже не было проблем. Если кто-то не выходил на работу в мою смену, я знал, кем его заменить. Если кто-то

*Молодость и опыт. Николай Андрухов (слева)
и Евгений Иванович Денисенко. 1968 г.*

симулировал, я знал, как его заставить работать. Познакомился со специалистами и многими авто-слесарями. У меня сложились хорошие отношения с начальником электротехнического участка Евгением Ивановичем Денисенко. Он работал в гараже со дня его организации. У него были связи со многими службами Норильского комбината. Но главным был его непререкаемый авторитет и умение общаться с людьми. Я знал, что он прошел вынужденную житейскую закалку в норильских лагерях. Вокруг меня оказалось много толковых и творческих людей. Например, Владимир Алексеевич Прядченко всегда старался облегчить ручной труд. Взять хотя бы приспособление по высверливанию заломов шпилек из ступицы колес заднего моста, не снимая ее с автобуса. Шпильки изготавливали из арматуры, они не подвергались термообработке и часто ломались, из-за замены шпилек автобусы часто простаивали... Вспоминаю, какие золотые руки были у Владимира Павловича Голубева, он с 1954 года работал бригадиром авто-электриков. Многие запчасти он и его товарищи изготавливали в цехе. Только аккумуляторные банки не мог изготовить Федор Федорович Григоров. Оправу для зеркала мастерски делал кузнец Вячеслав Сергеевич Бабошин, он же ковал стремянки, поковки для токаря, шестигранники из круглой строительной арматуры. А благодаря бригадиру карбюраторного цеха Борису Павловичу Сошникову у нас всегда были в запасе карбюраторы, бензонасосы, трубопроводы, бензобаки. Вот так человеческий фактор помогал нам улучшить работу цеха.

Оглядываясь назад, удивляюсь, в каких трудных условиях на Крайнем Севере работали транспортники. Многое делали сами, чтобы ликвидировать нехватку запчастей, продумывали расположение гаражей, ремонтных зон, чтобы улучшить перевозки работников комбината и населения. В 1960 году в Норильском пассажирском АТП уже имелось 120 автобусов различных марок, 60 таксомоторов. Работали

17 городских и специальных маршрутов. А гараж-то был рассчитан только на 100 автомобилей — около 30 автобусов были вынуждены содержать под открытым небом. Зимы длинные и жестокие. Автобусы стояли на «прогреве», что резко снижало моторесурс двигателей.

Как временный вариант к задней стене гаража пристроили металлический каркас шириной 18 метров и длиной 36 и обтянули его брезентом. Получилась палатка для автобусов. Тепло подали от тепловых завес. Кровля палатки часто рвалась от снега и наледи, а у самых крайних автобусов двигатели все же приходилось прогревать в самые жестокие морозы. Вот так и работали с надеждой на лучшее будущее.

Первого августа 1963 года меня перевели в отдел эксплуатации начальником. А через год нас обязали открыть новый автобусный маршрут — с мая 1962 года строилась дорога от реки Норилки до Талнаха. Протяженность маршрута — 25 километров. Стоимость проезда 56 копеек. Дорога, отсыпанная породой рудника «Маяк», проседала. Часто пассажиры выходили, чтобы вытащить застрявшие автобусы. В июле 1962 года навели понтонный мост через реку Норилку. Водитель переезжал мост без пассажиров и с открытой дверью кабины. Это диктовалось безопасностью, так как были случаи разрыва понтонного моста. Дорогу ежедневно ремонтировали.

На талнахском берегу реки оставляли несколько автобусов, которые встречали пассажиров на берегу и отвозили их на работу в Талнах, других увозили с работы — до реки. Расстояние все же было большое — до 12 километров. Зимой автобусы шли по льду реки. Пассажиры почти километровый путь проходили пешком. Намороженная полоса ледовой переправы обозначалась полосатыми вешками. За переправой следили очень тщательно. Был случай, когда под лед ушел трактор. Во время пурги и сильных туманов через реку не ездили.

Открытие талнахских руд оживило жизнь комбината и города. Возросли пассажиропотоки, уве-

лично население Норильска — комбинат бурно развивался. Потребовался новый автовокзал, новые машины. В окружке профсоюзов заработала транспортная комиссия. На остановках стали строить павильоны для удобства пассажиров.

В 1965 году отказались от покилометровой оплаты за проезд (2 копейки за километр проезда) и приняли единый тариф — 5 копеек. Частично отказались от кондукторов. Вначале выручка поднялась, а потом стала падать. В следующем году при помощи студентов решили изучить пассажиропотоки, чтобы улучшить транспортное обслуживание в Норильском промрайоне. Признаюсь, немало жалоб на нашу работу высказывали норильчане, писали письма. А мы бывали при этом и без вины виноватые. Условия в нашей автотранспортной конторе были трудными. Кроме технических проблем были и кадровые. Тарифные ставки наших работников были меньше, чем на комбинате, ведь мы относились не к нему, а к Минавтотрансу России. Приезжали из Москвы самые разные комиссии, но кардинально изменить положение транспортников это не помогало. Пытались сделать невозможное своими силами.

Каждое утро наш руководитель Борис Владимирович Костромитинов в шесть утра на легковом автомобиле объезжал маршруты, отмечал недостатки (нарушен график движения, закрыт переезд, не расчищена дорога и пр.), потом заезжал к диспетчеру комбината и оперативно решал многие вопросы. Бывало, вечером общался с рабочими — любил за шахматами с ними посидеть...

Не только Крайний Север ставил нас в трудное положение, не была рассчитана на экстремальные условия и техника. Вот только один пример — на морозе дверные механизмы замерзают. Водители «сходят» с линии для отогрева. Интервалы движения резко увеличиваются. Пассажиры жалуются. Правда, наши рационализаторы все-таки нашли выход. На цилиндр дверного механизма стали наматывать ка-

тушку электропроводки и подключать ее к системе электрооборудования автобуса. Конденсат в пневматическом цилиндре не стал замерзать, и дверной механизм исправно работал в любую погоду.

Для контроля за работой автобусов на линии в районе ДИТРа на перекрестке улиц Заводской и Октябрьской установили диспетчерский пункт (круглый павильон диаметром 2 метра и высотой 3 метра), где диспетчер отмечал прохождение автобусов по всем маршрутам. После строительства улиц Бегичева и Нансена на их перекрестке разместили второй диспетчерский пункт. Потом установили штамп-часы на этих павильонах и наконец смонтировали индуктивную связь водителя с диспетчером центральной диспетчерской службы (ЦДС), которая была на улице Комсомольской. Водителям удобно было делать отметки в путевых листах, по которым им начислялась премия за регулярность работы на маршруте. Но хо-

*Николай Андрухов (стоит) с сослуживцами.
Сидят (слева направо): А.С. Самков, Ю.В. Грищенко, Х.Д. Маурэр. 1967 г.*

лод все-таки вынудил убрать линейных диспетчеров из павильонов. На контрольных остановках установили мачты с контуром индуктивной связи, а в кабине автобуса — приемопередающее устройство.

В 1967 году мы получили 35 новых автобусов и 10 таксомоторов. Это была бесценная помощь предприятию, хотя всех проблем она не сняла. Комбинат стремительно развивался. Город прирастал кварталами и Талнахом с Кайерканом. Двадцать второго ноября было открыто автомобильное пассажирское движение по отсыпанной гравием дороге до аэропорта Алыкель. От автостанции «Цветы» до аэропорта ежедневно отправлялись несколько автобусов. Зимой высота снежных сугробов вдоль дороги доходила до 5–6 метров, местами это был просто тоннель. Но дорогу чистили своевременно. До аэропорта со временем построили железнодорожную ветку, и мы перестали возить авиапассажиров автобусами, так как «дорога была опасна и трудна»... Это была для нас передышка...

Правда, появилась новая забота: нас обязали начать перевозку пассажиров в Дудинку. Для этого предприятию передали деревянный гараж горкомхоза на шесть машиномест. Мы поставили шесть автобусов на четыре маршрута. В 1971 году из Новосибирска прибыли специалисты для проектирования станции техобслуживания легковых автомобилей в Норильске и гаража в Дудинке. Станцию техобслуживания не построили, а гараж в Дудинке вошел в эксплуатацию с бытовым корпусом. Последующие годы совершенствовались технологические процессы ремонта автобусов, условия труда работников. Ремонтировали тепловые сети гаражей, столовую, производственные цехи.

Население Норильского промышленного района в 1970 году достигло 155 тысяч человек. В норильском пассажирском автопредприятии насчитывалось уже 196 автобусов разных марок и 61 такси. Работали стабильно. В год 100-летия со дня рождения В.И. Ленина нашему коллективу вручили на вечное хранение Красное знамя, «Знак трудовой славы» и бюст вождя.

Этот снимок есть у каждого из этих пятерых, они сфотографировались на работе (слева направо): Федор Федорович Григоров, Владимир Павлович Голубев, Николай Васильевич Андрухов, Валентин Борисович Бердышев, Евгений Иванович Денисенко. 1969 г.

Мой норильский стаж — 34 года. С 1969-го я стал начальником пассажирского предприятия — как оказалось, на 24 года. С благодарностью вспоминаю эти времена. Тогда у нас не работа была, а сплошное преодоление трудностей. Не только молодость брала свое, просто мы трудились по пословице: глаза боялись — руки делали! И еще: нас поддерживал в деловых инициативах горком партии, его секретарь Борис Михайлович Благих. Мы же не были комбинатскими, хотя главный спрос с нас был прежде всего со стороны комбината. Его круглосуточное производство требовало и от автомобильного транспорта бесперебойной работы 24 часа в сутки.

В свои годы (а мне за 70) я и сейчас тружусь — возглавляю ОАО «Красноярское ПАТП». И сегодня нет-нет да и вспоминаю работу в Норильске — ведь там прошла моя молодая и зрелая жизнь, там я состоялся как руководитель, да и как человек тоже.

Вот типичный эпизод из норильского прошлого.

Возник вопрос о строительстве гаража-стоянки для автобусов, обслуживающих спецмаршруты по

Слева направо: Б.И. Колесников, директор НГМК, В.В. Пронников, начальник Норильскснаба, и Н.В. Андрухов, начальник НПОПАТ. Норильск, 1986 г.

перевозке рабочих Норильского комбината. Под горой Медвежкой расширение базы не было предусмотрено, но мы место все же нашли: неудобное для стройки, но удобное для эксплуатации — это недалеко от основной базы. Где взять материал? Пошли к Борису Михайловичу Благих. Разговорились.

— Есть ли проект? Кто будет строить?

— Сами. Создадим бригаду из водителей, автослесарей, будем советоваться со строителями. Рядом Никельстрой, наши друзья.

Я объяснил, что сваи забьет Союзшахтоосушение. Валерий Исаакович Довольский даст бурстанок и часть свай. Короче, я уговорил Бориса Михайловича строить своими силами «Гробницу Андрухова» (так прозвали этот проект наши острословы). Начали строить гараж в апреле — закончили в ноябре, правда, без отопления, освещения и вентиляции. А к новому году уже поставили в гараж 70 автобусов. Прошло года два. 1972 год. ГК КПСС потребовал списки руководителей Норильского ПАТП. Через несколько дней меня при-

гласил Б.М. Благих, первый секретарь. Он предложил рассказать о делах. Я много, помню, говорил о трудностях. Борис Михайлович внимательно слушал, что-то записывал иногда. Потом он отметил наши промахи в работе, читал выдержки из газет «Горняк» и «Заполлярная правда». Пришлось очень серьезно отвечать по существу проблем. В конце беседы Борис Михайлович спросил, почему у меня приставка «и.о.», когда я с 1969 года работаю директором предприятия?

— Не знаю... По всей видимости забыли приказ написать о назначении... — ответил я.

Через несколько дней пришел приказ о моем постоянном назначении. Норильский промышленный район бурно развивался, НПОПАТ за ним все больше не успевал. Но не было ни одного случая, чтобы городские власти не помогали нам в поставке запчастей, автошин, автобусов и пр. Мы настолько закалились в разрешении транспортных проблем, что однажды Борис Михайлович сказал, что ценит мою самоотдачу в работе: «С тобой бы в разведку пошел...» В 2001 году мы по-доброму встретились с ним в Красноярске, он припомнил «мои чудачества» ради дела. А я — наши собрания, на которых частенько присутствовал Б.М. Благих. Рабочие не стеснялись ни в выборе темы, ни в выражениях. Но я не припомню за много лет ни одного случая, чтобы он когда-то не выслушал или повысил свой «командирский» голос. А бывало, он поддерживал меня при больших столичных начальниках. Расскажу об одном случае.

В 1973 году в кабинете начальника управления строительства Надеждинского металлургического завода А.Н. Закопырина проходило совещание с участием министра цветной металлургии Петра Фаддеевича Ломако. Дошел черед и до меня. Министр спросил:

— Вы в состоянии несколько тысяч рабочих и служащих перевозить на работу и с работы?

Я ответил, что нет. Хотя и несмело, но уверенно.

— Как руководит таким ответственным участком человек, который не понимает политики партии и правительства? — недовольно спросил министр.

Не успел он закончить фразу, как поднялся Борис Михайлович Благих.

— Вы правильно сказали, что этот человек руководит ответственным предприятием. Он и сам ответственный товарищ: сказал правду. Сегодня местный автобусный парк испытывает недостаток в автобусах, производственной базе. Из-за чего наблюдаются перебои в обслуживании трудящихся.

— А что нужно для того, чтобы перевозки строителей Надежды были успешными? — спросил Петр Фаддеевич.

Тут Б.М. Благих посмотрел на меня (мы оба стоим в зале) и кивнул: отвечай, мол.

— Из сказанного здесь я понял, что в ближайшее время число строителей на Надежде увеличится не меньше как тысяч на 5–6. И потом будет идти наращивание численности. Работа будет круглосуточной. Поэтому потребуется не менее 150–200 автобусов. Кроме того, их где-то нужно содержать и кем-то обслуживать. Водителей в городе найдем, а вот гаража нет. Да и гараж желательно иметь в районе Надежды.

— Мы в этом году заканчиваем строительство гаража для нужд Надеждинского автотранспорта, там можно будет разместить и автобусы, — сказал А.Н. Закопырин.

— Это хорошо. А вопрос с автобусами мы обсудим с руководством Норильского комбината, — подытожил Петр Фаддеевич.

После совещания Борис Михайлович подошел ко мне:

— Не струсил! А не боялся, что снимут с работы как не справившегося? Или исключат из партии как руководителя, не понимающего политики партии?

— Боялся, — сознался я, — спасибо, что поддерживали.

И тогда Благих улыбнулся:

— Ты молодец, что не побоялся правду сказать.

После этого совещания НПОПАТ должен был получить под Надежду 110 автобусов ЛИАЗ-677 и га-

*Отец с сыном Андреем, студентом Красноярского института
цветных металлов. 1988 г.*

*Николай Васильевич Андрухов (слева) и Виктор Николаевич Лебедев
(командовал в Дудинке филиалом транспортников с 1968 по 2005 г.).
В память о встрече в 2004 г.*

раж с производственно-бытовым корпусом. Но когда А.Н. Закопырин пригласил Б.М. Благих, Ю.М. Смолова и меня принимать гараж — это было одно название: стены, кровля, отсыпанные полы, и все! Ни ворот, ни тепла, ни света, ни бытовок... Я не хотел его принимать. Но Борис Михайлович убедил меня забрать гараж таким, какой он есть, иначе ничего не будет, а тепло загоним, говорит, ворота повесим, благоустроим. Пришлось согласиться. Потом строили автовокзал на улице Нансена, гараж, вокзал и заправку в Талнахе.

Особенно нам доставалось зимой, а она долгая в Заполярье. В пургу в Кайеркане видимость нулевая. Поэтому формировали специальные колонны из 30–40 автобусов в сопровождении тракторов «Кировец», ГАИ и работников снегоборьбы. За движением следил штаб по работе в экстремальных условиях. А в аэропорт Алыкель дорогу так сильно заносило, что впору тоннель прорезать... Особое внимание уделяли детям. Продумали доставку детей в плавательный бассейн на автобусе с разукрашенными бортами и надписью «Веселый дельфин» (детишки очень любили этот автобус и водителя, который водил этот автобус, — Романа Карловича Шмидта). Особое внимание уделяли в морозные дни школьным кольцевым маршрутам по городским улицам № 14 и 14а и доставке учащихся в ПТУ и техникум с Кайеркана и Талнаха. А вот с лыжной базой «Оль-Гулем» мы ничего поделать не могли. Она работала с 1 октября по 1 июля, и в это время все маршруты должны были около нее забирать лыжников. Но водители спецмаршрутов не останавливались. Ни лишения премии, ни перевод на нижеоплачиваемую работу не помогали.

Оказывается, горняки рудников «Комсомольский» и «Таймырский», строители категорически не разрешали водителям останавливаться. Пришлось просить ГК КПСС повлиять на рударей, строителей. На планерках, на совещаниях Борис Михайлович Благих всегда напоминал им об уважении пассажиров. Вопрос сняли с повестки дня.

Все годы работы в Норильске, когда мне в разных инстанциях напоминали о необходимости контроля за водителями, соблюдения графика движения и о прочем, я любил повторять, что у нас на маршрутах 250 тысяч контролеров, имея в виду возросшее население Норильска. И это была чистая правда, потому что наши горожане — народ не просто требовательный, но и боевой, спуску никому не дадут. Жалобы, письма в газеты, на телевидение, в другие инстанции я всегда считал сигналом неблагополучия на каком-то участке работы коллектива и всегда спешил принять меры. Деятельная требовательность норильчан хорошо была известна и нашим коммунальным службам, службам быта, торговли и даже работникам аэропортов Москвы, Ленинграда...

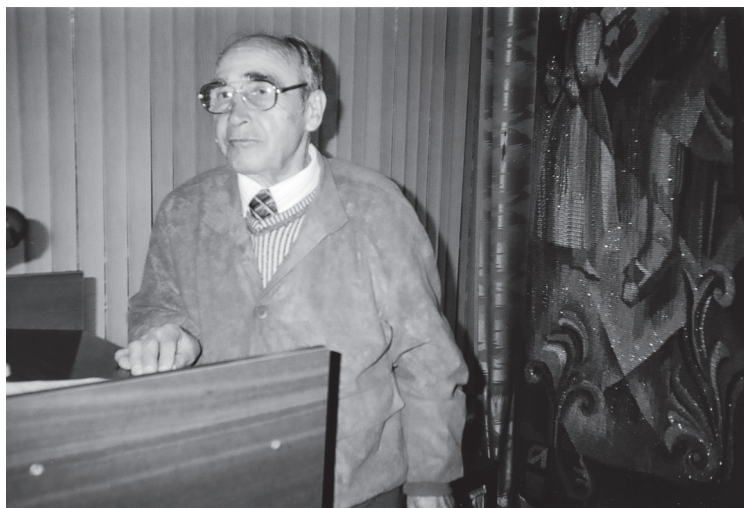

*Сергей Щеглов, прошедший Норильлаг и потому позже избравший
псевдоним С. Норильский. Заполярье, 1948 г.*

Сергей Щеглов-Норильский:

*«Первые норильские писатели
прошли здесь лагеря, потом
были ссыльными...»*

Сергей Львович Щеглов в Тульской областной библиотеке вручал дипломы участникам школьного конкурса «Мемориала» (он возглавляет его тульское отделение). Название конкурса «Россия. XX век, человек в истории». 19 мая 2008 г.

Как летописец эпохи, я смолоду понял, что сам по себе литератор может быть мал и ничтожен, но в его плоховатых стихах и рассказах эпоха порой отражается полнее и ярче, чем в произведениях прославленных авторов.

Корней Чуковский.

Предисловие к 6-му тому Собрания сочинений. М.: «Художественная литература», 1969.

ПО ПРИКАЗУ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА НОРИЛЬЛАГА СОЗДАЛИ ЛИТГРУППУ

После присвоения Норильску статуса города и создания печатного органа горкома КПСС и горисполкома — газеты «Заполярная правда» руководство решило образовать при редакции литературную группу. Было это в декабре 1954 года.

Незадолго перед тем второе лицо в государстве — Вячеслав Молотов в одной из основополагающих речей объявил, что «в наш век все дороги ведут к коммунизму». Некий поэт вложил указующие слова в стихи, композитор написал подходящую музыку. Песня стала популярной.

После смерти Сталина и краха его плана повторения массовой «чистки» 1937 года, после казни шефа Норильска Лаврентия Бери и его ближайших зубров высшая партийная власть сочла необходимым активизировать деятелей литературы и искусства в деле строительства светлого будущего по ленинским принципам. Писатели по команде главы их союза, ставленника партии, с радостью и со всей энергией принялись выполнять социальный наказ. Республиканским, краевым и областным отделениям были разосланы директивы о создании литературных групп на предприятиях, стройках, в транспортных организациях, совхозах и колхозах. Важно было не только опираться на признанных писателей, но и растить молодую поросль литераторов, воспевающих коммунизм. Важно было еще и потому, что не все

дипломированные писатели согласились с разоблачением почившего вождя. Вождя крепко потеснили, а марксизм-ленинизм надо было сохранить целым и неизменным. Так полагали «новые» хозяева партии и государства.

Процесс опоры политиков на художественную литературу не был новым. Сразу после Октябрьской революции большевики использовали тягу молодых рабочих, крестьян и интеллигенции к литературному творчеству. Наряду с привлечением известных писателей вопреки вражде некоторых из них надо было средствами художественного слова воспитывать в массах убежденность в марксистско-ленинских идеалах, прославляя деятельность новой власти и проклиная ее противников.

Тридцать семь лет спустя ситуация не изменилась. Так что опыт слияния литературы и политики вопреки утверждению некоторых литературоведов (см.: Краткая литературная энциклопедия. 1978. Т. 9. С. 58) зародился не после второй всемирной войны в Западной Европе, а с первых дней советской власти. Так называемая ангажированная литература теоретически оформилась направлением в кругах левой французской интеллигенции (Сартр и другие). Но французская все же предусматривала свободу писателя в выборе гражданской позиции, чего не было в новой России. Вот почему советскую литературу упрекали в том, что писатели творят по указке партии. На это Шолохов с трибуны партсъезда заявил: мы пишем по велению сердца, которым поддерживаем партийную программу. Социалистический реализм и явился такого рода ангажементом. Альбер Камю был более точен и откровенно утверждал принудительность слияния художника с политикой: «...прикован к галере своего времени». Идеал Камю — художник, «идущий между двумя безднами: пустячками и пропагандой» (искусством для искусства и политикой), руководствующийся лишь чувством личной ответственности за все происходящее на планете.

В Норильске почва для деятельности творческих людей была и сложна, и благоприятна. Обилие интеллигенции, активных рабочих и бывших крестьян, привлеченных к строительству гиганта социалистической индустрии, не только позволяло, но и требовало активизации идеологической. В условиях бериевского лагеря изначально предпринимались попытки привлекать з/к к организованному художественному творчеству. Культурно-воспитательный отдел (КВО) Норильлага выпускал газету-многотиражку «Металл — Родине» (после войны в целях секретности комбината ее называли «За ударный труд»). Слово «многотиражка» возникло в советской журналистике не потому, что у ведомственных газет был великий тираж. Много было стенгазет, которые выпускались в одном-двух экземплярах и писались вручную. Потом заводские, колхозные и совхозные, строительные листки печатались в типографиях. Сразу же после войны был издан приказ начальника политотдела Норильлага о создании литературной группы. Но почему-то это не получилось.

Напротив бревенчатого двухэтажного здания, в котором помещались управление и политотдел лагеря, высились три этажа величественного по поселковым масштабам кирпично-блочного Дома инженерно-технических работников (его все сокращенно называли ДИТР). Там проводились культурно-массовые мероприятия вольнонаемных тружеников комбината, располагался Таймырский окружной комитет профсоюза работников металлургической промышленности. Об одной из попыток собрать здесь литературные силы вольнонаемного Норильска свидетельствует заметка, опубликованная 4 февраля 1947 года в номере 31–32 (1041–1042) газеты «За металл». Ее издавали партком комбината и окружком профсоюза (она заменила первую многотиражку Норильска — «Норильстроец»).

В заметке сообщалось: «При библиотеке окружкома профсоюза создан литературный кружок. На

кружке будут обсуждаться произведения советских поэтов и писателей, новинки художественной литературы, а также творчество местных авторов. В кружок записалось 9 человек. Среди них тт. Щеглов, Бурмистров и др. Намечено проводить занятия два раза в неделю. Руководит кружком В. Фролов». Хотя убей, не помню, когда я записывался в этот кружок и оказался первым в списке. Наверное, составил его Владимир Алексеевич Фролов, с которым я был знаком.

Это был молодой энергичный человек, этакий живчик, приехавший в Норильск в годы войны. Патриотические стихи его печатались в газетах «За металл», «За ударный труд» и в дудинском «Советском Таймыре» к праздникам, к событиям в жизни страны. В литературном кружке он выполнял наказ политотдела, поощряя усилия молодых рабочих, инженеров и культработников. Предлагалось воспевать строительство исполина советской промышленности за Полярным кругом. Они искренне это делали, старались вовсю, ведь то был их поистине героический труд. Разумеется, о лагере — ни гу-гу, о «врагах народа» и уголовниках вокруг — ни намека. Если судить по их творчеству, лагеря тут не существовало, комбинат возводили коммунисты, комсомольцы и беспартийные большевики, ничем не запятнанные патриоты Советской Родины. Только они, и никто больше.

Так было не в одном Норильске, но и в Магадане и Воркуте, в Комсомольске-на-Амуре и Средней Азии — везде одно и то же. Во всех концлагерях и их окрестностях объявлялись патриоты, даже отбывшие сроки по 58-й статье, которые с азартом и искренностью воспевали самоотверженный труд народа, создающего советскую промышленность, славили героев, добывающих уголь и руду, плавящих металл, прокладывающих по безлюдным просторам стальные магистрали, каналы. Вот как я сам в ранней молодости, подражая Маяковскому, писал об этом:

Человек,
комсомолец,
пришел и выскоблил
широкую плешь в бороде тайги.
Там,
где голодные шакалы
рыскали, —
рельсы легли.

Кружок при библиотеке ДИТРа просуществовал недолго, лишь несколько занятий провели. То ли Фролов в отпуск уехал, то ли славословие не было убедительным, то ли замысел оказался нежизнеспособным...

Известным человеком среди творческой интеллигенции Норильска того времени был журналист Анатолий Иванович Шевелев. Именно он подал начальству мысль о написании истории строительства комбината. Идея была одобрена, осуществление поручили ему же, а в помощь отрядили Владимира Фролова. Выделили им комнатку в здании управления комбината, что рядом с ДИТРом, в начале Октябрьской улицы. Они принялись трудиться. Заказали руководителям подразделений комбината материалы по истории коллективов, начали рыться в библиотеке ДИТРа, стремясь найти что-то об истории Таймыра, связались со старожилами Дудинки, с краеведами и архивистами Красноярска. В подшивках первых норильских газет можно найти много очерков Анатолия Шевелева и Владимира Фролова о

А.И. Шевелев. Февраль 1967 г.

зарождении Норильска, истории Долгано-Ненецкого национального округа и далее в глубь прошлого, вплоть до Мангазеи. Анатолия Ивановича привезли в Норильск в 1941 году из Соловков — он был политзаключенным (58-я статья). До ареста в феврале 1938 года в Свердловске заведовал отделом соборов газеты «Уральский рабочий». Лаконичный, строгий стиль, широкая эрудиция отличали его репортажи и очерки. В том же, 1941-м по упорным ходатайствам самого узника он был освобожден, реабилитирован и оставлен вольнонаемным работником комбината. Как и всех освободившихся из лагеря, его сразу зачислили на работу, не разрешая выезжать до особого распоряжения (сперва до окончания войны, потом продлили запрет на неопределенный срок).

В мае 1947 года А.И. Шевелев перебрался в Красноярск, был принят спецкором в «Красноярский рабочий», получил квартиру в краевом центре (в Норильске он женился, жену его звали Мария Ивановна). Ездил по всему краю, особенно много по Таймыру, Эвенкии. Его очерки и репортажи печатались не только в Красноярске, но и в центральных газетах «Труд», «Гудок», в альманахе «Енисей», различных журналах и сборниках. С его отъездом работа по истории Норильска заглохла, многотомная эпопея, составленная им и Фроловым, осталась в архивах комбината (Фролов покинул Норильск еще раньше Шевелева). Анатолий Иванович трудился в «Красноярском рабочем» до смерти.

Фролов тоже оставил заметный след в истории Норильска и Красноярского края. Его стихотворение «Енисей, Енисей, брат полярных морей», написанное в середине 40-х годов и положенное на музыку композитором Сергеем Кайданом-Дешкиным, стало популярной песней. Сергей Федорович Кайдан-Дешкин отбывал в Норильске срок по политической статье, здесь освободился и работал бы и дальше — его любимой женщине оставалось до конца срока еще несколько лет. Но на его беду у Тамары Ивановны Сливинской

выкрали его письма... С заключенной переписка была запрещена — Сергея Федоровича заставили уехать (подробнее об этом в книге десятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 534–535, здесь же опубликованы их фотографии). Он автор любимой пионерской песни «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих». В Норильлаге отбывал срок и брат Сергея Федоровича (о нем ниже).

После отъезда из Норильска Владимир Фролов поселился в Подмосковье, печатал в газетах и журналах стихи и рассказы, издал сборник очерков. Умер в 60-х годах XX века.

Я освободился в марте 1946 года и продолжал работать взрывником-лаборантом в лаборатории оксиликвитного завода на руднике «Угольный ручей». В коллективе меня знали как человека, склонного к литературному творчеству. Потому и рекомендовал меня начальник завода Алексей Дмитриевич Яхонтов Шевелеву и Фролову как автора очерков по истории создания норильского оксиликвита — взрывчатого вещества для горных работ.

Еще будучи заключенным, я посылал патриотические стихи коммунистического характера в газету «Металл — Родине», некоторые были напечатаны. Работа лаборантом-взрывником давала возможность писать. Здесь же написанное я хранил в сундучке в лаборатории. Дежурство было посменным, особенно я ценил ночное уединение... Так я сочинил в 1944–1946 годах два объемистых романа. Один назвал «Юность», другой — «Люди, переносящие горы» — о тружениках рудника открытых работ, взрывающих и перевозящих норильские скалы, в которых содержалась руда. Оба романа тщательно переписал на плотной бумаге светло-коричневого цвета (из-под цементных мешков). И как только меня освободили, отнес их в политотдел лагеря и лично вручил начальнику В.И. Козловскому. Полистал он оба тома, взял их и ответил, что передаст Фролову и Шевелеву.

То был мой замысел продолжить прерванный арестом и заключением путь в литературу и отразить героический труд советских людей, создающих небывалый промышленный комплекс на вечной мерзлоте. Фролов и Шевелев прочитали оба произведения и посоветовали доработать. Я согласился и начал это делать. Но круговорот свободной жизни захлестнул меня, произошли и трагические события (преждевременно взорвались оксипатроны в скважинах при зарядке, погибли мои товарищи, я уцелел каким-то чудом). Начались новые встречи, знакомства, любовь, а вскоре и женитьба... Я поступил учиться в институт заочно, да и работы на производстве прибавилось, так что на усидчивый литературный труд времени не оставалось...

Через несколько лет обнаружилось, что мой великий замысел о строительстве на необъятных просторах лагерей перехватил некто Василий Ажаев. Он, тоже бывший заключенный, написал роман о героическом труде товарищей, не называя их заключенными, получил одобрение и помощь своего политотдела в напечатании. Роман был опубликован в столице под заголовком «Далеко от Москвы» (действие происходило на Дальнем Востоке). Партийное начальство и московские писатели сочли произведение весьма актуальным, открывшим как бы новые пласты жизни, и роман получил самую высокую государственную оценку — Сталинскую премию. Автор стал известен всей стране и за рубежом. Мы, норильчане, читали это произведение и узнавали нашу жизнь, проглядывали в ней условия строительства в лагере на окраине страны в суровой природной среде и в военное время. Все было, как и у нас, в Норильске. И как же мне стало обидно, что не довел я свой труд до успешного конца!

Художественные достоинства ажаевского романа были невелики, но несколько лет он был на виду. Как показали дальнейшие события норильской жизни, и у нас были литераторы, способные отразить свое время.

ПЕРВЫЕ НОРИЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРОШЛИ ЗДЕСЬ ЛАГЕРЯ, ПОТОМ БЫЛИ ССЫЛЬНЫМИ...

В библиотеке окружкома профсоюза при ДИТРе работали Алексей Гарри и Елизавета Драбкина. Мне доводилось встречаться с ними по служебным делам нашего завода при оформлении научно-исследовательских отчетов лаборатории. Я был наслышан, что Гарри и Драбкина писатели.

О том, что они продолжают литературную деятельность в Норильске, у меня и мысли не было. Казалось, что у этих людей все позади. Наверное, так кажется многим молодым, когда они общаются со старшими. И Гарри, и Драбкина уже отбыли свои сроки в Норильлаге и в то время, о котором мой рассказ, числились вольнонаемными без права выезда из Норильска. По сути это означало ссылку. Все мы, отбывшие срок, были ссыльными, хотя номинально числились свободными.

Гарри до ареста работал в «Известиях», являлся одним из ведущих журналистов СССР наряду с Михаилом Кольцовым, Абрамом Аграновским, Карлом Радеком, Давидом Заславским. Его «подвалы» печатались не как у других газетчиков, с подписью в конце статьи со скромным инициалом вместо имени. Его подпись стояла выше заголовка и была набрана крупным шрифтом и полностью: **АЛЕКСЕЙ ГАРРИ**. Такой чести удостоивались самые известные: Максим Горький, Николай Бухарин, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Михаил Шолохов. Мне хорошо помнились эти «подвалы» Гарри с детства (следил за газетами лет с десяти).

А.Н. Гарри

До остракизма Гарри выпустил несколько очерковых книг, одну — в соавторстве с известным прозаиком Львом Кассилем. А в юности был он революционером-подпольщиком, в гражданскую войну — адъютантом Котовского. После взрыва государственного террора в начале и конце 30-х годов Кассиль, Эренбург, Заславский и некоторые другие коллеги Гарри продолжили писательский и журналистский труд. А Гарри, Аграновский, Радек, Кольцов бесследно исчезли... Тогда многие получили немалые сроки заключения по чудовищным и нелепым обвинениям, они «трубили» в лагерях. Все они хлебнули лиха на тяжелых работах с ломом, кайлом и тачкой. Только потом литераторов перевели на более подходящую для них работу и тем спасли их жизни. Гарри, знавшего несколько европейских языков, перевели в библиотеку ДИТРа, с 1943 по 1951 год он редактировал издававшийся здесь научно-технический бюллетень, фактически — научный журнал, составлял информационные выпуски — аннотированные перечни научно-технических новинок, приходивших в библиотеку из Москвы, переводил те из них, которые были на английском, французском, немецком, итальянском. Иногда он печатал корреспонденции и репортажи в газетах «За металл», «Сталинец», «Советский Таймыр» о металлургах, горняках, строителях, енисейских водниках.

Как выяснилось через несколько лет, незаметные служащие библиотеки Гарри и Драбкина не только выполняли возложенные на них обязанности, но и писали художественные произведения. Об этом знал лишь узкий круг их знакомых. Когда Драбкина вернулась в Москву в изменившуюся жизнь, одно за другим стали выходить ее произведения: «Черные сухари», «Навстречу бурям», «Повесть о большевистском подполье», «Зимний перевал», «Кастальский ключ», «Повесть о ненаписанной книге». То были произведения о первых годах революции, о Ленине и его соратниках, о той среде и эпохе, которой принадлежала Елизавета Яковлевна по рождению и воспитанию.

В моей памяти она осталась статной, полной, с неторопливыми движениями, седыми волосами женщиной. Светлый образ ее помню и сегодня. А тогда, часто сидя в читальном зале, я обращался к ней с просьбами выдать мне то или иное издание из книгохранилища. Сведующие люди рассказывали мне, что она — дочь известного большевика-подпольщика Якова Драбкина, он же Сергей Гусев. Говорили: девочку Лизу держал на коленях сам Ильич. А когда подросла, она стала работать в аппарате партии, даже секретарем Свердлова. Много лет спустя попала мне в руки старая фотография, где Елизавета Драбкина стоит рядом с председателем ВЦИК. Позже, живя уже в Туле, я до самой ее смерти переписывался с ней, опубликовал несколько статей о ее творчестве, храню книги с ее дарственными надписями.

Абрам Аграновский, видный в свое время публицист и очеркист, тоже отбывал срок в Норильлаге и по

Слева направо: С. Щеглов, М. Ратнер, Э. Минакова, М. Иванов, В. Мартынова, С. Баранов (в очках; чьи поллица за Мартыновой, неизвестно), В. Кудряшов (улыбается), Н. Балueva, Е. Рябчиков, И. Гиришман, перед ним Г. Карлова, А. Фишман, за его спиной Е. Логинова, Д. Алкацев. Редакция газеты «Заполярная правда». Норильск, 1957 г. Фотография М. Шмелевича

праву может считаться одним из первых литераторов Норильска. Его реабилитировали и вернули в журналистику еще при Сталине в сугубо индивидуальном порядке — это один из редких случаев! Сбросили Аграновского с самого верха, а возвратиться туда не позволили. Так уж повелось: кто однажды слетел с вершины, на нее не возвращался. Сбросившие его, хотя и признали, что он ни в чем виноват не был, своего бывшего доверия ему не вернули. Прозябал бывший кадровый сотрудник «Правды» в «Красноярском рабочем», потом в журнале «Огонек». Много лет спустя я познакомился с его сыновьями Анатолием и Валерием, тоже известными журналистами и писателями. Валерий выпустил в 1994 году в Москве замечательную книгу «Последний долг», в которой рассказал о судьбе родителей, брата и своей собственной.

В разгар лютой зимы 1951 года норильчане, интересующиеся литературой, встречали друг друга вопросом: «Читали? В альманахе «Год тридцать четвертый» повесть о Норильске Алексея Гарри!» Для нас, знавших этого человека, повесть была полной неожиданностью и даже как бы противоестественностью. Гарри уже не было в Норильске, но несколько месяцев назад начали отбирать паспорта у некоторых осужденных по 58-й статье. Их перевели на положение как бы официальных ссыльных, а кое-кого даже высылали по этапу за пределы Норильска. Одним из первых в их числе оказался Алексей Николаевич Гарри. Вывезли его в один из самых глухих углов Красноярского края. Тогда казалось, что этому уже немолодому, исстрадавшемуся в лагерях человеку не очень-то повезло: время для творческих людей было безнадежное. И вот — на тебе! Ведущий московский ежегодник публикует его художественное произведение. Потом кто-то сказал мне: помог Гарри с публикацией его старый товарищ — знаменитый писатель и драматург Всеволод Иванов.

Повесть называлась «Зайчик». Она вполне укладывалась в рамки ангажированной литературы, к которой

все мы были приучены. В ней было значительно меньше откровений, чем даже у Ажаева в «Далеко от Москвы», но для нас, норильчан, публикация Гарри явилась настоящим событием. Мы с интересом читали повесть о патриоте-северянине, преодолевающем безлюдные промороженные пустыни ради того, чтобы выполнить партийно-политическое задание. Долго передавали уже потрепанный альманах из рук в руки, узнавая среди действующих лиц знакомые персонажи...

Это был радостный прорыв в нашей безнадежной жизни. Однако, странное дело, через год он повторился. В еще более значительном издании — журнале «Новый мир» появилась повесть Гарри «В глухой тайге». И опять мы испытали радостное удивление: виданное ли дело, чтобы творение ссыльного «троцкиста» печатали в центральных московских изданиях? Ведь тогда даже в многотиражке заметку, подписанную бывшим зэком, не помещали. Случись такое, редактор и цензор могли поплатиться по меньшей мере своими постами...

Прошел еще год. Нежданно-негаданно ушел из жизни казавшийся вечным деспот, и наконец-то судьба таких, как Алексей Николаевич, стала меняться в лучшую сторону. Из глухой тайги освобожденный писатель переселился сначала под Красноярск, а потом и в Москву — он нашел пристанище в квартире своей пассии — балерины Большого театра. Только жить реабилитированному политзэку оставалось совсем немного...

Однако энергичный и работоспособный прозаик А.Н. Гарри в 1956 году в 18-й книге альманаха «Енисей» опубликовал новую повесть «Битва в тундре» о событиях недавних лет в районе Диксона. А осенью того же года в Москве, во Всесоюзном учебно-педагогическом издательстве «Трудрезервиздат», тиражом 90 тысяч экземпляров вышла книга Алексея Николаевича «Последний караван». В ней было три повести: уже знакомые нам «Зайчик», «В глухой тайге» и одна новая. Все они были о северном городе Молотовске, в

котором мы без труда узнавали Норильск, а великая река Бантыш безошибочно напоминала Енисей. В образах начальника Поливанова, главного инженера Сергеева мы узнавали черты Завенягина, Панюкова, Зверева.

В конце сентября 1958 года читатели «Красноярского рабочего» увидели на страницах газеты повесть А. Гарри «Лесной разбойник». В предисловии от редакции сообщалось:

«Автор этой повести, основанной на фактическом материале, А. Гарри в качестве начальника полевого штаба отдельной кавбригады Котовского принимал участие в ликвидации контрреволюционного мятежа, поднятого в Тамбовской губернии в 1921 году бывшим начальником Борисоглебской уездной милиции эсэром Антоновым. В военные и послевоенные годы автор работал на крайнем севере Красноярского края».

Вскоре книга Гарри «Повести о Котовском» вышла в Москве. В последующие годы был напечатан его роман «Без фанфар» — это последнее произведение Алексея Николаевича. Он умер в Москве 20 мая 1960 года.

И А. Гарри, и Е. Драбкина удостоились быть включенными в Краткую литературную энциклопедию СССР. Алексея Николаевича Гарри по праву можно причислить к первым летописцам Норильска.

Елизавета Драбкина рядом с Я. Свердловым. Москва, Красная площадь. Открытие памятного знака Коненкова «Слава труду». Фотография из немецкого журнала

САЛЬНИКОВ, РЯБЧИКОВ, МАКАРЬЕВ И ДРУГИЕ ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ НОРИЛЬЛАГА

Заметное место в литературном Заполярье занимал Лев Гумилев, сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой, отбывавший срок по политической статье в Норильлаге. Я застал его, но встретиться с ним не успел: осенью 1944 года его отправили на фронт. Шел ему тогда 33-й год. Его стихи заключенные переписывали тайком в блокнотики. Одну из таких книжечек мне довелось видеть. Стихи были мрачные, в ангажированную литературу не укладывались никак, и тем автор уже был выше многих остальных поэтов.

Вверху луна бежит неудержимо,
внизу бурлит подземная вода.
Уходят вдаль года,
года проходят мимо,
и часто мнится —
навсегда.

Это — из наиболее «безобидных». Были и такие, где северное сияние струилось кровавыми реками, промерзший небосвод сковывал душу и сознание.

В 1946 году в норильской многотиражке «За металл» печатались очерки, статьи и зарисовки Юрия Сальникова, молодого выпускника Московского института философии, литературы и истории. Он попал в Норильлаг как участник Великой Отечественной войны по политической статье. На газетных страницах он давал словесные

Ю. Сальников (слева) и
С. Щеглов. Москва, 2 июля 1954 г.

яркие портреты рабочих — горняков, металлургов... Радовался, видя очередную свою заметку, опубликованную в Норильске или Дудинке. Мы с Юрием подружились, уже выйдя на волю. Увлекательны были наши беседы о литературе. Уединившись у меня в тиши полигонной лаборатории, ночами читали друг другу свои и прочие стихи, рассказы.

Вскоре Юрий добился реабилитации и даже выезда из Норильска, улетел в Новосибирск, где жили его родители и сестра. Литературные рецензии, рассказы Юрия Сальникова стали появляться в журнале «Сибирские огни». В январе 1954 года «Литературная газета» опубликовала мою рецензию на только что напечатанную повесть Сальникова «Экзамен Гали Перфильевой». Отзыв, естественно, был положительный.

Писателя заметили. В новосибирском театре «Красный факел» поставили спектакль по пьесе Сальникова. Один за другим вышли сборники его рассказов. Летом 1956 года в издательстве «Молодая гвардия» была издана книга Юрия, в которую вошли «Экзамен Гали Перфильевой», повесть «Дом на улице Мира», ранее увидевшая свет в Новосибирске. Его пьеса «Твоя семья» успешно шла в новосибирском ТЮЗе. Позже Юрий переехал в Краснодар и до конца жизни плодотворно работал, издавал книги, некоторые были переведены на европейские языки. Его имя увековечено в Литературной энциклопедии.

В Норильске военных и предвоенных лет все знали имя журналиста и писателя Евгения Рябчикова, тоже отбывавшего тюремную похлебки. Евгений Иванович, как и Абрам Аграновский, Юрий Сальников, добился реабилитации и покинул Норильск. Встретился я с ним, когда он прилетал сюда в 50-х годах. Тогда же довелось писать о его книгах, а потом неоднократно видаться в Москве.

Евгений Рябчиков запомнился мне прежде всего как наблюдательный репортер. Он писал о Норильске интересно, но без упоминания лагеря, что было для

всех естественно. До хрущевских времен мы еще не дожили, а времена, когда в советских газетах, журналах и книгах печатались очерки и репортажи об исправлении преступников принудительным трудом, давно прошли. И все же газетные рассказы о строительстве Норильского комбината, его документальный фильм были для читателя своего рода открытием. Умер Евгений Иванович в мае 1996 года в Москве.

В 30–40-х годах XX века работали в Норильске многие писатели, осужденные по политическим статьям, — это Иван Макарьев, Зелик Штейнман, Борис Гальперин, Александр Зуев, Андрей Александрович. Список этот неполный...

Известный в свое время публицист и деятель РАПП литературный критик Иван Макарьев, впоследствии секретарь Максима Горького, в середине 40-х годов работал диспетчером в стройуправлении комбината. Помню, однажды вечером мы с Сальниковым, Фроловым и Шевелевым посетили его в гостинице (он жил на Октябрьской улице). Макарьев рассказал нам, как перед арестом в 1937 году он заканчивал роман и не мог найти логичного финала для главного героя. Он часто упоминал Фадеева, причем — запанибрата: «Мы тогда с Сашкой...» Нам показалось это бахвальством. Лишь много лет спустя я нашел многочисленные упоминания о совместной деятельности Фадеева и Макарьева, так что фразы о закадычной дружбе «с Сашкой» не были бравадой перед молодыми литераторами. Достав из чемоданчика под койкой блокнотик, сшитый из оберточной коричневой бумаги, Иван Сергеевич читал нам Льва Гумилева, его сатирическую поэму на блатном языке: «Испанская королева была та королева. Она одела всех придурков испанского двора в обмундирование первого срока...» Это было яркое эзоповское изображение лагерной жизни.

Известен Макарьев в Норильске еще тем, что однажды, рискуя жизнью, вступился за вертухая, охранявшего бригаду эков, на которого набросился

рецидивист-уголовник. Свидетельством той схватки остались исковерканные пальцы на руке Макарьева — следы выхваченного у бандита ножа. На такой подвиг способен не каждый. Возвратившись в Москву после реабилитации, Макарьев занял достойное место в Союзе писателей СССР. Избрали его секретарем партийной организации (КПСС). Рассказывали, будто он сильно пил, что и послужило причиной его трагической гибели.

Известный в первые революционные годы прозаик Александр Зуев отбывал срок по 58-й статье в Норильлаге. Мне довелось с ним встречаться, в конце 40-х годов Зуева сактировали по болезни и вывезли на «материк». С ним был хорошо знаком мой норильский и московский друг Иосиф Адольфович Шамис. Наша переписка с Иосифом хранит многие детали биографии Александра Никаноровича. После реабилитации, возвратившись в столицу, он продолжил литературную деятельность, работал в журнале «Дружба народов». Этот писатель принадлежит к группе художников, которые всем сердцем приняли революцию и ею же были преданы, что не изменило их убеждений в ее идеалах — они остались им верны. Скончался Александр Никанорович Зуев в Москве 11 мая 1965 года. Армянское кладбище упокоило урну с прахом писателя.

В 1940–1956 годах диспетчером речного порта работал в Дудинке Зелик Штейнман. Дудинцы и норильчане частенько читали его статьи и стихи в окружной газете «Советский Таймыр» (особенно в то время, когда редактором был большой ценитель литературы Пульман). Стихи он печатал под псевдонимом Зин. Шатров. Он был членом Союза советских писателей. Печатал критические статьи, литературные рецензии (в Краткой литературной энциклопедии обоих изданий ссылки на них можно найти в заметках о писателях И. Калининкове и других). Годы изгнания отлучили Зелика от литературы. Но все же в начале 50-х годов «Сибирские огни» по старой па-

мяти поместили статью Штейнмана. И хотя никакой крамолы в материале не было, это навлекло на редактора журнала нарекания и вызвало недовольство. После XX съезда партии статьи Зелика Штейнмана стали появляться в «Енисее», «Сибирских огнях», ленинградских «Звезде», «Неве» и других изданиях. Штейнман был ленинградцем и после реабилитации вернулся в родной город.

Расскажу еще об одном творческом человеке, прошедшем Норильлаг. О нем в письме вспомнил мой друг Иосиф Шамис. Это А.И. Александрович.

«Андрей Иванович (1906–1963) был любим на своей родине. Известно мне, что он был в комиссии по выработке конституции 1936 г. <...> В Дудинке у него было отличное кожаное пальто золотисто-коричневого цвета. Боюсь сказать точно, но мне кажется, что всем членам комиссии дали такие пальто, мне кажется, что он сам об этом говорил, — иначе почему это попало в запасники моего мозга? Был Андрей симпатичен лицом. Человек тихий, никогда нигде не толкался, чтобы вперед проскочить. Сосредоточенно мечтателен. Сдержан, воспитан. Приветлив и ласков. Добр и бескорыстен. Словом, поэт, от Бога поэт! Сиживали мы на бревнах, отдыхали, «махорили» на диком берегу Енисея (здесь даже ветра не спасают от комара!). Попросишь, бывало, Андрея прочитать что-нибудь из его творений, — он застенчиво выполнит просьбу. <...> По-белорусски, по-русски. <...> Тепло на душе делается, когда его вспоминаешь. Белоруссия помнит своего светлого сына. Есть он и в Советском энциклопедическом словаре 1980 года («Сборник стихов, проникнутых революционным пафосом»).

В письме от 15 августа 1985 года Иосиф Адольфович Шамис убеждал меня: «Твоя, Сережа, забота — сохранить следы этого поэта на земле заполярной». На мой вопрос, когда же был Александрович в Дудинке, Иосиф ответил: «В том же году, что и Зуев, Гарри со товарищи: сошел он на берег Енисея 17 июля 1939 г.»

ИОСИФ ШАМИС ОТКРЫВАЛ ДЛЯ СЕБЯ И НОРИЛЬЧАН НЕЗАУРЯДНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже несколько ссылок сделал я на воспоминания моего друга Иосифа Шамиса, я и в дальнейшем буду обращаться к его рассказам еще не раз. С большой теплотой вспоминаю его. Иосиф Адольфович Шамис по профессии инженер. А по увлечению, точнее, по призванию — краевед-исследователь. Когда мы с ним познакомились зимой 1943/44 года на руднике «Угольный ручей», он был заключенным и работал в конторе нормировщиком. Сначала он показался мне просто интересным эрудированным собеседником, по возрасту годившимся мне в отцы. Я его явно недооценил... Уже давно нет в живых Иосифа Адольфовича, но он прочно занял свое место в историографии Норильска. К литераторам он не принадлежал. К историкам тоже. Но всю жизнь он собирал сведения о людях, о событиях Заполярья, которые его интересовали. Норильск собрал много незаурядных талантливых личностей, Иосиф открывал их для себя и людей в свободное от основной работы время. Он первым рас-

*И.А. Шамис (в центре в светлом) в своей комнате общежития ИТР.
Слева он него Ю.Н. Зинюк, начальник оксиквитного завода,
и его дочь Нора. 1954 г.*

сказал норильчанам о «Сестре Фросе» — Евфросинье Керсновской — задолго до того, как стали известны ее рисунки и воспоминания. Одним из первых И. Шамис запечатлел уникальные лагерные подробности об этапах эков в Норильлаг, о сооружении основных объектов, записал свои наблюдения и характеристики норильских начальников.

Достаю с полки и открываю толстую, плотно набитую бумагами папку с надписью: СИНОДИК ШАМИСА. Так назвал я записи, сделанные Иосифом Адольфовичем о норильчанах. Он присылал мне аккуратно исписанные блокнотики из Москвы в Тулу на протяжении нескольких десятилетий. Я пользовался его справками в своих публикациях в «Заполярной правде» и других газетах, в журналах и книгах, когда писал о Норильске. Совместно с ним я расширял и дополнял их, перепечатывал на машинке, понимая, какая это ценность для истории Норильска. С годами часть записей мы с Иосифом передали в Норильский музей, но основное до сих пор хранится в моем домашнем архиве и служит источником моих публикаций.

Вот что записал этот человек о себе в одном из блокнотиков, когда подошла его очередь по алфавиту.

«Шамис Иосиф Адольфович, бывший многолетний сотрудник на ответственных должностях в организациях по строительству элеваторов и мельничных комбинатов в Москве. Один год — 1934/35 — работал зам. начальника строительства мелькомбината под Хабаровском, вблизи впадения Усури в Амур.

В Норильске — инженер на строительстве ТЭЦ, БОФ, РОР, руководил строительством завода динамонов на месторождении «Медвежий ручей». Был затем в течение ряда лет старшим инженером — куратором периферийных строек Норильского комбината по Енисею: авиапортов в Туруханске, Подкаменной Тунгуске, Енисейске; совхоза и поселка в Курейке, совхоза и дома отдыха с пионерлагерями в Таежном; строительства дамбы и мехзавода в Подтесове; строительства электростанции и мехзавода для «Енисейзо-

лота» в Северо-Енисейске; строительства Дудинского и Красноярского портов; одно время был также куратором строительства города Норильска».

К этому обширному и значительному перечню скромно добавлено: «Несколько корреспонденций на строительные темы, а также очерков в содружестве с С.Л. Щегловым опубликовал в «Заполярной правде» — газете Норильска».

На обороте той странички блокнота моей рукой написано:

«Шамис — уроженец местечка Голосково на Украине. <...> Родился 24 января 1902 г. Отец Шамиса имел фамилию Забарский, но чтобы не идти в царскую армию, он купил паспорт каторжанина Шамиса. Иосиф участвовал в гражданской войне (естественно, на стороне красных в 1920–1922 гг.), был членом РКП (б). («Но об этом, — уточнил сам Шамис, — даже мой следователь не знал!») Вышел из партии, удрученный нэпом, как отступлением от строительства коммунизма».

Важно учесть одну особенность писем Шамиса. Даже через три десятилетия после того, как он и все герои его рассказов были реабилитированы, он общал подробности их жизни и взглядов эзоповым языком. Видимо, пережитое им во времена репрессий так напугало его или он так крепко не верил, что они завтра не повторятся, и потому он никогда не позволял себе свободно доверять бумаге или собеседнику. Так, говоря о высылке Бориса Гальперина из Норильска в 1951 году, Иосиф пишет: «Их «попросили» поехать на юг Красноярского края». Вот так «просили» и Алексея Гарри: вызвали в отдел кадров комбината, отобрали паспорт и сказали — завтра быть в первом (или третьем) отделе, то есть в КГБ. А там уже приказали собраться с вещами и к вечеру явиться туда-то. Так неарестованные люди оказались на этапе. Потом их высадили кого где — в Канске, Ачинске, Енисейске, Минусинске... И уж тут-то местное КГБ им назначило место жительства...

Позволю себе некоторое отступление о Борисе Львовиче Гальперине. Подробнее о супругах Гальпериных можно прочитать в книге десятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 507–508. Это воспоминания Ольги Борисовой-Бовиной, которая назвала их очень симпатичной парой, но «они все еще боялись крутых поворотов в судьбе». Их размеренную счастливую жизнь сначала в Прибалтике, потом в Париже и Монтевидео нарушила приехавшая в Уругвай делегация из СССР. Она при встрече сумела уговорить Гальпериных переехать в Советский Союз, пообещав райскую жизнь в свободной стране и интересную работу. Они приехали в год массовых репрессий — и Бориса Львовича арестовали. По этапу доставили в Норильск.

Иосиф Адольфович Шамис в своем письме рассказал, как уважаемых Гальпериных провожали из Уругвая: «Весь город явился в порт. Были речи, пели песни. Судно отчалило, а народ не расходился, продолжая приветствовать стоящих на палубе Гальпериных. Когда Монтевидео скрылся за горизонтом, они отправились в свою каюту. Но попасть туда они не смогли: вся каюта от пола до потолка была забита цветами». В столице Уругвая Борис Львович занимал высокое положение в профсоюзах...

Страх, необычайная осторожность сопровождали Шамиса до самого его выезда вместе с молодыми членами его семьи в США. Даже в беседах со мной уже перед самым отлетом, когда я был у него в Москве, он говорил о предстоящем переселении как-то приглушенно, с недомолвками, будто боясь, что его подслушивают. Когда я пытался уверить его, что опасения напрасны, он возражал: «Ты, Сережа, не знаешь...» Чего я не знал — он не расшифровывал...

ФИЗИК ШТЕЙН, ОН ЖЕ ПИСАТЕЛЬ СНЕГОВ

Сергею Штейну достались самые трудные первые годы работы комбината. Физик по образованию и по профессии до ареста, он трудился в Норильске на

ТЭЦ. После гибели Хиросимы и Нагасаки на лекции Штейна по ядерной энергии в ДИТРе собрались сотни норильчан. Популярно и увлекательно разъяснял он чудовищную, трудно осознаваемую обывателями суть атомных бомб.

С осени 1948 года, когда был создан Норильский учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института, и до отъезда с Севера в 1958 году Штейн преподавал студентам физику. В числе его слушателей был и я. Лекции его были увлекательны, рассказчик он был превосходный, материал знал безукоризненно, изложение научных вопросов перемежал восхитительными отступлениями, эпизодами своих встреч со знаменитыми атомщиками. Мне приходилось еще до его лекций встречаться с ним, когда он приезжал на оксиквентный завод проверять приборы в качестве сотрудника контрольно-измерительной лаборатории ТЭЦ.

Никто не знал тогда, что этот сугубо «технический» человек занимается литературным творчеством. Это как-то даже не увязывалось с его деловым обликом. И обнаружилось лишь в первой половине 50-х годов. Он ненадолго появился в литературном объединении, принес пару рассказов, их пытались обсудить, но его цель, видимо, была иная: опубликовать их в «Заполярной правде». Быстро выяснилось, что он знал себе цену как литератор. Когда я попытался поговорить о его рассказах, он в ответ на мои замечания с достоинством отстаивал свои творения и обнаружил такое знакомство с классической литературой, что я понял, насколько он выше нашего уровня — не нам его учить. Мы, всего лишь как читатели, могли принимать или не принимать его рассказы — не более того.

В 1955 году два его рассказа, подписанные псевдонимом С. Снегов, были опубликованы в «Сибирских огнях». В следующем году в ленинградском журнале «Нева» появилась повесть «Двадцать четыре часа» на норильском материале. В октябре того же, 1956 года рассказ о геологе-норильчанине напечатала только

что основанная и быстро набиравшая популярность, вышедшая вскоре на третье место в стране после «Правды» и «Известий» газета «Советская Россия». В герое рассказа мы без труда узнали живописную фигуру Петра Степановича Фомина, известного нашего геолога. Он тоже учился в ВЗПИ и слушал лекции Штейна, сдавал ему экзамены. Мы называли Петра с веселой иронией Малюткой за необычно высокий рост и внушительные габариты.

В 18-й книге красноярского альманаха «Енисей» увидели свет два рассказа Снегова, посвященные Таймыру: «Премия Бориса Гиндиште» и «Случай в ущелье». То была одна из первых попыток норильских литераторов обратиться к теме жизни местного населения Таймыра.

19 января 1956 года мы прочитали в «Литературной газете» сообщение редактора журнала «Новый мир» Константина Симонова о том, что будет печататься роман «молодого писателя, инженера по профессии» С. Снегова «В полярной ночи» — о Норильске в годы Великой Отечественной войны. Тогда Норильск только что открыли миру, и публикации об удивительном городе на 69-й параллели хлынули в газеты и журналы. В Норильск по призыву партии и комсомола приехали молодые москвичи и ленинградцы, ребята из других крупных городов Союза. «Литературка» повторила обещание Симонова 2 марта, затем еще раз или два. В апреле роман вышел в трех номерах. Это был настоящий прорыв темы Норильска в художественной литературе.

1958 год принес новые публикации Сергея Снегова — повесть «Взрыв» («Новый мир», № 9), повесть о русской учительнице на Таймыре («Молодая гвардия», № 10). Помню, что «Взрыв» я тогда резко раскритиковал в «Сибирских огнях» (рецензия называлась «Видимость столкновений, макеты вместо характеров»). Сергей Александрович критику воспринял спокойно, наши добрые отношения несколько не испортились. Позже стало известно, что роман

Снегова «В полярной ночи» отказался печатать Твардовский, когда редактировал «Новый мир», посчитав произведение слабым.

В третьем номере «Октября» за 1958 год была опубликована статья Снегова «История в рассказах». В следующем году (тоже в третьем номере) вышел его роман «Река прокладывает русло». В последующие годы, поселившись в Калининграде (бывший Кенигсберг), Штейн издал множество романов, повестей, сборников рассказов о Севере, о балтийских рыбаках: «В поисках пути», «Иди до конца», «В глухом углу», «Пахари рыбных полей», «Вариант Пинегина» и другие. Каждую книгу он присылал мне, и я регулярно отзывался на них рецензиями в печати. У нас завязалась обширная переписка, продолжавшаяся до смерти Снегова. Известность он получил — и вполне заслуженную! — как автор научно-фантастических произведений («Люди как боги», «Прыжок над бездной» и пр.). Эти романы, на мой взгляд, на уровне ранних творений Станислава Лема, Рэя Бредбери, братьев Стругацких и по достоинству были оценены читателями и отмечены престижной премией «Аэлиты». Еще несколько значительных документальных произведений Сергей Александрович посвятил творцам атомной физики — среду ученых Штейн знал отлично, со многими был знаком.

ТОЛЬКО В НАЧАЛЕ ОТТЕПЕЛИ ДЕЛО СДВИНУЛОСЬ С МЕРТВОЙ ТОЧКИ...

В 1949 или 1950 году партком комбината и окружком профсоюза сделали еще одну попытку собрать нескольких поэтов и прозаиков при редакции газеты «Сталинец». Так переименовали прежнюю «За металл», когда сверху было приказано усилить секретность: слово «металл» нельзя было связывать с Норильском! Но и этот кружок распался после трех или четырех занятий. И только в начале оттепели дело сдвинулось с мертвой точки: секретари новоиспеченного горкома партии потребовали от редактора только

что созданной «Заполярной правды» Серафима Петровича Баранова создать устойчивую литгруппу.

Многие годы отдал этот человек газетным трудам. Умный, проницательный, ироничный, он свое дело знал досконально. Внешне сухой, сдержанный, к людям был внимателен. Согласно субординации он поручил создание кружка заведующей отделом культуры Вере Карповне Туровой. Она литературным творчеством не занималась, за плечами имела всего лишь десятилетку, но по долгу службы именно ей надлежало найти и собрать местных литераторов под крылом редакции. Со свойственной ей исполнительностью Вера Карповна пригласила авторов, приносивших в газету заметки, зарисовки, рассказы, стихи. Вот почему я оказался вторым в списке, начатом Туровой. Первой была комсомолка педагог Лариса Кузнецова. Позже я узнал, что комсомолка-то она комсомолка, но в Норильск приехала к уже отбывавшему здесь срок отчиму (он был известным в городе врачом-терапевтом) Захару Ильичу Розенблюму. К нам присоединились инженер Марк Певзнер, члены партии Марат Селегенов, Алексей Мамаев и вчерашние ээки (58-я статья) Давид Кугультинов, Виталий Головин, Дебола Алкацев, Сергей Штейн и др. Мы были разными не только по биографиям, образованию, темпераментам, но и по убеждениям. Впрочем, это проявлялось весьма осторожно...

С первых шагов бразды правления в кружке пришлось взять Кугультинову и мне. Давид еще до войны был принят в Союз советских писателей, исключен из него лишь в связи с арестом. У меня накопился опыт литкружковских баталий тоже с предвоенных лет, тогда я и начал публиковать стихи, очерки, рецензии в газетах, в том числе в «Литературной газете», альманахе «Енисей», в сборнике стихов, изданном в Красноярске. В стране уже проявлялись признаки оттепели. Дудинцев написал роман «Не хлебом единым». Критик Померанцев опубликовал статью «Об искренности в литературе». Появилась «Оттепель»

Эренбурга. В журнале «Знамя» были помещены стихи из ненапечатанного романа Пастернака «Доктор Живаго».

Соппротивление ортодоксов литературному освобождению было мощным и решительным. Достаточно вспомнить, какая громкая история развернулась с романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Присуждение роману Нобелевской премии еще больше разожгло страсти. В стране мало было таких, кто осмеливался высказать несогласное с официальным мнение, даже в частных беседах. Норильские литераторы не были исключением. Вот в таких условиях начиналась жизнь объединения при «Заполярной правде».

В феврале 1955 года на литературной странице «Заполярки» были помещены стихи Давида Кугультинова «На день рождения». В московском журнале «Огонек» (№ 52 за 1956 год) увидело свет его стихотворение «Высота» в переводе известного поэта Вл. Луговского. 29 декабря того же года «Литературная газета» в заметке о калмыцких поэтах упомянула поэму Давида Кугультинова «Искра в степи» как широко известную калмыцкому народу. (Отрывок из нее под заголовком «Война» за девять лет до того был напечатан в норильской лагерной многотиражке «За ударный труд».)

Передо мной пухлая тетрадь форматом 20 на 30 сантиметров в серой бумажной обложке. Изрядно потрепанная, со следами сгибов, маслянистыми пятнами, чернильными кляксами и перечерканными строчками и страницами. Сколько воспоминаний вызывает она! И в карманы плаща ее засовывал, и на заводском верстаке раскрывал. Храню ее вот уже более полувека как дорогой для меня документ и свидетельство совместных попыток творчества норильских литераторов.

Открывается тетрадь списком участников литературной группы.

Лариса Семеновна Кузнецова, 1923 года рождения, преподавательница литературы школы № 5, член

ВЛКСМ; Сергей Львович Щеглов, 1921, зав. лабораторией, рудник «Медвежий ручей», беспартийный; Марк Певзнер, инженер, член ВЛКСМ; Константин Иванович Егоров, студент 4-го курса техникума; Константин Антонович Золотов, тренер спортзала; Ирина Ивановна Труфанова, журналистка; Юрий Николаевич Мизюлин, беспартийный; Василий Михайлович Ермилов, исполком горсовета, секретарь, член КПСС... Далее в список вошли преподаватели, фельдшер, диспетчер завода, народный судья, артист драмтеатра, врач, электромонтер... Интересно перелистывать сейчас, многие десятилетия спустя, записи в журнале литобъединения (первое занятие провели 14 декабря 1954 года).

«3 февраля 1955 г. Обсуждены очерки Просяникова, Сагалаева, Голенкова, стихи П. Андросова «Наш девиз», «Прощание». Выступили Кузнецова, Векслер, Голенков, Кугультинов, Смекалин, Головин, Фишман».

«10 февраля. Читали письмо т. Устиновича, присланное им «Положение о работе литературных объединений». Николай Станиславович Устинович возглавлял в ту пору, после отзыва Сартакова в Москву, красноярскую писательскую организацию. Еще — из того же года: «14 марта. Слушали т. Кузнецову о теории стиха и прозы». Запись 21 марта рассказывает про обсуждение пьесы Смекалина «Под сиянием полярных широт». В числе выступавших — Головин, Андросов, Кугультинов, Векслер, Селегенов.

Признавая необходимость участия литераторов в жизни комбината и города, участники объединения главное внимание обращали на то, какими средствами это достигается. После доработки по советам литобъединения появился в «Заполярной правде» второй рассказ Дмитрия Сагалаева — «Еськина бурка». Разбирая его в письменной рецензии, С.В. Сартков отмечал, что он «написан уверенно, сюжет разворачивается, как тугая пружина, все время двигая действие...». Сколько тогда было надежд! Однако

*Виталий Головин. Норильск,
5 апреля 1956 г. Эту
фотографию В. Головин
подарил с надписью: «Соседу,
приятному и трезвому
собеседнику, замечательному
товарищу Сергею Щеглову
от начинающего автора
«Неопубликованных
рассказов»*

время показало, что немногие сумели взобраться на литературный олимп... И все же успехи были, и они становились общими праздниками. Помню улицы Норильска в середине 50-х годов. Оживленным был воскресный день: гуляли все — молодежь, мамы и папы с детьми, люди средних лет... Стариков не видно! Город юности! Я заметил: пестреют в руках, выглядывают из карманов новенькие детские книжки, только что поступившие в магазин книготорга. Книжка называлась «Красноклювик и Белогрудка», ее выпустили в Красноярском издательстве, а написал ее норильчанин участник литературного объединения Александр Смекалин. Купить в тогдашнем Норильске детскую раскрашенную книжку

было настоящим счастьем, например, в первый же день продажи книжка Смекалина была раскуплена. Я с удовольствием написал в «Красноярский рабочий» положительную рецензию. Журнал «Сибирские огни» тоже похвалил рассказ молодого автора. И это было только начало добрых напутствий талантливому человеку.

Больше половины 1955 года я был в Москве: сдавал экзамены в институте. Литобъединением продолжала руководить Вера Турова, а во время ее отпуска занятия вел Алексей Мамаев. Вскоре вместо него эту обязанность передали Виталию Головину. По возвращении я узнал, что у Мамаева возник конфликт с Давидом Кугультиновым при обсуждении одного из

Слева направо (вверху): Э. Ремизова, В. Мартынова, Г. Карлова, Н. Балуева. Внизу: И. Гишман, Э. Минакова, Леонид Калинин. Редакция газеты «Заполярная правда». Норильск, март 1958 г.

Это был последний день работы в редакции Н.И. Балуевой. Слева направо (нижний ряд): Борис Руденко, Галина Истомина, Валентина Мартынова, Нина Балуева, Ирина Зорина, Эмма Минакова, Галкина. Верхний ряд: Владимир Кудряшов, Адам Ненистиль, машинистка Рита, Александр Григорьевич Фишман, имя женщины память не сохранила, Борис Буров (в очках). «Заполярная правда». Норильск, 30 июня 1961 г.

произведений. Алексей Мамаев, человек резкий, проявил излишнюю категоричность, и Давид перестал посещать занятия, а потом и уехал из Норильска, получив наконец право покинуть заполярный город.

Меня выбрали председателем бюро объединения 11 июня 1956 года (секретарем Алексея Мамаева), через неделю в бюро ввели Деболу Алкацева. В редакции с 1 июля 1954 года работала литсотрудником моя жена Нина Балуева. В 1956 году ее назначили заведующей отделом промышленности, строительства и транспорта. Она тоже, когда позволяли служебные обязанности, участвовала в наших собраниях.

В это время прибыла по направлению в «Заполярную правду» юная выпускница журфака Уральского университета Валентина Мартынова, газетчик нового поколения: образованный, по-новому мыслящий, насыщенный идеями XX партсъезда. Серафим Петрович Баранов выхлопотал новой сотруднице комнату, а до этого приютил Валю в своей квартире. Его супруга Ольга Каземировна приняла девушку как родную. Подружилась с Валею и Нина Ивановна Балуева. Мартынова с интересом относилась к литобъединению, в свободное время присоединялась к нашим дискуссиям. Довольно быстро Валентина Дмитриевна выдвинулась на второе место после редактора. А несколько лет спустя, когда крайком КПСС утвердил Баранова главой районной газеты в молодом городе Дивногорске, выросшем рядом с Красноярской ГЭС, она была назначена редактором.

КАК ПРИВЛЕКАЛИ К ТВОРЧЕСТВУ ЛЮДЕЙ РЯДОВЫХ

В августе 1956 года передали мне написанную карандашом тетрадочку.

«Редакции газеты города Норильска. В августе 1939 г. я был, как один из пострадавших от последствий культа личности, переброшен из Москвы в Норильск, в котором прожил немного более года. Здесь, кстати, я встретил своего младшего брата,

композитора Сергея Федоровича Кайдана, попавшего в Норильск много раньше меня и оставившего его позже меня.

Плодом моего знакомства с Норильском явился цикл «Стихи о Заполярье» из 5 стихотворений, который я прилагаю к этому письму и который мне очень хотелось бы видеть напечатанным на страницах Вашей газеты, если это возможно. Не посылал этих стихов раньше, т.к. только 8/XII — 1955 г. я был наконец реабилитирован, как Вы можете видеть из прилагаемой копии справки Военного трибунала МВО. Если стихи мои будут напечатаны, то авторские экземпляры №№ газеты со стихами и гонорар прошу выслать по адресу:

до 1/X — 1956 г. — пос. Ирша, Рыбинского р-на Красноярского края, Кооперативная, 17, кв. 86, Георгию Федоровичу Дешкину;

после 1/X — 1956 г. — Москва, центр, ул. Кирова, 21, кв. 13, Галине Георгиевне Дешкиной для Г.Ф. Дешкина.

С уважением Г. Дешкин. 10/VIII — 1956 г. Ирша».

Подпись гласила, что стихи сочинены в Норильске в 1939–1940 гг. Вот одно из них.

Край глухой, меж тундрой и тайгою,
За порогом вечной мерзлоты,
Как же большевистскою рукою
Изменен и приукрашен ты!
Там, где были транспортом олени,
Да собаки, впряженные в ряд, —
Поезда бегут, не зная лени,
Паровозы весело гудят.
Разгоняя тьму полярной ночи,
Светят электричества огни.
Бьет ключом энтузиазм рабочий,
Новой стройки оживляя дни.
Наша Власть особенного рода,
Ей другой подобной не сыскать, —
Оттого так рада ей природа
Все свои сокровища отдать.

Вот и здесь земли раскрылись недра,
Добывать из них, лишь бы успеть,
За века накопленные щедро
Уголь, никель, платину и медь!

Естественно, восторга такие строки у членов объединения не вызвали. И Алексей Бондарев, и Марат Векслер, и Леонид Калинин, и многие другие могли изливать свои патриотические эмоции более поэтичными средствами. Два пейзажных стихотворения Дешкина — «Январь» и «Май» — тоже не блистали своеобразием. Завершающее цикл стихотворение «Как на Луне» могло бы претендовать на оригинальность, если бы простиралось дальше простого сопоставления заполярного пейзажа с космическим. Стихи Г.Ф. Дешкина не были опубликованы в «Заполярной правде».

В сентябре 1956 года в литобъединении появились новые участники: Савва Кит, Евгений Гринцевич, Эльмарк Сировский, Суббух Рафиков, Иван Племянничев, Владимир Агеев, Владимир Рывчин (муж Ларисы Кузнецовой), Анатолий Львов, Всеволод Вильчек, Александр Дзюра. Московские и ленинградские комсомольцы, приехавшие в Норильск, влили свежую струю в работу местных литераторов и журналистов. Развенчание культа личности отразилось на их мышлении и поступках. «Возвращение к ленинским нормам» наполнило сердца энтузиазмом в построении коммунизма. Это сказалось и на поведении «старых» норильчан, не избавившихся от страха сказать неосторожное слово: они тоже стали более смелыми. Разумеется, в пределах марксистско-ленинского мировоззрения.

Листаю старые записи о работе литобъединения. На занятии 19 декабря 1956 года мы обсудили выпуск ближайшей литстраницы, конкурс 1957 года, предложение С.П. Баранова об издании сборника произведений участников литобъединения... В стенограмме обсуждения стихов Павлова обратил внимание на выступление Суббуха Рафикова и свою реплику «с трудом изъясняется по-русски». Он тогда предло-

<div> <div>Защитная правка</div> <div> <div>—5—</div> <div>СПИСОК</div> <div>членов профсоюзно-профессиональной группы литераторов</div> </div> </div> <div>1954</div>									
№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год рожд.	Кем работает	Образо- вание	Чл. проф. союза	Проф. степень	Место жительства	Домашний адрес	
1	Кузнецов	1923	пред. инж.	высшее	член		м.т. 4-70. д. 29-90.		
	Парина		инженер						
2	Семанов	1921	руководит.		б/н.		46-66 = 2-49. 73.5.112.		
	Сергей								
3	Тележкин	✓		высшее	член		м.т. 44-74-29.		
	Марк								
4	Здоров		ст. инж.	сред.	член		м.т. 704.		
	Константинов		инженер						
5	Золотов		инженер		б/н.		5-90. Октябрь.		
	Камынин								
6	Семанов				б/н.				
	Труфанов								
	Терина								
	Иванов								

Из журнала работы Литературного объединения г. Норильска

жил подстрочный перевод своих стихов с татарского, чтобы кто-нибудь из нас переложил их на русский язык. Не помню, чем все это закончилось, но и тогда, и сейчас вспомнил зиму 1942/43 г., утренний развод в лагпункте «Кислородный»...

Распахнув дверь барака, вместе с белыми клубами морозного воздуха и вертухаями влетел молодой татарин в меховой куртке, отороченной серым барашком, и в такой же барашковой кубанке, в меховых перчатках с высокими разводами-крагами и звонко провозгласил: «На развод!» Это был нарядчик Рафиков. Я и сейчас не знаю, он ли это был или его однофамилец. Конечно, тогда можно было, деликатно отведя его в сторонку, спросить об этом. Но почему-то я не сделал этого. Все-таки это был нарядчик, хотя тоже, как и мы, зэк, но никогда нарядчики не были в чести у работяг... А тогда в Казани в журнале «Советская литература» на татарском языке в том же, 1956 году были напечатаны стихи Суббуха Рафикова. Здесь же сообщалось, что подготовлен к печати сборник его стихотворений «Белые ночи». А позже я узнал, что Суббух Рафиков с 1931 года работал в районной газете литсотрудником, в 1932–1934 годах был заместителем редактора газеты «Комбайн», с 1934 года работал уже в республиканской газете и до 1937-го издавался в Москве. После реабилитации Рафиков в 1962 году был принят в Союз писателей СССР. Скончался в ноябре 1971 года.

Еще один эпизод из прошлого восстановили в памяти старые записи... Обсуждали стихи Вениамина Филиппова. Рецензент — Анатолий Львов. Он страстно разбирает все плюсы и минусы стихов, особенно напирает на минусы. Оценка беспощадна: плохие стихи! Львов всегда строг и бескомпромиссен.

— Не во всем согласен с рецензентом, — поднялся первый выступающий. И начался спор... Последнее слово предоставили Филиппову.

— Спасибо, друзья, за товарищеский разбор. За учебу. С большинством замечаний должен согласиться...

В 1957 году норильские композиторы сложили две песни на слова участника литобъединения Эльмарка Сировского: «Норильская лирическая» и «Норильский вальс». Автор вальса — бетонщик Смирнов, он прозвучал в том же году в Красноярске и Москве на молодежном фестивале. В апреле 1958 года, выступая на XIII съезде ВЛКСМ, посланец норильских комсомольцев строитель Л.Я. Иванов рассказал о местных писателях, композиторах и поэтах: «Вы, наверное, слышали «Норильский вальс». Мы все очень его любим».

Под эгидой литобъединения мы с Алексеем Бондаревым выпустили в Красноярске в 1958 году первую краеведческую книгу о стройке на Таймыре, основанную на воспоминаниях и документах. С грустью вспоминаю: не обошлось без трений. Некоторые наши товарищи пытались воспрепятствовать изданию. Алкацев и Смекалин писали в край, будто мы с Бондаревым использовали норильские геологические архивы без соответствующих ссылок, будто исказили обстоятельства возникновения комбината. На самом деле они просто обиделись, что мы не включили их в соавторы.

В 1961 году я переехал в Тулу и продолжал публиковать материалы о первых годах Норильского комбината, используя накопленные документы и воспоминания. В 1967 году в Горьком я издал книгу о жизни и деятельности норильского политзэка — члена-корреспондента Академии наук СССР, знаменитого минералога Н.М. Федоровского. В 90-х годах вышла в свет моя документальная повесть «Сталинская премия» — история о том, как были отмечены высшей наградой страны наши усилия по изучению и внедрению оксидоквита в горные работы Норильска.

Продолжил работу над историей Норильска Алексей Бондарев, он поселился в Хакасии. В Красноярске вышли в свет его брошюры о Н.Н. Урванцеве («Ученый, землепроходец», ряд других). До конца своих дней он вел большую исследовательскую ра-

боту, изучал документы в архивах, вел переписку со старожилками. Много выявил неизвестного о Сотниковых, Михаиле Константиновиче Сидорове и других северянах. К великому сожалению, накопленные им ценные материалы погибли при пожаре квартиры незадолго до его смерти.

Эстафету первых норильских летописцев принял В.Н. Лебединский. Еще в Норильске он собрал много материалов по ранней истории Таймыра, активно общался с ветеранами, собирал воспоминания, публикации.

Сказал свое слово об истории Норильска Дебола Алкацев. Вместе с красноярским журналистом Ж. Трошевым он издал первую книгу о Завенягине. Но больше всех рассказал всесоюзному читателю о Норильске и норильчанах Анатолий Львов. Его яркие очерки, корреспонденции и репортажи систематически печатались в центральных газетах («Известия», «Правда» и др.), журналах и сборниках. А.Л. Львов — автор многих книг, рассказывающих об истории Норильского промышленного района.

Не могу не упомянуть о литературно-критических жанрах. Норильские авторы Зелик Штейнман, Сергей Снегов, Алексей Гарри и другие напечатали немало рецензий, статей о творчестве писателей. Скажу и о своих рецензиях — они публиковались в «Енисее», «Сибирских огнях», «Неве», «Новом мире», «Молодой гвардии», «Кубани», других журналах и альманахах. В 1961 году Красноярское книжное издательство выпустило подготовленный членами норильского литобъединения сборник «Весна на Таймыре». Там были стихи слесаря В. Филиппова, слесаря В. Ермакова, геолога А. Смекалина, врача М. Векслера, рабочего-строителя В. Агеева, инженера В. Капелевича, полиграфиста В. Рывчина, рассказы Д. Сагалаева, С. Щеглова. Перечисляю профессии авторов потому, что работу литобъединения оценивали в то время по главному критерию: как мы привлекали к

творчеству людей рядовых. Мы были согласны с этой целью и делали это добросовестно и увлеченно.

Это совпадало с главным направлением нашего труда — строительством гиганта индустрии на необжитой вершине планеты. Как радовались мы каждому пущенному цеху, каждому возведенному дому, каждой возникшей улице на вечной мерзлоте! Какой гордостью наполнялись наши сердца от очередного производственного успеха на стройках, заводах, шахтах, рудниках, электростанциях! Это были новые трудовые победы в суровом Заполярье, где обычны яростные пурги и жуткая стужа! Мы поистине были вдохновенными строителями будущего! И оно представлялось нам неизменно светлым. Близки нам были строки поэта Маяковского:

Землю, где воздух, как сладкий морс,
бросишь и мчишь колеса, —
но землю, с которою вместе мерз,
во век разлюбить нельзя <...>
Можно забыть, где и когда
пузо растил и зобы,
но землю, с которой вдвоем голодал, —
нельзя никогда забыть.

Эта убежденность всегда была с нами. Хотя каждый из нас пережил немало тяжелого и страшного, хотя многие наши друзья погибли в изнурительном труде в грозном и священном Норильске...

Наталья Дроздова. 1964 г.

*В поселке Новорыбное — почти на берегу моря
Лаптевых. Светочная группа Норильского
телевидения с местными жителями. 1971 г.*

Наталья Дроздова:

*«Несмотря ни на что, нориль-
ские годы — лучшие в нашей
жизни» .*

Наталья и Борис Дроздовы

Борис Дроздов с дочерью Юлей на демонстрации

О себе писать как-то не с руки, но попробую. Я коренная нижегородка, выросла на берегу Волги, безумно люблю заволжские дали, нашу природу. Мама воспитывала нас с сестрой одна, поэтому я часто жила у бабушки с дедушкой. До революции дедушка был коммивояжером (по-нашему, наверное, менеджером), ездил часто на ярмарку в Ирбит. Бабушка не работала, у нее было семеро детей, и до революции у них была прислуга. В общем-то они простые люди, но посмотрите их фотографии! Интеллигенты в самом высоком смысле. Да они такими и были — честные, порядочные. Их дом был гостеприимным, все внуки толклись в небольшой квартирке. Мама работала преподавателем в школе для слепых. Вытащила нас с сестрой, как говорят, поставила на ноги, несмотря на очень непростую жизнь. Старшая сестра окончила Горьковский институт иностранных языков, я — Горьковский

*Мария Григорьевна и Константин
Иванович Алексеевы*

государственный университет (я филолог). Еще в университете решила для себя, что школа не мое призвание. Телевидение только начиналось, и я нацелилась на него. Училась в период «оттепели», поэтому студенческие годы были вольными. И этот вольный дух поселился во мне и продолжался в Норильске, куда в 1963 году меня увез мой муж Борис Платонович Дроздов. Он тоже коренной нижегородец. После окончания Горьковского инженерно-строительного института в 1959 году он уехал в Норильск, начав работу в Спецстрое. Меня он привез на четвертый год своей жизни в Заполярье. Я уже писала* о своем трудоустройстве на телевидении и самой работе, поэтому — о муже: он сразу познакомил со своим кругом. В основном это были простые ребята, душевные и хорошие люди. Коля Коротких, у которого мы жили первое время, был первым бригадиром бригады коммунистического труда в Норильске. Одна из его дочерей до сих пор работает в Норильске учителем.

Борис строил ТЭЦ-2 в Талнахе, ездил туда каждый день (а тогда это была проблема даже для

*Г-я комсомольско-молодежная бригада в Норильске.
Бригадир — Николай Коротких (сидит в первом ряду слева). 1962 г. (?)*

* «О времени, о Норильске, о себе...». Кн. 10. С. 520–533.

него — заместителя главного инженера). Особенно я волновалась, когда он возвращался вечером. Ведь ничегошеньки в Талнахе не было! Они вели взрывные работы. Я была в положении, и, чтобы я не очень волновалась, он, откуда мог (то от геологов, то от пожарных), если была связь, звонил. Однажды приехал весь обмороженный.

Потом Абрам Ионович Зайдель предложил ему должность главного инженера строительства рудника «Октябрьский». Вытянуть из мужа что-то о работе очень сложно. Он считает, что это никому не интересно. Да и обида, наверное, осталась. Ведь мы были вынуждены уехать из Норильска, когда до «северных» 15 лет у него оставалось полтора года. По состоянию здоровья врачи велели ему выехать немедленно. Мы тут же уехали. И вот теперь пенсия как у всех на материке.

Но! Несмотря ни на что, норильские годы — лучшие в нашей жизни. Походы в тундру и летом, и зимой, встречи с друзьями... Гордость, да, гордость мы испытывали за свой город (ух, какими мы были патриотами Норильска, когда прилетали на материк). Сколько было в Норильске такого, о чем на материке и не слыхивали! 1963 год, декабрь, я только что прилетела и увидела электроплиты! В нашем большом Горьком газовые-то не

*Абрам Ионович Зайдель,
главный инженер управления
строительства. 1968 г.*

*Николай Коротких.
1962 г.*

*В детской редакции НСТ режиссер Валентин Вагунин
и редактор Наталья Дроздова. 1968 г.*

*ДИТР, после спектакля театра музыкальной комедии.
Слева направо: режиссер театра Н.В. Колесников, Н. Дроздова,
режиссер телевидения Г.В. Мюнценмайер, участницы спектакля
Н. Филиппова, С. Сурпина. Январь 1964 г.*

*Н. Дроздова и «нарушитель» из телепередачи «Веселый светофор».
Фотография Ф.Н. Палямара. 1972 г.*

Кадр из телепередачи о дорожной безопасности

езде были. А сервис, а освещение, а детское кафе «От 2 до 5» и обеды для семьи в ресторане «Талнах»! Заказ на стирку белья и доставка чистого только с 17.00 до 23.00 — когда народ пришел с работы! Обслуживание при начальнике управления торговли Трушкине было потрясающим! А озеро Лама! Тогда там стояло только первое деревянное здание. Красота заката и изумрудная вода. Она точно изумрудного цвета — это я увидела в 1964-м с самолета Ил-14. Он шел низко, вся тундра — как разбитое зеркало с серыми стеклышками озер, а среди них — настоящий зеленый изумруд — Лама! Я раньше не верила рисункам Рокуэлла Кента. А когда пожила на Севере, убедилась — он такой же яркий, как северное сияние.

Мы вернулись в Горький в конце 1972 года. Для меня уже было место старшего редактора детских передач Горьковской студии телевидения, в творческом объединении «Факел» (детско-молодежная редакция). Это объединение было известно всему телевизионному Союзу. Работать было интересно, весело. Команда была отличная. Рассказывать не буду — это другая история. Работала в разных жанрах, для разной аудитории (в 1980 году ездила на съемки к Н.Н. Урванцеву в Ленинград, ведь Николай Николаевич из наших нижегородских мест).

Десять лет занималась поисковой журналистской работой. Итогом стала книга «Операция «Дети» в соавторстве с партизаном Смоленщины. В 2001 году стала лауреатом премии Нижнего Новгорода за видеофильм о судьбе рабочего с Горьковского автозавода, который помог реабилитации прототипа Григория Мелехова в «Тихом Доне» Михаила Шолохова — Харлампия Ермакова («Казак с автозаводской пропиской»). Делала видеофильмы с С.П. Капицей, писателем Б. Васильевым, встречалась с Д.С. Лихачевым и записывала передачу с ним. В прошлом году ушла со студии и преподаю журналистику в Университете Российской академии образования (УРАО).

«Людей неинтересных в мире нет! Их судьбы — как история планет!» Именно эта фраза Евгения Евтушенко давно и прочно (почти девиз) обосновалась в семье Дроздовых-Капитановых, слабая половина которой уже полвека доказывает миру, что профессия журналиста безгранична и вполне ей по плечу.

Семья Дроздовых. Текст и фотография из журнала «Красивые люди». На столике перед ними издание «О времени, о Норильске, о себе...». Январь 2009 г.

Муж после Норильска работал в строительных трестах, главным инженером СМУ УВД города Горького. Сейчас пенсионер. Старшая дочь Юлия (Капитанова) родилась в 1965 году в Норильске (все никак не может посетить свою родину). Пошла по моим стопам — журналист, но газетчик. Сейчас шеф-редактор регионального издания «Комсомольской правды». У нее дочь Мария. Учится в школе с углубленным изучением немецкого языка, ей 15 лет. Сын Федор родился в 1977 году. Окончил университет, защитил кандидатскую диссертацию. Тема любопытная — «Общественные настроения в Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны». Военная тема — его конек. Одновременно он работает в поисковой организации «Курган», которая на местах боев ведет поиск пропавших без вести бойцов и командиров, устанавливает их имена, находит их родных и близких. Вот так вкратце обо всех нас.

Хочу сказать, что боевая четверка Норильской студии телевидения до сих пор мои друзья. Особенно Инна Назарова и Света Богданова, которых я безумно люблю. Хотя мы видимся редко, но я знаю, что они есть, и от этого тепло на душе.

Расскажу немного о тех, кого знала. Люся Лемешева-Бачулуне... Человек талантливый, абсолютно творческий. Когда я работала на Норильском телевидении, она была художником студии. Как она умела из ничего сотворить оформление передачи! Любой — от детской до общественно-политической (такие тоже были). Передачи шли живьем, и надо было порой за короткое время обустроить павильон так, чтобы все играло на тему. На концерт певицы Ксении Георгиади (очень популярной в Союзе) и ее две песенки — про черного кота и «Бабушка, научи меня танцевать чарльстон» — Людмила сотворила из бумаги такое! Не берусь рассказать — это надо было видеть! А какие заставки она придумывала! Тогда не было компьютерных титров, все рисовалось и писалось. Так вот, на «Погоду» были самые разные и удивительно забавные

рисунки. Помню один — на дождь: огромный зонт, а из-под него выглядывают две большие галоши. После командировки в Усть-Авам она показала мне рисунки, эскизы, наброски. Их было очень много. Обычно спокойная, Людмила эмоционально рассказывала о том, что для себя она там открыла. Несколько рисунков меня удивили. Я спросила:

— А при чем здесь индейцы?

— А это не индейцы, — ответила Люся, — это нганасаны. Просто я дорисовала им индейский головной убор.

Для меня это тоже было откровением. Я видела долган, ненцев, а о нганасанах только слышала. Они абсолютно отличаются от долган и ненцев — ростом (выше) и лицом — прямые носы, другие глаза. И Люся уловила главное — их схожесть с теми, кто обитает по другую сторону земли, нарядив их в головной убор индейцев. Возможно, когда-то была миграция? И вот нганасаны на Таймыре. Ну а дальше она погрузилась в творческую стихию металла и меха, о чем и была статья в «Комсомольской правде». К сожалению, с Люсей я потеряла связь и не знаю, как сложилась ее судьба. Может, кто-то из читателей книг «О времени, о Норильске, о себе...» знает об этом?

А газета у меня сохранилась. Перечитала пожелтевшую газетную страницу с фотографиями работ Бачулене, и память увела меня в прошлое... Статья рассказала, как Люся работала над композицией «Быль о Куйоке». Это добрый дух чума нганасанов. Культуру этого народа она изучала с большим интересом и даже начала вести дневник. «Комсомолка» с разрешения художницы привела из него записи.

«Восемь листов брошены. Только не отчаиваться. Терпение. Изучаю десятки нганасанских лиц по фотографиям, гримасничаю перед зеркалом, пытаюсь схватить нюанс мимики сказителя. Где-то миллиметр вытянуть, где-то посадить в глубину.

Уморил ты меня, коварный старик! Отверну тебя лицом к стенке, заслоню шторой и подопру стулом.

Не зови, не подойду. Я должна забыть тебя, чтобы завтра глаз был свежий».

Люся работала над композицией восемь месяцев, вечерами, ночами, а потом шла работать в детскую художественную школу, куда после телестудии она пришла преподавать рисунок.

Я знакома была со многими из тех, кто пережил ГУЛАГ, но по молодости и по глупости не записывала их рассказы, поэтому грешить не буду. Но о двух вспомню.

Николай Иванович Гудалов. Я познакомилась с ним в 1964 году на каком-то вечере. Шутник, балагур, заводной. Он был старше меня лет на 20, а я этого не ощущала, столько в нем было жизнелюбия. После вечера я сказала об этом мужу. Тогда он и поведал мне его историю. До Великой Отечественной войны Николай Иванович учился в военном училище. На одном из занятий он похвалил немецкие танки. Это кардинально изменило его судьбу. Как я потом узнала, у этого жизнелюба почти не было желудка и была мас-

Борис Дроздов и Николай Гудалов (справа). 1960 г.

са болезней, от которых жизнь не мила. А он плясал, пел, шутил. Я была потрясена. И впоследствии многие из тех, кто пережил норильские лагеря, оставались такими, как он, жизнелюбами. Я не могла этого понять. Но как-то я услышала фразу, которая все объяснила: «Просто один раз они уже умерли».

Михаил Степанович Кравец. Моему мужу довелось работать с Михаилом Степановичем, и я с ним встречалась не раз. Да и в мой последний приезд в Норильск (в 1978-м) Михаил Степанович провожал меня в Алыкеле. У него тогда уже начиналась роковая болезнь. И когда мы прощались, екнуло сердце — словно в последний раз. И действительно, через полтора года его не стало.

Это был человек такой работоспособности, что все диву давались. Он не терпел бездельников и сам работал за десятерых. В лагерь попал 18-летним пареньком, 10 лет отсидел (фактически за ерунду), освободившись, поступил в техникум, потом в институт. Его жена Эльза Владимировна рассказывала, что он никогда не уходил на сессию, даже диплом защищал без отрыва от работы (а к тому времени у него была уже приличная должность). Что греха таить, немало тогда начальников оканчивали институт за ящик коньяка или чего-то другого (сейчас, правда, еще хлеще). Михаил Степанович все делал сам и без поблажек. Таким он был и в работе. Мог и сорваться, и на работе с палкой гонялся за теми, кого уличил в подвохе или обмане. Честен был до абсолюта. Вот фрагмент из письма жены Эльзы Владимировны Кравец мне:

«Кравец — кремень. Линию партии и правительства четко тянет и дома. Притащила я хрустальную люстру за 140 рублей. Три дня орал и дулся: «Павка Корчагин для того ли в обмотках строил узкоколейку, чтобы мы в своем мешчанстве загнивали?!» Я его обложила, как позволил мой культурный уровень и самовоспитание. Он кричал, что я в его лице оскорбляю партию, ее принципы. Одним словом, подрываю

ее устои. Через три дня пришел, стал собирать вещи, я ему быстро начала все швырять. Он стал ржать и объявил, что на два дня летит в Красноярск на высокое совещание...»

Он не был «серединным». Или любил, или ненавидел. И опять мне тогда было непонятно: отсидеть 10 лет и быть таким неистовым коммунистом? Книги любил безмерно, и дома у него была огромная библиотека. Читал много, видимо пытаюсь восполнить пробел.

С женой Эльзой Владимировной они две противоположности. Но, как говорят, разноименные заряды притягиваются. Дом их всегда был открыт для друзей. Эльза Владимировна проработала в Норильске до пенсии. Сейчас она живет в Нижнем Новгороде. Ее

*Эльза Владимировна Кравец с дочерью Машей. Норильский ресторан «69 параллель» теперь можно увидеть только на фотографии.
Норильск, 1982 г.*

старшая дочь Лена пошла по стопам отца, окончив Горьковский строительный институт. Сейчас работает в строительной фирме, где на нее руководство молится, так как честность и работоспособность отца она унаследовала. А таких сегодня надо не с фонарями, а с прожекторами искать. Дочь Маша — завуч в школе, преподает английский язык. Живут скромно, но весело. Клан Кравцов я очень люблю, потому что в них есть то, чего нам всем так не хватает сегодня, — порядочность. И в этом заслуга главы — Михаила Степановича Кравца, чье имя носит одна из улиц Норильска.

* * *

В своих записных книжках нашла историю, записанную в 1964 году на Левинских песках (Дудинка). Кто рассказывал — не помню, но под рассказом стоит фамилия Ананьин.

«У шамана есть два помощника. Вся подготовка к шаманству — на их совести. Тот, что справа от шамана, начинает разогревать бубен. Он из кожи (ровдухи) дикого оленя. Над костром палочкой он пробует бубен. Второй помощник (слева) зажигает шаману трубку, но так, чтобы он этого не видел (прикрывает рукой его глаза). Шаман сидит неподвижно (только глаза бегают). Первый помощник начинает петь и бить в бубен все сильнее и быстрее. Шаман ложится, вытягивается (на костюм шамана нашта лента-ровдуха). Его начинают поднимать, а шаман сопротивляется. Потом он садится и начинает петь потихоньку. А первый помощник продолжает бить в бубен над шаманом до тех пор, пока его не раззадорит. Потом шаман сам берет бубен, начинает плясать и петь, а помощники опять его сдерживают до момента, когда он падает на больного и начинает высасывать фурункул. Шаманят, как правило, ночью. Порой доходило до недельного шаманства. У шамана три жены, три чума. Каждой жене он что-то приобретает. В каком чуме живет, в тот и несет обмененное. На оленьи шкуры менял для жены, а на песцовые — себе. Купцы завозили чай, табак, а муку мало, поэтому

сушки, хлеб ценились очень дорого. Захоронений как таковых у долган нет. Но есть «ледовки». Сажают покойника на нарты, обвязывают маутом, делают покрытия из шестов и так оставляют».

Может быть, это к материалу о работах Людмилы Бачулене? Она тогда тоже много рассказов от нганасанов услышала...

А вот еще информация. В сегодняшний экономический кризис эти цифры говорят о многом: как хорошо жили норильчане по сравнению со многими другими. Норильск обеспечивали всем необходимым (это примерно 1964–1968 гг.).

Ежесуточно: хлеб — 46 т, мясо — 30 т, масло — 4 т, фрукты — 10 т, кондитерские изделия — 5 т, мука — 10–12 т, картофель — 46 т, фруктовые консервы — 5 тысяч банок, овощи — 26 т, сахар — 8,8 т, молоко — 30 т, кисломолочные продукты — 6,2 т, молочные консервы — 4 тысячи банок.

На душу населения в год (1965 г.) приходилось: мяса — 52,9 кг, рыбы — 15,4 кг, молока — 149 кг, кондитерских изделий — 13,2 кг, свежих фруктов — 23 кг, свежих овощей — 43 кг, яиц — 152 шт., сахара — 22,2 кг.

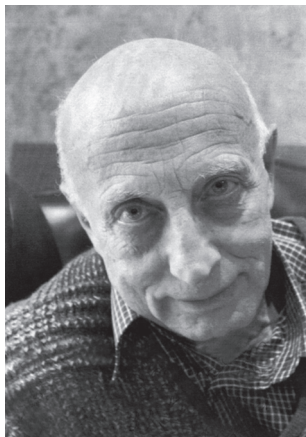
Столовые города пекли для норильчан (в день): кондитерских изделий — 4 т, восточных сладостей — 50 кг, пирожков — 20 тыс. шт., булочек — 10 тыс. шт.

На питание школьников в 1965 году потратили 630 тысяч рублей, на интернаты и пионерские лагеря — 657 тысяч рублей.

Видимо, я на каком-то совещании записала эти цифры. По-моему, сегодня интересно их почитать. После пережитых лагерных ужасов, да и просто в суровых условиях жизни и работы на Крайнем Севере, комбинат ставил на особое место проблемы питания, снабжения всем необходимым населения, благоустройства жилья. Среди начальников немало было тех, кто сам прошел лагерь или жил с з/к бок о бок. Уж они-то знали, какие богатства выдают стране по-прежнему в тяжких условиях строители, горняки, обогатители, металлурги...

Это было недавно, это было давно... Как точно эти слова из песни передают мое состояние, когда начинаю вспоминать былое... 1969 год... Бунт на Норильской студии телевидения...

Время — лучший экзаменатор. И сегодня оно ставит достойную оценку тем, кто «восстал» тогда на телевидении. На студии в тот год появилось творческое объединение «Контур». Оно было рассчитано на молодежную аудиторию. Осваивался и строился Талнах, в Норильск приехало много молодежи. В «Контуре» собрались лучшие силы Норильского телевидения — Игорь Шадхан, Виктор Левашов, Инна Назарова, Светлана Богданова. Все — отлично образованные, задиристые, бескомпромиссные и готовые действовать вопреки. За три месяца они привнесли на экран столько новых тем, рубрик, режиссерских находок, что и сегодня диву даешься. Коллег раздражало, когда «Контур» с трудом соглашался делать обязательку. Если необходимо было к знаменательной дате показать торжественное собрание, они снимали на киноплёнку (тогда видео не было) зал, камера двигалась по лицам — кто спит, кто зевает, кто читает... Они не боялись конфликта с руководством, стремились показать правду. При этом они рассказывали и о мужестве, и о подвиге в прекрасном цикле «Имена на граните». Им интересны были люди дня сегодняшнего и архивные материалы. Да, да, архивные. Ведь первым, кто рассказал и привел Трофима Гармаша на студию и придумал ему звание архивариуса, был Виктор Левашов. Именно эти ребята разработали и претворили в жизнь живую программу «По норильскому времени», о которой впоследствии Игорь

Игорь Шадхан

Шадхан рассказал Александру Любимову, после чего на Центральном телевидении появился «Взгляд». Почему-то В. Ханжин не вспоминает документально-постановочных передач, в которых он принимал участие. А это было преинтереснейшее зрелище, и в разрешении предложенного конфликта принимал участие весь город. Все, что было самое-самое в городе, все, что было новое, интересное, появлялось в программах «Контур». Будь это первые лучи солнца над тундрой (и телеоператор лез с камерой на ТЭЦ и снимал) или появившаяся статья в центральной газете (ее обсуждали в эфире). Говорить правду было их установкой. Ребят терпели недолго. Надвигался юбилейный год В.И. Ленина — 1970-й...

Ко времени создания «Контур» студия переживала не лучшие времена. Ушла из «молодежки» Ирина Червакова (блестящий редактор, журналист), и студия стала закисать. Нужны были новые идеи, острая подача материала, незамыленный взгляд. Вот группа Шадхана, Левашова, Богдановой, Назаровой и стала тем кислородом, что принес свежее дыхание на экран. Они были умнее, способнее и талантливее многих на студии, но, как и все, со своими особенностями и слабостями.

Свое видение будущего телевидения в Норильске они изложили в бумаге, которую отнесли первому секретарю горкома партии Савчуку. Что сделал первый секретарь? Разобрался? Пригласил ребят, чтобы обсудить? Что-то посоветовал, наконец? Да нет же! Он передал это письмо туда, откуда оно было направлено, — на студию телевидения. И началось... То открытое собрание на Норильском телевидении я не забуду до конца дней своих. Оно шло семь часов (!) в павильоне студии. Это было судилище. Все выступавшие единодушно их осуждали. Те, кто поумнее, просто молчали, а основная масса дружно поддерживала судивших. Мне долго не давали слова, а когда я вышла, пытаюсь вызвать к разуму аудиторию, то увидела перед собой первого секретаря Савчука. Он

В гостях у Виктора Левашова (стоит). Слева направо: Б. Дроздов, И. Назарова, Н. Дроздова, Т. Александрова (Тамара — «мама» телегероя Северка)

сидел в первом ряду и смотрел на меня такими ледяными глазами, что мне стало не по себе: все уже решено! Мое выступление не поддержал никто, хотя сочувствующие были. Чего только не было сказано за семь часов об этих ребятах! Все личностное вывернули наизнанку, а все творчески интересное было забыто. Э. Бегалко, безумная фигура с партийным билетом, кричала: «Да их всех повесить на реях надо!» Каких-то 17 лет назад

Инна Назарова с актером Сергеем Никоненко. Челябинск, 1983 г.

совсем недалеко от этого места расстреливали восставших заключенных Норильского ГУЛАГа. Тогда я физически ощутила, как это страшно... На студии, кстати, в это время работал бывший вохровец, которого знали многие бывшие заключенные. Не хочу называть его фамилию, ведь у него, наверное, дети, внуки... Его не то что не любили, многие просто ненавидели. Видимо, эта ненависть передалась и нам, потому что ходил неоконченный стишок «Ты гори, гори свеча в ж... у Ивана Кузьмича...». Инна Назарова рассказывала мне, как однажды, разоткровенничавшись, он сказал, что была бы его власть, он бы ее и Шадхана расстрелял.

Сейчас понятно, что не проиграть ребята не могли. Уж очень они были неудобные и несогласные, а таких не любят. К тому же на студии хватало тех, кто был «невысокого полета» и за работу держался зубами. Кинооператор Юрий Ледин сказал мне позже: «Они должны были проиграть, потому что боролись за идею, а остальные — за кусок хлеба».

Решением собрания сначала было уволить по статье. Потом сообразили, что это не дело. Просто уво-

Светлана Богданова на фоне своих работ (лоскутное творчество)

лить. Сразу четверых. Потом сообразили — многовато. Прецедент. Стали уговаривать Богданову вернуться. А Света (умнейший человек, с двумя образованиями) сказала: «Чтобы я, да сюда, назад?! Дудки!» И пошла в школу № 5 учителем рисования (хотя никогда не рисовала, но талантливый — талантлив во всем). Сейчас она лауреат Всероссийского конкурса по лоскутному шитью. Две ее работы куплены Художественным фондом России.

Трое — Левашов, Шадхан и Назарова — уехали из Норильска. У каждого сложилась своя жизнь. Не пропали. Все состоялись как творческие люди. А вот студия потеряла. Много. И на протяжении нескольких лет пользовалась теми идеями, тем багажом, которые оставил «Контур». В журнале «Журналист» за 1970 год есть статья Б. Яковлева. Она, конечно, причесана, так как не могла «опорочить» первого секретаря горкома партии, который совершил просто подлость, отдав адресованное лично ему письмо обратно на студию. Понять противостояние, сложившееся на студии, можно. Не понять только тот накал страстей, ненависти, что выплеснулся на «восставших» в

*Перед выходом в эфир передачи «По Норильскому времени».
Редактор Виктор Левашов, режиссер Инна Назарова*

те семь часов беспрерывного обсуждения-осуждения. Я этого не забуду. Никогда.

Приведу заключительные строки из статьи Бориса Яковлева в «Журналисте», в названии которой уже видна позиция автора: «Нетипичный случай, или история одного творческого поиска».

«Когда познакомишься с протоколом этого собрания, то замечаешь явные перехлесты во многих выступлениях. Эмоции отодвинули на задний план трезвую объективность. В работе и поступках «контуристов» большинство выступавших увидело только оскорбительный вызов коллективу, третирование его творческих сил и возможностей. Конечно же, дело обстояло далеко не так. <...> И приходится только поражаться парадоксальности ситуации: коллектив, вставший дружно на защиту объективной истины, сам в ряде моментов проявил необъективность.

Творческий коллектив — непрерывно меняющийся организм. в нем есть и будут свои сложности, свои противоречия. Уметь вовремя разрешать их — большое искусство. И дается оно тем, кто способен верно оценить ситуацию, предотвратить возможные конфликты, кто силой знания, политического и профессионального опыта и личным авторитетом сможет установить в коллективе счастливое состояние творческого содружества».

Вот так плохо закончилась на Норильском телевидении история одного творческого поиска...

* * *

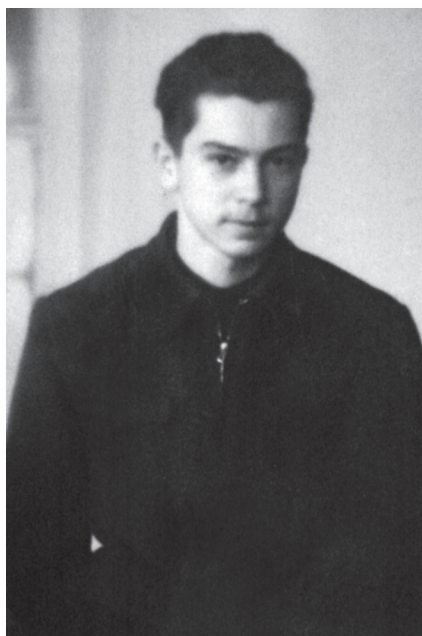
Нашему изданию «О времени, о Норильске, о себе...» в качестве эпиграфа очень подходят строки нижегородского поэта Юрия Адрианова (хотя он их адресовал декабристам):

Друзья мои!
Ведите дневники
Во дни гражданской и духовной смуты.

Свинцом холодным падают минуты
На скользкий берег жизненной реки...
Сжигая напрочь себялюбья похоть
И усыпляя мелочность обид,
Пусть гласом прихожанина эпохи
Размеренное слово прозвучит.
Во все века записки потайные
Нам сохранили гласность до конца,
Чтоб вспомнила и прокляла Россия
Деянья лицедея-подлеца!

На примере десяти книг воспоминаний норильчан видна большая мудрость этого совета: «Друзья мои! Ведите дневники...» Пройдет время, и их обязательно прочитают наши дети, внуки, правнуки. И тогда они совсем по-другому, лично, поймут и почувствуют родословную своей страны, родного города, семьи. И, хочется надеяться, продолжат семейную летопись. По большому счету, они будут писать историю своего Отечества, ведь она отражается во множестве судебных обычных граждан.

*Николай Петрович Колесник.
Сдан последний экзамен в школе. 1952 г.*

*Первомайская демонстрация в Норильске.
В первом ряду коммунальщиков (слева)
майор П.Н. Колесник. 1952 г.*

Николай Колесник:

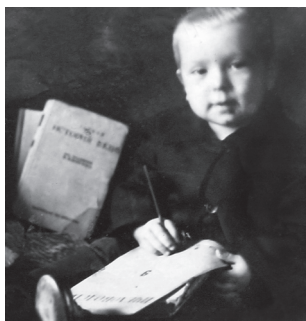
*«Живя в городе-лагере, о ре-
прессиях и его узниках я узнал
много лет спустя . . .»*

*Николай Петрович Колесник, преподаватель гимназии № 6,
г. Ивантеевка, 2009 г.*

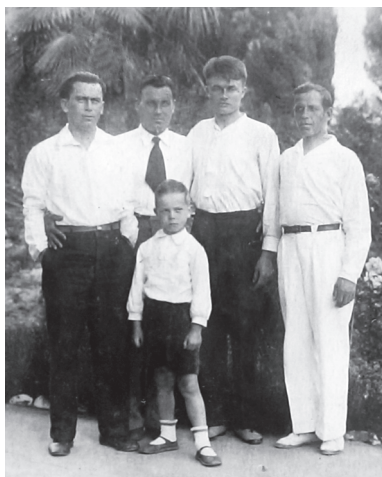
КАК Я ОКАЗАЛСЯ В ЗАПОЛЯРНОМ ГОРОДЕ

Я помню себя с пятилетнего возраста. Тогда отца направили работать в г. Калязин. Мама работала кассиром в какой-то организации и по вечерам участвовала в художественной самодеятельности, спектакли для взрослых регулярно ставились в клубе. Летом самодеятельные выступления по праздникам и воскресеньям проходили на открытой площадке и для дворовых ребятишек. Мы садились перед сценой прямо на землю и бурно переживали все, что происходило на сцене. Рядом на спортивной площадке тоже былолюдно, здесь часто играли в волейбол.

*Коля Колесник — 2 года.
1936 г.*

Перед самой войной отцу выделили горящую путевку в Сочи. Меня он пристроил в домик рядом с санаторием. У старушки в отдельной комнате поселились четверо ребятишек. После дневного сна мы шли к санаторию, отцы выходили из столовой с полдниковыми булками и сладостями. Море, теплые вечера остались в памяти на всю жизнь... Летние каникулы я продолжил в подмосковном селе Большое Прокошево (Костино). А через месяц началась война. Она разлучила меня с родителями более чем на год. Самый младший мамин брат Михаил сразу же добровольцем ушел на фронт. Он погиб зимой в 1941 году, защищая Москву. Ему было 19 лет, и последнее его письмо, которое он отправил нам домой, начиналось словами: «Дорогая мама, гонят нас всех под Можайск бить немецкую гадину...»

*П.Н. Колесник (слева) с сыном
Колей. Май 1941 г.*

навливались у нас в хате. Они оставляли перед боем ненужную амуницию, неисправное оружие (пулеметные ленты с патронами, запалы, штыки), лыжи и т.д. В ближайший лесной массив несколько раз немцы выбрасывали десант на парашютах.

В 1942 году меня забрали из деревни — к нам заехал незнакомый офицер. Он был в командировке по служебным делам в Москве. Меня и еще двоих детей он повез долгой дорогой в Норильск. Так я оказался в заполярном городе. Помню дом в соцгороде с очень маленькой комнаткой, бывшей раньше кухней, но с отдельным входом, там даже еще стояла печь кирпичной кладки до потолка, но она не разжигалась. Было очень тес-

Бабушка Прасковья Филипповна бережно хранила это письмо, она считала, что он погиб при наступлении немцев под Москвой, хотя ей прислали извещение, что он «пропал без вести».

Немцы не дошли до нас 10 километров — рубеж был у города Яхрома. Мимо нашего дома по дороге проходили туда свежие и обратно уже потрепанные после боев наши военные подразделения. Часто красноармейцы оста-

*Дядя Миша. В 19 лет он
погиб под Можайском,
защищая Москву. 1941 г.*

но, но все были счастливы, что наконец-то вся семья вместе. После полуголодных недель в деревне, где за большим столом с самоваром мы пили чай с солью, мне особенно запомнилось мамино пирожное из галет и сгущенного молока.

Вскоре отца перевели на работу в Аварийный поселок (это старая часть города, у самого подножья горы Шмидтихи). В пятидесяти шагах от нашего дома располагался построенный еще в 1921 году геологоразведочной экспедицией Н.Н. Урванцева первый дом Норильска. Первого сентября 1942 года я пошел в школу. Она была рядом, мне только нужно было спуститься с горы и пройти мимо небольшого озера. Четыре года нас учила оставившая очень добрые и хорошие воспоминания Мария Михайловна Проскурина. Со мной вместе учились: Витя Родионов, Борис Лисюк, Инна Вожаева, Оля Анисимова, Дора Береснева, Надя Романенко, Гоша Бенкалюк, Вова Дрюцкий, Мила Зенгер, Павел Лапинский, Надя Молчанова, Вова Пирогов, Юра Стеблянок. Помню

На лыжах в тундре (слева направо): Коля и Витя Родионовы, Добровольский, Борис Лисюк и я

Веню Гудкова, он нелепо погиб, попав под колеса грузовой машины, когда мы учились в 3-м классе, а он бежал, опаздывая на занятия... А Мария Михайловна и в новой школе преподавала нам историю все годы до нашего выпуска. До 3-го класса я сидел за партой с Веней Гудковым, а потом до самого выпуска с Виктором Родионовым. Я с ним дружил с 1-го класса. Сейчас он с семьей живет в Австралии. Его отца Владимира Евстафьевича Родионова весь Норильск знал как самого лучшего хирурга: многим людям он спас жизнь.

Одна стена балка, где мы жили, была у нас общая с гаражом, другая — общая с четырехэтажной смотровой и для тренировок расчетов пожарной каланчей, в окнах которой обычно сушились пожарные рукава. Мы часто проникали во внутрь башни-каланчи и умудрялись спускаться по рукавам сверху, как по канатам. Забирались по одному даже на малую по размерам крышу каланчи (я и сейчас не могу вспомнить без содрогания, как мы с этой крыши слезали). Кстати, тут я впервые пытался курить. Нас, троих пятиклассников, обнаружили и с позором выгнали с башни, а дома еще крепкое внушение пришлось услышать от отца. Это была первая и последняя моя попытка пробовать курить. Ощущение было ужасное, а результат — сильная головная боль на целый день.

Веселые воспоминания остались о пятидесятиградусных морозах. Утром первым делом мы включали репродукторы и с нетерпением ждали объявления о том, что занятия в таких-то классах отменяются, затем бежали все на улицу и собирались у кинотеатра. В те годы огромные снежные сугробы достигали крыш двухэтажных домов. Когда буран затихал, до входных дверей подъездов в снегу прорывались тоннели. А на большом озере недалеко от школы, где снежные заносы достигали еще большей высоты, мы рыли пещеры в два этажа с потайными выходами и верхним входом через люк по веревке. Мы разыгрывали целые сражения. Время было во-

енное. Мы вырезали из газет «Правда» и «Красная звезда» ордена и погоны, приклеивали их на плотную бумагу и награждали друг друга.

Ходьба на лыжах и катание на коньках на стадионе, который был не так далеко от нас напротив ДИТРа, были частыми нашими развлечениями после занятий в школе, да и в выходные дни. В начале лета мы часто всю ночь играли в футбол при круглосуточном солнце и на слегка подмороженной земле.

В летние каникулы нас всех, начиная с первоклашек, вывозили на юг, за две тысячи километров под Красноярск, в село Атаманово, в совхоз «Таежный». О пионерских лагерях у меня осталось много хороших и ярких воспоминаний. Я ездил каждый год в эти лагеря, начиная с 1-го класса и до 10-го (последние два года — помощником пионервожатого). Помню, в первый раз нас отправляли железной дорогой в порт Дудинка в жарко натопленных маленьких вагонах узкоколейки. В дорогу каждому из нас было вручено по десять (!) плиток трофейного шоколада. За 12 часов пути мы все не только объелись, но и перемазались шоколадом — он потек от жары (топить не прекращали, опасаясь, что мы замерзнем). В дальнейшем мы очень долго не могли даже смотреть на шоколад.

Отправка из Норильска пионеров в «Таежный»

*Пионерский лагерь «Таежный». Я помощник пионервожатой
и воспитательницы. 1951 г.*

Первые два года нас размещали в каютах верхней палубы парохода (обычно это были или «Серго Орджоникидзе», или «Иосиф Сталин»), а потом, как более взрослых, размещали уже в трюмах, на двухъярусных полатах. И в каютах, и в трюмах было по-своему интересно. В трюме всегда было шумно и весело. Вечерами перед сном все затихало. Физрук семь вечеров, что мы плыли вверх по течению до «Таежного», описывал нам приключения Тарзана (как раз в Норильске начали показывать о нем трофейный четырехсерийный фильм).

В первый год я уезжал в лагерь с чемоданом, набитым вещами, а возвращался с пустым. Зато в последующие годы я, как и все, вез домой фрукты, овощи, а однажды привез бочку соленых огурцов (солил сам). Интересные воспоминания остались об отрядных кострах. Каждый отряд втайне от других должен был найти в лесу большую и хорошую поляну — туда мы несколько дней приносили сухие ветки, пни. Костер строили высокой пирамидой (до 3–4 метров). Отряд готовил и свой концерт.

На пароходе «Иосиф Сталин» в пионерлагерь мы плавали чаще всего

На дальнем пляже («Таежный»). Справа, скрестив руки, стоит Витя Родионов

Костер на открытие и закрытие лагеря был почти в два раза выше отрядных. Конечно, без дежурства пожарных в эти праздничные дни не обходилось ни одно мероприятие. Зрелище всегда было грандиозным и потрясающим.

Когда мы стали постарше, ребята пытались переплыть через Енисей парой или втроем для успешного заплыва. Главным было рассчитать место, откуда входить в реку. Течение в середине Енисея было очень быстрым, и, чтобы сильно не устать, нужно было попасть на маленький островок посередине реки и там немного передохнуть. То же самое нужно было проделать и при обратном возвращении в лагерь. Помню, когда мы переплыли на противоположный берег втроем и, уставшие, собрались вместе (нас друг от друга очень далеко разнесло), то обнаружили несколько заброшенных старых землянок. Мы немного пофантазировали, что же здесь было когда-то. По возвращении мы ходили героями. Все, кроме взрослых, знали, где мы побывали.

В лагере футбол был тогда повальным увлечением. В каждом из 11 отрядов (от 30 до 40 ребят) была своя команда. Старшая группа сборной лагеря по футболу играла даже против сборной команды г. Красноярск.

*Футбольная команда — чемпион лагеря «Таежный»
(я от вратаря второй)*

В первое наше возвращение из пионерского лагеря в Норильск в одном из трюмов парохода везли партию заключенных — тогда еще продолжали направлять для работы на комбинат политических. Везли их в ужасных условиях, мы это заметили сразу. Пятеро суток их даже не выпускали подышать свежим воздухом. Их присутствие в трюме выдавал только грохот по утрам больших железных бочек: отходы выбрасывали в реку. Тогда о заключенных говорить было не принято. И дома, и в школе, и в лагерях взрослые уберегали и даже отвлекали нас от этой темы. Летние впечатления заслонили этот эпизод...

Летом 1944 года отца направили на учебу в Красноярск на шестимесячные партийные курсы, и он в одно из воскресений заезжал в лагерь меня навестить. Я первый раз тогда попробовал халву, которую он где-то сумел достать, — я был от нее в восторге!

Сразу после окончания войны отец забрал к нам из Подмосковья маминых родителей. Они поселились в небольшой пристройке к балку, где жили мы. Втамбуре умудрялись выращивать кур и поросенка, так у нас появилось подсобное хозяйство. Дедушка в свое время за

*Иван Васильевич и Прасковья Филипповна Шишигины
с моей двоюродной сестрой Зиной. 1946 г.*

это пострадал. В те годы все семьи на селе сдавали мясо государству. Лишиться коровы — значит оставить семью без молока и творога. И потому дед сделал разумное предложение сельчанам: надо собрать деньги, на них купить на рынке в городе мясо и сдать его государству. И план выполнен, и семьи не пострадают. Так и поступили. Но государство эту мудрость оценило по-своему: дед Иван был осужден за подобную вольность. Он не забыл трехгодичную ссылку 1932 года... Она оставила глубокий след в его сознании. В последние годы своей жизни он был очень молчалив и много курил. Дедушка заболел внезапно и скончался 16 июля 1949 года, когда ему было 73 года. Похоронили его без меня — я был в это время в «Таежном». Он лежит в норильской земле, у подножья горы Шмидтихи, — на старом кладбище, которое уже давно закрыто.

Не помню, в каком это было году, вроде в 1949-м, но однажды судьба свела меня с Георгием Степановичем Жженовым. Он проживал в ссылке в одном из домов по Заводской улице недалеко от драматического

*Слева направо: С. Калюский, Б. Лисюк, Д. Грамп,
Ю. Стеблянко, В. Пировов. 1948 г.*

театра, где с успехом играл на сцене. Я ходил к нему некоторое время учиться рисовать, и небезуспешно. Он подрабатывал этими уроками, но глубокую память о себе оставил как человек и личность еще тогда.

Наша семья разрослась, и отцу выделили четырехкомнатную квартиру на втором этаже нового дома на Заводской улице. К этому времени мы уже учились в новой школе, переехавшей из соцгорода в Горстрой. В то время город был еще небольшим с населением около 53 тысяч человек, многими его жителями были осужденные или отсидевшие свой срок. Позднее в большинстве случаев они были реабилитированы и остались работать в Норильске.

Дом на Заводской улице, куда мы переехали (5 окон угла 2-го этажа)

Каждая школа в городе была лучшей в каком-либо виде спорта. Наша — по спортивной гимнастике и баскетболу. Еще в 8-м классе я начал заниматься гимнастикой у замечательного тренера, чудеснейшего человека Федора Васильевича Макарова. Ему в то время было уже 60 лет, а он на тренировках показывал нам элементы первого разряда по спортивной гимнастике. Он был из богатой дворянской семьи, до революции серьезно занимался спортом в обществе «Спартак» и даже завоевал титул чемпиона России 1912 года по спортивной гимнастике. В сталинские

Федор Васильевич Макаров (у меня это единственная его фотография)

годы его репрессировали как брата царского генерала-летчика, и он после 10 лет лагерей остался жить и работать на севере. Память об этом человеке у меня осталась на всю жизнь. Тактичный и высокой культуры человек, Федор Васильевич все умел делать сам и нас учил тому же. Он великолепно музицировал — вольные движения по гимнастике мы выполняли под его музыкальное сопровождение на фортепьяно. Отличные медицинские знания позволяли ему справляться с нашими травмами, растяжениями, вывихами. Он был великолепный рассказчик, знал несколько языков, был спортивным судьей высшей категории. Только благодаря ему при росте 185 см и массе 59 кг (ниже этой массы в армию при таком росте не брали) я сумел получить второй мужской спортивный разряд по гимнастике. И самое главное — он был нашим настоящим другом. Даже расставшись с ним и поступив учиться в вузы, мы пытались подражать ему во всем. В 1954 году после окончания военного училища лейтенантом я прилетал в Норильск. С Борисом Лисюком (он был здесь на практике), прихватив бутылку шампанского, мы навестили Федора Васильевича Макарова. До сих пор виню себя, что ничего тогда не узнал о нем подробнее... Не знаю я и о его дальнейшей судьбе. А тогда в городе проходило первенство

Борис Лисюк на практике, я в отпуске в Норильске. 1954 г.

*Последний мой приезд в Норильск. С родителями.
Приехал в отпуск. 1954 г.*

по спортивной гимнастике, и я по его рекомендации принял участие в судействе и даже получил после окончания соревнований сертификат — квалификацию судьи III всесоюзной категории. Он пополнил

Н. Колесник, Г. Сафронец, В. Родионов, И. Воздаева, Б. Лисюк, М. Зенгер, П. Лапинский с директором школы Б.Д. Сухомлиновым и первым классным руководителем М.М. Проскуриной. 1952 г.

мою спортивную копилку, в которой уже были второй мужской разряд по спортивной гимнастике, третьи разряды по баскетболу, волейболу и легкой атлетике (прыжки в высоту). После школы я хотел закалить свой характер трудностями и подал документы в Ленинградское зенитно-артиллерийское техническое училище (отделение техников по приборам).

В 1952 году средняя школа № 1 выпускала только два класса — 48 учеников. Проучившихся с 1-го по 10-й класс было только семеро. Кроме меня все выпускники были приняты в разные институты Ленинграда и Москвы.

Я был в то время единственным, кто принял решение поступать в военное училище. С армией я связал всю свою жизнь.

В 1958 году я поступил на учебу в Московскую артиллерийскую инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского на факультет «Электронно-вычислительная техника и программирование».

По ее окончании 4 года работал ведущим офицером по специализированным вычислительным машинам в военном представительстве при НИИ-101, где участвовал в разработке системы управления войсками ПВО «Сигнал» и в проведении испытаний. Выезжал в командировки на заводы в разные города. Так, в Ленинграде встретился с Виктором Родионовым в 1963 году. Был у него в гостях, заночевал — очень понравилась его семья. В 1966 году меня направили служить военным представителем Центрального управления космических средств Министерства обороны в НПО «Энергия» (г. Королев).

Вместе с Виктором Родионовым. Ленинград, 1963 г.

*МОУ «Гимназия № 6», преподаватель Н.П. Колесник.
Ивантеевка, 2005 г.*

За 34 года службы в армии получил 13 государственных и ведомственных наград, 49 благодарностей и поощрений. После демобилизации вот уже 20 лет работаю в гимназии № 6 города Ивантеевка инженером по обслуживанию ЭВМ, веду факультативное и кружковое обучение школьников информатике и баскетболу. Организовал Ивантеевский компьютерный спортивно-технический клуб (ИКСТЕК), со школьниками выпускаем газету «ИКСТЕК-новости». Я вырастил двух дочерей, сына и внучку.

МОИ КОРНИ

Родители еще в детстве дали мне урок на всю жизнь: семья — главное в жизни человека. И мама, и отец, сколько их помню, всегда помогали кому-нибудь из родных. Например, в очередной отпуск в деревне, где родился, отец купил дом младшему брату Леониду. До войны отец увлекался фотографией, к этому увле-

чению подключился и я. В последние годы своей жизни он очень много читал и собрал библиотеку, в которой около трех тысяч книг.

Есть в нашем роду традиция: старшее поколение рассказывает о своей жизни молодым. И это не просто слова, они тем самым передавали семейные традиции детям, внукам. Так сохранилась история рода с XVIII века, а с подробностями — с 1912-го... Мы и сегодня продолжаем эту традицию. К 100-летию со дня рождения отца Петра Никитовича

Родители. 1947 г.

Колесника мы, его дети и внуки, выпустили в 2008 году родословную нескольких поколений одной семьи и назвали ее «Простая груша». Мой прапрадед Захар Колесник (~1730–1846) жил в украинской деревне, где каждый мужчина должен был посадить фруктовое дерево, за которым он, а потом и мой прадед Лаврентий (1808–1919) ухаживали, как за малым ребенком. Мой прадед был крепостным, его помещик был злым и нелюдимым. Жаловаться было некому, считалось, что Богом дано: кому быть господином, а кому батраком... До 40 лет он не женился, а потом просил разрешение на венчание в церкви у помещика. Перед этим невеста две недели отработывала у него в поместье. Надо сказать, что в семье Захара 27 лет молили бога наградить ее детьми, да все было безрезультатно, пока он не посадил грушу... После первого сына родился второй, затем третий, четвертый, пятый сын. Шестой появилась дочка...

Прапрадед Захар прожил более 110 лет, детям завещал иметь своего ангела-хранителя: каждому — свое фруктовое дерево. От него, от его отца все перенимали трудолюбие, заботу о семье, о детях. Мой отец **Петр Никитович Колесник (1908–1997)** пережил революцию, Гражданскую войну, уходил из своей деревни на заработки, а в 1930 году его призвали в Красную Армию. Вот что он рассказал в своих воспоминаниях.

«Из 28 человек только нас четверых зачислили в полковую школу, которую я окончил через год с отличием. За хорошую подготовку меня оставили служить при ней в звании командира отделения, я обучал новых курсантов школы. Я всегда старался быть во всем в числе первых, и меня вскоре выбрали секретарем комсомольской организации полковой школы. Я забыл сказать, что в армию меня призвали неграмотным, и мне пришлось сразу учиться в вечерней школе. За два года окончил три класса и подготовился к поступлению в авиатехническое училище. Помощником политрука школы был у нас командир Талкин. В то время он как бы заменил мне отца, а позднее дал и

*Актив полковой школы, в центре
П.Н. Колесник*

рекомендацию в партию, в которую меня приняли. Первый год службы в армии для молодых красноармейцев был очень трудным. На всю жизнь запомнил его совет: «Хочешь быть человеком — не пей водку, не старайся уходить в город, сейчас не нужно тебе знакомиться с девушками». Я всю срочную службу придерживался его строгих правил, получил звание помощника командира взвода. В 1931 году меня приняли в кандидаты в партию, а 15 сентября 1932 года — в члены партии.

Из полка нас, 12 членов партии, направили на борьбу с басмачами в Среднюю Азию. Но туда мы не добрались. В дороге нас задержали и послали на ликвидацию последствий железнодорожного крушения. А когда приехали в Москву, оказалось, что мы опоздали, — наш эшелон уже ушел в Среднюю Азию. Всем тут же дали направление на строительство водного канала Москвы в ведомство НКВД города Дмитрова Московской области. Тяжелыми были эти дни! Достаточно сказать,

что отказаться от назначения не было никакой возможности — ведь документы у нас забрали. Меня назначили начальником кирпичного завода в село Борисово. Какой из меня начальник? И все же с работой я справился! Позже меня перевели командиром взвода в деревню Драчево. Здесь был у меня хороший товарищ — оперуполномоченный Петр Васильевич Зайцев. Потом я служил политруком отдельного взвода, комиссаром отдельного дивизиона. С этой должности в 1938 году меня перевели в г. Калязин. У меня была уже семья, сын. В 1940 году мы выехали в Мончегорск на металлургический комбинат «Североникель», я стал командиром дивизиона охраны, а жена Ирина Ивановна приступила к работе кассиром на комбинате.

В первый же день начала войны в 4 утра 22 июня начались бомбежки территории комбината и выброски фашистских десантов. Утром того же дня меня назначили командиром истребительного батальона (около шестисот красноармейцев) для охраны и защиты комбината. В один из массированных налетов вражеской авиации мы сбили

С родителями в Костино. 1937 г.

самолет противника. Я был контужен и ранен в голову. За участие в тех трехмесячных боевых действиях меня наградили медалью «За оборону Советского Заполярья».

В сентябре пришло решение об эвакуации комбината «Североникель». День и ночь шел демонтаж нового оборудования, его грузили в вагоны и вместе с людьми направили через Северный Ледовитый океан в порт Дудинку и далее в Норильск. Караван с четырьмя тысячами людей и оборудованием 13 суток Северным морским путем добирался до своего места назначения. В начале пути фашисты бомбили и обстреливали транспорт. Взрослые и дети разместились на сбитых из досок нарах, недостаток воды и питания вызвал у многих заболевания.

Так вместе с мончегорцами мы оказались в Норильске. До августа 1942 года служил командиром и комиссаром прибывшего туда дивизиона с последующим переводом в политотдел города, далее заместителем начальника отдела военизированной пожарной охраны, начальником отдела пожарной охраны. А с 1947 года приступил к работе в должности заместителя начальника управления коммунального хозяйства города и комбината. Это были суровые годы... С 1951-го по сентябрь 1955-го я проработал начальником этого управления. У меня в подчинении было 3 тысячи 800 человек, а годовой баланс составлял 120 миллионов рублей тех лет.

Неосвобожденным парработником я проработал 20 лет и один год был освобожденным. В городской партийной комиссии политотдела — 10 лет (1945–1954 годы), в окружкоме профсоюза — 8 лет (с 1947 года — член президиума окружного профсоюза), пропагандистом — 22 года. Я прошел трудный путь от сотрудника до начальника одного из управлений металлургического комбината. Мне даже присвоили звание майор интендантской службы, хотя я был почти самоучкой. Четыре класса, вечерний техникум и курсы я не считал серьезным образованием и потому всю жизнь учился и не боялся никакой работы. На мою жизнь выпали нелегкие времена — что же удивляться, что уже в 47 лет я стал инвалидом труда II группы (невроз, склероз и стенокардия сердца). И уволился я в 1955 году по состоянию здоровья.

Вручение медали. Сидят (справа) Панюков и Зверев, в верхнем ряду (справа) П. Н. Колесник

*Пожарная команда Норильска,
в центре П.Н. Колесник и К.В. Фигуровский. 1946 г.*

В окружном профсоюзе, в центре в форме П.Н. Колесник. 1948 г.

Жена Ирина Ивановна в Норильске начала трудиться кассиром и закончила начальником кассы комбината. После выхода на пенсию мы с женой купили домик в Подмоскowie (г. Лобня). В 1957 году я перенес тяжелейшую операцию — удалили три четверти желудка, но ежедневные физические упражнения и работа на земельном

участке вместе с поддержкой семьи помогли мне быстро восстановиться и окрепнуть. Курить я бросил в 1947 году после операции по удалению аппендицита. Ее делал мне в Норильске прославленный хирург (его называли у нас все доктором от Бога) Владимир Евстафьевич Родионов. Наши сыновья 10 лет учились в одном классе.

Линейка в молодежном лагере. Около трибуны стоит его директор П.Н. Колесник. 1955 г.

Начальник кассы Норильского металлургического комбината И.И. Колесник

*П.Н. Колесник. Завод
шлифовальных станков.
Москва, 1988 г.*

После Норильска я отдохнул какое-то время, а потом понял, что тихая домашняя жизнь не для меня. И я в 1963 году оформился в Москве на завод шлифовальных станков, где каждый год меня избирали председателем цехкома. Более 25 лет я отдал этому предприятию.

Мне в жизни всегда помогала жена Ирина Ивановна. У нас было о чем поговорить, мы никогда ничего не скрывали друг от друга, и от этого нам становилось в трудные дни легче. До 1947 года мы жили очень скромно, в долг никогда не брали и родным всегда помогали (один месяц высылали с полочки моим родным, другой — родным Иры), всегда все были опрятно одеты, хоть

*Последний год вместе Ирина Ивановна и Петр Никитович.
Ивантеевка, 1996 г.*

и в недорогие вещи. Никому не завидовали. С 1950 по 1955 год мы уже жили в достатке — у меня по работе была легковая машина «Победа» и повозка-сани с лошадью, но жена и сын никогда этим транспортом не пользовались. Совесть не позволяла нам делать это».

В 1949 году родители забрали в Норильск младшую дочь маминого старшего брата Нину. Из-за войны она пропустила два года обучения и потому пошла, как и я, учиться в восьмой класс, но в другую школу Норильска. Мама очень любила своего старшего брата Александра Ивановича, который умер в 1945 году. Его старшую дочь Зою (1923 г.р.) вместе с пятилетней дочкой Ирочкой (1945 г.р.) отец тоже забрал к нам в Норильск в 1950 году. Ее мужа Андрея Иосифовича Сушкевича (1921–1995), участника войны, по ложному доносу посадили на три года. Отец организовал его перевод из лагеря в Дудинке в Норильск, а после освобождения устроил на работу механиком на агломерационную фабрику. На никелевом заводе Андрей проработал 25 лет до выхода на пенсию в 1975 году. Отец добился пересмотра его дела и освобождения с

Семьи Колесника и Сушкевича на встрече Нового, 1951 года

*На стадионе. Ира, Зоя Александровна и Саша Сушкевичи.
Справа И.И. Колесник. 1951 г.*

последующим возвращением ему всех наград. Андрей Иосифович оставался в Норильске и после нашего

*В отпуске Зоя Александровна
и Андрей Иосифович. 1965 г.*

отъезда. Его семья увеличилась — родились сыновья Саша в 1951 году и Сергей в 1954 году. Зоя, его жена, тоже устроилась работать в 1964 году лаборантом на никелевый завод и проработала там до 1975 года. Все трое их детей окончили школу в Норильске. Семья Сушкевичей до 1951 года жила в балке и только в 1952 году переехала в трехкомнатную квартиру на улице Южной. В доме они занимали две комнаты, а в третьей жили Пресняковы, ленинградцы. Через три

года они получили отдельную квартиру на улице Кирова.

Одиннадцать родных и очень близких мне людей (Колесники, Шишигины и Сушкевичи) прожили в Норильске с 1941 по 1975 год. Все хорошее они передали своим детям по наследству, учили их примером своей жизни. Я это в полной мере ощутил на себе. Я очень уважал и любил многих из этих семей, особенно дедушку, бабушку, маму и отца. Они научили меня целеустремленности, добру и справедливости. Без любви к людям вряд ли можно сделать для них что-то хорошее.

Годы, проведенные в Норильске, оставили неизгладимый след в моей памяти. Мы жили, учились и работали там, в суровых климатических условиях, в годы жестокой войны и массовых репрессий. Мы многого не знали, но видели, что нас окружали люди высокой культуры и моральных качеств. Даже об-

По традиции сбор родственников в деревне. Из 23 человек — восемь норильчане. В первом ряду стоят (слева направо): Н.А. Шишигина, И.И. Колесник, в этом же ряду пятая И.А. Сушкевич-Коваленко, З.А. Сушкевич, девятый — А.И. Сушкевич. Во втором ряду второй — П.Н. Колесник. Самый верхний ряд: С.А. Сушкевич и Н.П. Колесник

Семья Колесник вместе (слева направо): Ирина Ивановна, Петр Никитович, Ирина Николаевна (внучка), Николай Петрович (сын), Наталья Николаевна (внучка), Катя (правнучка). В этом же году родился внук — Александр Николаевич (за кадром). Ивантеевка, 1988 г.

щаясь с их детьми и только изредка с родителями, незаслуженно попавшими в жестокую сталинскую мясорубку, я сердцем чувствовал, что они не озлобились и были очень чувствительны к добру, сохранили порядочность и человеческое достоинство в нечеловеческих условиях. Но по-настоящему я это понял много позже, когда узнал подлинную историю своей страны.

Моя сестра Нина Шишигина прожила в Норильске всего три года, но они запомнились ей на всю жизнь. Она тоже по нашей традиции написала об этом воспоминания, когда уже стала взрослой. Она рассказала о годах, голодных и суровых, о том, как поддерживали друг друга люди, прежде всего родственники. Приведу строки из воспоминаний **Нины Шишигиной (Костициной)**.

«В день, когда мы услышали по радио сообщение Левитана о начале войны, папа (Александр Иванович Шишигин) прибежал с работы на считанные минуты. «Бери детей и самое необходимое, срочно уезжайте в деревню», — сказал он маме. В деревне Большое Прокошево я прожила с родителями папы (Иваном Васильевичем и Прасковьей Филипповной) все военные годы и три года после — это было голодное время. Надежда была на папу: вот кончится война, он вернется и все изменится. Он не дожил до победы 19 дней. Это мы узнали потом. Его не стало, а мы все получали с

Н.А. Шишигина в пионерском лагере «Таяжский». 1951 г.

*Последняя при жизни фотография дяди Сани
(А.И. Шишигин — стоит в центре)*

фронта треугольники-письма, в которых он писал о скором возвращении. Когда наконец пришла на него похоронка, государство стало выплачивать мне 200 рублей в месяц. На эти деньги можно было купить одну буханку черного хлеба или ведро картошки, а нас было четверо: мама — инвалид II группы, старшая сестра Зоя с трехлетней дочкой Ириной и я.

Еще перед самым началом войны дядя и тетя (Петр Никитович и Ирина Ивановна Колесники) в отпуске договорились с папой: если с одним из них что-то случится, то оставшийся возьмет детей. Мой папа — его сына, а дядя — меня. Маме было тяжело отпускать меня в такой дальний край. Как ни трудно было расставаться, но пришлось. Так летом 1949-го я простилась со своей детской деревенской жизнью.

И вот он, Норильск! Первое впечатление: он — нежилое место. Несколько серых, низких построек, ни травы, ни деревьев, ни взрослых, ни детей на улице. Дядя, тетя с сыном и бабушкой жили в балке, который напоминал землянку военных лет, только она была шире и глубже. Окон не было. Две маленькие комнаты около 8 квадратных метров, коридор, в конце которого кухня. Железные кровати в комнатах, на

*После переезда в дом на Заводскую улицу.
Семья Колесник с бабушкой и Ниной. 1950 г.*

*П.Ф. Шишигина (сидит справа) с делегацией колхозников
у академика Р.В. Вильямса*

Обед на фабрике в деревне Костино, за столом И.В. Шишигин

кухне стол и табуретки. Бабушка Прасковья Филипповна всю жизнь была труженицей. В колхозе, как стахановка, она принимала участие во встречах с великим создателем травопольной системы земледелия академиком Р.В. Вильямсом. В Норильске бабушка занималась хозяйством — готовила

обед, пекла пирожки, ходила на рынок. Дедушку я уже не застала, он умер в 1949 году, и его похоронили на кладбище у подножья горы Шмидтихи. Это был умный, замечательный дед, основатель стекольного завода в деревне Большое Прокошево. Его в 30-х годах незаконно осудили, он писал во все инстанции о снятии судимости, но не дожидаясь этого дня — его реабилитировали только в 50-х годах.

Рядом с нашим балком была пожарная часть (мы все называли ее пожарной), которая немного оживляла это место. Начальником части первое время был Константин Владимирович Фигуровский. Помню молодого пожарного, его звали Андреем. Мы познакомились и по ночам перед входом в наш балок играли в шахматы, ведь ночью светло как днем. Запомнился и рабочий пожарной дядя Леша Герасименко. Он держал поросят и делился с нами мясом и салом.

Никогда не забуду свой первый норильский завтрак: рисовая каша на разведенной в воде сгущенке. Ею я долго не могла насытиться. Как здорово, что была эта каша, а не щи из крапивы и лебеды, как в моей деревне! В Норильске для меня навсегда закончилось голодное время.

Первое сентября 1949 года — начало моей учебы в 8-м классе школы № 4. Часть города, где находилась школа, называлась Горстроём. Здесь было несколько новых зданий.

*Петр Никитович Колесник и Константин Владимирович Фигуровский.
1949 г.*

Школа № 4. Мой выпускной класс. Я стою справа. 1952 г.

Чувствовалось, что Норильск стал разрастаться. В классе нас было 24 человека. Из учеников я никого не знала. Разница в возрасте была один-два года, тогда у многих из нас был вынужденный перерыв в учебе из-за войны. Классным руководителем была Фаюткина, ветеран, ее мы уважали. Доня Александровна Волох преподавала химию. Я сидела в среднем ряду на второй парте с Ромой Гавриловой. С ней мы подружились.

Учились все почти ровненько: кто чуть получше, кто похуже, отличников не было. В классе я была старостой и вожатой в одном из пионерских отрядов. В школе были спортивный и актовый залы, буфет. Родители выдавали нам с братом деньги, но я не ходила в буфет: деньги отдавала бабушке, мы их копили и высылали маме в деревню. В Норильске помню красивый Дом инженерно-технических работников — ДИТР, куда мы изредка ходили смотреть фильмы. Напротив ДИТРа были стадион, Дом спорта, где по выходным были танцы. Мы, школьники, очень редко ходили на них. На стадионе заливали каток.

В 1950 году из балка мы переехали в четырехкомнатную квартиру трехэтажного дома на Заводской улице. После балка без окон появилась возможность видеть, что происходит на улице. Помню, как утром шла на работу колонна заключенных, сопровождаемая вооруженной

охраной с собаками. Мрачная картина, от которой у меня мурашки бегали по телу.

Однажды дядя Петя сказал, чтобы мы с братом пошли в окружном профсоюзе сфотографироваться. К моему удивлению, фотографом оказался актер Георгий Степанович Жженов. Он был ссыльным, работал в драматическом театре.

Меня удивляло, что в таких суровых условиях город жил обычной жизнью: в домах было тепло, горел свет, ходили автобусы, улицы постоянно чистили от снега.

Вспоминается, как брат иногда бегал за пирожными в ДИТР, мы съедали их с огромным наслаждением. Еще помню игру в настольные игры вечерами. Было по-душевному тепло и уютно.

Летом 1951 года я была в пионерском лагере «Таежный» помощником вожатой. На берегу Енисея божественный воздух, хвойный лес... Жили в одноэтажных деревянных домиках. В отряде было 25 человек, все пионеры. Изумительный отдых!

В 1952 году я окончила 10 классов — мы были первым выпуском школы № 4. После выпускного вечера я простилась с Норильском. Мы покидали Норильск вдвоем с братом, тоже окончившим школу. Он решил поступать в военное училище, я — в сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева. В Норильске до 1975 года оста-

Нина Шишигина с подругами в «Таежном»

вались еще жить и работать моя сестра Зоя с мужем Андреем Иосифовичем Сушкевичем и тремя детьми — моими племянниками Ирой, Сашей и Сережей.

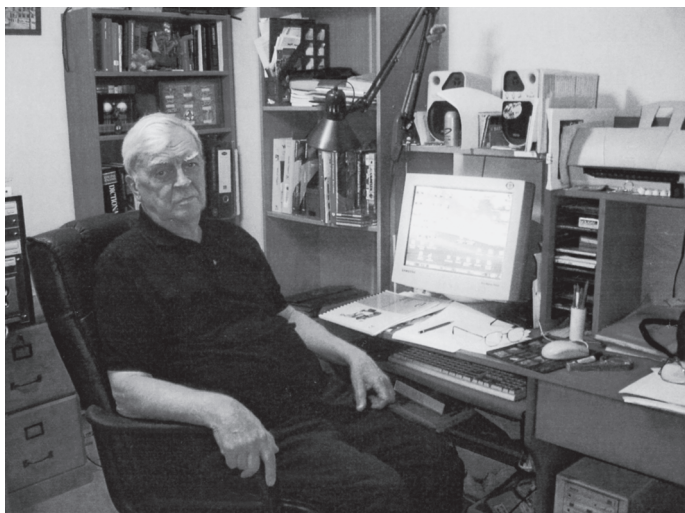
Всего три года я прожила здесь, но они навсегда останутся в памяти.

Даже в свои 70 с лишним лет хочется съездить и посмотреть на изменившийся Норильск, посетить его памятные места и школу».

Как все-таки удивительно: в тяжкие времена на Крайнем Севере, где ничего съедобного просто так не вырастишь и все завозное, мы, дети (вернее, многие из нас), только здесь забыли о чувстве голода, которое было знакомо чуть ли

*Нина Александровна
Шишигина после окончания
сельскохозяйственной
академии имени
К.А. Тимирязева. 1957 г.*

Виктор Владимирович Родионов. Австралия, 2009 г.

Виктор Владимирович Родионов с семьей. Рядом жена Софья, дочь Татьяна и сын Андрей. На фоне австралийского пейзажа. 2009 г.

Слева направо: внук Николай и сын Андрей Виктора Владимировича Родионова, с которым нас подружил Норильск. Австралия, 2009 г.

не всему населению страны. Мы даже не осознавали, что живем в городе-лагере, где вокруг заключенные. Я даже не знал, что у моего друга Виктора Родионова отец был осужден, но это обстоятельство как-то заслонялось его славой легендарного хирурга. На лагерные темы никогда никто с нами не говорил — ни дома, ни в школе, ни где-то еще. Нас оберегали, о нашем здоровье заботились, мы получили в Норильске отличное образование. Почти все наши выпускники тех лет окончили вузы, стали высококлассными специалистами, имели научные звания, должности. Об их родителях, о том, что пережили они, по сути-то я узнал из книг «О времени, о Норильске, о себе...». Живя в городе-лагере, о репрессиях и его узниках я узнал много лет спустя.

Алла Бузакова, 10-й класс школы № 1. Норильск, 1954 г.

«Наш горняцкий привет сменам, руководимым мастерами тт. Фролкиным, Николаевым, Аникиным, выполнившим досрочно план апреля!»

Алла Бузакова-Лукина:

«Сам город — это памятник тем, кто начал строить его в муках, кто остался навечно в мерзлоте».

*Алла Бузакова (Лукина), молодой доцент Мордовского университета.
Саранск, конец 1968 г.*

ПЕРЕБРАЛА ПО ГОДАМ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ...

В 2008 году мне подарили книгу девятую «О времени, о Норильске, о себе...».

Я прочитала ее всю, читала запоем. В ней есть воспоминания моего одноклассника Гены Каратаева, одного из лучших математиков нашего выпуска, сестер Медведовских, которые окончили нашу школу № 1 на год раньше меня. И мне захотелось поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями. Мне 72 года. Сев писать, я перебрала буквально по годам, месяцам всю свою жизнь...

В Норильск я приехала в конце апреля 1950 года с моей мамой Ольгой Андреевной Бузаковой из г. Днепропетровска (Украина).

Она была командирована в Норильский горно-металлургический комбинат по переводу и проработала там до 1956 года (два договора). Я уехала из Норильска в 1954 году, окончив среднюю школу № 1. В Норильске я получила очень сильные и яркие впечатления, которые оставили неизгладимый след в моей памяти, в моей судьбе.

В Норильск мы с мамой попали неожиданно. Весной 1944 года вернулись из эвакуации в г. Днепропетровск, ставший нам родным: в этом городе мама вышла замуж и окончила геолого-географический факультет университета, родилась я. Приехали в составе группы специалистов, которых направили с Урала на восстановление заводов Юга. Днепропетровск был сильно разрушен. Особенно пострадали заводы и красивый проспект им. К. Маркса протяженностью несколько километров.

*Ольга Андреевна
Бузакова. Норильск,
1953 г.*

Маму направили работать на восстановление одного из крупнейших металлургических заводов (завод им. Петровского) в должности начальника техотдела ремонтно-строительного цеха. Проработав здесь более года, в конце 1945-го она перешла на работу в Управление МВД по делам военнопленных, которое подчинялось республиканскому МВД. Военнопленные работали в Днепропетровске и в области, восстанавливали многие заводы и шахты, строили новые предприятия, например, было начато

строительство автозавода, который с конца 60-х годов стал всем известен как Южмаш.

В Управлении МВД мама работала инженером по труду, постоянно ездила в командировки по области. В 1949 году вышел указ правительства о возвращении военнопленных на родину. Их стали партиями отправлять, а управление расформировали. Военные разъехались по указанным назначениям, а гражданские, в том числе и мама, решали вопросы трудоустройства сами. На мамину должность пришло назначение в Норильский горно-металлургический комбинат. Где находится Норильск — никто не знал. Выяснили только, что нужно ехать в Красноярск, а «там подскажут, куда дальше». Будучи человеком решительным и деятельным, мама приняла решение ехать. Эти черты характера она воспитала в себе буквально с детства — жизнь способствовала этому.

Здесь кстати сделать отступление о жизни до Норильска. Мама родилась в конце 1912 года в Тирасполе, в молдавско-украинской семье. Была болезненным, слабым ребенком. Едва ей исполнилось 6 лет, как заболела ее мама. Болезнь быстро прогрессировала, постепенно ограничивая ее движения... Надо было уха-

живать за ней. Помогал отец, хотя главной у него была забота прокормить семью — шла Гражданская война.

Маме было всего 10 лет, когда мою бабушку полностью парализовало. Отец стал возить ее по больницам и санаториям, а маму определил в детский дом в Одесской области. Здесь она смогла нормально учиться в школе. Когда моя мама заканчивала семилетку, бабушка умерла. Детдом направил маму в Киев на двухгодичный рабфак при химико-технологическом институте. Время было тяжелое, голодное. В 1930–1932 годах летом со всеми учащимися мама работала на торфоразработках под Киевом. Училась упорно, настойчиво, понимая, что образование поможет ей стать самостоятельной.

После окончания рабфака маму зачислили на первый курс этого института. Однако, натолкнувшись на заметку в газете, что в ее родном городе открывается сельхозинститут и объявлен набор студентов, она поехала в Тирасполь. На третьем курсе вышла замуж за моего папу — командира Красной Армии, который увез ее в Днепропетровск, где служил заместителем началь-

Родители Аллы Бузаковой — папа Михаил Иванович и мама Ольга Андреевна (слева). Днепропетровск, январь 1936 г.

ника воинской части по строевой подготовке. Отец имел две шпалы в петлице, был грамотным специалистом, дисциплинированным командиром, скромным в быту человеком, его любили солдаты и уважали коллеги.

Мама продолжала учебу, но так как в Днепропетровске еще не было сельхозинститута, она поступила в университет на геолого-географический факультет. В апреле 1936 года родилась я. Все было хорошо, мама была счастлива, но наше счастье длилось недолго — ровно 2,5 года. В июне 1937 года арестовали начальника воинской части и его заместителя по снабжению, через три дня их расстреляли, а отца разжаловали в солдаты, уволили из рядов Красной Армии, запретили жить и работать в областных центрах, дали 24 часа на выезд из Днепропетровска.

Отец прослужил в Красной Армии с 1919 года, не имел ни единого замечания, одни благодарности — и вдруг... Год он скитался в поисках работы, но никто его не брал, боялись его «волчьего билета». Что ел, где спал? За это время он был у нас всего три раза на один-два часа — боялся за нас, не хотел навредить ни нам, ни хозяйке, у которой мы жили на квартире. Однажды у него вырвалась фраза: «Лучше бы и меня тогда расстреляли». Незаслуженное унижение и несправедливость были для него страшнее смерти. Маме пришлось идти работать. Зарботки были небольшими. Меня определила в ясли на шестидневку, но воскресенья мама полностью уделяла мне.

Через год летом 1938 года в маленьком райцентре в г. Никополе директор фабрики по пошиву спецодежды решил взять отца на работу в бухгалтерию. В 1941-м отец оттуда ушел на фронт и погиб в августе 1942 года в звании старшины. Извещение о его гибели мы получили только в конце 1945 года. Мама больше не вышла замуж, посвятив свою жизнь мне и работе.

С сентября 1938 года мама продолжила учебу в университете. От своего курса она отстала. Новый коллектив студентов ее принял хорошо. Никакой враждебности по отношению к себе она не ощущала.

Приобрела товарищей, с некоторыми из них дружила до конца жизни. Студенческий профком помог ей поселиться в общежитии и даже получить отдельную комнату как матери с ребенком.

В июне 1941 года, когда выпускникам выдали дипломы, уже началась война. Сначала никто не верил, что немцы дойдут до Днепропетровска, ведь он так далеко от границы. Однако фронт постепенно приближался. 9 или 10 июля начали бомбить город. Появились известия о жестокостях немцев к коммунистам, семьям партизан и командиров. Мама сожгла все фотографии отца, на которых он был в военной форме. У нас осталась одна-единственная его фотография в гражданской одежде. 6 августа 1941 года была объявлена эвакуация города, и мы перешли на левый (восточный) берег Днепра, где формировались поезда для отправки людей в тыл. В эти дни наши войска сплошными колоннами шли и шли нескончаемым потоком через город, спеша перейти через мост, а потом подорвать его до прихода немцев. Мост был построен еще до революции, другого такого через Днепр нет. Его

*Ольга Андреевна Бузакова с дочерью Аллой.
Днепропетровск, декабрь 1938 г.*

длина 1200 м, имеет два этажа: внизу — для поездов, сверху — для городского транспорта и пешеходов. Мы с мамой переходили через этот мост с одной из колонн пехоты. Бойцы шли молча с полной выкладкой, уставшие, потные (август, жара)... Меня, пятилетнего ребенка, они оберегали от толчеи и давки. Когда мы перешли мост, люди расступились и выпустили нас... Эта картина ярко запечатлелась в моей памяти.

В ночь на 18 августа из Днепропетровска ушли два последних поезда. Мы попали в первый. Вскоре узнали, что поезд, следовавший за нами, был разбит, многие погибли. Через два дня на станции из репродуктора мы слышали сообщение о том, что советские войска оставили г. Днепропетровск. Ехали через Москву, в ней было еще спокойно. Арзамас и дальше на Урал... Поезд проходил через г. Молотово, ныне Пермь. Там мы высадились... Больше года мама работала на пушечном заводе, как и другие, сутками не выходя из завода. Я была в садике на шестидневке. В конце 1942 года ее отпустили с завода работать по специальности в геологической партии. Партия базировалась на территории области в тайге на р. Чусовой. Добираясь до места назначения, мы последние 50 км ехали попутными санями, пешком, снова попутными санями и опять пешком. Это было 29–31 декабря — в короткие дни и жестокие морозы. Новый, 1943 год встретили в женской бригаде лесозаготовителей и 1 января пришли в партию.

Здесь мама не смогла долго работать, как только поняла, что эта маленькая группа геологов не стремится найти то, что должна была. Создавалась видимость поисков, сдавались липовые отчеты, а зарплата шла регулярно. Просто люди решили спокойно и благополучно пережить трудное время. И такое бывало...

Мама добилась перевода в другую партию. Наш отъезд пришелся на май 1943 года. Снег только растаял, дороги в тайге были размыты, оставался один путь — рекой. После ледохода гнали плоты, и мама уговорила взять нас на плот. Надо было проплыть

до станции Чусовой 120 км. На большей части этого участка течение быстрое, много водоворотов, берега скалистые. Плыли весь день до вечера, стоя, сесть было не на что. Вдобавок ко всему моросил дождь. Из Чусовой уехали поездом в г. Аша Челябинской области. Ашинская партия работала по договору с металлургическим заводом (в то время он был военным). Заводу нужны были огнеупорные породы, и геологи определяли их запасы, глубину залегания, выбирали места для карьеров. Мама работала прорабом взрывных работ и по совместительству старшим коллектором. Сознание того, что они выполняют нужную, важную работу, помогало ей преодолевать усталость, переносить трудности.

В г. Аша осенью 1943 года мама записалась в первую же группу специалистов, которых направили на восстановление заводов Юга. В декабре мы были в г. Сталино (ныне г. Донецк), а весной 1944 года — в Днепропетровске. Жили трудно, как многие вокруг нас, и кто знает, может быть, и далее так бы и продолжалась биография нашей маленькой семьи из двух человек, если бы не расформирование управления, где мама работала после восстановления разрушенных войной предприятий... Вот тогда в нашу жизнь и вошел заполярный Норильск... Вошел навсегда, хотя я давно снова живу на Украине...

ДОРОГА В НОРИЛЬСК, НОВАЯ ЖИЗНЬ...

В апреле 1950 года, в день моего 14-летия, мы выехали из Днепропетровска до Красноярска через Москву. Поездов не хватало, вокзалы были забиты людьми, ожидавшими билетов по многу дней. На вокзале на полу спали женщины и дети. Но мы здесь не задержались: по документам, выданным нам в Днепропетровске и Москве, мы получили билеты сразу через воинские кассы. До Красноярска ехали неделю, дорога еще не была электрифицирована. Нам подсказали, как добраться до гостиницы «Север», которая обслуживала норильчан. Здесь вселились в

двухместный номер и узнали, что дальше полетим на Север самолетом, но не сразу, а как только метеорологи «дадут погоду». Администратор сказала, что вот-вот должен подъехать начальник Норильского комбината Владимир Степанович Зверев. В его распоряжении самолет, на котором он в любое время по звонку из Кремля летит к Сталину для доклада. На обратном пути он обычно останавливается в этой гостинице на один-два дня по служебным делам. Утром следующего дня маму пригласили к В.С. Звереву. Несмотря на свою занятость, он уделял время для знакомства с людьми, едущими на работу на комбинат. Таких людей тогда было немного, потому что комбинат и поселок при нем были закрытыми объектами. Владимир Степанович посмотрел документы, задал несколько вопросов, поинтересовался, как доехали, и неожиданно спросил: «А деньги у вас есть? До зарплаты еще далеко!» Его вопрос был очень кстати. Сразу же выписал чек на сумму 1500 рублей, в счет будущей зарплаты, и вскоре кассир принес нам эту сумму. Такое внимательное отношение к нам начальника комбината не было случайным. Позже, живя в Норильске, я слышала от мамы и других, что В.С. Зверев очень строгий, требовательный, жесткий руководитель, но очень внимательный к вновь прибывшим на работу на комбинат. Он сам в беседе с «новичком» подмечал, что тому крайне необходимо, и соответственно помогал. Например, учительница физики и моя будущая классная руководительница Августа Александровна Федотова, с которой я восстановила тесное общение в 1980 году, как только узнала ее адрес в г. Киеве, рассказала мне, как в 1951-м она с группой молодых учителей, приехавших в Норильск по распределению, попала на прием к В.С. Звереву. Он внимательно на всех посмотрел, у кого-то спросил, что им нужно, а А.А. Федотовой сам определил, что ей нужно пальто. Тут же выписал направление в ателье, и к холодам ее пальто было готово.

Итак, в конце апреля 1950 года мы вылетели из Красноярска в Дудинку. Был солнечный день, высота полета 3000 м, скорость 450 км/ч. Я летела впервые. Через иллюминатор смотрела на тайгу, которой не было ни конца ни края. Летели вдоль широкой белой ленты, разрезающей тайгу. Этой лентой был Енисей, еще скованный льдом и покрытый толстым слоем снега. Где-то на полпути к пассажирам вышел летчик. Улыбнулся, заверил, что полет проходит нормально, и попросил пристегнуть ремни, потому что несколько минут будет неприятных, зато потом мы увидим кое-что интересное. Когда все пристегнулись, самолет резко пошел на снижение, буквально пикируя. Стало не только неприятно, но и страшно, хорошо, что это длилось недолго. Возле самой земли самолет выровнялся, и все увидели на снегу темный бесформенный ком. Он двигался. Приглядевшись, узнали в нем большого бурого медведя. Летчик пояснил, что в это время медведь должен быть в спячке, но кто-то или что-то его испугнуло, он голоден и потому очень опасен. После этой маленькой экскурсии самолет снова набрал высоту и продолжил полет своим курсом.

В Дудинке мы переночевали в гостинице. Утром сели в поезд до Норильска, который рассмешил меня своими малыми размерами. Не сразу поняла, зачем в тамбуре стояло много метел и лопат. Через некоторое время поезд остановился. Несколько человек вышли, прихватив, кто метлу, кто лопату. Стало ясно, что они едут не первый раз. За ними последовали остальные. Возле вагона нас ждал мужчина, он показал в сторону паровоза — железнодорожное полотно исчезло под сугробами снега. Оказывается, накануне свирепствовал снежный буря, и всем еще не раз пришлось выходить, чтобы расчистить пути. Погода стояла тихая, солнечная и морозная. Уже начался полярный день, когда солнце круглосуточно ходит по кругу на одной высоте над горизонтом. Расстояние от Дудинки до Норильска 120 км, но в Норильск приехали на Нулевой пикет, кажется, утром. Несколько мужчин и нас с мамой повезли на машине в гостиницу.

Она оказалась трехэтажной каменной. Рядом располагался стадион, напротив — большое серое здание ДИТРа. Гостиница была переполнена, кровати стояли во всех коридорах и холлах. Дежурная проводила нас в кабинет директора, вернее, приемную. Здесь на большом диване мы сразу уснули после столь утомительной дороги... На следующий день, в воскресенье, в свой кабинет директор поселил семью, приехавшую из Воркуты. Исаак Борисович Коган был назначен главным бухгалтером одного из крупных предприятий. Он приехал с женой Евгенией Абрамовной и сыном Леней, на год старше меня. С этой семьей мы поддерживали знакомство до отъезда из Норильска.

1 мая из окна гостиницы я наблюдала демонстрацию — очень непривычную для меня. Дома в Днепропетровске в это время цвели сады, на демонстрации люди несли цветы. А здесь лежал снег, люди шли в шубах, валенках, теплых шапках...

Гостиница располагалась в соцгороде, в котором было много бараков, а большинство домов были небольшими, двухэтажными. Из соцгорода через озеро Долгое по дамбе дорога вела в новую часть Норильска — в Горстрой.

Дорога из соцгорода в Горстрой по дамбе через озеро Долгое. Норильск

Он начал застраиваться с середины 40-х годов. Ко времени нашего приезда на Октябрьской площади при въезде в Горстрой уже стояло два больших красивых здания с башнями. Они потом стали визитной карточкой Норильска: их печатают на открытках, они попадают в кадры документальных и художественных фильмов о Норильске.

На башнях были установлены прожекторы, которые в полярную ночь в течение трех месяцев не выключались. Гвардейскую площадь тогда уже окаймляли два дугообразных, тоже очень красивых здания. Запомнилось новое здание школы № 1, в 1953 году появились точно такое же здание школы № 4, Дворец пионеров, драматический театр в конце улицы Севастопольской, индустриальный институт (вначале это был техникум, потом филиал одного из сибирских вузов). За Гвардейской площадью построили два первых здания запланированного проспекта им. Ленина. Вырисовывался план нового города — две площади, несколько застроенных улиц: Орджони-

Октябрьская площадь — визитная карточка Норильска

кидзе, Севастопольская, Пушкинская, Пионерская, Комсомольская и еще несколько.

Мама сразу обратила внимание на красоту построек, хорошее качество работ и высокий темп строительства. Вскоре мы узнали объяснение этому — в Норильске было много лагерей с сотнями тысяч заключенных, а значит, и огромным количеством бесплатных рабочих рук. Я тогда еще не знала, в каких бесчеловечных условиях они жили и работали. В школе на эту тему никто не говорил, а моя мама после пережитых страхов и ужасов военных лет старалась оградить меня от правды жизни, чтобы юность моя была радостной и беззаботной.

На Октябрьской площади в башне правого здания и под ней до первого этажа находился Дом политпросвещения с читальными залами. Кроме партийной

здесь был отдел научной и художественной литературы. Домом политпросвещения заведовала Евдокия Александровна Черепанова. Она окончила институт цветных металлов в Москве до войны, уехала в конце 50-х годов в г. Львов, где прожила до конца жизни — до середины 80-х.

В этом же здании располагался большой продуктовый магазин с большим набором продуктов: макаронные изделия, крупы, сахар, сливочное масло. Черная (паюсная) икра стояла в бочках и продавалась на вес. В период с весны до осени иногда привозили

*Евдокия Александровна Черепанова
(в белой блузке) с подругой детства.
Конец 50-х гг.*

свежую рыбу из местных озер. Но больше других и разнообразнее были представлены консервированные продукты отменного качества: рыбные, мясные, крабовые, фрукты — компоты, джемы, варенья. Овощи — картофель, морковь, лук — продавались только в сушеном виде. Кажется, с 1951 года стали продавать мороженое мясо. Каких животных оно было, я тогда не задумывалась, только мясо было необычным: при варке оно распадалось на волокна. Потом я узнала, что это мясо из стратегического запаса, пролежало в вечной мерзлоте 10 лет, и по санитарным нормам подлежало реализации. Оно совершенно не испортилось, но потеряло вкусовые качества...

Помню, я, как и другие дети погибших на фронте, а также дети бывших фронтовиков, получала ежемесячно сгущенное молоко по 2,4 кг.

В левом здании на Октябрьской площади симметрично (в башне и до первого этажа) располагалась библиотека технической литературы. С этой библиотекой граничило общежитие ИТР, занимая 2–4-е этажи со входом со двора. Летом 1950 года мама получила в нем комнату на втором этаже и оказалась первым жителем общежития, при ней заканчивали уборку комнат после строительных работ женщины-заключенные. Все комнаты были небольшие — 10–11 кв. м, на два человека, с минимальным набором необходимой мебели: две кровати, стол, два стула, этажерка и радио на стене. На каждом

*У Люси Скалигеровой дома.
Слева направо: Маша Борисова,
Алла Бузакова, Люся Скалигерова.
Норильск, 1953 г.*

этаже были большие мужские и женские туалетные комнаты с умывальниками, на втором этаже — душевые. В этом общежитии мы прожили до отъезда из Норильска.

Окно нашей комнаты выходило во двор с видом на школу № 1. До школы было менее 200 м, зимой часто до самого нашего окна второго этажа наметало много снега. Образовывалась горка, которую дети использовали, катаясь на санках. Они с санками «толклись» под нашим окном, но ни разу никто из них не ударил, даже не зацепил окна. Значит, понимали эти дети, как страшно зимой оказаться в помещении с разбитым окном.

На втором этаже общежития был стол дежурных. Три женщины по очереди сменяли друг друга. Одна из них — Ольга Васильевна, маленькая, хрупкая, интеллигентная женщина, приехала из Ленинграда к мужу — политзаключенному. Жила где-то в бараке. Она много рассказывала мне о Ленинграде, его театрах и музеях.

Меня, подростка, после Украины, разрушенной войной, восхитило, ослепило новогоднее убранство Гвардейской площади. В ее центре стояла большая елка. От ее верхушки к зданиям натягивали гирлянды с цветными лампочками. Елка тоже была украшена такими же гирляндами и красивыми игрушками. Вокруг елки залили каток. По краю катка вылепили из снега персонажей и сюжеты из сказок. Вся эта цветовая гамма переливалась в лучах прожекторов, отражаясь ото льда. Дети в зимние каникулы получали здесь массу удовольствия.

Когда открылся театр на улице Севастопольской, я и несколько девочек старались не пропускать спектакли с участием Георгия Жженова. На первом же спектакле я узнала в нем артиста маленькой роли в довоенном фильме о строительстве г. Комсомольска-на-Амуре. Этот фильм я видела незадолго до спектакля. Мы знали, что Г. Жженов — бывший политзаключенный, но из Норильска не уезжал, потому что не получил права на выезд. Случайно я узнала,

что он жил в соцгороде, в бараке. Летом 1956 года в Одессе я посмотрела фильм с участием Г. Жженова в роли бывшего моряка, к нему приходили подростки послушать рассказы о море. Я поняла, что он уже не в Норильске, свободен, и радовалась этому. Потом он все чаще стал появляться на экране, довольно быстро стал популярным и любимым народом артистом.

Именно в Норильске из радиопередач я много узнала о классической музыке: оперной и симфонической. Радио в нашей комнате не выключалось, но могла я его слушать только утром до школы, вечерами и по воскресеньям. Тем не менее я прослушала много постановок лучших драматических и оперных театров, концертов симфонической музыки отечественных и зарубежных композиторов, передач о жизни композиторов и о времени, в которое они творили. И когда я приехала учиться в Киев, то удивила своих однокурсников — коренных киевлян — тем, что во многих случаях «по почерку» могла определить автора музыки, даже не зная названия произведения. Классическая музыка стала моей любимой на всю жизнь. Таких радиопередач тогда на «материке» не было, да и сейчас они редки и очень коротки.

Мама приступила к работе вначале в геологическом управлении № 21, а когда его расформировали, ее перевели на рудник 7/9 старшим инженером по подготовке кадров для рудника. Здание управления рудника имело 4 этажа, находилось на территории лагерной зоны, выше Нулевого пикета у подножия Шмидтихи.

На службу работников привозили в крытой грузовой машине. Мамино «хозяйство» — техническая станция занимала весь 4-й этаж здания. Здесь были ее кабинет, классные комнаты. Она сама читала несколько дисциплин и приглашала других специалистов. Готовили специалистов технадзора, а также бурильщиков и взрывников для подземных работ.

Учили здесь и заключенных. Группы комплектовали в лагерях и привозили их на занятия под конвоем. Ежедневно, кроме воскресенья, мама выходила

из дому в 5.30, чтобы успеть на первый «воронок», идущий с Октябрьской площади до Нулевого пикета, и возвращалась после 22 часов. Она считала своим долгом встретить ночную смену, проводить и встретить дневную, а потом проводить ночную. Ей важно было знать, как прошла смена, были ли какие-то упущения, ошибки, чтобы уберечь от них следующую смену. Потом эти вопросы разбирали на занятиях. С заключенными мама обращалась строго, официально, всегда спокойно, в своих действиях и решениях была последовательна и справедлива. Они ценили это, не позволяя при ней никаких грубостей и непристойностей. А ведь среди них были и уголовники.

Мама всегда подробно рассказывала мне о своей работе, о людях, с которыми работала. Она считала, что годы работы на руднике и в целом на комбинате были самыми интересными в ее трудовой деятельности, в ее жизни. Здесь она работала со специалистами высокого класса, опытными организаторами произ-

*Прием экзаменов. За столом в центре главный инженер рудника 7/9
В.К. Иванов, справа — О.А. Бузакова, старший инженер
по подготовке кадров. Норильск, 15 октября 1953 г.*

водства, с людьми образованными, порядочными, с высоким чувством ответственности. Руководителями рудника 7/9 тогда были Николай Афанасьевич Ходюня, Михаил Султанович Шагиахмедов.

Осенью 1953 года разбился самолет, летевший в Норильск из Красноярска. Он врезался в скалу. Погибли все, кроме профессионального фотографа и грудного ребенка в плетеной корзинке — они летели в хвосте самолета. При ударе задняя часть самолета отломилась и упала на деревья. Их нашли охотники в тайге на второй или третий день. Из командировки возвращался этим рейсом А.В. Белокопытский, начальник рудника 7/9. Город был потрясен случившимся. Белокопытский жил в нашем общежитии. Его жена, молодая милая женщина, осталась с двумя сыновьями-близнецами...

Все-таки удивительна человеческая память! Иногда и сам не знаешь, что она сохранит... Например, я помню, как заключенный подорвал себя в кабинете Н.А. Ходюни, начальник рудника уцелел — неспра-

Выпуск специалистов технадзора. В первом ряду — руководство рудника 7/9, второй слева Николай Афанасьевич Ходюня, третий — Михаил Султанович Шагиахмедов, справа — Ольга Андреевна Бузакова

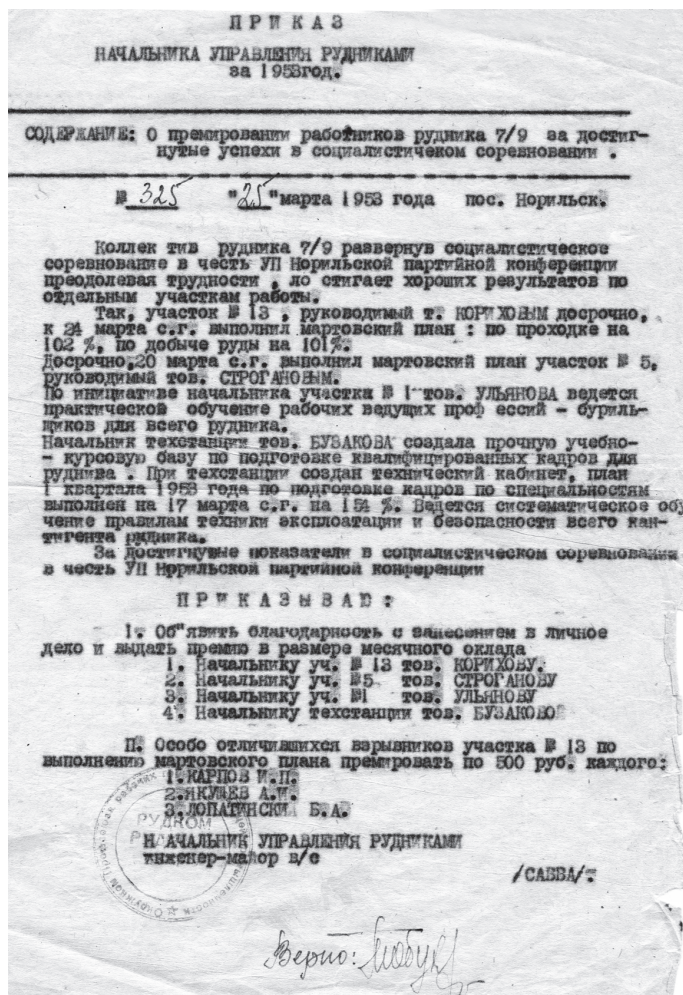
ведливый был человек... Запомнилось как удивительное лакомство цельное молоко из совхоза (в тундре за ул. Севастопольской). Однажды мы его купили на базаре в виде замороженной лепешки молочного цвета. Когда оно растаяло, мы его выпили как что-то самое вкусное. Кстати, дети в грудном и ясельном возрасте получали совхозное молоко ежедневно. А на всех детей его, конечно, не хватало... Еще помню клуб профсоюзов на Нулевом пикете — какая там была резьба по дереву на дверях, окнах и даже колоннах в зале! Талантливый мастер наверняка был из заключенных...

Летом 1953 года Норильск был объявлен городом. К этому событию было приурочено окончание строительства новой железной дороги с широкой колеей между Норильском и Дудинкой. 31 августа в конце дня из Норильска по этой дороге вышел первый поезд с небольшим количеством вагонов. До Дудинки он шел меньше 5 часов. В нем ехали комиссия, принимавшая дорогу, строители, руководство комбината, новая городская администрация, партийное руководство, актив города... В составе актива была и моя мама. Она взяла меня в эту поездку.

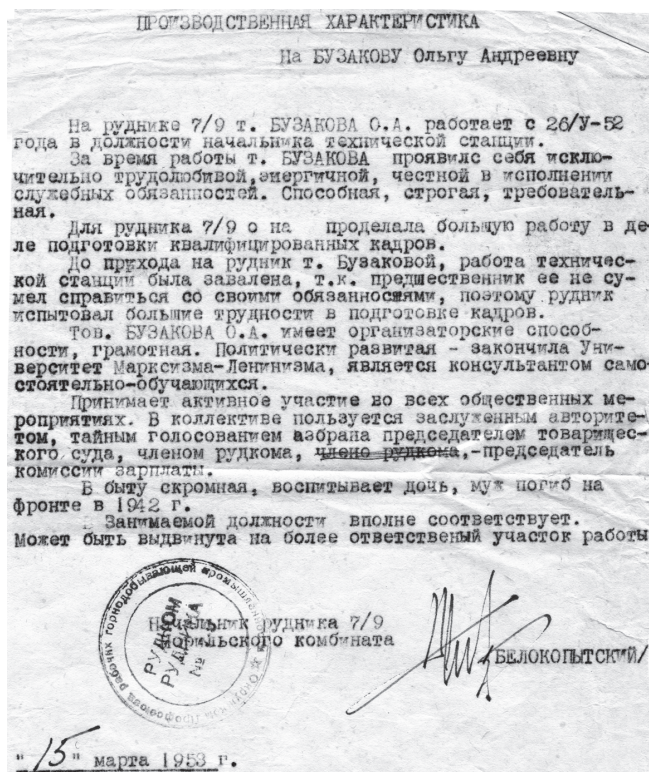
В сентябре в город прибыла большая партия вольнонаемных работников. Многих из них поселили в наше общежитие, но так как все комнаты были заняты, их расселили по коридорам. И началась у нас беспокойная жизнь. До приезда этих людей жители нашего этажа, да и верхних тоже, общались между собой дружелюбно, как старые друзья. Вечерами собирались на кухне (она была большой, с большой плитой). Кто-то готовил еду, другие приходили пообщаться, послушать, шутили, рассказывали интересные истории из жизни, обсуждали газетные статьи, прочитанные книги. Вновь прибывшие пьянствовали, дрались, сквернословили, дежурных не слушали. Так продолжалось всю зиму. Весной одни из них ушли, получив другое жилье, многие уехали из города, когда началась навигация. Они поняли и говорили об этом, что большие деньги, которые надеялись получить, зарабатываются здесь тяжелым трудом, к

которому они не готовы. Были и такие, которые не выдержали сурового климата, плохо чувствовали себя в период длительной полярной ночи.

В 1956 году мама уехала в Днепропетровск, отработав два договора. Хотела еще поработать, но не

Приказ начальника управления рудниками за 1953 г.
о премировании работников

Производственная характеристика на Ольгу Андреевну Бузакову.
15 марта 1953 г.

смогла по состоянию здоровья, которое было подорвано тяжелой работой по 15–16 часов в сутки в течение 15 лет, с начала войны. Часто на работе в каких-то сложных производственных ситуациях она принимала самостоятельные решения, брала ответственность на себя. Это тоже отразилось на ее здоровье. Не будучи физически крепкой, она воспитала в себе силу воли, которая позволила ей выдержать такую перегрузку. За все 15 лет была на больничном только один раз.

В Днепропетровске начала работать в Министерстве «Металлургхимстрой». Через несколько месяцев министерства ликвидировали, были созданы совнар-

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА РУДНИКА 7/9 НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА МЦМ
ЗА 1955 год.

СОДЕРЖАНИЕ: О поощрении зав. тех. учебной тов. БУЗАКОВУ О.А.
и мастера мех. цеха тов. ИВАНОВА Я.Г.

№ 806 26 ноября 1955 г. г. Норильск.

За активное участие в подготовке кадров из числа
прибывших рабочих по орг. набору за период 1955 г.

П Р И К А З Ы В А Ю:

Премиировать из фонда директора в сумме по 1000 руб.
каждого зав. тех. учебной тов. Бузакову О.А. мастера мех.
цеха ИВАНОВА Я.Г.

п/п НАЧАЛЬНИК РУДНИКА 7/9- /БЕЛОКОПЫТСКИЙ/

Приказ начальника рудника 7/9 Норильского комбината МЦМ. 1955 г.

хозы, и мама перешла в трест «Химтепломонтаж», поближе к производству, как она говорила. Снова командировки по области, она чувствовала себя все слабее. Через два года получила третью группу инвалидности и в 1962 году оставила работу. Ей было 50 лет, оставалось 5 лет до пенсии.

Я вышла замуж за сына Василия Тимофеевича Лукина, с которым моя мама работала на руднике 7/9.

В.Т. Лукин, мой свекор, был родом из Забайкалья. В школе он сидел за одной партой с Костей Седых, который стал писателем и прославился романом «Даурия». Участвовал в революционных событиях, окончил институт в Новосибирске. В 1948 году был командирован с семьей, женой Марией Николаевной и сыном Сашей, в Норильск. В 1955 году им пришлось срочно вылететь из Норильска, потому что Марию Николаевну парализовало — ее увозили на носилках. По совету врачей они уехали в Крым, в г. Ялту. Сын Саша сам ухаживал за матерью почти все это время, не желая доверить ее чужим рукам. Через 10 лет она умерла.

Василий Тимофеевич после смерти жены много времени проводил на набережной и однажды увиделся со своим знакомым норильчанином, приехавшим на отдых. Разговорились, и с тех пор он выполнял роль связного между приезжающими в Ялту норильчанами. Об этом знали многие, даже незнакомые ему. Через него передавали письма, адреса, весточки, деньги, зная, что он все четко выполнит. Василий Тимофеевич это делал с удовольствием, радуясь общению. Почти до конца жизни оставался бодрым, активным. Умер в 1985 году, прожив полных 85 лет.

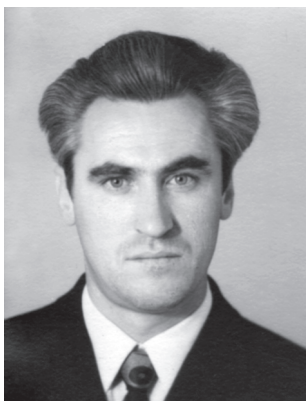
По желанию матери Саша (Александр Васильевич Лукин) поступил в Днепропетровский мединститут и окончил его по специальности «санитария и гигиена». Начал работать санитарным промышленным врачом. Я после окончания Киевского университета им. Т.Г. Шевченко работала в НИИ гидробиологии Днепропетровского госуниверситета, там же защитила кандидатскую диссертацию в 31 год. Через год после моей защиты мы всей семьей уехали в г. Саранск, где

Слева направо: Василий Тимофеевич Лукин, инженер рудника 7/9, с сыном Сашей. Кубань, 1956 г.

я была избрана по конкурсу на должность доцента Мордовского университета. Муж Александр Васильевич работал зав. отделом горСЭС, потом его пригласили в областную совет профсоюзов, избрали председателем обкома профсоюза медработников.

Прожили мы с А.В. Лукиным 40,5 лет, до его смерти от сердечной недостаточности после операции по поводу варикоза. Мама всегда была с нами, взяла на себя большую часть забот по дому и воспитанию двух внуков — Глеба и Тани.

*Александр Васильевич
Лукин (учился в школе № 1
г. Норильска, 1948–1955 гг.),
муж Аллы Бузаковой. 70-е гг.*

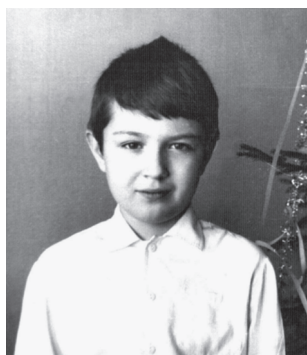
*Супруги Лукины — Алла
Михайловна и Александр
Васильевич. Полтава, 1989 г.*

В 1973 году нас постигло большое горе — умер сын Глеб, прожив 10,5 лет. Он никогда ничем не болел, любил читать, и не только детские книги, в последнее время увлекался историей авиации, изучал марки самолетов и их технические данные. Был веселым, подвижным, дети его любили. После окончания учебного года радовался летним каникулам, играл с ребятами во дворе, ездил на велосипеде, на несколько дней я брала его на биостанцию университета за 100 км от города. Ничего не предвещало беды. 15 июля я увидела, что он слегка

Василий Тимофеевич Лукин (в шапке-ушанке) с группой шахтеров рудника 7/9. Норильск, 1955 г.

прихрамывает. Так продолжалось 3–4 дня. На ногах никаких повреждений не было, более не испытывал. Хирург детской поликлиники его долго осматривал, ничего не обнаружил, предположил простуду или растяжение мышц и назначил УВЧ. Через 3 сеанса Глеб стал вялым, анализ крови показал высокую СОЕ...

Глеб — сын Аллы Михайловны Лукиной (Бузаковой). Январь 1973 г.

3 августа рентгеном обнаружили опухоль и метастазы в костях таза и легких: быстро-текущая саркома. Нам сразу дали направление в Москву в онкоцентр на Каширском шоссе, где лежали дети со всех концов Союза... Это был 1973 год... Мы увезли сына через 4 дня. Он умер дома 25 августа на 42-й день после появления первых признаков заболевания. Мы так и не поняли, откуда пришла к нам эта беда...

Дочь Таня моложе брата на 5 лет. Окончила с отличием физико-математический факультет, отделение физики. Работала ассистентом в институте, потом окончила аспирантуру в Киеве, защитила в 30 лет кандидатскую диссертацию, в 37 лет — докторскую. Через два года получила звание профессора. Работает в Киеве, в Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. Опубликовала 3 монографии, 8 учебных пособий, более 100 научных статей. Видимо, большая работоспособность досталась ей по наследству от бабушки.

Татьяна, дочь Аллы Михайловны Лукиной (Бузаковой), доктор наук, профессор. Киев, 2006 г.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ...

Снова возвращаюсь к Норильску, своим школьным годам... Прежде чем я начала учиться в школе № 1, я познакомилась с лагерем «Таежный». Это зона отдыха на Енисее возле деревни Атаманово, недалеко от Красноярска. Здесь находились дом отдыха, пионерлагерь и с 1952 года комсомольский лагерь. В июне 1950 года меня с другими детьми Норильска отправили в «Таежный» на все лето до конца августа.

Возили детей из Дудинки двумя большими одинаковыми теплоходами — «Иосиф Сталин» и «Серго Орджоникидзе».

Капитаном первого теплохода был депутат Верховного Совета СССР Иван Гурьянович. Он много лет

возил детей, и они его хорошо знали. Мне запомнился отрывок из стихотворения красноярского поэта Е. Астафьева:

...У дома отдыха «Таежный»,
Протяжно свистнув, сбавил ход
И приставать стал осторожно
Высокий белый теплоход.
Еще он, помню, не причалил,
А дети — им терпенья нет —
Нам хором с берега кричали:
«Иван Гурьянычу привет!»

Енисей произвел на меня сильное впечатление своей мощью, дикой красотой и быстрым течением. Из Дудинки до Атаманово теплоход шел неполных семь дней (вверх по течению), обратно — чуть больше четырех дней. Берега реки тогда (как сейчас — не знаю) были мало освоены. Можно было в течение дня не увидеть никаких следов деятельности человека. Я родилась и большую часть жизни прожила на Днестре. Это тоже большая река, но она теплая, течение не столь быстрое, и берега ее давно и основательно заселены.

Отъезд детей из пионерлагеря «Таежный». 22 августа 1950 г.

По Енисею я плавала четыре лета — восемь раз, и только однажды мне посчастливилось увидеть впадение в Енисей его правого притока — Ангары. Ангара — единственная река, вытекающая из озера Байкал, поэтому вода Ангары холоднее и плотнее воды в Енисее.

В пионерлагере «Таяжский» на маскараде. Девочки в национальных костюмах народов республик Советского Союза. 10 августа 1950 г.

Валек. 1954—1955 гг.

Серебристой лентой вливалась она в Енисей. Но ее воды не сразу смешивались с его водой, а еще много сотен метров эта лента хорошо была видна вдоль берега, постепенно растворяясь. Изумительное зрелище!

Я запомнила пороги на Енисее недалеко от Атаманово. Большому теплоходу, да еще груженому, пройти их против течения было непросто. Вся команда теплохода была в напряжении и начеку. Пионеров уводили с палуб, старшим разрешалось оставаться, но запрещалось перемещаться с одного борта на другой. Внизу, в четвертом классе, хорошо было слышно трение, шуршание днища теплохода о камни. А вниз по течению теплоход легко проходил этот участок.

В пионерлагере я невольно обратила внимание на то, что многие дети умудрялись, и это у них хорошо получалось, солить грибы, варить варенье и увозить все это домой. Грибы они собирали часто сами, взрослые их просматривали. Ягоды, сахар, банки, крышки покупали в магазине в деревне. В доме отдыха были летние кухни, детям давали посуду для варки.

Девичий состав комсомольского лагеря «Таежный» возле спального корпуса. 11 августа 1952 г.

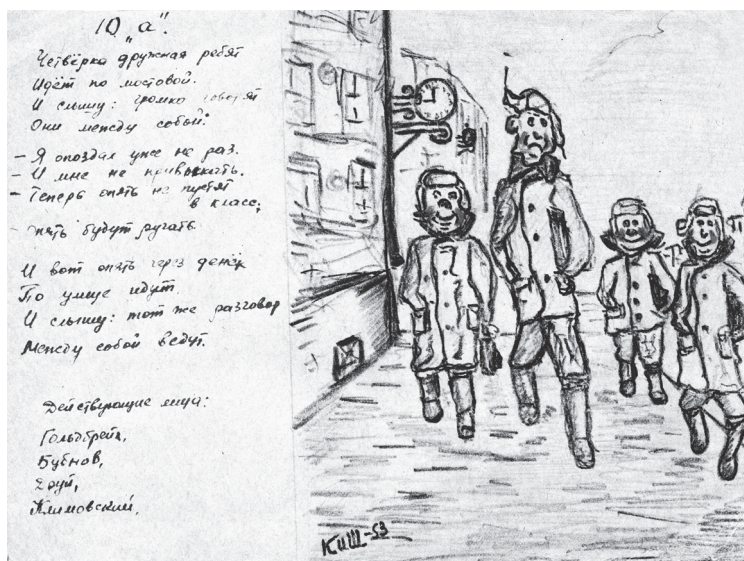
Как-то, когда я была уже в комсомольском лагере, дирекция местного совхоза обратилась к нам с просьбой помочь собрать малину, урожай которой в тот год был обильным.

Малинник занимал большую площадь среди тайги. Нам разрешалось неограниченно кушать малину, но запрещалось брать с собой. Однако список работающих был передан в магазин в деревне, где мы могли покупать ее за 50 процентов стоимости.

В 1952 году в «Таежный» приехал с концертом довольно известный в то время певец Шмелев. Его песни я не раз слышала по радио, но на том концерте он исполнил новую песню — «Школьный вальс» И. Дунаевского. Я и несколько девочек, очарованные песней, подошли к Шмелеву после концерта, и он сразу же согласился продиктовать нам слова. Мелодию я хорошо запомнила. Осенью 7 ноября во Дворце пионеров организовали вечер для комсомольского

Сатирический рисунок из школьной стенгазеты 1952/53 учебного года

Сатирические рисунки из школьной стенгазеты 1952/53 учебного года

актива школ. На этом вечере я была как секретарь комитета комсомола школы № 1. После торжественной части нам объявили, что мы — комсомольские активисты и вожаки — должны сейчас своими силами организовать концерт: кто что может. Сказали, у кого можно записаться на выступление. В помощь нам были приглашены руководитель танцев и аккордеонист — прекрасный музыкант. Концерт получился удачным. Я неожиданно для себя впервые вышла на сцену петь. Спела, конечно, «Школьный вальс». Были и такие, которые услышали его впервые от меня. Меня похвалили, и с тех пор я много лет пела в хоре, капеллах, дуэтах в Киевском университете, затем в Днепропетровском Дворце студентов.

Норильскую среднюю школу № 1 я всегда вспоминаю с любовью и благодарностью. Я начала учиться в ней с 7-го класса 1 сентября 1950 года. Это было новое, красивое, строгое здание в 4 этажа, построенное в Горстрое в 1949 году.

В школе был спортзал на первом и нулевом этажах, огромный актовый зал высотой в два этажа — второй и третий, а над ним — такой же по площади зимний сад, в котором росли растения разных ландшафтных зон. Вся школа переживала, когда в январе 1954 года, вернувшись после зимних каникул, мы узнали, что сад вымерз, потому что кто-то из уборщиц забыл закрыть форточку.

В школе уже в те годы были кабинеты, но только естественных дисциплин: химии, физики и биологии в зимнем саду. Другими словами, кабинеты были только по таким предметам, на которых использовались приборы, проводились опыты и наблюдения. Все остальные занятия проводились в одной классной комнате. Мы очень любили свою классную комнату, берегли ее, как родной дом, и проучились в ней до окончания школы.

Многие норильчане в книге «О времени, о Норильске, о себе...» отмечают скромность детей крупных руководителей. Со мной в классе училась Галя Зверева.

Она была скромной, ко всем относилась одинаково доброжелательно, иногда кого-нибудь приглашала к себе домой. И я побывала у нее на дне рождения. Одно время сидела с ней за одной партой. Училась она хорошо. Я никогда не видела, чтобы ей (да и другим детям) кто-то из учителей завышал оценки. От других учеников она отличалась только тем, что была моложе — школу окончила в 16 лет, тогда как все остальные в 17–18. Она и Гена Каратаев были в нашем классе (а может, и во всем нашем выпуске) лучшими математиками. Я была очень удивлена, когда при вручении аттестатов зрелости среди 9 человек нашего выпуска, представленных к медалям, Гали не оказалось.

Хорошо помню события в школе, связанные со смертью Сталина. Всех учеников и учителей собрали в спортзале. Многие дети, особенно младшие, были растеряны, напуганы, слезы на глазах. Когда Борис Данилович заговорил о смерти нашего дорогого вождя, учителя и т.п., многие дети заплакали навзрыд, громко. На втором этаже установили большой портрет Сталина, и я, как секретарь комитета комсомола, должна была организовать дежурство

Первомайская демонстрация. Норильск, соцгород, 1955 г.

возле него по два человека. Мне не пришлось кого-то искать, просить. Желающих было много, и они меня искали, чтобы получить разрешение на дежурство и записаться. Дежурили днем и ночью без перерыва до похорон Сталина. Те, кому выпало дежурство ночью, оставались в школе, спали в классе на партах. Я, конечно, была с ними.

У меня сохранилась фотография — домик Сталина в Курейке. Этот снимок сделан кем-то из моих одноклассников (скорее всего Магдой Туманишвили или Вовой Веревкиным — у них были фотоаппараты). Когда летом нас возили в «Таежный», теплоход делал остановку в Курейке, и организовывалась экскурсия к домику Сталина. Уже тогда домик (вернее, два состыкованных домика) был внутри павильона из стекла и гранита высотой в два этажа или более. Тогда мы называли его колпаком, который защищал старый домик. Это сооружение, большое и величественное, стояло на высоком берегу и хорошо было видно с реки.

На экскурсию мы ходили группами. Знали, что на этой территории находится колхоз им. И.В. Сталина. Мы поднимались на высокий берег и выходили на ровную площадку перед павильоном. Была ли площадка асфальтирована — не помню. Памятника Сталину возле павильона я тоже не помню. Позвонила Магде Туманишвили. Она сказала, что скорее всего памятника не было, потому что на ее пленке его не оказалось, а она там фотографировала многое.

Внутри павильона мы видели две старые избышки — деревянные, потемневшие, с маленькими окнами. Пол в павильоне был засыпан чистым песком. От входных дверей к домикам вела дорожка из красивых досточек (скорее всего паркетная). Такая же дорожка была вокруг домиков. Идя по ней, мы заглядывали в окошки, пытаясь что-то увидеть внутри...

На берегу, недалеко от подъема на гору, находилась старая лодка и возле нее — старый человек. Мы подходили к нему. Говорил он немного. Из его

рассказов я запомнила, что здесь до революции находился в ссылке Сталин, тогда Джугашвили, что он со Сталиным часто беседовал, рыбачил.

Каково же было мое удивление, когда в книге пятой на с. 513 я увидела фотографию этого павильона в Курейке, он точно такой, как на моей фотографии...

Когда я позвонила Магде, она тоже очень удивилась. Мы не только видели это сооружение, но и были внутри него, у нас есть фотографии тех времен. Последний раз мы плавали по Енисею в 1953 году. В 1954 году, закончив школу, мы навсегда уехали оттуда. Так что Л. Назарова перепутала, забыла, в каком году строили мемориальный комплекс. Я не знаю, когда построили этот павильон. Возможно, в 1949 году, когда вся страна широко отмечала 70-летие со дня рождения Сталина.

Из письма членов актива музея школы № 1 от декабря 2004 года я узнала, что в 1999 году, когда школьному зданию исполнилось 50 лет, в нем был страшный пожар, ремонт длился целый год. После

Домик Сталина в Курейке. Фотография сделана в 1952 или 1953 г.

Средняя школа № 1. Норильск

ремонта «школа стала настоящей красавицей... прекрасные люстры, зеркала, шторы, чудесные кабинеты, компьютерные классы, картины, зимний сад с фонтаном!». Но одна женщина, посетившая Норильск в 2007 году, рассказала мне, что внешний вид здания школы оставляет желать лучшего. Почему ему не уделили внимания при ремонте?

Мне было приятно узнать, что в 2004 году школа стала лауреатом Всероссийского конкурса «Школа года», что в разные годы ее посещали губернатор Красноярского края А.И. Лебедь, депутаты Госдумы, родственники А.П. Завенягина и другие знаменитые люди.

В 1953 году было принято решение разбить парк на пустыре за нашей школой и влево до озера Долгое. Дали парку название «Комсомольский», проложили дорожки, поставили скамейки, посадили какие-то кустарники. В этой работе принимали участие комсомольцы нашей школы. В конце 80-х годов одна из моих студенток-заочниц после второго курса уехала в Норильск, устроилась работать в детсад, получила место в общежитии на улице Севастопольской. Когда

приезжала на сессии, рассказывала о Норильске тех лет. Привезла несколько открыток с видами города. На одной из них за нашей школой я увидела современный 9-этажный панельный жилой дом.

А как же парк? Не прижились растения и деревья в загазованном городе...

В 50-е годы мне нравилось школьное преподавание. Оно отличалось от того, что я знала раньше, и от современного. Так, прежде чем перейти к новому материалу, учитель добивался понимания предыдущего всеми или хотя бы большинством учащихся. С теми учениками, кто медленно усваивал учебную программу, по своей инициативе занимались успевающие ученики, а с отстающими — работал сам учитель. Из учебников мы носили в школу только задачник и учебник русского языка. Поэтому на уроках учились слушать не только объяснения учителя, но и ответы своих товарищей, дополнять их или что-то

*Группа учеников 10 «А» класса на перемене после урока литературы.
Слева направо: А. Бузакова, А. Савченко, Ю. Левин, Лидия Васильевна
Бузунова, Ф. Матяев, Д. Дрычкова, Л. Близнякова, Н. Брейтман.
Норильск, школа № 1, декабрь 1953 г.*

*Группа десятиклассников в школьной библиотеке.
Слева направо: Т. Фаюткина, К. Касаткин, Н. Стеблянко,
А. Савченко, А. Бузакова, Ю. Коровин, И. Голубев, Ю. Левин.
Норильск, школа № 1, февраль 1954 г.*

исправлять, излагать мысли своими словами. Нас учили работать с книгой. Учитель, давая домашнее задание, не называл ни номера параграфа, ни страницы учебника. Называлась тема, которую надо было выучить к следующему уроку. Многие из нас при подготовке к уроку использовали дополнительную литературу из школьной библиотеки или из отдела научной и художественной литературы при Доме политпросвещения.

Я вспоминаю наших учителей: истории — Харитину Яковлевну Веревкину и Евдокию Ивановну Мухину, физики и нашего классного руководителя в 8–9-м классах — Августу Александровну Федотову, математики — Сергея Михайловича Гнетулло и Александру Михайловну, английского языка — Анну Ивановну, русского языка и литературы, а также нашего классного руководителя в 10-м классе Лидию Васильевну Бузунову (Лебедеву), завуча Ольгу Яковлевну Шадрину.

Я очень благодарна Л.В. Бузуновой, которая учила нас вести диалоги, споры. Она говорила, что в разговоре нельзя повышать голос, потому что это оскорбляет собеседника. Убеждала, что в споре свою точку зрения надо доказывать спокойно и аргументированно. А голос повышает тот, кто чувствует себя неправым. Я до сих пор следую ее советам.

Во главе учительского коллектива стоял наш любимый директор школы Борис Данилович Сухомлинов, который преподавал у нас химию. Он был не только хорошим учителем, но и прекрасным руководителем и организатором учебного процесса. В школе всегда и во всем был порядок. Борис Данилович с

Педагогический коллектив норильской школы № 1. Слева направо сидят: первую память не сохранила, вторая — Ольга Максимовна Луговая (летом 1953 года была назначена директором школы), Евдокия

Ивановна Мухина — учитель истории, Августа Александровна Федотова — учитель физики, А.А. Фаюткина — учитель русского языка и литературы в средних классах; стоят: физрук, Сергей Михайлович Гнетулло — учитель математики, Ольга Яковлевна Шадрина — завуч, Анна Ивановна Голубцова — учитель английского языка, Луценко — учитель физики, Борис Данилович Сухомлинов — учитель химии, директор школы (летом 1953 года переведен на должность завгорона), учитель черчения и рисования Ольга (отчества не помню). Весна 1953 г.

семьей жил при школе в двух небольших комнатах рядом с кабинетом директора на первом этаже, в торце слева от центрального входа.

Когда я училась в 8-м классе, меня избрали членом комитета комсомола школы, а в 9-м — секретарем комитета (1952/53 учебный год). Борис Данилович часто присутствовал на наших заседаниях. Он садился в сторонке, молча слушал, наблюдал.

Когда заседание заканчивалось и оставались только члены комитета, Борис Данилович указывал нам на положительные моменты и ошибки, высказывал нам свои пожелания. Это помогало в дальнейшей работе комитета.

В школу привозили кинофильмы и показывали в актовом зале. Многие ребята после уроков выполняли домашнее задание в школе. Среди учеников было много активных, увлеченных, очень способных. Особенно отличались в этом отношении ребята, которые были старше нас на год. Среди них все знали троих друзей: Леню Когана, Геру Дмитриева и Володю Ройтера. Леня писал хорошие стихи для школьной стенгазеты, особенно часто сатирические. Его стихи печатали и в газете «Заполярная правда». У Геры и Володи были золотые руки. Например, они создали кукольный театр для учащихся школы. Сценарии писал Леня, а все остальное — куклы, декорации, звуковое и световое оформление выполняли Гера и Володя.

В 1953 году Гера и Володя подарили Борису Даниловичу на день его рождения прекрасное учебное пособие: своими руками они создали макет, на котором представлена выплавка чугуна в доменной печи. Макет был электрифицирован. Объясняя процесс выплавки, учитель специальной указкой по ходу касался определенных точек, и там зажигались лампочки.

*Л.В. Бузунова-Лебедева.
1981 г.*

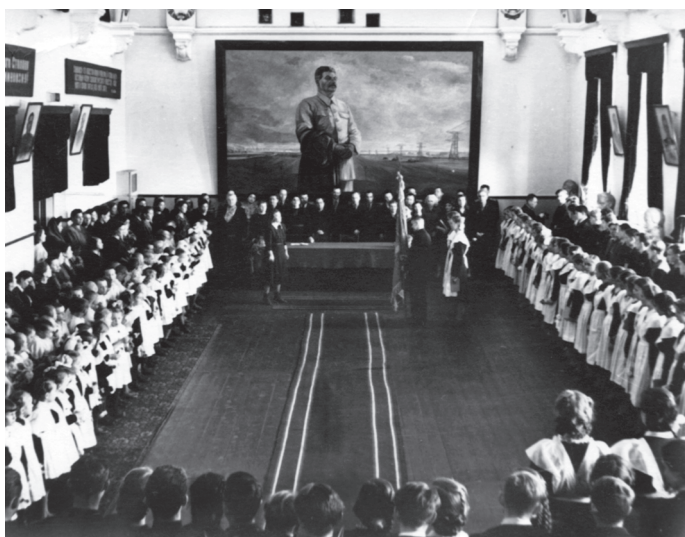

*10 «А» класс выпуска 1954 г. школы № 1 в день последнего звонка.
 1-й ряд (слева направо): Юра Тимофеев, Алла Бузакова, Вова Веревкин,
 Юра Левин, Мира Усевич, Долорес Дрычкова, Костя Касаткин, Юра
 Коровин. 2-й ряд: Алла Савченко, Эля Першина, Люба Близнякова,
 Лидия Васильевна Бузунова (классный руководитель), Эмма Каплянян,
 Лилия Высотина. 3-й ряд: Игорь Голубев, Люда Скалигера, Магда
 Туманишвили, Неля Брейтман, Тома Фаяуткина, Гена Каратаев.
 4-й ряд: Олег Попов, Феликс Матяев, Борис Подольский. Отсутствуют
 Галя Зверева и Тома Рознатовская. Норильск, 15 мая 1954 г.*

Борис Данилович использовал этот макет на своих уроках и обязательно называл его исполнителей.

В моем выпуске 1954 года было 66 человек, которые распределялись по трем классам. В моем 10 «А» классе было 14 девочек и 10 ребят.

Письменные работы на аттестат зрелости все 66 человек писали одновременно в актовом зале. В «Заполярной правде» от 25 мая 1954 года на с. 3 я обнаружила свое сочинение, напечатанное почти полностью. Я писала его о комсомольцах Краснодона по роману А.А. Фадеева «Молодая гвардия». На этой же странице есть заметки об экзаменах в школах № 3 и 4.

*Праздник последнего звонка. На переднем плане и справа — выпускники школы, слева — первоклассники, за ними вдоль стены — учителя, по центру возле картины — дирекция школы, учителя, гости.
Норильск, школа № 1, 15 мая 1954 г.*

19 июня у нас был выпускной вечер. На нем присутствовали кроме нас и учителей родители, шефы, гости, представители общественных организаций. Борис Данилович был с нами, но уже в должности зав. горно. О нашем празднике рассказала газета «Заполярная правда» 24 июня 1954 года в статье «На выпускном вечере».

Девять человек нашего выпуска школа представила к медалям, но только двое их получили — Геннадий Каратаев и Людмила Матвеева (серебряные медали). В крайнюю г. Красноярска очень строго подходили к награждению медалями выпускников школ. Так, они могли в письменных работах на аттестат зрелости, например, по математике, снизить оценку только за то, что задача решалась более длинным путем, то есть нерационально.

Простившись, мы разъехались по разным городам Союза. Новые заботы, впечатления заполни-

Вручение аттестатов зрелости выпускникам 1954 г. норильской средней школы № 1. В зале выпускники, учителя, гости. В первом ряду слева направо: Люся Скалигерова, Лиля Высотина, Алла Бузакова, Эмма Капланян. За Эммой справа — Мира Усевич. 19 июня 1954 г.

ли мою жизнь: учеба в университете, замужество, рождение детей, научные экспедиции по Днепру от Киева до лимана, нижнему участку реки Печоры от Нарьян-Мара и почти до устья, подготовка и защита кандидатской диссертации...

ЖГУЧЕЕ ЖЕЛАНИЕ ПООБЩАТЬСЯ СО ШКОЛЬНЫМИ ДРУЗЬЯМИ

В начале 70-х годов, то есть почти спустя 20 лет, у меня появилось жгучее желание встретиться или пообщаться письменно со школьными друзьями, получить информацию о них, о наших учителях. Решила написать Борису Даниловичу в Норильск. Знала, что он ушел из гороно в индустриальный институт на заведование кафедрой химии. Он ответил сразу, пообещал сообщить мне, как только что-то узнает. Несколько лет мы переписывались: я писала ему о своей работе, о семье, он ежегодно поздравлял меня с праздниками. В 80 году весной Борис Данилович сообщил мне три адреса: Лени Когана, Геры Дми-

*Первая встреча выпускников 1953 г. средней школы № 1.
Справа налево: Гера Дмитриев, фамилию следующего не помню, Олег Ремейко, Александра Ивановна, за ней Алла Бузакова (в берете), Анна Ивановна, Мила Замятина, Леня Коган (в шляпе), фамилию следующего не помню, Борис Данилович Сухомлинов, за ним Елена Мансурова (в темном берете), Неля Леринман (в белых сапожках), из остальных помню только двоих — Нелю Пода (она в темных очках, стоит за женщиной в темном пальто с цветами) и Инну Юрченко — яркую блондинку с короткой стрижкой. Москва, Ленинские горы, 5 октября 1980 г.*

триева и Володи Ройтера. В мае я нашла В. Ройтера в Москве и узнала, что сравнительно незадолго до нашего разговора в Москве была встреча норильчан. С некоторыми из них приехали их дети — бывшие выпускники школ Норильска. Оказалось, что 11 человек выпуска 1953 года нашей школы живут в Москве и в Подмосковье, но ни разу нигде за столько лет их пути не пересекались. Еще узнала, что не только я скучаю о школьных друзьях и мечтаю с ними увидеться.

После этой встречи норильчан поиски выпускников нашей школы пошли результативнее. И первую субботу октября 1980 года в Москве состоялась первая встреча выпускников 1953 года школы № 1.

Нас приехало около 30 человек. Был один представитель выпуска 1954 года — это я, и один предста-

Слева направо: Инна Юрченко, Володя Ройтер, Олег Ремейко, следующих двух фамилий не помню, Леня Коган (с усиками, в шляпе), Мила Замятина, Неля Пода, Анна Ивановна (учительница), Гера Дмитриев, Люба Каманина (Ройтер), Неля Леринман (в светлом плаще и белых сапожках) — погибла в Америке, за ней Алла Бузакова (в берете), далее две женщины (фамилии не помню), за ними просматриваются учительница Александра Ивановна и Борис Данилович Сухомлинов. Москва, Ленинские горы, 5 октября 1980 г.

витель выпуска 1952 года из Ленинграда (фамилию не помню). Из учителей были: Борис Данилович, учитель английского языка Анна Ивановна и учитель математики Александра Дмитриевна Илюшина. Все легко узнали друг друга, а Борис Данилович, узнавая каждого, называл наши фамилии и имена.

На этой встрече Борис Данилович рассказал мне немного о себе. Он окончил химический факультет университета в Ростове-на-Дону перед войной. Студентом участвовал в гидробиологической экспедиции по рекам области с молодыми учеными Я.Я. Цеебом и Ф.Д. Мордухай-Болтовским. А я этих ученых узнала в середине 50-х годов уже известными докторами наук, вначале по литературе, затем познакомилась лично на всесоюзных гидробиологических конференциях.

В 1967 году Я.Я. Цееб был оппонентом моей кандидатской диссертации.

Встреча 1980 года проходила в ресторане возле станции метро «Юго-Западная», и время нашего общения ограничивалось временем работы ресторана. Мы не успели наговориться и решили встречаться ежегодно в эти же числа.

Уже в следующем году и потом благодаря помощи Олега Ремейко, за что ему низкий поклон от всех нас, мы могли приезжать на два дня с ночевкой в Подмосковье на базу отдыха учреждения, в котором работал Олег. Оплачивая ночлег и питание, мы были освобождены от хозяйственных забот и интересно проводили время. Я была на трех встречах. В 1981 и 1982 годах к нам присоединились еще учителя: физики — А.А. Федотова из Киева, литературы — Л.В. Бузунова и историк Е.И. Мухина из Новосибирска.

Бориса Даниловича мы больше не видели. Он умер летом 1985 года в Норильске, немного не дожив до празднования 50-летия комбината.

*Б.Д. Сухомлинов в центре с цветами и учитель английского языка Анна Ивановна (первая справа) с группой выпускников 1953 года
Позади Б.Д. Сухомлинова выпускница 1954 года А. Бузакова (Лукина).
Москва, Ленинские горы, 5 октября 1980 г.*

Встречи в Москве помогли мне найти моих одноклассников: Магду Туманишвили и Гену Каратаева — в Свердловске, Володю Веревкина — во Владивостоке, Олега Попова и Костю Касаткина — под Ленинградом. Регулярно переписываюсь с Магдой, с Володией встречалась трижды в Киеве у А.А. Федотовой. Спустя 40 с лишним лет после окончания школы с огромным удовольствием мы окунулись в воспоминания детства, они всколыхнули наши души.

Судовлетворением отметила, что все норильские выпускники, кого мы нашли, состоялись как специалисты, они многого добились. Вот только один пример. Володя Веревкин (Владимир Федорович) окончил Дальневосточный политехнический институт по специальности «электрооборудование судов». С 1961 по 1966 год работал электриком, электромехаником в Антарктической китобойной флотилии «Советская Россия». Был участником кругосветного антарктического рейса в 1961–1962 годах, побывал

*Выпускники 1954 г. норильской средней школы № 1.
Слева направо: Олег Попов, Костя Касаткин, Володя Веревкин.
Город Пушкин под Ленинградом, июль 1985 г.*

Встреча через 45 лет. Справа налево: А.А. Федотова, В. Веревкин, А. Бузакова (Лукина), позади нее дочь Татьяна. Киев, сентябрь 1999 г.

во многих странах, на всех океанах и морях, многократно пересекал экватор.

С 1966 года по настоящее время работает в МГУ им. акад. Г.И. Невельского (раньше вуз назывался Дальневосточным высшим инженерным мореходным училищем). 11 лет он был начальником электромеханического факультета, более 24 лет заведует кафедрой электрооборудования судов. Автор свыше 100 научных и более 20 учебно-методических работ, в том числе он написал 5 учебных пособий на английском языке. Имеет ученые степени кандидата и доктора наук, ученые звания доцента и профессора, академик Российской академии транспорта, действительный член Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, действительный член Русского географического общества, почетный работник Морского флота СССР, отличник высшей школы СССР, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, награжден несколько

*Владимир Федорович Веревкин
на судне при прохождении
Цусимского пролива. Июль 1989 г.*

ми медалями. Одно это перечисление красноречиво характеризует его таланты и творческую активность.

Его жена — кандидат биологических наук, доцент. Дочь Ольга окончила медицинский институт во Владивостоке, вышла замуж за киевлянина, живет в Киеве. Сын Олег избрал специальность отца и после окончания института работает в порту г. Владивостока.

Магда Туманишвили и Гена Каратаев после окончания школы в Норильске оказались

в одном городе — Свердловске (ныне Екатеринбург). Оба окончили Уральский политехнический институт, Магда — химический факультет, Гена — электротехнический. Магда работала научным сотрудником, затем много лет руководила лабораторией, а Гена 30 лет проработал на Уралмаше. Эля Першина поступила в Московский горный институт, Эмма Каплян — в академию имени Тимирязева, Мира Усевич — в Ленинградский горный институт, Люся Скалигерова — в Саратовский медицинский институт. Разъехались по всему Союзу, теперь трудно встретиться.

В книге девятой «О времени, о Норильске, о себе...» прочитала воспоминания медика Зигурда Людвиг, бывшего политзаключенного норильских лагерей. Он пишет, что осенью 1945 года его назначили начальником санчасти в зоне рудника 3/6. Среди фамилий коллег он назвал и бактериолога СЭС А.И. Душина, охарактеризовав его как «очень

Александр Иванович Душин, кандидат биологических наук, доцент, бывший политзаключенный Норильского лагеря. Саранск, 1971 г.

сильного специалиста» (с. 58). Я уверена, что это тот А.И. Душин, с которым я проработала в течение 15 лет (1968–1983 гг.) на одной кафедре Мордовского университета в г. Саранске. Когда я пришла на кафедру, там уже работал А.И. Душин — талантливый биолог, хороший лектор, очень энергичный человек. Он много лекций читал в школах и по направлению общества «Знание» в городе и в районах, постоянно печатался в республиканской газете и был известен как активный защитник природы.

Мы познакомились с ним, вспоминали Норильск, Александр Иванович рассказал о себе. Родился в

г. Горьком (ныне Нижний Новгород) в 1907 году, там же окончил университет по специальности «биология». Его оставили на кафедре для педагогической и научной работы. Он признавал теории Вейсмана и Моргана в области генетики, которые тогда в СССР стали антинаучными, реакционными, а их сторонников называли вейсманистами-морганистами, осуждали и даже наказывали. В 1937 году А.И. Душин был арестован следом за своим научным руководителем и осужден по статье 58, потому что не отказался от своих научных убеждений. Наказание отбывал в лагерях Норильска, работал бактериологом в СЭС. После освобождения в 1947 году, не имея еще права на выезд из Норильска, продолжал работать в СЭС, но уже вне зоны. Уехал из Норильска в 1952 году в родной г. Горький. Заниматься педагогической деятельностью смог только после реабилитации. В 1962 году он переехал в г. Саранск, где в 1957 году начал свою работу новый университет.

В 1971 году в Московском университете Александр Иванович защитил кандидатскую диссертацию по материалам, собранным им за многие годы, а через 2 года получил звание доцента.

В 1969–1974 годах мы с ним и со своими студентами-дипломниками провели ряд научных экспедиций по изучению р. Суры на всем ее протяжении. Это правый приток среднего течения р. Волги, ее длина 840 км. На ней стоит г. Пенза — крупный промышленный центр, сточные воды которого в отдельные годы оказывали отрицательное воздействие на все живое в реке. Наши научные публикации по гидробиологическому режиму этой реки, по существу, являются первыми.

А.И. Душин прожил полных 77 лет. Работу оставил в 1973 году по болезни и осенью того же года умер от рака. В 2007 году факультет отметил 100-летие со дня его рождения. О нем было сказано много хороших слов — он их заслужил.

О страшной судьбе заключенных в советских лагерях я стала узнавать из выступлений в прессе и по радио после разоблачения культа личности И. Сталина. С каждым годом таких выступлений было все больше, и они становились с каждым разом откровеннее. Появились книги и фильмы. Александр Иванович тоже рассказывал об ужасах в норильских лагерях, о рабском положении заключенных, особенно политических, о том, как подневольных людей зимой на Крайнем Севере выводили на открытые работы в любую погоду без соответствующих климатическим условиям одежды и питания. Многие из них не выдержали и погибли. Я слушала его горькие рассказы, и к моему первоначальному, по-юношески восторженно-романтическому восприятию заполярного города добавилось чувство боли и сочувствия к людям, несправедливо и жестоко наказанным государством. А ведь именно заключенные, осужденные по 58-й статье, построили Норильск, комбинат. Сам город — это памятник тем, кто начал строить его в муках, кто остался навечно в мерзлоте.

Владимир Федорович Веревкин — выпускник норильской школы № 1 1954 года. В настоящее время заведующий кафедрой «Электрооборудование судов» Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (Владивосток), профессор, доктор технических наук, доктор транспорта, академик Российской академии транспорта, академик Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, действительный член Британского института морских инженеров, ученых и технологов, отличник высшей школы СССР, почетный работник Морского флота СССР, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Русского географического общества, член морского собрания города Владивостока, член Профессорского клуба ЮНЕСКО Владивостока

[illegible]

*Мои родители Х.Я. Вережкина и Ф.П. Вережкин
в первые годы после женитьбы*

Моим родителям Харитине Яков-
левне Веревкиной и Федору Павло-
вичу Веревкину посвящается

РОЖДЕНИЕ СЕМЬИ ВЕРЕВКИНЫХ

К сожалению, я слишком поздно узнал о возможности опубликовать свои материалы в замечательном сборнике «О времени, о Норильске, о себе...». Первую информацию об этих книгах я получил от своей одноклассницы Аллы Бузаковой (Лукиной), которая живет в Киеве. Я понял, что просто обязан написать свои воспоминания. Моих родителей уже давно нет в живых, но живы и здоровы старшие сестры и старший брат, которые пережили трудные годы, а также младший брат, который родился в Норильске. Моим одноклассникам, как и мне, уже за семьдесят, и кое-кого из них уже нет на этом свете... Буквально с каждым днем становится меньше свидетелей событий середины XX века.

Укрепило меня в этом намерении и письмо от старейшего писателя, бывшего магаданского узника Валерия Юрьевича Янковского, потомка одного из тех, кто осваивал Приморье: *«Впервые узнал о Вашем прошлом, о драме семьи. Норильск по климату физическому и политическому очень близок к «моей» Чукотке. Очень хотелось бы Вас вдохновить на автобиографическую повесть о пути отца, мамы, Вашем в Норильске и далее. Обязательно нужно рассказывать об этом молодому поколению... Успехов Вам. Жму руку, Ваш В. Янковский».*

Сага — «название скандинавских поэтических преданий, повестей, сказаний; дума, сказание, былина» (определение В. Даля). Сага о моей семье отражает

жизнь многих советских людей, их сопротивление бедности, несправедливости, прочим тяготам жизни, и Норильск в ней — особое испытание... Я попытался объективно рассказать обо всем, что нашей семье довелось пережить, о том, какими были школьные годы, ведь в 50-х годах в норильской школе № 1 учился не только я сам, но и мой старший брат. В те же годы учителем, а одно время и директором школы работала наша мама Харитина Яковлевна Веревкина.

В нашей семье сохранились многие семейные документы того времени, письма отца из мест заключения, в том числе из Норильска, в лагерях которого и в ссылке мой отец Федор Павлович Веревкин безвыездно проработал 17 лет, а также записки матери. Вот почему мои родители являются полноправными соавторами «Норильской саги».

В жизни каждого человека есть знаковые события. Мне уже за 70, довелось посмотреть практически весь белый свет, побывать в десятках стран, пройти по всем океанам и многим морям. Я многократно пересекал экватор, побывал в тропиках, жил и работал за северным и южным полярными кругами, но особенно памятным временем в моей жизни является норильский период с 1947 по 1954 год. Это были годы моего детства и юности. Помимо знаний, полученных в прекрасной школе № 1, я получил там богатейший жизненный опыт, порой далеко не детский: прошел, как говорится, «норильский университет».

В сентябре 1947 года часть нашей семьи (мама, я, мой старший брат и одна из старших сестер) на палубе теплохода «Серго Орджоникидзе», трюмы которого были битком заполнены заключенными,плыли по Енисею из Красноярска в Дудинку к отцу, который после десяти лет отсидки в Норильске недавно освобо-
бодился из лагеря. Я в своей жизни его еще не видел ни разу.

Мой отец Федор Павлович Веревкин родился 1 октября 1898 года в бедной многодетной крестьянской

семье в селе Шелковка Медвенской волости Обоянского уезда Курской губернии. В 1908 году его семья из-за обезземеливания (было такое явление в центральных русских губерниях) решила переселиться в Сибирь. Добирались до Алтайского края они на телегах почти два года, их отец (мой дед) в 1910 году умер, поэтому моему отцу пришлось рано начать трудовую жизнь. До 1912 года он занимался земледелием, окончил два класса сельской церковно-приходской школы, а с 1913 года работал на укладке полотна алтайской железной дороги.

За месяц до начала Февральской революции отца призвали на военную службу в Новониколаевск (Новосибирск) в царскую армию. Попал он в элитные тогда пулеметные войска. Время было смутное, власть постоянно менялась, отец был призывного возраста и физически здоров, поэтому ему пришлось служить и в войсках Временного правительства, и в колчаковских войсках, откуда он сбежал, а затем попал в войска Сибирской трудовой армии. Отца направили в Читу в армию Дальневосточной республики, с войсками которой он осенью 1922 года прибыл во Владивосток.

Отец рассказывал, что когда их эшелон прибыл на станцию Угольная, солдаты, увидев впервые море, побежали с котелками за водой и были сильно удивлены, что вода соленая. Ехали они ведь от берегов Байкала, славящегося чистой пресной водой.

После ликвидации ДВР отец автоматически стал военнослужащим Красной Армии. В 1923–1924 годах учился на командных курсах в Чите. Служил на Даль-

*Отец в годы
Гражданской войны
(нашивки на форме
тогда называли
«разговорами»)*

Отец (в шинели с темным воротником) со своей пулеметной командой на острове Русском. 30-е годы

нем Востоке в должности командира пулеметной роты в разных местах: во Владивостоке, на острове Русском, в Уссурийске, поселках Раздольном и Шкотово. В 1930–1931 годах окончил в Москве Высшие стрелковые курсы «Выстрел», перед арестом служил в звании майора в штабе 39-й стрелковой Тихоокеанской дивизии, расположенной во Владивостоке.

Моя мать Харитина Яковлевна Веревкина (Кислуха) родилась в селе Михайловка Приморского края в 1906 году также в бедной многодетной крестьянской семье переселенцев с Украины. Ее мать (моя бабушка) была из Полтавской губернии. Когда их семья в конце XIX века на пароходе плыла из Одессы во Владивосток, глава семьи (мой прадед) умер и был похоронен по морскому обычаю где-то в Индийском океане. Осиротевшая семья прибыла во Владивосток без денег. Земельный надел бабушке с дочерьми вы-

делили в Михайловском районе, три года они жили в землянке. Там бабушка Мария Спиридоновна познакомилась с Яковом Корнеевичем Кислухой, выходцем из Черниговской губернии. Он переселился на Дальний Восток, некоторое время работал грузчиком во Владивостокском порту, потом был ямщиком (даже возил наследника Николая во время его поездки по Приморью) и, уже став крестьянином, женился на моей бабушке. Детей у них было 13 душ, но из-за эпидемии холеры выжило только четверо дочерей. Моя мама была второй по возрасту. Имя тогда давали по святцам, в день рождения матери 5 октября 1906 года (по старому стилю) положено было давать девочке имя Харитина. В семье ее звали просто Тина.

С детства у нее была большая тяга к учебе, сначала Тину отдали в церковно-приходскую школу, но она хотела учиться только в «министерской» (светской) школе. Родители были набожными людьми, и маленькой Тине стоило большого труда и упорства убедить родителей перевести ее в другую школу, которую она успешно окончила. Крайняя бедность семьи не способствовала дальнейшей учебе. Мама страстно хотела поступить в Никольск-Уссурийскую женскую учительскую семинарию, и однажды против воли родителей мама пошла пешком в город (20 км), сдала там все (13!) экзаменов на «отлично» и была принята на бесплатное обучение, но без предоставления жилья.

Первое время она тайком пряталась вечером под партами, там и ночевала, питалась только тем, чем угощали богатые сердобольные семинаристки. Вскоре обман был раскрыт директором семинарии, но он разрешил маме устроить себе жилье в коридоре под лестницей с условием, что днем во время учебы постель будет спрятана.

Маме 14 лет

Учебу мамы в учительской семинарии и впоследствии в педагогическом техникуме без преувеличения можно считать ее первым жизненным подвигом. Когда семинарию в 1922 году преобразовали в педагогический техникум, приезжим учащимся стали предоставлять общежитие и выделять стипендию.

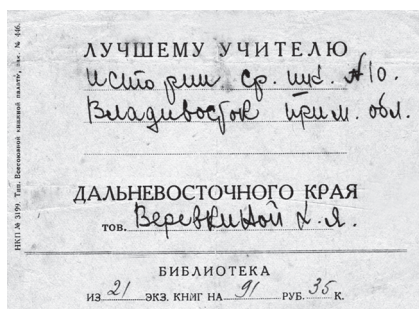
Учителя в семинарии в большинстве были замечательные. Революционная волна, катившаяся по стране, влекла за собой многих интеллигентов, искавших более спокойной жизни на Дальнем Востоке. Здесь они по возможности находили работу во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и других городах и селах. Мама рассказывала, что, например, учителем музыки у них был бывший регент императорского хора, учителем рисования был известный на Дальнем Востоке художник В.Г. Шешунов, а лекции по естествознанию читал приезжавший из Владивостока друг Шешунова легендарный путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев. Из двадцати преподавателей, работавших в начале 20-х годов, 18 были выпускниками Петербургского и Казанского университетов, Академии художеств, Бестужевских высших женских курсов. Директором был П.Н. Рябинин, окончивший Казанский университет с золотой медалью с правами кандидата математических наук. Никольск-Уссурийскую учительскую семинарию с полным основанием можно назвать праматерью педагогического образования в Приморье.

Это были труднейшие для страны и для ее жителей годы. Власти на Дальнем Востоке быстро менялись: то было временное правительство, то красные, то белые, то чехословаки, то японцы, то земское воинство генерала Дитерихса... Со окончательным приходом красных учительская семинария была преобразована в педагогический техникум, который Харитина Яковлевна окончила в 1927 году с отличием уже будучи сама мамой (в 19 лет!) моей старшей сестры Зои. Во время летней практики в селе Раздольном мама

познакомилась с молодым атлетически сложенным командиром Красной Армии Федором Веревкиным, который с воинской напористостью вскоре предложил ей пожениться. Важнейшим фактором, повлиявшим на согласие мамы, было обещание жениха не препятствовать учебе. Диплом учителя начальных классов мама получила в 1927 году. В 1938 году производилась аттестация педагогических работников страны, и маме наркомат просвещения РСФСР выдал аттестат на звание учителя начальной школы.

Подлинник аттестата Х.Я. Веревкиной наряду с некоторыми другими семейными документами хранится в архиве Приморского краевого музея имени В.К. Арсеньева

*Сопроводительная записка
к библиотеке от наркома просвещения,
подаренной матери за отличную
работу*

Вслед за старшей сестрой Зоей, родившейся в 1926 году, в 1928 году родилась вторая сестра Лена, а затем в 1934 году в

Для нашей семьи началась кочевая жизнь. Отца посылали в разные гарнизоны, поэтому маме приходилось часто менять школы. Об ее успехах на учительском поприще говорит ее награждение личной библиотекой от наркома просвещения А.С. Бубнова.

*Х.Я. Веревкина (в середине первого ряда) среди учителей.
Владивосток, 30-е годы*

Шкотово родился в армейской двуколке (не успели довести до роддома) брат Борис.

НАСТУПИЛ 1937 ГОД...

Наша семья жила тогда во Владивостоке. Отец продолжал служить в Красной Армии, но над ним начали сгущаться тучи: на одном политзанятии во время очередной командирской учебы в Хабаровске он возразил в чем-то политруку Лосю, за что отца на партийном собрании осудили и даже исключили из партии. Мама работала тогда учителем истории в средней школе № 10 Владивостока. Наша семья жила в служебной квартире по улице Бестужева, в которой нас основательно обворовали. В семье ожидалось появление четвертого ребенка. Утром 4 октября отец отвел Бориса в детсад, дочери Зоя и Лена ушли в школу, а маму он отвез в роддом № 1 на улице Пушкинской. Когда он вернулся домой, Зоя, которая уже пришла из школы, сказала, что приходил красноармеец с повесткой из штаба дивизии (штаб 39-й стрелковой Тихоокеанской дивизии находился почти через дорогу от нашего дома). Отец ушел в штаб дивизии — там его арестовали. Свою семью он увидел только через десять лет!

В этот день родился я. Мама ждала мужа, но вместо него пришла двоюродная сестра Ольга Матвееenko и сказала, что Федя уехал в командировку. Мама сразу заподозрила что-то неладное...

Ее подозрения подтвердила Зоя, сказав, что к нам приходили с обыском. Сохранилась очень ветхая копия протокола обыска. Из него следует, что при обыске у отца, работника штаба дивизии, изъяли красноармейский политучебник издания 1927 года с портретами Рыкова, Тухачевского, Бухарина и др.

Маму, несмотря на сложные роды, выписали из роддома досрочно: трое детей были дома одни, четырехлетнего Бориса сразу исключили из детского сада, одноклассники, узнав об аресте нашего отца, сторонились сестер. Старшей Зое было тогда всего

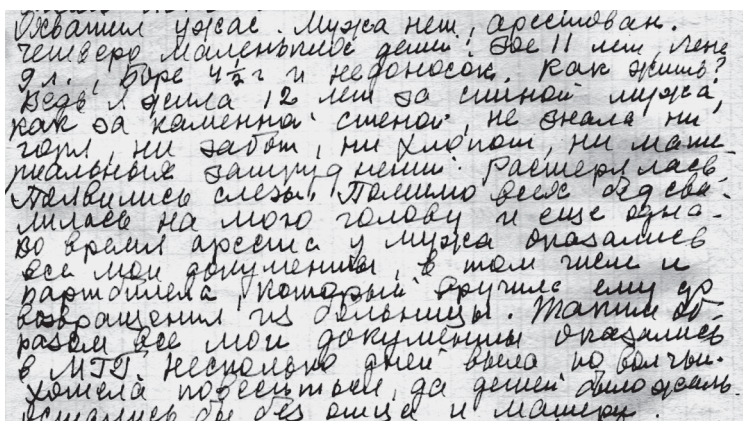
11 лет. При аресте отца забрали все документы матери, которые вместе с партбилетом она передала ему на хранение. С работы ее сразу уволили, исключили из партии и профсоюза, а также семье было предложено срочно освободить служебную квартиру.

протокол обыска
 в Владивостоке 4 октября 1934, в моем
 доме, Уполномоченный по Уб. 39 от д. в.
 Бахматов на основании ареста
 в 1900 году, с. в. ареста НКВД
 произвел обыск в квартире Э. на
 Вербинна Федора Павловича
 проживает по Бескумеческой в д. в.
 изъят для представления в 00 Уб. 39.
 1. конструктор, красноармеец
 с наградами Рюба, Гукорев-
 ского, Бухарина и др. и др.
 сгруппированы. Изд. 1. 1927. . 1

Копия части протокола обыска в нашей квартире в мой день рождения

Сохранились подробные записи мамы, она начала их вести в 1964 году, когда неизлечимо заболел наш отец и когда она прочитала в «Литературке», кажется, статью о Грампе, сына (Евгения) которого она учила, когда преподавала в норильской школе № 1. Она писала, как вернулась из роддома домой, как поняла всю драматичность своего положения, как три дня «выла по-волчьи» и намеревалась покончить с собой... Потом рассудок взял верх, ей стало жалко детей, которые могли бы стать сиротами...

Из записок мамы: «На тринадцатые сутки после родов вызвали на партсобрание, на котором решался вопрос о моей партийной принадлежности.

Трудно сейчас об этом писать. Прошло 25 лет, страсти улеглись, многое сгладилось в памяти, боль утихла. И все же нельзя без содрогания вспоминать день исключения из партии. Для меня партия — вопрос моей жизни, вне ее рядов не представляла своего существования. Сколько было выстрадано в детстве и юности! В комсомол и в партию шла сознательно. Все свои действия и поступки соизмеряла с точкой зрения партии. И вдруг исключение с мотивировкой: «за неразоблачение мужа, врага народа, за передачу партийного билета врагу народа, за отсутствие бдительности и т.д. ...исключить из партии и дело передать следственным органам».

Я стояла перед коммунистами больная, но не с поникшей головой. Слез не было, смело говорила, что не виновата, что не верю в виновность мужа, но ни до кого не доходили мои слова. Один Ключко выступил на собрании в мою защиту, но на него так зашикали, что он вынужден был замолчать, а несколько позже и сам был исключен из партии.

Особенно свирепствовал на собрании районный прокурор, устроивший мне моральную экзекуцию. Фамилию его я не помню. Много задавал вопросов, в своем выступлении сказал, что я вру о своем про-

шлом. Дети бедняков, по его мнению, не могли до революции учиться в средних учебных заведениях. Сказал, что я кулацкая дочь и скрываю это. Он же внес предложение о передаче дела на меня в следственные органы.

Заврайздравом в своем выступлении отметила, что если бы я не была виновата, собрание увидело бы слезы на моих глазах, а их не было. Да, слез не было. Все они были выплаканы за неделю в бессонные ночи. Это были не слезы, а крик души, боль. Никто этого не видел и не слышал. Дети спали. Я должна была подумать об их судьбе.

Через несколько дней после партсобрания меня вызвали в 3 часа ночи на заседание бюро Фрунзенского райкома партии. Судьба моя и десятков таких же, как я, решалась минутами. После двухминутного обсуждения было вынесено решение, утверждающее исключение из партии. Мои попытки оправдать себя или хотя бы вызвать чувство человеческого отношения к детям не привели ни к чему. Прокурор Фрунзенского района Селезнев на мое заявление о том, что я могу в таком состоянии повеситься, ответил: «Это ваше личное дело, можете вешаться».

Итак, я стала беспартийной. Надо было думать о будущем. Штаб дивизии торопил с освобождением квартиры. Ехать некуда, документы в НКВД. Ежедневно в течение двух недель обивала пороги пропускной НКВД, но в пропуске к следователю отказывали. Таких посетителей, как я, уйма. У каждого свое горе. Все на что-то надеялись...

Однажды во время очередного посещения я заглянула в окошко дежурного и увидела своего мужа. Он сидел на стуле без ремня и головного убора. Возле него стоял стрелок. Через несколько минут его вывели. Я остолбенела, не могла произнести ни слова. Он меня не заметил в толпе, а я шла за ним до входа в основное здание НКВД. Он не видел меня, а я не могла позвать его, так как с арестованными нельзя разговаривать.

Одновременно с хлопотами насчет своих документов писала петиции прокурорам, горОНО, горисполкому и т.д. На все мои заявления был отказ. Зав. РОНО Пименов уволил меня с работы как жену врага народа. Профсоюз заочно исключил меня из своих рядов. Осталась я только членом ПВХО (противовоздушная и химическая оборона). По бюллетеню за декретный отпуск не оплатили. Решила нанести личные визиты.

Прокурор округа выслушал, но вразумительного ответа не дал. Посоветовал ехать к каким-либо родственникам. Прокурор района, так ретиво выступавший на партийном собрании, встретил меня с насмешкой. Разговаривала с ним весьма неделикатно. Предлагала арестовать меня и устроить детей. Это же он предлагал на партсобрании... Решила ехать в Михайловку. Все знакомые, бывшие коллеги отвернулись, обходили стороной, как прокаженную. Была боль и обида. Решила добиться во что бы то ни стало пропуска к следователю, и мои усилия увенчались успехом. (Мама со мной на руках пришла в приемную к следователю и заявила, что никуда не уйдет отсюда, пока ее не примет следователь. — Авт.). Все документы, кроме партбилета, он вернул. Партбилет показал и насмешливо при этом заметил, что мне его не видать, как своих ушей. Фельдшеров стыдил меня за то, что не разоблачила мужа, но его слова для меня не имели никакого значения. Документы были на руках, главный — паспорт. Начались сборы к отъезду».

С помощью двоюродной сестры мама с четырьмя детьми перебралась из Владивостока в отчий дом в Михайловку, где она родилась и где жила ее младшая сестра Ольга с мужем Яковом Гончаром и двумя детьми. Ее родителей уже не было в живых. В небольшом сельском доме набралось девять душ. Якова Захаровича, который был тогда председателем сельсовета, от этой должности освободили за то, что приютил семью врага народа. Маме нужно было решать, как жить дальше. Денег, которые полагались отцу в дивизии,

так и не выдали. В Михайловке маму нигде не брали на работу даже уборщицей. Чтобы прокормить четырех детей, мама стирала белье. Так прошло несколько месяцев. В краевом отделе народного образования все-таки нашлись добрые люди, знавшие маму по прежней работе. Они поспособствовали восстановлению мамы в профсоюзе, помогли оплатить вынужденный прогул, устроили ее учителем, а впоследствии завучем

ПРИМОРСКИЙ ОБКОМ СОЮЗА РАБОТНИКОВ
НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Дворец труда 3-й этаж
к-75. Т. 12-03

г. Владивосток

М. Вережкин!

Ваша жалоба о не верном исключении
из союза и незаконном увольнении получена
Обкомом 28/1-1938г. 2/II я направила на
кризисные О.К. о пересмотре решения о
исключении и о восстановлении на работе.
Кризисный отказался рассматривать жалобу
~~так как вы отсутствовали~~ с отсутствием
жалованника. Вторично ставлю этот вопрос
на кризисные О.К. 16/II-1938г. в 6г. вы
Самостоятельно можете ли вы приехать к указанному
сроку и рассмотреть ли средства на поездку?
Велю на проезд можно выслать телеграмму.
Если вы не можете выехать, то самостоятельно
с просьбой рассмотреть вашу жалобу в вашем
отсутствии.

Председатель О.К. М.Кеши
4/II-1938г.

Письмо для матери из Приморского обкома профсоюза учителей
с приглашением на заседание обкома по поводу неверного исключения
ее из профсоюза и незаконного увольнения с работы

в Михайловскую среднюю школу, в которой она сама когда-то училась. В пристройке к школе маме выделили жилье, куда мы и переехали. Мама даже сумела добиться восстановления в партии, что для нее имело очень важное моральное и психологическое значение, да и на работу так ей было устроиться легче.

Чтобы выжить в трудные годы, требовалось максимальное напряжение физических и духовных сил. Нужно было работать так, чтобы не иметь никаких упреков со стороны, ведь она, жена врага народа, была основной кормилицей большой семьи. Старшей дочери Зое шел двенадцатый год, Лена была на два года младше, Борису было четыре с половиной года, а я, семимесячный, только появился на этот свет. Первое время я был очень слабым ребенком. На лбу у меня долго виднелась цифра «11», написанная в роддоме химическим карандашом. Много лет спустя сестра Лена так вспоминала жизнь в Михайловке: *«Она проходила в основном на русской печке. Зое часто приходилось слезать, чтобы стирать пеленки. Я, Вера, Борис и Вова спали на печи. Вечером Вову снимали с печки и старались расшевелить при свете керосиновой лампы. Вова никогда не улыбался, был серьезен, только смотрел на нас своими большими серыми глазами. Мне он казался очень красивым»*. Насмешил как-то всех маленький Борис. Он до Михайловки не видел живой свиньи, а когда увидел, прибежал домой испуганным: «Там белый волк бежал, и я испугался». Так как я родился семимесячным и болезненным, кое-кто считал, что я не жилец на этом свете. Но это семейное жизнеописание я веду на 73-м году жизни, причем за всю свою жизнь ни разу не брал бюллетеней и только одну ночь провел в молодости в госпитале, и то по поводу укуса в тайге змеей-щитомордником. Спасибо моим родителям за физическое здоровье.

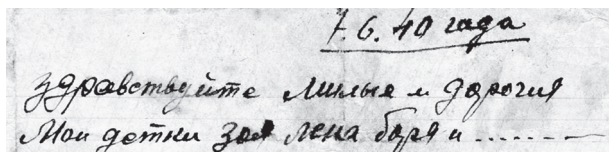
А вот у мамы в то время со здоровьем были серьезные проблемы. Сильное физическое и особенно нервное перенапряжение, связанное с трудными родами и арестом мужа, привело к заболеванию туберкулезом. Нужно было серьезно лечиться, мама отказывалась

от лечения, думая о том, как дети будут без нее, но врачи настояли на лечении, сказав маме: «Вы сейчас боитесь оставить детей одних на время, а потом они вообще останутся сиротами». Маме выделили путевки в противотуберкулезный санаторий «Боровое», и она дважды ездила туда в 1939 и 1940 годах на лечение кумысом и, к счастью, вылечилась. Всего мама прожила почти 74 года.

Тяжелая ноша выпала на долю старшей сестры Зои, на плечи которой ложились все обязанности по дому, когда мама была на работе и особенно когда она уезжала на лечение. А ведь Зоя была тогда сама еще ребенком, но она справлялась с домашними делами и при этом отлично училась в школе. А потом она сама заболела менингоэнцефалитом и тифом. Врачи сказали маме, что нужно готовиться к самому худшему. Зоя была без сознания, бредила, никого не узнавала. Тетя Оля уже шила для Зои похоронное платье, когда в уссурийской больнице Зоя вдруг пришла в себя, узнала маму, и дело пошло на поправку.

Все это время от отца поступали очень скудные известия. После владивостокской тюрьмы его перевели в уссурийскую (ворошиловскую), а затем его местоположение некоторое время было неизвестно. Впоследствии отец рассказывал, что однажды ему довелось короткое время быть в камере с человеком, который рассказал о своем присутствии на собрании, где исключали из партии женщину с грудным ребенком на руках, он запомнил ее фамилию, а вот что за ребенок был (мальчик или девочка), он не знал. Так отец узнал, что какой-то ребенок все-таки родился.

Вот как отец писал маме в одном из своих «тюремных» писем:

7.6.40 года
Здравствуйте любимая и дорогая
Мои дети Зоя, Лена, Боря и

В письме вместо моего имени стоит многоточие

Из уссурийской тюрьмы отца перевели, как позже выяснилось, в знаменитую Мариинскую, что в Красноярском крае. Какое-то время от отца долго не было сведений, пока не стали поступать письма и открытки из доселе нам неизвестного Норильска.

В Норильск отца доставили в 1939 году. Вот выдержка из его письма от 7 декабря 1939 года: «Здравствуй, Тинушка! Первым долгом спешу сообщить тебе, что я жив и здоров и благополучно работаю на строительстве железной дороги. Прибыл к месту работы в июне сего года по Енисею через Красноярск. Здесь очень интересные климатические условия, летом солнце круглые сутки не закатывается за горизонт, а теперь оно к нам уже около месяца не показывается, мы переживаем полярную ночь, которая будет длиться около 3 месяцев.

На посланные в Москву мной жалобы в высшие органы ответа я еще не получал, а также и от тебя ни одного письма не получил, а тебе написал около 10 писем и 3 письма на имя Зои, а ответа тоже нет... Жду ответа, адрес мой такой: поселок Норильск (Норильскстрой) Красноярского края, желдорстрой, гора Надежда».

В последующих письмах отец продолжал интересоваться тем, кто же родился, мальчик или девочка? Только через три года после моего рождения он узнал, что у него родился сын, которого назвали Вовой.

Письмо это очень ветхое, поэтому я привожу некоторые выдержки из него в печатном виде: «Здравствуй, Тинуська! Здравствуйте, милые

11 10 40 года
Здравствуй Тинуська!
Здравствуйте Милым детям Зою, Лена
Варюшка и ты (двухгодний) мне
неизвестный Вова.
Милая тина сегодня очень скучаю тем
что сейчас лето и я не могу прийти к тебе
быть тебе кто-то ты тинуська 11 10 40
спурает тебе здоровос.

Отрывок из папиного письма

детки Зоя, Лена, Борюшка и ты, до сегодняшнего дня мне неизвестный Вова. Милая Тина, я сегодня очень счастлив тем, что получил от тебя первое письмо, которое ты писала 11 июня 1940 года с курорта Боровое.

Тина, я только сегодня узнал, что ты и вместе с тобой дети еще помните обо мне, и так мне

теперь морально стало легче, а то ведь я не получал писем от вас и иногда считал вас потерянными для меня... Тебя, Тина, прошу о моем здоровье не беспокоиться, так как я здоров и по-прежнему физически крепок для того, чтобы переносить местный суровый климат. А физическая работа меня не изнуряет, а наоборот от нее физически крепну и не теряю надежды вас видеть, когда бы это ни было...

Это первая фотография мамы со мной, которую отец увидел 31 октября 1940 года, когда находился в лагере у горы Надежда. Зоя на обратной стороне фотографии написала: «Вова в Борином пальто, в Бориной шапке и в Бориных валенках». Из-за крайней бедности мне еще долго приходилось донашивать одежду старшего брата и сестер

Тина, последнее мое заявление направлено в ЦК ВКП(б) 18 сентября 1940 года за № 17231/509/, аналогичное заявление послано в мае в Президиум Верховного Совета, но ответа еще нет. Ну все, писать

буду часто, я вас никогда не забывал. Крепко, крепко целую вас всех.

Красноярский край, Таймырский национальный округ, поселок Норильск, п/я 224.

Веревкин Федор Павлович»

Отец очень хотел получить мой снимок, а сфотографироваться в то время в деревне было не так-то просто, но тем не менее фотография была сделана, и в далекий Норильск ушла маленькая карточка мамы со мной на руках.

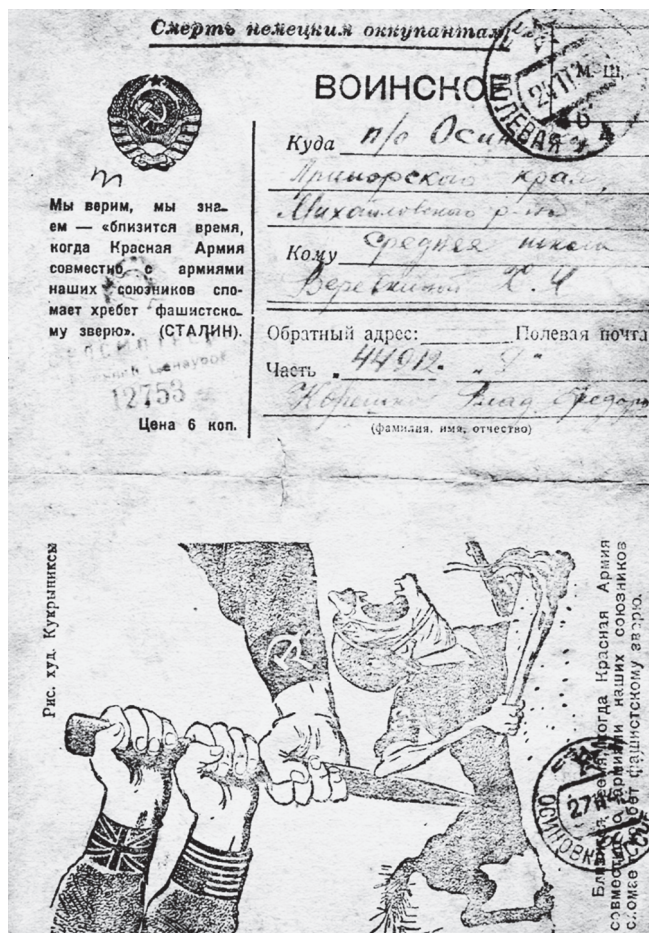
ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 1941 году, вскоре после начала войны, маму назначили директором средней школы в Осиновке, которая находилась за Михайловкой, примерно в 140 километрах от Владивостока. Школа переживала в то время трудности, так как директора школы сняли за развал работы, а из 20 штатных преподавателей было только шесть. Всех учителей-мужчин забрали на фронт. Уходили на фронт и многие старшеклассники, призывали даже девушек, поэтому к 1945 году старших классов в школе практически не было.

В связи с войной привычный школьный режим был нарушен, так как почти все трудоспособные мужчины-колхозники были направлены на фронт, и ученики под руководством учителей работали на полях в колхозных бригадах. Между классами шло соревнование за лучшие результаты. Не раз за годы войны Осиновская школа получала грамоты и благодарности от различных руководящих организаций за помощь колхозу. По количеству заработанных трудовней Осиновская школа была первой среди других школ в крае. Ученики обслуживали и саму школу, так как в ней была собственная система водяного отопления. Поскольку топливо школе не

выделяли, летом учителя и ученики заготавливали торф и дрова.

Активное участие Осиновская школа принимала в сборе подарков для фронта. В холстяных мешочках для неизвестных солдат школьники посылали теплые носки, варежки, кисеты и домашнее печенье.

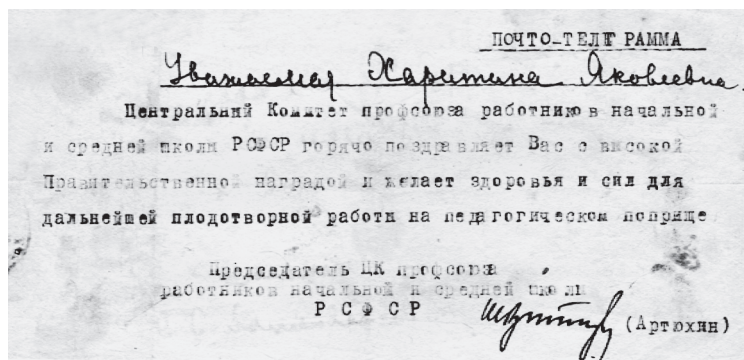

Так выглядели письма, присланные по полевой почте.
Эта весточка пришла от В.Ф. Корешкова, работавшего до мобилизации учителем в Осиновской школе

Эти подарки отправляли на Ленинградский фронт в составе «красного обоза» от села Осиновки. Шел 1944 год. Наши войска на фронтах вели успешные бои. Я хорошо помню, как на большой школьной карте ежедневно красными флажками отмечались освобожденные города. С фронта приходили письма от мобилизованных учеников и учителей.

В декабре 1944 года вернувшийся из Владивостока один из колхозных руководителей сообщил маме, что она указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Трудового Красного Знамени (по Михайловскому району она одна была награждена орденом). Она вначале не поверила этому известию, но когда поздно вечером по телефону из Владивостока позвонил председатель Приморского крайисполкома Цуканов и поздравил ее с наградой, то она села на стул возле телефона и расплакалась. Было и радостно, и горько...

Из разных мест Приморского края и даже из Москвы маме в Осиновку приходили поздравления с высокой наградой. В маминых архивах сохранилось несколько таких поздравлений в виде телефонограмм, написанных на клочках бумаги (хорошей бумаги не было, и ученики часто писали на старых газетах), в том числе поздравление от ЦК профсоюза работников начальной и средней школы РСФСР из Москвы.

Известие о награждении мамы орденом дошло и до отца в Норильск. Вот что он написал маме: *«30 августа 1945 года. Здравствуй, милая и дорогая Тина! Поздравляю тебя с высокой правительственной наградой, орденом Трудового Красного Знамени...»*

Получив это известие, я этому не удивился, так как знаю твоё отношение к работе. Мне это ещё раз подтвердило твою жизнеспособность и прилежность к труду. Кто сможет другой в таких трудных условиях воспитать 4 детей, предоставить им возможность учиться, и сама окончила институт и на работе сумела добиться таких результатов, что достойна героя труда. Я полагаю, что тебе из женщин равных мало или почти нет. Я это понял не только сейчас, когда тебя правительство наградило. Я это знал и раньше...»

В другом письме отец писал: *«Мне кажется, что ты переутомляешь себя, полагаю, что от такой нагрузки ты сильно ослабела, Тина! Я не представляю себе другого такого человека. Я нахожусь здесь среди людей в прошлом высокого полёта, но семьи их, как мне известно, не приспособлены бороться за жизнь так, как борешься ты, и, главное, выходишь ты, Тина, победителем в этой борьбе. Я оторван от вас не по моей вине, а реабилитироваться мне не удаётся, и на все жалобы ответа не получаю».*

В письмах отца говорится об окончании мамой учебы в институте. В такое труднейшее время, когда муж был в заключении в норильском лагере, в котором выживал далеко не каждый, а сама она была директором сельской школы, на ее иждивении находилось четверо детей, она в 1944 году без отрыва от основной работы окончила Хабаровский педагогический институт с ОТЛИЧИЕМ. Ей приходилось дважды в год ездить в Хабаровск на экзаменационные сессии, а дома на хозяйстве оставлять детей самих.

Этот диплом о высшем образовании ей был крайне необходим, чтобы доказать свою профессиональную

ВЫПИСКА ИЗ "ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ
/без диплома недействительна/.

Тов. ВЕРЕЖКИНА ХАРИТИНА ЯКОВЛЕНА
за время пребывания в табаровском
педагогическом институте сдала сле-
дующие дисциплины:

1. Основы марксизма-ленинизма.....	ОТЛИЧНО
2. Политэкономика.....	ОТЛИЧНО
3. Диалектика и истмат.....	ОТЛИЧНО
4. Психология.....	ОТЛИЧНО
5. История педагогики.....	ОТЛИЧНО
6. Педагогика.....	ОТЛИЧНО
7. Школьная гигиена.....	ОТЛИЧНО
8. Иностранный язык.....	ЗАЧЕТ
9. История древнего мира.....	ОТЛИЧНО
10. История средних веков.....	ОТЛИЧНО
11. История нового времени.....	ОТЛИЧНО
12. История СССР.....	ОТЛИЧНО
13. История колон. и зап. стран.....	ОТЛИЧНО
14. Всеобщая литература.....	ОТЛИЧНО
15. Русская литература.....	ОТЛИЧНО
16. Методика истории.....	ОТЛИЧНО

Сдала государственные экзамены:

1. Основы марксизма-ленинизма.....	ОТЛИЧНО
2. История СССР.....	ОТЛИЧНО
3. Новая история.....	ОТЛИЧНО
4. Педагогика.....	ОТЛИЧНО

Ректор института *В. Михайлов*
 Декан факультета *М. Овчиник*
 Секретарь ф-та *С. Степанов М. И.*
С. Степанов Л. И.
 Г. Табаровский
 "21" "мая" 1955г.
 Регистрационный № 138

подготовку. Он позволял ей работать не только в начальных классах. Ей, жене врага народа, это было очень важно, чтобы кормить и воспитывать четверых детей, на которых, между прочим, в сельской местности продовольственных карточек не полагалось, и вся наша большая семья кормилась только на мамину карточку, а также на то, что могли сами вырастить и собрать на выделенном маме огороде.

Так как мама работала в школе самоотверженно, невзирая на личное время, то основная тяжесть огородных работ помимо учебы ложилась на плечи Зои, Лены и отчасти Бориса, которому было почти десять лет и который уже тогда начинал проявлять определенный интерес к сельской механизации.

После награждения мамы орденом Осинковский колхоз в качестве поощрения выделил ей телку, из которой выросла наша корова Манька. Она давала не очень много молока, но мы были и этому рады. Среди маминых бумаг сохранилась справка о том, что общим собранием колхоза имени ВКП(б) телка считается законно проданной. Вероятно, в то время был необходим даже такой документ.

Зоя к этому времени уже училась во Владивостокском пединституте, поэтому доила корову сестра Лена, а Борис был при Маньке главным скотником.

Корова была членом нашей семьи до отъезда в Норильск. Когда пришлось ее продать, Борис плакал.

Деревенская жизнь повлияла на выбор профессии Леной и Борисом. Они после окончания школы в Норильске поступили учиться в Новосибирский сельхозинститут: Лена выучилась на агронома, а Борис — на сельского механизатора.

Сестры меня научили читать и писать очень рано — в четыре года. Научившись писать, я по подсказке старших стал писать письма папе в Норильск. Сохранилось несколько писем-открыток от папы ко мне. Они написаны на кусочках серой оберточной бумаги, на лицевой и обратной стороне имеются отметки о проверке цензурой.

ПИСЬМА ИЗ НОРИЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ

Отцовские письма мама сохранила, а в предчувствии своей кончины разделила их по адресатам и раздала нам: Зое, Лене, Борису и мне. Писем было довольно много.

«Здравствуй, Тинушка! Здравствуйте, милые и дорогие детки Зоя, Лена, Боря и ...имя которого долгое время мне неизвестно. Я вполне жив и здоров, здоровье мне еще пока не изменяло, кроме зрения, зрение мое ослабло... Читать и писать я могу только при ярком свете или с очками, которых я не имею.

Тина, я до сих пор не получил от тебя ни одного письма... Неужели ты поверила, что я действительно являюсь врагом советского народа? Нет, я врагом не был и при любых обстоятельствах им не буду, хотя меня осудили как врага народа, я получил 10 лет тюремного заключения, но я до сих пор не потерял и не потеряю надежду на то, что эта клевета будет раскрыта и я буду оправдан, а клеветники получат по заслугам...

Тина, я очень подробно свое дело описал верховному прокурору СССР 19 декабря 1938 года еще из усурийской тюрьмы и дважды писал из Мариинской тюрьмы, но ответа еще нет.

Прошу, помоги, запроси верховного прокурора. Кроме этого меня крайне беспокоит то, что мои жалобы не попали по назначению... Тина, на днях я подробно опишу свое дело в ЦК ВКП(б), советую тебе, если хочешь помочь мне поскорей освободиться, тоже написать. Тинуська, я долгое время не писал тебе писем, боялся, что и за меня, то есть за связь со мной, будут беспокоить и тебя, но теперь принял решение писать письма часто и очень хочется получать письма от тебя, узнать твое положение и отношение ко мне.

Тинусик, если ты отказалась от меня и не хочешь иметь со мной переписку, то ты напиши, чтобы я знал, но поверь, что я не виновен и о тебе и о детях никогда не забуду, так ты передай это Зое, Лене и Боре. С получением этого письма радируй или телеграфируй. Адрес такой: Норильск Красноярского края, п/я 224.

До свидания, Ф. Веревкин
15.03. 1940»

«Здравствуй, милая Тинуська!

Давно не получал твоих писем, последнее ты писала 16.08.40. Где Луха и где он теперь работает? Он мой клеветник, требуй от него опровержения клеветы и пиши прокурору 1-й армии и прокурору СССР. Я писал несколько раз, ответа мне нет. Будь ты понастойчивей, тебе должны ответить. Я верю, что если все мои заявления попали по адресам, то я буду скоро освобожден. Прошу тебя, запроси ответ, напиши заявление в Президиум Верховного Совета, в ЦК ВКП(б), прокурору СССР и предс. Верх. суда.

Привет Зое, Лене, Боре и Вове. Я вполне здоров.

До свидания, Ф. Веревкин
20.01.41»

«Здравствуй, милая Тина!

Я от вас до сих пор письма не получил, кроме того письма, что ты писала 16 августа 1940. У меня

за это время никаких перемен не произошло. Я недавно получил извещение от Президиума Верховного Совета о том, что мое заявление, которое я писал в сентябре 1940 г., направлено военному прокурору г. Москвы еще в октябре 1940 г., а из других адресов ничего, ответа нет...

Тина, я много раз тебе писал о том, что оклеветал меня майор Луха, но ты написала, что он освобожден. Надо от него требовать, чтобы он написал опровержение своей клеветы, а я не знаю его адреса, прошу сообщить, где он живет. Тина, перо очень плохо пишет, чернила гадкие, поэтому больше писать не могу.

Прошу передать мой сердечный привет милым моим деткам: Зое, Лене, Боре и Вове.

До свидания, Ф. Веревкин
8 мая 1941 года»

«Милая Тинушка!

..Сегодня так размышлялся, что не в состоянии логически изложить свои мысли, ты прости меня, если я что-либо тебе неуместного написал, Тинуська! Передай от меня привет нашим дочкам и сынкам и поздравь с 12-летним возрастом дорогого сына Борюшку.

Я еще не могу себе вообразить будущее. Я хотел бы как можно лучше наладить нашу переписку, чтобы представить себе полно все, что может быть после того, как я освобожусь.

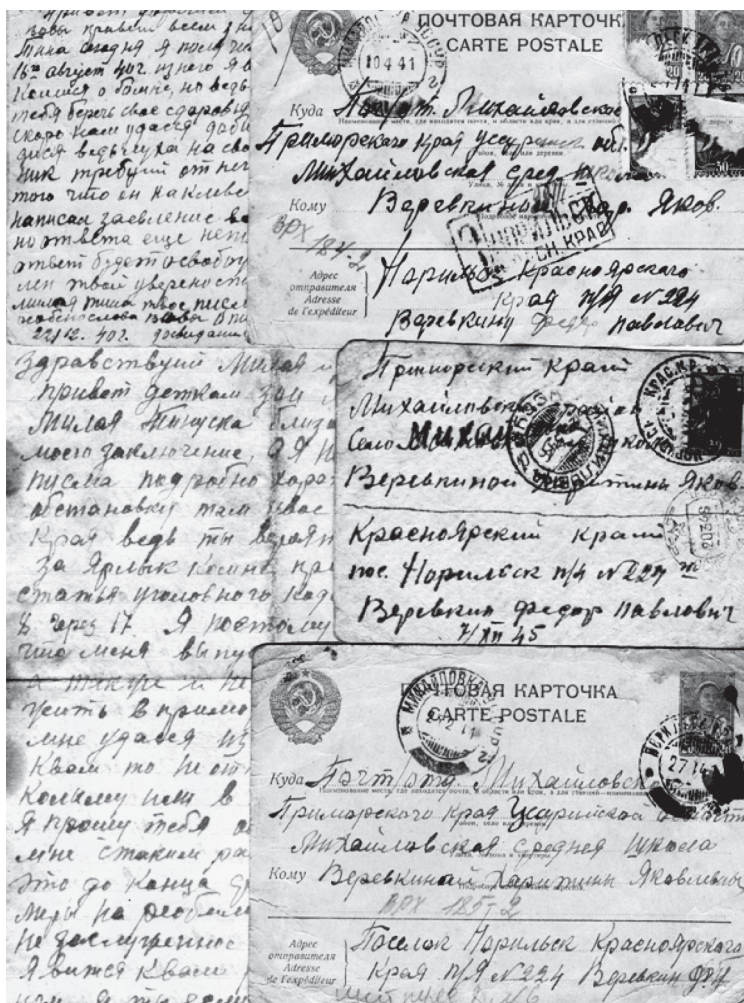
Милая Тинуська. Я бы хотел, чтоб наша прошлая жизнь вернулась вновь, а как ее наладить, мы бы решили с тобой вдвоем, но когда я этого дождусь, не знаю.

До свидания, Тинуська, Ф. Веревкин
07.11.45»

«Здравствуй, милая Тинуська!

Привет милым деткам Зое, Лене, Боре и Вове. Тина, я получил от Вовы письмо, но без даты отправления. Он пишет сплошной крик тоски, как

ему хочется видеть меня, пришли фотокарточку. Я сняться не могу, поэтому не посылаю. Он пишет, что порвалось пальто и много заплат и что оно у него одно. Я собрал все, что мог, и послал тебе 350 руб. для использования по твоему усмотрению. Ты ему что-нибудь купи и скажи, что это я послал ему...

Вот такие открытки и письма приходили к нам от папы из Норильска

Милая Тинуська, чем меньше остается мне сроку, тем тяжелее и томительнее его переживать, а неопределенное положение еще больше усугубляет это.

Тина, судя по тому, как до сих пор было определено по окончании срока, то меня не выпустят из Норильска... Я хотел бы иметь твое мнение, согласишься ли ты приехать сюда?.. Здесь место работы тебе найдется и ребят можно учить.

Ну так вот, Тинусь. Крепись, жди, теперь осталось меньше, чем пережили.

До свидания, Ф. Веревкин
02.11.46, пос. Норильск»

«Здравствуй, милая Тинуська!

Сегодня роковой день. Сегодня проклятый день, которого мы, как видно, не забудем, пока будем живы. Это потому он проклятый, что в этот самый день ровно 9 лет назад нас разлучили с тобой в тот момент, когда мы ожидали нашего любимца сына, которого ты назвала Вовочкой. В этот несчастный день и родился Вовочка, вот только поэтому этот день становится незабвенным также пожизненно.

Милая Тинуська, вот 3-й месяц как я освободился досрочно... Опиши подробно, как живешь и куда советуешь мне ехать, так как в Михайловку мне нельзя приехать по паспортному режиму ст. 39. Тинуська, в течение текущей зимы мы должны до полной ясности списаться, куда следует тебе переселиться, чтобы я мог к вам приехать, мне очень хочется скорее знать, чтобы заранее к этому подготовиться.

Тинуська, до свидания. Крепко жму тебя и целую неслучайное количество раз за долгую разлуку. Привет всем деткам и знакомым!

Ф. Веревкин, 4 октября 1946 года
Упр. рудника открытых работ»

«Здравствуй, милая Тинуська!

Сегодня 21 год тому назад началась наша супружеская жизнь. Вспоминая прошлое, а оно было не-

плохое, невольно становится передо мной будущее, каково будет оно?

Тинуська, я освободился досрочно на один год, 2 месяца и 10 дней, этого я добился хорошей работой, добивался этого потому, что у меня была и есть непреклонная воля как можно скорее встретиться с тобой и продолжить нашу прерванную жизнь и начать ее снова. Я думаю и надеюсь, что она должна быть не хуже прошлой...

11 августа 1946 года»

«Здравствуй, милая Тинуська!

Привет дорогим сынкам. А пишу я потому, что имею большую душевную потребность бесконечно говорить с тобой по самым разнообразным вопросам, а это не представляется возможным, и поэтому я очень скучаю. Временами, когда днем нет напряженной работы, то ночь проходит бессонная и мысли все вместе с тобой и нашими детками, за рассуждениями о предстоящей нашей жизни...

Милая Тинуська, скучно мне стало после освобождения без тебя и гораздо скучнее стало, чем было в лагере. Всякая свободная минута целиком поглощается тобой и думками о тебе и о том, как мы встретимся, как возобновим нашу прерванную жизнь и где.

Милая Тинуська, ты в письме от 24-го августа беспокоишься, чтоб не вскружили мне голову вино да еще кое-что. Тинуська, будь твердо уверена в том, что вина я со скуки, может, и выпью, но не допьяна.

Что касается «кое-что», то нет. Ключ от моего сердца находится только у тебя и если ты его не потеряешь, следовательно, его никто не отопрет без ключа, взлому оно не подвержено, в этом ты можешь быть уверена, так же как и я уверен, что ты 9 лет

На обратной стороне этой маминой фотокарточки, которую папа получил в Норильске, написано: «Ждали, ждем и будем ждать...»

хранила этот ключ, а еще один год ты его вполне убережешь, и думаю, что нашим общим пожеланием будет как можно лучше выбрать местожительство и поскорее встретиться для продолжения прерванной нашей жизни.

Милая Тинуська! Убедительно прошу, пиши мне письма чаще, я не чаю дожидаться возможности выехать отсюда, скука по тебе и детям давит.

До свидания, крепко жму тебя к своей груди, привет дочкам, пусть они мне пишут чаще, я им отвечаю на каждое письмо. Сынки в долгу, от них я давно не получал.

Ф. Веревкин

30 октября 1946 года»

В этом письме папа обижается, что мы редко пишем ему, однако в письме от 11 августа 1946 года он пишет: «Я получаю письма очень часто, особенно от Вовы».

На вынужденной гражданской службе отец получил квалификацию и железнодорожного мастера, и горного мастера. Свидетельство горного мастера отцу было выдано в 1949 году. После досрочного освобождения из лагеря отцу, как видно из писем, не стало легче. Тоска по родным и близким, неопределенность положения угнетали его. Он пишет, что из Норильска ему в ближайшие годы не выбраться, а могут заслать еще в Магадан или Якутию. Отец настойчиво предлагал маме приехать с детьми (мной и Борисом) к нему в Норильск до лучших времен, а Зою и Лену оставить в Приморье учиться. Зоя уже училась в пединституте во Владивостоке, а Лена должна была учиться в 10-м классе.

Были и другие планы, когда после окончания войны освободившиеся могли выезжать на материк, например, в Среднюю Азию или некоторые районы Сибири, но позже гайки стали закручивать сильнее и всех освободившихся оставляли в Норильске практически навечно.

Невероятное напряжение и истощение физических и моральных сил у мамы привело к тяжелейше-

му кризису. В конце апреля 1945 года мама сильно простудилась (ехала по вызову в районный центр в открытом кузове грузовика), и это спровоцировало сильнейшие головные боли. Вероятно, это был гипертонический криз.

День Победы 9 мая мама встретила больная, лежа в постели. К ней ворвалась группа учителей с радостным сообщением об окончании войны, заходили знакомые, ученики. Я тоже хорошо помню этот солнечный день, все ликовали, а дед Ермак, состоявший при школе извозчиком и истопником, сказал, что скоро будет другая война. Вскоре маму увезли в Михайловку, там врач признал у мамы заболевание центральной нервной системы и направил ее во Владивосток в ФТИ (физиотерапевтический институт — тогда лучшее лечебное учреждение Приморского края).

Лечение было долгим, директорство в Осиновской средней школе пришлось оставить, и маму перевели опять в Михайловку осенью 1945 года на должность заведующей районным педагогическим кабинетом. Одновременно она преподавала в школе.

Осиновка, как и Михайловка, была окружена аэродромами и воинскими частями, так что о начале войны с Японией мы узнали ранним августовским утром по нескончаемому гулу взлетающих и садящихся бомбардировщиков. Наши военные довольно небрежно обращались с хранением оружия и боеприпасов, поэтому почти у каждого деревенского мальчишки было что-нибудь из военного снаряжения, что часто приводило к трагическим для детей последствиям.

Первый год после переезда из Осиновки в Михайловку мы жили в домике у речки на краю деревни по адресу Ленинская, 1, но после сильнейшего наводнения 1946 года, когда водой был полностью уничтожен наш огород, а дом весь пропитался сыростью, матери выделили часть дома по улице Тихоокеанской.

Однажды, когда мы жили в Михайловке на улице Ленинской, мы чуть не распрощались с этим светом. Так как наш дом был очень холодный, натопив печь углем, мы рано закрыли задвижку в печи, и все угорели. Спасла нас учительница Дина Захаровна Колосова, несколько лет работавшая с мамой и в Михайловке, и в Осиновке. Дина Захаровна жила неподалеку, решила нас провести с утра, никто не отзывался, тогда она сама вошла в дом и сразу догадалась, в чем дело. Она открыла настежь двери и вытащила нас на крыльцо.

В Михайловке я учился во втором и третьем классах, старший брат Борис учился в этой же школе в четвертом и пятом классах. Зоя училась во Владивостоке, а Лена работала в начальной станционной школе. Мама отдавала работе, как всегда, много времени, поэтому на Лену и Бориса ложились все огородные и домашние заботы. Я еще считался маленьким. В Михайловке маму наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Когда Зоя поступала в институт и в приемной комиссии зачитывали списки для сдачи экзаменов, к ней подошел мужчина и спросил: «Как зовут вашего отца?» Зоя ответила: «Федор Павлович». Встреча эта оказалась необычной. Этим мужчиной был Дмитрий Иванович Чупилкин, который отбывал срок в Норильске, очень хорошо знал папу: они в бараке даже спали на одних нарах. Ему каким-то образом удалось освободиться и даже вернуться во Владивосток. Чупилкин привел Зою к себе домой, познакомил с женой, и они предложили Зое жить у них. Зоя прожила у них как член семьи два года, пока Чупилкины не уехали в Одессу после ее освобождения от немцев. От Чупилкина Зоя узнала много подробностей о папиной жизни в Норильске и, конечно, рассказала маме. С Д.И. Чупилкиным папа долго обменивался письмами и после нашего выезда из Норильска.

Когда мы жили в Михаловке у речки, то в ней нашли с Борисом настоящий немецкий автомат

(шмайсер). Вначале мы его испытали во дворе своего дома, а потом Борис осмелел и стал постреливать по-среди деревни в окопах, приготовленных на случай войны. Это увидел районный прокурор, и ночью к нам пришли милиционеры с обыском. Борис наш был очень упрямым, во всем всегда отпирался, и на этот раз он говорил, что никакого автомата у нас нет, а я сдался быстрее. Автомат забрали, маму хорошо знали районные власти, поэтому делу хода не дали.

Очень хорошо, что история с автоматом закончилась так благополучно. Уже в то время мы собирались ехать к папе в Норильск, и Борис на полном серьезе тайком от мамы хотел этот шмайсер взять с собой. Я с ужасом представляю, что было бы с нами, а в первую очередь с нашими родителями, если бы этот автомат «всплыл» в Норильске?! Было у нас и другое оружие — штык-нож, а в огороде был устроен тайник с различными боеприпасами (патронами, трассирующими снарядами для крупнокалиберных пулеметов, взрывателями для гранат, порохом и т.п.). Так что хотя мы жили далеко от фронта, но наше детство тоже было насыщено военными событиями и приключениями, далеко не безобидными.

Половину дома на улице Тихоокеанской, куда нас переселили из аварийного дома у речки, летом занимала бригада из пленных японцев, которые строили автомобильный мост через михайловскую речку. Мы у японцев меняли молоко от нашей коровы на зеленый чай и рис.

Как-то японец, которого другие пленные звали доктор Оно, сделал мне игрушку в виде маленького гидросамолета. Сам самолет он покрасил в зеленый цвет травой, а красные звезды на крыльях нарисовал тертым кирпичом. Японцев охранял наш солдат-конвоир без какого-либо оружия. Увидев у нас штык-нож, он выпросил его у нас. От японцев нам перепала некоторая одежда. Борис ходил в японской армейской шубе с отстегивающимися рукавами и армейских ботинках на деревянной подошве. У меня

была шапка-ушанка цвета хаки. В этой шапке я и в Норильске ходил первое время, за что меня одноклассники дразнили самураем.

В этом доме на улице Тихоокеанской нас обворовала одна аферистка, вернее, не обворовала, а обманным путем вынудила нас с Борисом отдать то последнее, что у мамы еще было. Как позже выяснилось, она прекрасно знала, к кому она шла. Так как мы жили тогда очень бедно, если не сказать нищенствовали, то после этого я скептически отношусь к тому, когда говорят, что у воров есть своя этика: бедных не обворовывать. Ерунда, есть много примеров, опровергающих эту сказку. Вор, он всегда вор.

В своих записках мама отмечала: *«Зима 1946/47 года оказалась для нас самой трудной в материальном отношении. Корова отелилась только в апреле, овощи мы съели к январю, семенной картофель отвезли в погреб к Оле... Бедным детям приходилось копать весной на колхозном поле гнилой картофель, не вырытый осенью. Из него делали лепешки, пекли их прямо на горячей плите».*

Папа после освобождения из лагеря во всех письмах настойчиво звал нас к себе, по возможности высылал нам деньги и посылки с продуктами. Мы готовились к отъезду, продали корову, собирали свои пожитки, библиотеку мама отдала Зое, которая училась, как и мама, на историка. Перед отъездом всей семьей вместе с тетей Олей, маминой сестрой, сфотографировались. Уезжали в неведомые края, не знали, вернемся ли мы в Приморье когда-нибудь. Уезжали вчетвером: мама, Лена, Борис и я. Зоя оставалась во Владивостоке доучиваться в пединституте.

В НЕВЕДОМЫЙ НОРИЛЬСК

В Красноярске нас встретил папин друг по Норильску Иванушко. Он помог нам разместиться в бараках гостиницы норильского комбината у речки под горой, на которой стоит колокольня, известная теперь всем по изображению на нынешней десятируб-

левой купюре. В ожидании теплохода там мы прожили 10 дней. В крайню мама получила назначение на работу в норильскую школу, доставала билеты на ближайший теплоход «Серго Орджоникидзе», идущий в Дудинку. Лена помогала маме, а мы с Борисом осваивали окружающее нас пространство, в том числе побывали на горе у колокольни, а в речке пускали кораблики. После деревенской жизни нам все было интересно: и дорога, и Красноярск, и предстоящее плавание по Енисею в неведомый Норильск.

*Слева направо: Лена, тетя Оля и Зоя.
Сидят (слева направо): Борис, мама и я*

Из записок мамы: *«Плыли по Енисею в четвертом классе в тяжелейших условиях. Видели драки, слушали ругань, чувствовался холод, валялись на трапах. Запасенных нами продуктов хватило до Игарки. На трапах мы спали потому, что четвертый класс — это палубные пассажиры. Нам досталось место на трапах, а их при каждой швартовке убирали, и нам нужно было на это время искать другое место».*

На теплоходе я впервые увидел заключенных. Их везли в битком набитых трюмах. Так как в трюмах было очень душно, то люки были постоянно открыты, оттуда шел удушливый запах, который я запомнил на всю жизнь. Полуодетые заключенные буквально, как селетки в бочке, полусидели, полулежали друг на друге. Периодически из трюма вытаскивали парашу и выливали за борт. Те, кому приходилось выливать парашу, не торопились это делать, а жадно смотрели на проплывающие мимо живописные берега.

Один раз конвойный волок какого-то заключенного в армейских брюках на бак судна, вероятно в карцер, бил его прикладом, а он кричал: «Не тронь меня, гад! За что меня бьешь! Я Родину защищал, кровь проливал, а ты, сволочь, издеваешься надо мной!» В Дудинке всех заключенных вывели полураздетых. Многие были без головных уборов, на ногах какие-то шлепанцы на босую ногу. Шел мокрый снег.

Прибытие в Дудинку лучше описать мамины-ми словами: *«Встречу с мужем не представляла, чувствовала себя спокойно, уравновешенно, без всяких эмоций. Возможно, отвыкла за десять лет, дети тоже спокойно себя вели. На теплоходе плыли знакомые папы. Подплывая к пристани в Дудинке, Лавриненко показал нам папу. Он стоял на берегу и плакал, нетерпеливо переступал с ноги на ногу и как будто пританцовывал и старался прыгнуть в воду, кто-то его придерживал за руку. На нем было клеенчатое пальто, он отрастил длинные рыжие усы. Лавриненко поднял на руки Вову и показал.*

Меня почему-то охватил страх, я забилась в угол, и, вероятно, мой вид был ненормальный, потому что один военный подошел ко мне и спросил: «Что с вами, вам помочь?» Я ничего не ответила, и он отошел. Вскоре пароход пришвартовался. Дети были на палубе и первыми встретили папу. Он спустился ко мне, поцеловал и сказал: «Здоров, Тинуська!» Страх мой как рукой сняло.

Муж привел нас в гостиницу, где мы жили двое суток до отъезда в Норильск в общей комнате. Разговорам не было конца, а дети не отходили от мешка с продуктами, в котором был белый хлеб, сахар, масло, утка, сухие фрукты, рыба и еще кое-что. Казалось, что они никогда не смогут насытиться».

От себя добавлю, что усы папины маме, видно, не понравились, и буквально на следующий день он их сбрил. Папа с мамой все говорили и говорили, а мы бродили по Дудинке. Когда мы выезжали из Красноярска, там была ранняя осень, все еще было зелено, а здесь было сыро, слякотно, шел мокрый снег и было сумрачно. В Дудинке мама в окружном отделе народного образования получила приказ о назначении ее завучем норильской средней школы № 1. Было это в 20-х числах сентября 1947 года.

В Дудинке от пристани до вокзала было несколько километров. Для пешеходов по обеим сторонам дороги были сооружены деревянные тротуары на сваях, а машины, лошади, колонны заключенных шли чуть не по колено в болотной тундровой грязи. От Дудинки до Норильска мы ехали часов 12, хотя расстояние было всего 112 км. Железная дорога тогда была узкоколейная, довольно извилистая, и вагончики довольно сильно раскачивало. Папа с мамой все разговаривали, а мы доедали содержимое мешка.

В Норильск мы приехали рано утром, но его пока так и не увидели, потому что папа повез нас с вокзала к себе на гору. Первое время мы жили в балке прямо на территории лагеря, поэтому взрослым членам семьи (маме и Лене) были выписаны специальные

пропуска для прохода на территорию лагеря, причем в пропусках было указано, в какие зоны лагеря можно было проходить. У Бориса и меня специальных пропусков не было, и нас пропускали после того, как мы сообщали, чьи мы дети.

В балке с крошечными окошками было три небольших комнатки. Одну из них приспособили под кухню. В двух других разместились папа с мамой и мы, дети. Первая ночь в этом балке была ужасной. Кроме нас в нем оказалось несметное количество

Работник Норильлага МВД СССР

Постоянный пропуск

№ 5300

Выдан: 29.12.194 г.

Действителен по: 31.12.194 г.

Фамилия: Василькина

Имя: Анастасия

Отчество: Александровна

Место работы: Средняя школа

Должность: заб. буз.

Начальник бюро пропусков штаба В-охран. Норильлага: 2090

Разрешен вход на объекты

Работ № № с. 39 ч. до 4 ч.

* 2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24

Разрешен вход на территорию лаг. подразделений

с. 39 ч. до 4 ч.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24

Продлен до 194 г.

И-к бюро пропусков штаба В-охран. Норильлага

Продлен до 194 г.

И-к бюро пропусков штаба В-охран. Норильлага

Продлен до 194 г.

И-к бюро пропусков штаба В-охран. Норильлага

ПРАВИЛА пользования пропусками

1. Пропуск действителен только в пределах указанных объектов работы и времени, указанного в пропуске.
2. За несдачу пропуска вышестоящие приказы кажутся к уголовной ответственности.
3. При утере пропуска дубликат не выдается.

Постоянный пропуск вольнонаемного

3453

Так выглядел пропуск мамы

клопов. *«Они лезли на лицо, в уши, ползали по всему телу, кусали. Пришлось объявить им войну: кипятили воду, обливали, руками давили, а их появлялось еще больше»* — так мама вспоминала о первой ночи в Норильске.

На следующий день папа пригласил лагерных друзей отметить наш приезд: придет человека три. Мама с Леной начали готовить обед. Кое-что было запасено у папы, мы с собой привезли картошку и капусту. Вин и водки в продаже тогда не было, и папа купил спирт. Пришло восемь человек гостей, да нас пятеро. Достали консервы, сварили манную кашу на воде, выставили все запасы сахара. В то время еще была карточная систем на продукты, а на базаре все стоило очень дорого.

«Пировали» до утра и на следующий день. Все гости были из заключенных, еще не освободившихся. Двое в прошлой жизни были инженерами, один — бывший крупный военный, остальные — рабочие. Все были очень долго оторваны от семей, поэтому возможность побывать среди людей с воли была желанной, они истосковались по семьям, по другой жизни. За столом много говорили, вспоминали о прошлой жизни...

Через несколько дней мама поехала определять нас в школу и устраиваться на работу. Добраться до нее было большой проблемой. От балка, где мы жили, нужно было сначала проехать в открытом вагоне (думпкаре) попутного поезда, затем спуститься с горы (подъемник в то время был на ремонте), потом до школы, в соцгород, проехать на автобусе.

Папа нам с Борисом купил новые пальто, валенки. Школьную форму нам выдали позже. Мы с Борисом иногда, не дождавшись автобуса, цеплялись на проходящие грузовики. Один раз я неудачно прыгнул и шмякнулся в новом пальто в грязь. Я кое-как очистил пальто, мы с Борисом разожгли костер и стали пальто сушить и, конечно, прожгли дырку. Надо отметить, что за это меня тогда особенно не ругали. С горы спускаться было относительно легко, особенно

когда выпал снег — на пятой точке. А вот залезать на гору было трудновато.

О том, как начинала в Норильске работать мама, лучше описать ее словами, привожу выдержки из ее записок.

«Муж мне ничего не писал об этом интересном городе, и я надеялась увидеть в лучшем случае деревянные бараки. Каково же было мое удивление, когда я увидела огромные трубы больших заводов, шахты, рудники, многоэтажные дома, асфальтированные улицы, много автомобилей и хорошо одетую публику. В этом чудесном городе мне посчастливилось проработать восемь лет, хотя немало пришлось испытать и неприятностей... <...>

Единственная средняя школа работала у Долгого озера, размещалась в трехэтажном каменном здании. Зав. ОкрОНО Итыгин Геннадий Григорьевич, с которым я познакомилась в Красноярске, рассказал, что в прошлом году в Норильске было две средних школы. Их объединили в одну...

В школе меня встретила очень интересная, высокая и полная, хорошо одетая женщина — директор школы Туранова Вера Львовна... Детей я устроила, но сама в первый день не представлялась, должна была прежде явиться к начальнику политотдела Норильского комбината. Там выслушали подробно автобиографию и благословили на работу.

Через месяц Туранова добилась для меня комнаты в Горстрое. Площадь 20 кв. м в нижнем этаже, кухня на трех хозяек. Соседями оказались учитель русского языка Почекутов Ефим Николаевич с женой фельдшером Верой Гавриловной и приемной дочерью (Люсей Гусаровой) и учительница младших классов Кашеварова Анна Николаевна с мужем и дочерью Липой. И Почекутов, и муж Кашеваровой часто напивались, буянили... обстановка была ужасная. Мы впятером размещались в одной комнате, где поставили четыре кровати, стол и несколько табуреток. С клопами мы никак не могли расправиться, а в новом доме добавилась уйма тараканов. Я никогда в

жизни столько их не видела. Каждый день обливали их кипятком, а наутро на кухне и в коридоре все углы и потолок чернели от них.

Муж мой ежедневно рано утром надевал робу и ехал в грузовой машине на РОР (рудник открытых работ). Расстояние 15 км. На пути было не менее 10 вахт, где проверяли документы с высадкой всех пассажиров и пропускаям каждого через вахту. На поездку тратилось два часа, такой же путь был и в обратном направлении. Возвращался домой в 10–11 часов вечера. Так изо дня в день и в дождь, и в жгучий мороз, и в черную пургу. Работа была на воздухе. На щеках у него образовалась «вечная мерзлота» в течение зимы. Трудно доставались трудовые деньги».

От себя добавлю, что у папы на нижней губе от постоянного ее перемерзания и травмирования образовался рак, и ему позже делали облучение и операцию. Тогда все обошлось. После такого про-

Папа

Из моих первых фотографий

должительного трудового дня у него уже ни на что не было сил, и он дома в основном отдыхал на кровати.

«Лену устроила в школе учительницей начальных классов. В школе только один завуч, и мне приходилось быть там с утра и до глубокого вечера. Питались в школьной столовой, где готовили вкусно и дешево. Голодовка закончилась. Мы с мужем получали приличный паек, в котором было и мясо, и масло, и рыба, и крупы, и сухофрукты. Дети объедались и крепили на глазах. Лена так располнела и потолстела, что я грешным делом подумала нехорошее».

В школе всем ученикам ежемесячно выдавали по несколько банок сгущенного молока, и папе на работе тоже выделяли сгущенное молоко, так что я в Норильске в полном смысле объелся им на всю жизнь.

Папа сфотографировался с детьми, после того как мы «отбелись» в Норильске. Самый маленький — я (4-й класс), Борис (6-й класс) и Лена. 1948 г.

«Улучшилось наше материальное положение. Муж получал 1800 руб., я 900 и Лена, кажется, 500 или 600. Хотя в то время еще была карточная система, стали приобретать кое-что из мебели и из одежды. Приехали в Норильск почти голые...».

«Школа мне понравилась. С учащимися быстро нашла контакт. Дали мне уроки истории в 8–10-м классах. Все дети ходили в форме.

В 8-м классе учился сын начальника комбината Зверева. В то время он был еще

главным инженером, находился в шестимесячном отпуске и по возвращении должен был занять пост начальника комбината, а бывшего начальника Панюкова, депутата Верховного Совета СССР, перевели на новую ответственную работу. Об этих двух начальниках складывали анекдоты, не лишённые правды. Вообще все начальники в Норильске вели себя как некоронованные князьки. Особенно этим отличался Зверев Владимир Степанович. Высокого роста, толстый, некрасивый, с перебитым носом...

Назначение в школу я получила ещё 3 сентября, а Туранова все забывала включить меня в ведомость на зарплату и подьёмные. Наступил декабрь, и мои деньги в сумме 5900 руб. пропали (из-за реформы). Предлагали получить десятую часть, но я так обиделась, что отказалась от них. В связи с реформой получилась и вторая неприятность. В Норильск я привезла аккредитив на 12 тысяч (остатки суммы от проданной коровы). В сберкассе приняли на книжку только 9 тысяч, а один аккредитив на 3 тысячи

Так выглядела улица Севастопольская в конце 40-х годов

забраковали как неправильно оформленный. Послали запрос в Михайловскую сберкасса, где всех сотрудников после реформы арестовали за махинации. Пропали и эти 3 тысячи...

Педагогический коллектив школы состоял преимущественно из пожилых квалифицированных работников, в основном женщин. Часть учительниц — жены начальников, другие приехали к своим мужьям, освободившимся из лагеря, третьи нашли теплое место во время войны и избавились, таким образом, от голода, который так мучил нашу семью шесть лет.

Литературу преподавала О.Я. Шадрина. Муж ее погиб в 1937 году. Он был главным инженером в Кузбассе. Осталось двое детей, сама Ольга Яковлевна из-за мужа сидела полтора года в тюрьме. В начале войны она приехала в Норильск. Через несколько лет вышла второй раз замуж за агронома Дорофеева, который тоже сидел в норильском лагере. Первая жена его бросила, а вторая умерла. Осталось три сына. Ольга Яковлевна большой души человек, прекрасный литератор. Ученики ее уважали.

Доня Александровна Волох преподавала химию. Муж ее Давид Наумович Шрукенгуз тоже сидел в норильском лагере. До ареста работал в армии редактором газеты. Это была пара жизнерадостных, общительных, порядочных людей. Доня отличалась справедливостью, строгостью. Получить у нее тройку за знания считалось чуть не подвигом, четверки и пятерки не расточала. Умела держать дисциплину, не шла ни на какие компромиссы».

В начале 50-х годов пошла волна высылки бывших зеков из Норильска еще дальше. Однажды моя сестра Лена плыла на теплоходе по Енисею и увидела Шрукенгуза на берегу, кажется, в Курейке. Лена забыла, как его звать, и, чтобы привлечь его внимание, с подругами закричала: «Доня Александровна!» Шрукенгуз услышал их и прослезился.

«Тимофеева Полина Андриановна преподавала математику в 5–7-м классах. Муж, в прошлом учитель, отсидел 10 лет в лагере. Весьма старательная учительница, добросовестно работала, но с дисциплиной не всегда справлялась. Иваницкая Клавдия Захаровна — историк. Красива, молода, изящна. Одевалась, как кукла. Замужем была третий раз за инженером-химиком Штейном Сергеем, тоже бывшим заключенным. (Позже он стал писателем Сергеем Снеговым. — Авт.)

Особого внимания заслуживала Каратаева — физик. Евдокия Павловна знала себе цену: высокая, худая, высокомерная. Физику знала хорошо, но ученики ее не особенно уважали. Муж Каратаевой, в прошлом географ, в Норильске работал каким-то начальником в лагере, носил мундир работника МГБ, считался «чистым»...

Мое завучество продолжалось с конца сентября и до 8 декабря 1947 года. В начале декабря в Норильск приехал зав. ОкрОНО Итыгин и зав. райОНО, не помню фамилию. Они стали меня уговаривать принять директорство от Турановой, которая растратила большую сумму школьных денег. Я уже была беременна и категорически отказывалась. Муж мой был также против этого назначения, но начальство уломало мой податливый характер. Били на то, что я коммунист, опытный работник и школу надо выручать. Согласие работать директором школы явилось большой ошибкой в моей жизни, стоившей мне здоровья.

Снятие с работы Турановой вызвало бурю в коллективе, с которым она сжилась, сработалась, свыклась. И вдруг приезжает какая-то «колхозница», выскочка и лезет на место Турановой. Так думали многие учителя, родители и учащиеся. Я не тщеславна и никогда не искала директорского места. В растрату Турановой я поверила, осудила ее по-своему и хотела навести идеальный порядок в школе по примеру Осиновской. Наивность».

От себя добавлю. Наша мама обладала какой-то невероятной честностью и неподкупностью. В Осиновской школе были некоторые запасы картошки, которую школьники выращивали и заготавливали летом, чтобы во время занятий устраивать бесплатное питание для школьников из других сел — столовых-то в селе не было. Так вот, когда у нас наша картошка где-то посередине зимы заканчивалась, мама категорически запрещала нам брать ее из школьных запасов. А когда в ее отсутствие приехал один районный начальник и, самовольно открыв погреб, набрал для себя несколько мешков, мама добилась, чтобы ему уже после войны вынесли строгое партийное взыскание.

Родители учеников Осиновской школы, видя нашу крайнюю бедность, почти нищету, порой приносили что-нибудь из продуктов маме, но она категорически отказывалась, еще и обижалась на это. Позже в записках своих она признавалась, что несли-то продукты маме селяне из доброго сочувствия к нам, из жалости к ее детям. Но мама отвергала всякую помощь, считая, что тем самым родители учеников как бы подкупают ее.

«Первые же дни моего директорства ознаменовались неприятностью. Пионервожатая Д. в грубой форме стала упрекать меня в самозванстве, отказывалась работать под моим руководством. Я проявила выдержанность: поставила ее на свое место и заставила работать. Доня Александровна заметила, что ничего не имеет против меня, но возмущается несправедливостью по отношению к Турановой.

Школу от Турановой принять по всем правилам было невозможно. Описи имущества и кабинетов не существовало. Поступления нигде не записывались. При таком хозяйничанье была полная возможность для злоупотреблений. Сама Туранова могла и не быть виновной, а технический персонал, состоящий из заключенных, мог пользоваться ее бесконтрольностью. Дудинское начальство в отсутствие мецената Зверева решило свергнуть Туранову, я оказалась козлом отпущения.

Мое директорство началось с подготовки к Новому году. Собрался родительский комитет, наметил программу мероприятий. Люди солидные — полковники, директора предприятий, начальники управлений комбината. Готовили грандиозную елку с богатыми игрушками, украшениями. Красиво декорировали все здание школы внутри и снаружи. Комната отдыха, комната для игр и развлечений, искусственная горка и карусель, украшенный зал, где в центре возвышалась до самого потолка елка. К 29 декабря все это уже было готово. 29 декабря вечером явился в школу Зверев с женой. Она представила меня. Он молча подал руку, осмотрел с ног до головы, зашел в зал, взглянул на елку. Потом предложил зайти ко мне в кабинет, разделся, сел за мой стол и стал по телефону вызывать своих подчиненных начальников. Предварительно сказал жене, чтобы ехала домой, так как он надолго останется в школе. Меня это заинтриговало. Я не могла разгадать его поведение. Вскоре на машинах подъехали к школе все вызванные. При мне Зверев давал им распоряжения: доставить срочно в школу 100 человек заключенных, краску, известь, электросушку, шелковые абажуры и прочее. Распорядившись, Зверев сказал, что я могу быть свободной и идти домой.

Утром я школу не узнала. Она была выбелена за ночь, панели в коридорах и в зале покрашены, полы вымыты, гудели электросушки. Зверев продемонстрировал класс распорядительности, власти, могущества. Мне сказал: «Не надо ходить с протянутой рукой под церковь». Я поняла так, что не надо было обращаться за помощью к родительскому комитету, а идти непосредственно к нему. Все это было более чем странно. В годы войны мы привыкли экономить каждую государственную копейку, а здесь допускалась такая роскошь и расточительность.

Наступили каникулы. На елках младших классов празднества прошли благополучно. На вечере старшеклассников не обошлось без казусов. Туранова

явилась в бальном платье и золотых украшениях. Величественная, красивая, обаятельная, она то и дело читала учителям при мне записки от учащихся. В них выражались ей преданность и уважение, обожание, сочувствие в связи с незаконным, на их взгляд, снятием ее с поста директора. Видимо, группа ее обожателей из учащихся старших классов приложила руки ко всему, что так любовно было приготовлено для детей заключенными: карусель и горку сломали, панели поцарапали, насорили.

На вечер я старалась не быть на виду и в то же время следила за всем, что требовало особого внимания. По сравнению с Турановой я выглядела замухрышкой. На мне был черный костюм, под ним шерстяной свитер, и зачем-то на костюм пришила белый полотняный воротничок с самодельной мережкой, привезенный из Михайловки. На ногах валенки. Немудрено, что пионервожатая Д. назвала меня колхозницей.

В разгар новогоднего вечера явился Зверев с женой и многочисленной свитой. Я в это время была на втором этаже. Прибежал запыхавшийся физрук Сапунов и сообщил, что пришел Зверев, стоит в коридоре и требует меня. Спустилась вниз, увидела Зверева в окружении расфранченных дам и начальников. Поздоровалась и, кажется, не пригласила пройти в зал. Зверев что-то поучительное мне говорил, я молча выслушала, и на этом распрощались. Бывалые люди мне сказали, что надо было пригласить всю ораву в отдельную комнату, угостить. Все это было мною не предусмотрено, да и не умела я лебезить перед начальством. Чувствовала себя независимо. Видимо, такое поведение директора школы не понравилось Звереву.

Совсем я оскандалилась 2-го января в день елки для малышей. Расфасованные в кулечки подарки по количеству учащихся сложили в кабинете завхоза за три дня до праздника. Зверева являлась председателем родительского комитета. Нечестная завхоз

Дудникова крепко приложила руку к этим подаркам. Многим учащимся их не хватило, а остальные были переполовинены. Зверева возмущалась, ругала завхоза. Мне неприятно было, что в стенах школы такое безобразие. Пришлось все подарки перефасовать, чтобы хватило всем ученикам. Об этом случае, конечно, Зверев узнал от жены.

С другой стороны, я постепенно завоевывала авторитет среди учащихся и родителей своей добросовестностью, трудолюбием, усердием, рвением в работе. Перед учащимися старших классов выступала с интересными докладами, руководила школьной комсомольской организацией, проводила общешкольные родительские собрания. Из учителей в школе я одна была коммунистка. Состояла на учете в парторганизации при Доме пионеров. В составе этой организации были зав. Домом пионеров Дружинина (она же и секретарь парторганизации), директор семилетней школы, председатель поссовета З.И. Туманишвили и еще несколько человек из разных организаций...

Наступила вторая половина учебного года. Я в роли директора. Завуч — неудачный историк с высшим образованием, но авторитетом среди уча-

Вид на город со стороны городского «парка». Вдали видна ТЭЦ с двумя высокими трубами. Правее сквозь облака дыма просматривается труба «макаронной фабрики», про которую никто ничего не знал. Крайнее левое здание — школа № 1

щихся не пользовалась. Любила козырять: я завуч, имею право... Она мне больше мешала, чем помогала. Казалось, все я делала, с утра до ночи сидела в школе в ущерб семье, а успеваемость в третьей четверти оказалась низкой. Заметила, что группа учителей даже со злорадством выставляла двойки. Неужели мне мстили за Туранову? В таком случае ученики являлись жертвой. Какое нужно было иметь сердце, чтобы пойти на такую подлость? Сама Туранова вела себя недостойно: в глаза любезничала, а за глаза поносила. С горем пополам закончили учебный год.

Помимо многочисленных нагрузок я еще руководила 9-м классом. Это было добровольно, хотела показать, как нужно работать классным руководителем. Опыт оказался удачным. Десятые классы успешно выдержали экзамены, хорошие результаты дали начальные и старшие классы. Низкая успеваемость была в 5–7-х классах.

Во время экзаменов шел последний месяц моей беременности. Как-то еще в апреле я возвращалась поздно вечером домой. Муж сильно уставал на работе и меня не встречал. Прошла по дамбе через Долгое, и вдруг погас свет. Нужно было пройти еще через Горстрой с полкилометра. Темень, народу ни души. На полпути услышала шаги за мной, усилила шаг, потом побежала и почувствовала руку на плече. Дико вскрикнула и упала спиной на тротуар. Кто-то меня поднял, спросил, куда мне идти, и проводил до дому. Этот человек вышел из-за угла в то время, когда я крикнула, а мой преследователь сбежал.

26 июня принимала экзамены по истории в двух 10-х классах. Сидели до 9 часов вечера. 27 июня весь день писала дома отчет о работе школы, а утром в 5 часов 28 июня муж отвел меня в родильный дом, благо находился он недалеко от нашей квартиры. В 8 часов утра родила в страшных муках на 42-м году Алешу. Так хотелось девочку под старость, вышел третий сын... Учителя навещали. Выпускной вечер проводили без меня. Догадались пригласить на него моего мужа.

Боря окончил 6-й класс с посредственными оценками, Вова — с хорошими. Ребята подросли, окрепли, но Вова обижен ростом. (До 9-го класса я был самым последним, когда класс строился по росту на уроках физкультуры. Был я даже ниже девочек. — Авт.)

Мы впятером жили в одной комнате, где стирали и вешали пеленки. Клопов все еще не могли вывести. В конце июня и в начале июля в тундре кое-где зазеленела травка, пробиваясь в местах, где растаял снег. Получила после родов декретный отпуск. За директора работала завуч Михайлова, но она собиралась ехать к мужу в Иркутск.

В середине июля прислали из Дудинки постоянного завуча Бердичевскую Феню Марковну, одинокую женщину солидного возраста. Виктория Геннадиевна привела ее ко мне на квартиру. Новая завуч увидела наши жалкие пожитки, развешанные пеленки, скученность... Договорились, что она будет ремонтировать школу, а я выйду на работу к 1 сентября. Феня Марковна оказалась опытной и деловой особой. Познакомилась с теми, кто ей был нужен, зарекомендовала себя отличной хозяйкой... Она прошла огни и воды, работала на Колыме, в Хатанге. Поселилась она в школе.

*Мама (справа) с грудным Алешей на руках с соседками по квартире.
Слева от нее А.Н. Кашеварова. 1948 г.*

Из событий второй половины 1947/48 учебного года следует отметить два. Первое — это самоубийство ученика 6-го класса (Вульфа). Во время большой перемены он выбежал за школу с самопалом и выстрелил в каменную стену. Пыж, в котором были дробь и кусочки свинца, рикошетом попал ему в висок. Жил он только сутки. Отец его — бывший заключенный. Меня и группу учеников вызывали к следователю. Случай этот насторожил, учителя больше стали следить за детьми. Второе событие случилось в марте. Ученица 8-го класса родила 9 марта ребенка. Накануне была в классе, занималась на уроке физкультуры. Из школы «скорая» увезла ее в роддом. Характерно, что даже родители не заметили беременности. Отцом ребенка был тоже ученик. Родители поженили их. За этот случай ответа никто с меня не спрашивал.

В этом году Зоя окончила Владивостокский пединститут и получила направление в Липовцы (шахтерский поселок примерно в 150 км от Владивостока). Володе Сороке (ее жениху — курсанту Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени адмирала С.О. Макарова) оставался еще год учиться, но они решили осенью зарегистрироваться...».

Дальше обстоятельные записки матери прерываются... Но остались документы и фотографии того периода, воспоминания сестер и брата, мои...

В декабре 1948 года мама от директорства была освобождена. Как позже выяснилось, основной причиной этого была судимость отца. В одном из маминых писем я нашел такие слова: «Директор школы № 1 Б.Д. Сухомлинов однажды заявил о том, что по указанию районо все учительницы, у которых мужья были судимы в прошлом, будут сняты с работы, но ему пришлось отстоять меня, так как я хорошо работаю и являюсь коммунистом». В этом году некоторые послабления к бывшим заключенным власти стали заменять более суровыми мерами, вплоть до повтор-

ного ареста. Вскоре многих из «бывших» отправили в еще более далекие места.

После рождения Алеши — пятого ребенка в нашей семье — маме как многодетной было единовременно выплачено 850 рублей и назначено ежемесячное пособие в размере 60 рублей.

Акклиматизация в Норильске маме давалась трудно. Имеется заключение врачебной комиссии (акт № 212 от 13 июня 1955 года САНО Норильского горно-металлургического комбината), что она не

Форма № 35.

ЛИЧНАЯ КНИЖКА МАТЕРИ
НА ПОЛУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОСОБИЯ

АЕ № 231689

Личная книжка матери

Фамилия Зеревкина
Имя Гарипина
Отчество Яковлевна
Место жительства пос. Норильск
ул. Советская д. 2 кв. 16

Пособие назначено решением Исполнительного Комитета Совета депутатов трудящихся Дудинского района/города Красноярского края/обл. от 22 декабря 1948 г. за № иногородней матери на пятого ребенка

в размере:
единовременно восемьсот пятьдесят руб.
(прописью) РУБ. 850= (цифрами)

ежемесячно шестьдесят руб.
(прописью) РУБ. 60= (цифрами)

1949 г. по июль 1953 г.

Индексный счет № 1272

Личная книжка выдана 19 г.

Сидорова Старший бухгалтер (подпись) Лейкина (подпись)

Личная книжка матери на получение государственного пособия на Аleshу

годна для работы в Заполярье. И все же ей пришлось остаться учителем истории в школе № 1. Директорство она передала Борису Даниловичу Сухомлинову. Это был умный, волевой, порой даже жестковатый руководитель и талантливый педагог.

К маме он относился всегда с уважением, даже с почтением. Мне казалось, что Борис Данилович даже несколько ревниво относился к авторитету мамы среди учеников и учителей. Тем не менее он всегда по отношению к ней был объективен, и именно благодаря настойчивости Сухомлинова мама в Норильске за свой педагогический труд в 1954 году получила второй орден Трудового Красного Знамени. Об этом событии написала местная газета «Заполярная правда» (№ 134 от 10 ноября 1954 г., автор Д. Мясичева). В статье говорится, что

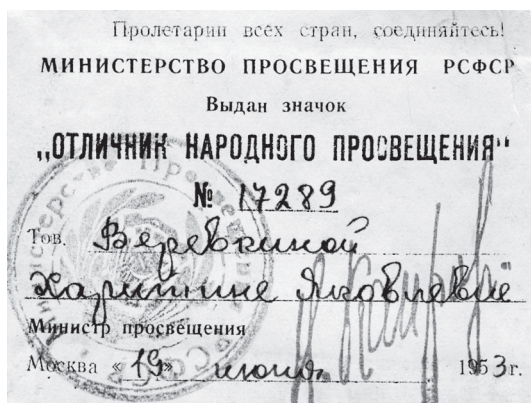
Один из маминых десятых классов. В первом ряду сидят учителя (слева направо): Х.Я. Веревкина, О.Я. Шадрина. Б.Д. Сухомлинов, А.П. Луценко. Некоторых учеников я помню: Таня Величко стоит между мамой и Ольгой Яковлевной. Между Ольгой Яковлевной и Борисом Даниловичем возвышается Алла Левина. Среди ребят я помню только фамилии некоторых: Шендерович, Ершович, Дучман (крайний справа), Комаров, Либерман, Цукерман

«свою любимую учительницу пришли поздравить учащиеся, а среди них бывшая ученица — теперь преподаватель русского языка и литературы Лариса Семеновна Кузнецова, работающая в одной школе с Харитиной Яковлевной».

После рождения Алеши мама часто болела и очень тяготилась своим нездоровьем. Она всегда была очень деятельной, а тут приходилось лежать. Кто-то дал ей почитать «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси, но врачи даже читать ей на время запретили. И тогда она предложила мне читать ей «Сагу» с условием, что за каж-

Это выпускники разных десятых классов. Фотография примерно 1954 года, так как среди выпускников находится и мой старший брат Борис, который окончил школу в 1952 году (стоит в первом ряду третий слева) и более старшие выпускники. Среди них я могу только отметить старшего брата Юры Тимофеева (стоит чуть выше и правее моего брата), Алду Левину (крайняя правая во втором ряду) и Таню Величко (крайняя правая в нижнем ряду). Из преподавателей на фотографии присутствуют Б.Д. Сухомлинов, О.Я. Шадрина, А.П. Луценко и мама (в платке). Все стоят на лестнице у входа в новое здание нашей школы № 1 в Горстрое

*В 1953 году маме было присвоено звание
«Отличник народного просвещения»*

*Часть нашей семьи: верхний ряд — Борис и Лена.
Нижний ряд — Паша, Алеша и папа. Я и мама были в отъезде.
Я был тогда в Таежном, а мама в Кисловодске*

дую страницу она мне будет платить какие-то копейки. Брат и сестра надомной издевались, называли корыстным, но я из этих копеек насобирав рубль десять, купил себе простейший фотоаппарат «Комсомолец», и с тех пор фотографирование стало на всю жизнь одним из моих главных увлечений. У всех родственников и близких друзей мои фотографии являются основой их семейных архивов, и теперь никто уже мой детский меркантилизм не осуждает. А я благодарен маме за свою любовь к фотографии.

К нам в Норильск приезжала Зоя. Лена тогда уже училась в Новосибирске, а я был в Таежном. Так получилось, что за всю историю нашей семьи в полном составе она не собралась НИ РАЗУ!

На фотографии верхний ряд — старшая сестра Зоя и брат Борис, в нижнем ряду — папа с мамой и Алеша

С Алешей мы нянчились по очереди все, пока папа не пригласил из Алтайского края племянницу Пашу (Прасковью Федоровну Бабину). Когда Алеша подрос и стал ходить в детсад, Паша пошла работать по своей специальности пекарем на норильский хлебозавод. Там она заработала северную пенсию.

Паша Бабина вскоре вышла замуж за ссыльного немца Андрея (Абрама) Петровича Унру, которого в Норильск сослали прямо с фронта, хотя он воевал в

рядах Красной Армии. Андрей был очень добродушным человеком.

Начинали они свою совместную жизнь с нами в новой квартире на улице Б. Хмельницкого. Позже к нам с Алтая приехали и устроились на работу на различных заводах Норильска Пашины сестры Надя, Зоя, брат Виктор, затем их родители: папина сестра Наталья Павловна и ее муж, участник Великой Отечественной войны, Федор Емельянович Бабин. Одно время все они жили у нас, потом постепенно по мере получения своего жилья расселялись. Но мне в старших классах приходилось спать на матрасе под столом.

Вот как разросся наш «клан» в Норильске. Верхний ряд (слева направо): я, папа, Алеша, нахмуренный почему-то, Зоя Федоровна Шафранова (Бабина), ее сын Валера Шафранов, Андрей Унру, Пасковья Унру (Бабина), Виктор Бабин. Нижний ряд (слева направо): мама Харитина Яковлевна Вережкина, папина сестра Наталья Павловна Бабина (Вережкина), ее муж Федор Емельянович Бабин, Екатерина, жена Виктора Бабина с сыном. На фотографии отсутствует еще одна дочь Бабиных — Надежда. В настоящее время в Норильске живет и работает внук Зои Шафрановой Евгений Валерьевич Шафранов с семьей. Так что родственная связь с Норильском еще полностью не оборвалась

Однажды сын начальника комбината В.С. Зверева Олег пришел к нам домой просить у мамы рекомендацию для вступления в партию. Мама неоднократно с ним беседовала, выясняла его жизненную позицию и, в конце концов, дала ему такую рекомендацию. Я думаю, что этот факт говорит о том, что у Олега Зверева мама пользовалась очень большим авторитетом. Ему мог с радостью дать рекомендацию любой из подчиненных всевластного отца, но Олег выбрал для рекомендации настоящего, по его мнению, коммуниста, хотя в то время наш папа еще был ссылкой, а мама являлась женой врага народа.

Маме писали письма ученики, уехавшие поступать в столичные вузы. Приезжая на каникулы, они обязательно заходили к ней. Особенно часто у нас бывала Эвелина Махновецкая.

Приведу выдержки из письма одной из маминих учениц.

«Я поступила в Московский университет на химический факультет. Набрала 30 очков из тридцати возможных. Откровенно говоря, я очень боялась экзаменов, но теперь они уже позади. Занятия начались 1 сентября. Пока не очень трудно...

<...> Инна не попала в мединститут, так как в сочинении сделала 20 грамматических ошибок. Сейчас она учится в педагогическом институте на французском отделении. Не нравится ей! Мила Ка-

Вот таким вырос наш Алеша в Норильске. На голове у него фуражка, которую прислал из Владивостока

*Зоян муж — офицер
Тихоокеанского флота.
Думал ли тогда Алеша, что
в будущем станет моряком
и побывает во многих морях
и океанах, посетит много
стран, самых экзотических!
Вы бывали на Таити? А он
был, и много раз*

цаурова сдала в мединститут, но не совсем хорошо (с тройками). А вот Клара Ефимова молодец, она химию и физику сдала на 5 (поступила в Тимирязевку). Все наши десятиклассники поступили, а сколько нам, «несчастливым», попадало, сколько нас ругали! Большое Вам спасибо, милая Харитина Яковлевна. Спасибо за все и за всех. Ребята с большой благодарностью вспоминают Вас, именно Вас. Очень прошу, ответьте, пожалуйста, на мое письмо, я всегда с удовольствием Вам буду писать, потому что ценю Вас больше всех учителей. Это не комплимент, а просто слова от чистого сердца. Желаю Вам счастья и здоровья. Не болейте!

Ваша ученица Луиза.
19.09.49 г. Москва»

Летом многие ученики выезжали в пионерский и комсомольский лагеря в Таежное. Там же в доме отдыха «Таежное» порой отдыхали и учителя. Как-то раз и ребята, и учителя возвращались из Таежного в Дудинку на одном теплоходе «Серго Орджоникидзе», на котором в 1947 году мы с мамой плыли к папе в

Мама на теплоходе размещалась в одной каюте с Натальей Ивановой Царевой. Мама с ней всегда была в хороших отношениях

*Группа учителей норильских школ на палубе теплохода.
Присел Б.Д. Сухомлинов. Держит его Н.И. Царева.
Рядом слева стоит мама*

*Эту сосну на крутом берегу Енисея в Таежном
помнят многие норильчане*

Норильск. Я на теплоходе сделал несколько снимков учителей.

В 1954 году я окончил школу № 1 и уехал в Ленинград учиться в институте. Старший брат Борис,

покинув нашу школу на два года раньше меня, уже учился в Новосибирском сельскохозяйственном институте на факультете механизации сельского хозяйства. Мама с папой и Алешей еще год прожили в Норильске. В 1955 году папу реабилитировали, восстановили в воинском звании майора, правда, сразу отправили в отставку с выплатой воинской пенсии. В этом же году родители с Алешей навсегда уехали из Норильска в Приморье. Считалось, что норильчане зарабатывали очень большие деньги. Это не совсем так. Привожу справку бухгалтерии Норильского горно,

Справка

РФСР
МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
Исполнительный комитет
НОРИЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО
Совета депутатов
трудящихся
ОТДЕЛ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
11.11.1957.
№ 217
г. Норильск.

*Дано Вережников Харитон Иванович
для представления в отдел социального
обеспечения в том, что ее заработок для
исчисления пенсии за время ее работы
в Норильском горно с января 1954 по 25 июня 1955
составил:*

Наименов. межд.	1954 год.	1955 год.
Январь	1184-28.	1634-46
Февраль	1192-00.	1934-49
Март	1890-00	812-53
Апрель	1890-00	1919-75
Май	2025-00	1256-47
Июнь	2025-00	1239-00
Июль	1679-00	1465-00
Август	1617-46	1014-00
Сентябрь	1554-00	
Октябрь	934-72	
Ноябрь	837-65	
Декабрь	997-25	
Итого:	17826-36	11385-76

Всего за 20 полных месяцев в сумме 29212¹²
Двадцать девять тысяч девятьсот двадцать рублей
коп 12.

 *Исполнитель Харитон Иванович
Синица Н. Ильенко*

которую выдали маме перед выездом из Норильска. Для сравнения хочу привести такую цифру: моя стипендия в Ленинградском политехническом институте в то время составляла 395 рублей.

Продолжение воспоминаний В.Ф. Веревкина читайте в книге двенадцатой издания «О времени, о Норильске, о себе...».

УТОЧНЕНИЯ

В книге второй издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 481 в воспоминаниях Л.И. Лозовой надо уточнить дату открытия плавательного бассейна — 1959 год.

В книге третьей на с. 360 опубликована коллективная фотография членов исполкома Норильского горсовета. В подписи следует читать: «Сидят (слева направо): заместитель председателя Е. Венгеров, председатель З. Шадрина, В. Деев. Стоят: завгорздравотделом Е.А. Климов, председатель горплана Н.М. Сучкова, еще две фамилии просим подсказать читателей».

В книге шестой на с. 308 имя и отчество начальника управления строительства написаны неправильно, следует читать: Дмитрий Максимович Муравьев.

На с. 624 в предпоследнем абзаце последнее предложение следует читать: Е. Керсновская «навсегда покинула нелюбимый Норильск в 1960 году». Шахта № 13, где работала Е. Керсновская, с 1959 года стала называться «Восточная», а № 15 — «Норильская». Подобные записи отражены в трудовой книжке норильчанина А.Г. Колчака.

Эти уточнения сделаны им.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов П.И.	78
Аватков Евгений Степанович	141, 143
Авсеенко Михаил Иванович	133
Агафонов С.П.	111
Агеев Владимир	420, 424
Аграновский Абрам	52, 395–398, 402
Азаров Александр Лаврентьевич	142
Александров Георгий Федосьевич	331, 332
Александрова Тамара	445
Александрович Андрей Иванович	403, 405
Алексеев Анатолий	341
Алексеев П.Г.	77
Алексеева-Берденникова Людмила Петровна	5, 7, 9
Алкацев Дебола Касполатович	227, 397, 413, 418, 423, 424
Андриенко	258
Аникин	491

Анисимов Леонид Иванович	25
Анисимова Оля	455
Антонов С.А.	94
Аристов Александр Иванович	8
Астахов Ю.	204
Атаманюк Василий	204, 240, 241, 243

Б

Бабин Виктор	604
Бабин Федор Емельянович	604
Бабина (Веревкина) Наталья Павловна	604
Бабина (Унру) Прасковья Федоровна	603, 604
Бабицкий Эммануил Яковлевич	132
Бабошин Вячеслав Сергеевич	372
Бадаев	142, 259
Баев Александр Александрович	13, 27, 41, 46–48, 53, 55, 56, 59–61
Байдин	109
Балановский Леонид Эмильевич	169
Балануци Николай Михайлович	136
Балуева Нина Ивановна	397, 417, 418
Баранов Серафим Петрович	397, 413, 418, 420
Баркунов Л.	225, 232
Бачулене (см. Лемешева)	

Бегалько Э.	445
Беликов В.	204
Белов А.Р.	77
Белокопытский А.В.	509
Бенкалюк Гоша	455
Бердичевская Феня Марковна	597
Бердышев Валентин Борисович	377
Березорущая Екатерина Алексеевна	337
Береснев И.С.	73
Береснева Дора	455
Битадзе Михаил Алексеевич	258, 259
Благих Борис Михайлович	277, 281, 282, 377–380, 382
Близнецов Константин	105
Близнякова Люба	528, 532
Бобров Артем Андреевич	213, 214, 218, 246–249, 256, 257, 263, 264, 272, 274
Богданова Светлана	436, 443, 444, 446, 447
Бондарев Алексей	420, 423
Бондаренко Валентин Иванович	141
Борисёнок Николай Васильевич	211, 226, 231–234
Борисова Маша	505
Ботвинов С.И.	79, 83
Брейтман Неля	528, 532

Бровенко В.А.	214
Броневой Александр Петрович	136, 138
Брусов И.	199
Буденный	16
Будников	278
Бузак Сергей Ануфриевич	238–240
Бузакова-Лукина Алла Михайловна	14, 490–492, 495, 497, 505, 515–517, 528, 529, 532, 534– 536, 537, 539, 547
Бузунова (Лебедева) Лидия Васильевна	529–532, 537
Булмасов Александр Павлович	169
Буров Борис	417

В

Вагунин Валентин	432
Вальтц	96
Василенко Владимир Васильевич	360
Васин Костя	100
Вахабов Нариман Эюбович	278
Вейсманис Карл Андреевич	138
Векслер Марат	415, 420, 424
Величко Таня	600, 601
Веревкин Владимир Федорович	525, 532, 538–540, 544, 545

Веревкина (Кислуха) Харитина Яков- левна	529, 546–548, 550, 553, 554, 600, 604
Веригина Маша	99
Вершинин Борис	327
Вильчек Всеволод Михайлович	420
Власова Светлана	337
Вождаева Инна Ивановна	455, 466
Волков Андрей	334
Волков Георгий Иванович	334
Волох Доня Александровна	485, 590
Воронцов Александр Емельянович	46, 47, 87, 98, 99, 109
Воронцова Елена Александровна	46
Высотина Лиля	532, 534

Г

Гаврилова Рома	485
Галкина	417
Гальперин Борис Львович	403, 408, 409
Гапанович Володя	130, 131
Гармаш Трофим Яковлевич	12, 443
Гарри Алексей Николаевич	83, 395, 396, 398– 400, 405, 408, 424
Гарфункель Владимир Львович	105
Гаршин Петр	224

Герасимов О.Г.	214
Герасин Е.Н.	222
Гирбасов	107
Гиршман И.	397, 417
Гнетулло Сергей Михайлович	529, 530
Годенко Михаил	37
Годлевский Михаил Николаевич	13, 140–142, 161–170, 173–177, 180
Головин Виталий	413, 415, 416
Голубев Владимир Павлович	372, 377
Голубев Игорь	529, 532
Голубенко	278
Голубцова Анна Ивановна	530
Гонтарь И.Л.	94
Гончаров А.И.	334
Горбунов	214
Горковенко А.	204
Горр А.Д.	334
Горский Юрий Иванович	212
Градинаров П.	204
Грамп Д.	462, 556
Григоров Федор Федорович	372, 377
Гринцевич Евгений	420
Грицяк Евгений Степанович	160
Грищенко Ю.В.	375

Гудалов Николай Иванович	438
Гудков Веня	456
Гумилев Лев	401, 403
Гусаковский В.К.	78
Гусарова Люся	586
Густокашин Ю.А.	204
Гуштюк	100, 101

Д

Даниэлус К.П.	224
Деменчук Любовь Аркадьевна	202
Денисенко Евгений Иванович	371, 372, 377
Дергунов П.Т.	341
Дергунова А.С.	341
Дергунова М.П.	333, 337
Дзюра Александр Иванович	420
Дикушников Рудольф	205
Дмитриев Гера	531, 534–536
Довольский Валерий Исаакович	378
Долгих Владимир Иванович	211, 276, 277
Домашенко	204
Дорофеев	590
Дорошин Михаил	37
Драбкина Елизавета Яковлевна	395–397, 400

Дроздов А.	204
Дроздов Борис Платонович	428, 430, 438, 445
Дроздов Владимир Васильевич	275–277
Дроздова Наталья Михайловна	14, 28, 29, 426–428, 432, 433, 445
Дружинина	595
Дрыгайлов Борис	206
Дрычкова Долорес	528, 532
Дрюцкий Вова	455
Дубицкий Борис Петрович	13, 110–112, 159–161, 167, 169, 170, 173–176
Дучман	600
Душин Александр Иванович	540–542
Дьячков Г.	230
Дьячков Л.Г.	204

Е

Егоров Константин Иванович	415
Енин С.И.	87, 109
Ермаков В.	424
Ермилов Василий Михайлович	415
Ерошевич Ю.П.	214
Ершович	600
Ефимова Клара	606

Ж

Жженов Георгий Степанович	36, 462, 486, 506, 507
Журавлев	281

З

Завенягин А.П.	3, 14, 21, 26, 29, 76, 87, 96, 100–105, 108, 178, 359, 365, 400, 424, 527
Зайдель Абрам Ионович	204, 278, 431
Зак Леопольд Давыдович	127, 132
Закопырин А.Н.	379, 380, 382
Закурдаев Александр	337
Залевский Леша	244
Замятина Людмила Петровна	535, 536
Зарапетян Зараб (Коля) Петросович	100
Зверев Владимир Степанович	42, 79, 82, 108, 152, 265, 269, 273–275, 400, 473, 500, 588, 589, 592–595, 605
Зверев Олег	605
Зверева Галя	523, 532
Зенгер Мила	455, 466
Зинюк Ю.Н.	406

Злотников Геннадий	340
Злотникова Тамара	340
Золотов Константин Антонович	415
Зорина Ирина	417
Зуев Александр Никанорович	403–405
Зигурд Людвиг	540

И

Иваницкая Клавдия Захаровна	591
Иванов Л.Я.	423
Иванов М.	397
Иванов Сашка	131
Иванов В.К.	508
Икорникова-Годлевская Нина Юрьевна	14, 161, 163, 165, 180
Ильичев Леонид	43
Илюшенко	103, 104
Илюшина Александра Дмитриевна	536
Иорданский	105
Истомина Галина	417
Итыгин Геннадий Григорьевич	591
Ищенко Юрий Иванович	333, 334

К

Кадушкина Нина	340
Казаков Б.	199
Казаков Петр Фомич	81
Кайдан-Дешкин Сергей Федорович	392, 419
Каландарова	170
Калвинш	258
Калинин Леонид	417, 420
Калюский С.	462
Каманина (Ройтер) Люба	536
Капланян Эмма	532, 534, 540
Караман Ф.Н.	16
Каратаев Геннадий	493, 524, 532, 533, 538, 540
Каратаева Евдокия Павловна	591
Карлова Г.	397, 417
Касабова Галина Ивановна	2, 17, 22, 27, 323, 339
Касаткин Костя	529, 532, 538
Кацаурова Мила	605
Кашеварова Анна Николаевна	586, 597
Каширин Борис Николаевич	371
Квитницкий Владимир Владимирович	226
Керсновская Евфросинья	407, 610

Кившенко А.Д.	243
Кит Савва	420
Кишка Антон	259
Климов Евгений Арсентьевич	22
Климович Г.	160
Кнопмус Юрий Альфредович	262, 263, 265, 266
Кобяшов М.Ф.	369
Коган Исаак Борисович	502
Коган Леня	531, 534–536
Козлов П.И.	204
Козловский В.И.	79, 87, 393
Колесников Борис Иванович	21, 212, 215, 217, 218, 225, 277, 283, 378
Колесников Н.В.	432
Коляда Василий Николаевич	280, 283
Колянинская Елена Викторовна	368
Комаров	600
Комнатный Николай Андреевич	8
Комник	273
Коровин К.А.	76
Коровин Юра	529, 532
Коротких Николай	430, 431
Корунченко С.А.	225
Корюкин Евгений Сергеевич	263, 267

Костромитинов Борис Владимирович	366, 369, 370
Котульский Владимир Климентьевич	169
Кочар Георгий Барсегович	257
Кравец Михаил Степанович	24, 25, 205, 208– 211, 214, 221, 222, 225, 233, 278, 280, 283, 439, 441
Кравец Эльза Владимировна	213, 440
Краснояров Павел	204, 241
Красюков Петр Николаевич	235–238
Кубчак Бася	138
Кугультинов Давид	413–416
Кудряшов Владимир	397, 417
Кузнецова Лариса Семеновна	413–415, 420, 601
Кузьмин С.П.	78
Куличенко Александр Кузьмич	360
Купреева (Андрухова) Екатерина Григорьевна	360
Куреев Магомед Мурсалович	10
Кушпель Сергей Аверкиевич	273

Л

Лавриненко	582
Лапин Ю.Д.	199
Лапинский Павел	455, 466

Лаптев Николай Михайлович	169
Ларин Владимир Николаевич	142, 170
Ларионов	273
Ларионова Валентина Ивановна	340
Ларькин Н.И.	225
Ласманис Арвид Андреевич	137, 144
Латышев Григорий Петрович	271, 273, 281
Лебедев Виктор Николаевич	381
Лебединская (Стриженок) Любовь Лукинична	62
Лебединский Владимир Николаевич	13, 19, 27, 46, 47, 62, 63, 77, 85, 230, 231, 424
Левашов Виктор	443–445, 447
Левин Ю.	169, 528, 529, 532
Левина Алла	600, 601
Ледин Юрий	446
Лемешева-Бачулене Люся	436, 442
Леонов Александр Михайлович	137
Леринман Неля	535, 536
Либерман	600
Лисюк Борис	455, 462, 464–466
Лифшиц	268
Логинова Е.	397
Лой Николай Павлович	243
Локштанов Григорий Петрович	262, 266, 267, 269

Луговая Ольга Максимовна	530
Лукьянов Борис Иванович	268
Луценко А.П.	530, 600, 601
Львов Анатолий Львович	12, 13, 15, 18–22, 27–29, 31, 85, 87, 109, 237, 420, 422, 424
Люри Владимир Владимирович	169

М

Мазманын Микаэль Давыдович	257, 258
Макаров Федор Васильевич	144, 463, 464
Макарьев Иван	401, 403, 404
Мамаев Алексей	413, 416, 418
Мамашев Евгений	201
Мамашева Надежда	204
Мансурова Елена Александровна	535
Марков В.Ф.	225
Марков Юрий Анатольевич	214, 215
Мартынова Валентина Дмитриевна	397, 417, 418
Матвеев В.З.	97–100, 108, 231
Матвеева Людмила	533
Матеосов (Матеосян)	132
Матяев Феликс	528, 532
Маурэр Х.Д.	375

Махновецкая Эвелина	605
Махновецкий И.М.	16
Махоткин Василий Михайлович	180
Мацко Генрих Лукич	360
Машьянов Николай Порфирьевич	212, 277, 280–282
Мезенцев Казбек Тимофеевич	217, 218, 220, 221
Мельников Николай Васильевич	205, 206, 210, 212
Механиков Н.И.	258
Мизюлин Юрий Николаевич	415
Миклошевский Сергей Павлович	137, 140
Микульский Евгений	225, 232
Минакова Эмма Александровна	397, 417
Миненко Лидия Владимировна	258, 259
Миноранская Валентина Ивановна	192
Миронов Сергей	209
Миронова М.	204
Михайлина Александра Исаевна	9, 11
Михельман М.Д.	16
Миценгендлер Моисей Соломонович	338
Могалюк М.М.	225
Молчанова Надя	455
Моор Г.Г.	168
Морозов	106
Москаленко Константин Иванович	142
Мосолов Геннадий	201

Муравьев Дмитрий Максимович	204, 278, 610
Мухина Евдокия Ивановна	529, 530, 537
Мюнценмайер Г.В.	432
Мясищева Д.	600

Н

Нагорный Евгений	131
Назарова Инна	436, 443–447
Назарова Лариса Григорьевна	526
Найпак Ольга	337
Ненштиль Адам	417
Непокойчицкий Витольд Станиславович	71, 258, 259
Никаноров Константин	36
Никитин Слава (Мстислав)	137
Николаев	491
Николаев Б.Ф.	204
Никонова Аня	100
Новокрещенов Борис	278

О

Овчинников Владимир Александрович	138
Овчинский Моисей Соломонович	125, 132
Опаленко	107
Остриков	136

П

Павлов Аполлон Иванович	360
Павлов Василий Васильевич	360
Палямар Ф.Н.	433
Панина Юлия Владимировна	109
Панюков А.А.	53, 77, 79, 83, 87, 105, 109, 152, 153, 400, 473
Пахомов А.В.	94
Певзнер Марк	413, 415
Перфилов Иван Макарович	13, 19, 27, 86, 87, 93, 101, 103, 107–109
Перфильева Галя	402
Першина Эля	532, 540
Печаткин	268
Пирогов Вова	455, 462
Платонов	212
Племянников Иван	420
Повиланскис	138
Пода Леонид Артемович	271
Пода Неля	535, 536
Подольский Борис	532
Полежаев	106
Полищук Владимир Иванович	334

Полюшкин Александр Александрович	360
Пономаренко Владимир Иванович	362
Попов Володя	337
Попов Олег	532, 538
Попов Сергей Алексеевич	131, 136, 143
Попова Татьяна	204
Поппель Николай Викторович	214, 215, 279
Почекутов Ефим Николаевич	586
Пронников В.В.	378
Проскурина Мария Михайловна	455, 466
Прядченко Владимир Алексеевич	372

Р

Рабинович Лев Александрович	140, 169, 262
Рагулин Валентин	131
Радина Люда	337
Раздольская Антонина Петровна	202, 222
Ракитин	213
Ракчеева Надежда	200
Ратнер М.	397
Рафиков Суббух	420, 422
Ремейко Олег Александрович	535–537
Ремизова Э.	417
Роговер Григорий Борисович	169

Родионов Виктор Владимирович	<i>455, 456, 459, 466, 467, 487– 489</i>
Родионов Владимир Евстафьевич	<i>52, 456, 475</i>
Рожновский	<i>268</i>
Розенблюм Захар Ильич	<i>53, 413</i>
Рознатовский Николай Николаевич	<i>271</i>
Ройтер Володя	<i>531, 535, 536</i>
Ройтер Леонид Андреевич	<i>267, 270</i>
Романенко Надя	<i>455</i>
Романов Леонид	<i>337</i>
Руденко Борис	<i>417</i>
Рудминский Лев Исаевич	<i>270</i>
Руненко Александр Михайлович	<i>216, 217</i>
Рывчин Владимир	<i>420, 424</i>
Рябчиков Евгений	<i>397, 401, 402</i>

С

Савва Лев Александрович	<i>168</i>
Савченко Алла	<i>528, 529, 532</i>
Савчук Иван Александрович	<i>275, 444</i>
Сагалаев Дмитрий	<i>415, 424</i>
Садовеня Дмитрий Алексеевич	<i>138</i>
Салманов	<i>210</i>
Сальников Юрий	<i>401–403</i>
Самков Александр Сергеевич	<i>360, 375</i>

Самосюк В.К.	369
Самусенко Николай Николаевич	360
Сапрыкин	96
Сапунов	594
Сафронец Иосиф Феофанович	359, 365, 366, 368
Сафронец-Ольховская Гретта	365, 466
Секута Георг	189
Секей Геза Иосифович	132, 133
Селегенов Марат	413, 415
Селиванов	204
Семенов А.И.	233
Сидоров Михаил Константинович	424
Сировский Эльмарк	420, 423
Скалигерова Люда	505, 532, 534, 540
Сливинская Тамара Ивановна	392
Слободский А.Б.	204
Смекалин Александр	415, 416, 423, 424
Смирнов Валерий	199
Смолов Ю.М.	382
Смолова Раиса Петровна	249
Снегов (см. Штейн)	
Сновский Александр	304, 305
Соколов	103
Сошников Борис Павлович	372
Станкевичус	262

Старостин Андрей Петрович	39, 139
Старцев Григорий Иванович	200, 203, 204, 228, 231
Старшинов Федор Аркадьевич	169
Стеблянко Н.	529
Стеблянко Юра	455, 462
Стецкий Слава	337
Стрючков Станислав	14, 284–286, 322
Сурпина С.	432
Сухомлинов Б.Д.	466, 530, 535–537, 598, 600, 601, 607
Сухоруков Николай Николаевич	41

Т

Тарановских	268
Тарасишин А.И.	214, 281
Тарасов	261
Терпегосов Володя	73
Тимофеев (майор)	255–257
Тимофеев Юра	532, 601
Тимофеева Полина Андриановна	591
Топоровская Майя	204
Торнавский	269
Трапезников Петр Иванович	370
Трошев Ж.	424

Труфанова Ирина Ивановна	415
Трушинш	258
Трушкин Ю.А.	334, 434
Туманишвили Зоя Ивановна	22, 595
Туманишвили Магда	525, 532, 538, 540
Туранова Вера Львовна	586, 591, 592, 596
Турова Вера Карповна	413, 416
Турукин Г.Ф.	200, 204
Тхабесимов	142

У

Унру Андрей (Абрам) Петрович	603, 604
Урванцев Николай Николаевич	21, 179, 180, 231, 368, 423, 434, 455
Усевич Мира	532, 534, 540
Уткин В.Р.	211

Ф

Файзуллин Искандер Газизович	39
Фаюткина А.А.	485, 530
Фаюткина Тома	529, 532
Федишина Лариса Михайловна	283
Федоровский Николай Михайлович	169, 178, 423
Федотова Августа Александровна	500, 529, 530, 537–539

Фигуровский Константин Владими- рович	474, 484
Филатов Анатолий Васильевич	337
Филиппов Вениамин	422, 424
Филиппова Н.	432
Фисуненко	276
Фишман Александр Григорьевич	397, 415, 417
Фомин Петр Степанович	411
Формозов Н.А.	181
Францман	258
Фролкин	491
Фролов Владимир Алексеевич	390–394, 403
Фрумкин А.А.	73

Х

Ханжин В.Н.	444
Ходюня Николай Афанасьевич	509
Христенко Николай	136
Хромченко	103

Ц

Цалькович Исай Маркович	96
Царева Наталья Ивановна	330, 331, 606, 607
Цукерман	600

Ч

Чаликов	208
Чанчиков Валерий Александрович	14, 15, 30, 39, 324–326, 336, 337, 340, 341
Чембулов Александр Михайлович	260
Червакова Ирина	444
Черепанов Николай Васильевич	282, 359
Черепанова Евдокия Александровна	504
Чернышев Валентин	208–210, 212
Чин-Мо-Цай Владимир Иванович	334
Чохели Григорий	135, 136
Чудин П.	204
Чупилкин Дмитрий Иванович	578
Чупретов Геннадий Михайлович	199, 278
Чупров Александр Николаевич	369, 370

Ш

Шавский	51
Шагиахмедов Михаил Султанович	509
Шадрина Ольга Яковлевна	529, 530, 590, 600, 601
Шадхан Игорь	443, 444, 446, 447

Шакиров Ренат	333
Шамис Иосиф Адольфович	404–409
Шаповал Петр Антонович	140, 141
Шапоренко Иван Иванович	200, 204, 227–231, 241, 243, 244
Шаройко Александр Емельянович	99, 100
Шафранов Валера	604
Шафранов Евгений Валерьевич	604
Шафранова (Бабина) Зоя Федоровна	604
Шафранский Борис Терентьевич	127, 128, 132
Шведов Михаил Николаевич	220
Шевелев Анатолий Иванович	391–394, 403
Шевцов Геннадий	204
Шевченко Александр	205, 212
Шендерович	600
Шестаков Василий Михайлович	15
Шибалов	204
Шибанов Олег Юрьевич	370, 371
Шишлаков Владимир	333
Шмидт Роман Карлович	382
Шмулевич М.	397
Шокоров	220
Шрукенгуз Давид Наумович	590
Штейн (Снегов) Сергей	409–413, 424, 591
Штейнман Зелик	403–405, 424

Штыбер А.	204
Шумский Генрих Иванович	268

Щ

Щеглов-Норильский Сергей Львович	14, 384–386, 390, 397, 401, 408, 415, 416, 424
----------------------------------	--

Э

Эпштейн Ирохим Яковлевич	96, 267
Этин	135, 136, 138

Ю

Юрченко Инна	535, 536
--------------	----------

Я

Яковлев Б.	447, 448
Якушин Петя	99
Яровой Владимир Петрович	140, 169, 170
Ярцев Костя	100
Яхонтов Алексей Дмитриевич	393

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Анатолий Львов</i> : «Судьбы Буре, Баева, Лебединского, Перфилова — это одна миллионная доля норильской истории».....	18
<i>Борис Дубицкий</i> : «Я знаю, что на моем следственном деле, хранящемся в архивах КГБ, имеется надпись «Хранить вечно»	110
<i>Нина Икорникова-Годлевская</i> : «...прибежал бригадир, привел в свою сторожку... показал записку с костями и черепом. В записке под страхом смерти приказывалось оградить Годлевского от работы на Каларгоне»	161
<i>Борис Дубицкий</i> : «...моим светочем был человек большого ума и души — Михаил Николаевич Годлевский»	174
<i>Анатолий Колчак</i> : «В родословной моей семьи отразилась история Российской империи и Советского Союза»	182
<i>Артём Бобров</i> : «...и мягко так посылает пришельца из органов матом — не понимаешь в нашем деле ничего, так помолчи»	246
<i>Станислав Стрючков</i> : «...если предположить, что заключенных закапывали на месте их гибели, то получается, что дорога по всей длине построена на костях»	284
<i>Валерий Чанчиков</i> : «Ничто плохое не прилипло к нам, потому что вокруг были хорошие люди, в их числе политзэки и ссыльные»	324
<i>Николай Андрухов</i> : «Тогда у нас не работа была, а сплошное преодоление трудностей»	344

Сергей Щеглов-Норильский: «Первые норильские писатели прошли здесь лагеря, потом были ссыльными...»	384
Наталья Дроздова: «Несмотря ни на что, норильские годы — лучшие в нашей жизни»	426
Николай Колесник: «Живя в городе-лагере, о репрессиях и его узниках я узнал много лет спустя...».....	450
Алла Бузакова-Лукина: «Сам город — это памятник тем, кто начал строить его в муках, кто остался навечно в мерзлоте»	490
Владимир Веревкин: «Норильская сага о моей семье».....	544
Уточнения	610
Именной указатель	611

Литературно-художественное издание

О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...

Редактор-составитель

Г.И. Касабова

Корректоры

А.Д. Чайка

П.М. Смирнов

Компьютерная верстка

О.Г. Егин

Н.А. Свиридова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «ПолиМЕдиа»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 18, стр. 1

Наш электронный адрес:

e-mail: polymedia@list.ru

Подписано в печать 26.05.2010. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 20,0 печ. л.

Заказ № .

Тираж 1000 экз.

При участии ООО «ЭМПРЕЗА»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14